Два руб. 50 к. Переплет 30 к.

БИБЛИОТЕКА
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

И. И. РУБИН

ОЧЕРКИ ПО ТЕОРИИ СТОИМОСТИ МАРКСА

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1929

БИБЛИОТЕКА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

И. И. РУБИН

ОЧЕРКИ ПО ТЕОРИИ СТОИМОСТИ МАРКСА

С НОВЫМ ДОПОЛНЕНИЕМ К СТАТЬЕ
«ОТВЕТ КРИТИКАМ»

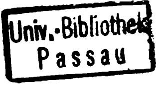
ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

(23 - 32 тысяча)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в типографии Госиздата
„КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ". Москва,
Краснопролетарская ул., д. 16,
в количестве 7 000 экз.
Главлит № А—37739
Гиз С—10 № 30430
Зак. № 8507
23½ л.
☆

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ.

В настоящем издании статья «Ответ критикам» дополнена ответом С. Бессонову. В остальном текст оставлен без изменения.

И. Рубин.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ.

Настоящее издание значительно исправлено и дополнено по сравнению со вторым. В связи с оживленной полемикой, завязавшейся вокруг некоторых выставленных нами положений, в особенности об абстрактном труде, мы сочли нужным дать в виде приложения к настоящей книге статью «Ответ критикам». В тексте книги коренным образом переработана глава о содержании и форме стоимости, и значительные дополнения внесены в главу об абстрактном труде (в особенности по вопросам о физиологическом труде, об абстрактном труде и обмене, о количественной определенности абстрактного труда). Соответствующие исправления внесены в одиннадцатую главу и восьмую главу, содержащую общий обзор марксовой теории стоимости. В конце этой главы нами дана общая схема, вскрывающая внутреннюю связь дальнейших глав и облегчающая читателю ориентирование в построении книги. В отделе о товарном фетишизме глава третья дополнена анализом так называемой «персонификации вещей». В конце четырнадцатой главы нами опущен анализ понятия рабочей силы, так как вопрос этот, выходящий за рамки теории стоимости в узком смысле слова, требует более подробного обсуждения. Наконец, сделанное нами на стр. 208 второго издания «Очерков» замечание о возможности образования стоимости трудом, занятым в сфере обращения, признано нами неправильным и потому опущено. Менее значительные изменения внесены в остальные главы, главным образом в сторону исправления формулировок, казавшихся нам недостаточно ясными или точными; в частности устранены

формулировки, которые давали нашим критикам повод приписывать нам мысли, ни в малейшей мере нами не разделявшиеся, напр., о примате обмена над производством, о перенесении абстрактного труда в фазу обмена и т. п.

При выходе в свет первых двух изданий настоящей работы значительное содействие оказали мне Д. Б. Рязанов и Ш. М. Дволайцкий, которым приношу свою искреннюю признательность.

И. Рубин.

ВВЕДЕНИЕ.

Экономическая теория Маркса находится в тесном идейном родстве с его теорией социологической—с теорией исторического материализма. Гильфердинг в свое время отметил, что теория исторического материализма и теория трудовой стоимости имеют общий исходный пункт, а именно труд как основной элемент человеческого общества, элемент, развитие которого определяет в конечном счете все развитие общества[1]).

Трудовая деятельность людей находится в процессе постоянного изменения, то более быстрого, то более медленного, и в различные исторические эпохи носит различный характер. Процесс изменения и развития трудовой деятельности людей включает в себя изменения двоякого рода: во-первых, изменяются средства производства и технические приемы, при помощи которых человек воздействует на природу, иначе говоря, изменяется состояние производительных сил общества; во-вторых, в соответствии с этим изменением производительных сил изменяется и совокупность производственных отношений между людьми, участниками общественного процесса производства. Различные экономические формации или типы хозяйства (например, античное рабское, феодальное, капиталистическое хозяйство) отличаются различным характером производственных отношений людей. Теоретическая политическая экономия изучает определенную экономическую формацию общества, а именно товарно-капиталистическое хозяйство.

Капиталистическое хозяйство представляет собою единство материально-технического процесса производства и его общественной формы, т. е. совокупности производственных отношений людей. Определенные действия людей в материально-техническом процессе производства предполагают определенные производственные отношения между ними, и обратно. Конечная цель науки заключается в том, чтобы понять капиталистическое хозяйство как единство или известную систему производительных сил и производственных отношений людей. Но чтобы притти к этой конечной цели, наука должна предварительно при помощи абстракции выделить в едином капиталистическом хозяйстве две различных его стороны: техническую и социально-экономическую, материально-технический процесс производства и его обще-

---

1) Гильфердинг, Бем-Баверк как критик Маркса, 1923 г., стр. 16.

ственную форму, материальные производительные силы и общественные производственные отношения людей. Каждая из этих двух сторон единого процесса хозяйства делается предметом особой науки. Наука об общественной технике—находящаяся еще в зародышевом состоянии—должна сделать предметом своего изучения производительные силы общества в их взаимодействии с производственными отношениями людей. С другой стороны, теоретическая политическая экономия имеет предметом своего изучения свойственные капиталистическому хозяйству производственные отношения людей в их взаимодействии с производительными силами общества. Каждая из указанных двух наук, имея предметом своего изучения одну сторону единого процесса производства, предполагает наличие другой его стороны в качестве предпосылки своего исследования. Иначе говоря, хотя политическая экономия изучает производственные отношения людей, но она всегда предполагает неразрывную связь их с материально-техническим процессом производства и имеет предпосылкой своего исследования определенное состояние и процесс развития материальных производительных сил.

Как теория исторического материализма, так и экономическая теория Маркса вращаются вокруг одного и того же основного вопроса об отношении между производительными силами и производственными отношениями людей. Предмет изучения у них обоих один и тот же: изменения производственных отношений людей в зависимости от развития производительных сил. Приспособление производственных отношений людей к развитию производительных сил—процесс, протекающий в форме постепенно нарастающих между ними противоречий и вызываемых ими социальных катаклизмов,—составляет основную тему теории исторического материализма [1]). Применяя тот же общий методологический подход к товарно-капиталистическому обществу, получаем экономическую теорию Маркса. Она изучает производственные отношения людей в капиталистическом обществе, процесс их изменения в зависимости от изменения производительных сил и нарастание противоречий между ними, выражающееся, между прочим, в кризисах.

Политическая экономия изучает не материально-техническую сторону капиталистического процесса производства, а его социальную форму, т. е. совокупность производственных отношений людей, образующую «экономическую структуру» капитализма. Техника производства или производительные силы входят в область исследования экономической теории Маркса только как предпосылка, как исходный пункт, который привлекается постольку, поскольку он необходим для объяснения подлинного предмета нашего изучения, а именно производственных отношений людей. Последовательно проведенное Марксом различие между материально-техническим процессом производства и его общественною формою дает нам в руки ключ для понимания всей

---

[1]) Мы оставляем здесь в стороне теорию исторического материализма в той части ее, которая занимается изучением законов развития идеологии.

его экономической системы. Оно сразу определяет метод политической экономии, как науки социальной и исторической. В пестром, многообразном хаосе хозяйственной жизни, представляющей «сочетание общественных связей и технических приемов» (К., I, с. 496) [1]), оно сразу направляет наше внимание именно на «общественные связи» людей в процессе производства, на их производственные отношения, для которых техника производства служит предпосылкою или основою. Политическая экономия есть наука не об отношениях вещей к вещам, как думали вульгарные экономисты, и не об отношениях людей к вещам, как утверждает теория предельной полезности, но об отношениях людей к людям в процессе производства.

Политическая экономия, изучающая производственные отношения людей в товарно-капиталистическом обществе, заранее предполагает определенную социальную форму хозяйства, определенную экономическую формацию общества. Ни одно положение «Капитала» Маркса не будет понято нами правильно, если мы упустим из виду, что речь идет о явлениях, происходящих в определенном обществе. «Как и при всякой исторической социальной науке, по отношению к экономическим категориям нужно постоянно иметь в виду, что как в действительности, так и в голове здесь дан субъект,—в нашем случае современное буржуазное общество, и что поэтому категории выражают формы бытия, условия существования, часто только отдельные стороны этого определенного общества, этого субъекта». «При теоретическом методе политической экономии субъект, т. е. общество, должно постоянно витать в нашем представлении как предпосылка» [2]). Исходя из определенной социологической предпосылки, а именно из определенной социальной структуры хозяйства, политическая экономия должна прежде всего дать нам характеристику этой социальной формы хозяйства и свойственных ей производственных отношений людей. Маркс дает нам такую общую характеристику в своей «теории товарного фетишизма», которую правильнее было бы назвать общею теорией производственных отношений товарно-капиталистического хозяйства.

---

[1]) Буква К. обозначает «Капитал», цитируемый нами по переводу В. Базарова и И. Степанова. I и III томы цитируются нами по изданию 1928 года, II том по изданию 1927 года.

[2]) Маркс, Введение к критике политической экономии. Сборник «Основные проблемы политической экономии», под редакцией Ш. Двола йцкого и И. Рубина, 1922 г., стр. 31 и 26.

I. ТЕОРИЯ ТОВАРНОГО ФЕТИШИЗМА МАРКСА.

Теория товарного фетишизма Маркса не заняла до сих пор того места, которое должно принадлежать ей в экономической системе марксизма. Правда, и марксисты и противники Маркса расточают ей похвалы, признавая ее одним из самых смелых и гениальных обобщений Маркса. Многие противники марксовой теории стоимости высоко ценят теорию фетишизма (Туган-Барановский, Франк, с оговорками даже Струве) [1]. Некоторые писатели, не соглашаясь с теорией фетишизма с точки зрения политической экономии, видят в ней блестящее обобщение социологического характера, теорию и критику всей современной культуры, основанной на овеществлении человеческих отношений (Hammacher). Но и сторонники и противники марксизма обсуждают теорию фетишизма большею частью как самостоятельное и обособленное целое, внутренне мало связанное с экономической теорией Маркса. Ее излагают как дополнение к теории стоимости, как интересный литературно-критический экскурс, параллельный основному тексту Маркса. Повод к такому пониманию подал сам Маркс внешним расположением первой главы «Капитала», где теории фетишизма отведен последний раздел [2]. Это внешнее расположение не соответствует, однако, внутреннему порядку и связи идей Маркса. Теория фетишизма представляет собой основу всей экономической системы Маркса и в частности его теории стоимости.

В чем состоит, по общепринятому мнению, теория фетишизма Маркса? В том, что Маркс увидел под отношениями вещей отношения людей, в том, что он вскрыл иллюзию человеческого сознания, порождаемую товарным хозяйством и приписывающую вещам свойства, которые вытекают в действительности из общественных отношений людей в процессе производства. «Не имея возможности постигнуть, что в обмене выражается трудовая совместность людей в борьбе с природой, т. е. общественное отношение людей, товарный фетишизм считает способность товаров к обмену внутренним, природным свойством самих това-

---

1) Исключение представляет Рыкачев, который пишет: «Учение Маркса о товарном фетишизме сводится к нескольким поверхностным, мало содержательным и по существу неверным аналогиям. Не к сильнейшим, а, скорее, к слабейшим местам в системе Маркса относится это пресловутое раскрытие тайны товарного фетишизма, которое по какому-то недоразумению сохранило ореол глубокомыслия даже в глазах таких умеренных почитателей Маркса, как М. Туган-Барановский и С. Франк» (Рыкачев, Деньги и денежная власть, 1910 г., стр. 156).

2) В первом издании «Капитала» вся первая глава, включая и теорию товарного фетишизма, представляла один раздел, под общим заглавием «Товар» (Kapital, I, 1867, S. 1—44).

ров. Таким образом то, что в действительности представляют из себя отношения людей, кажется ему отношениями вещей» [1]. «Природной сущности товаров приписываются теперь свойства, которые кажутся мистическими до тех пор, пока они не объяснены из отношений производителей между собою. Как фетишист приписывает своему фетишу свойства, не вытекающие из его природы, так и буржуазным экономистам товар представляется чувственною вещью, обладающей сверхчувственными свойствами» [2]. Теория фетишизма вскрывает иллюзию человеческого ума, грандиозное заблуждение, вызванное видимостью явлений товарного хозяйства и принимающее эту видимость, движение вещей, товаров и их цен на рынке за сущность экономических явлений. Изложенною, общепринятою в марксистской литературе формулировкою, однако, далеко не исчерпывается богатое содержание теории фетишизма, развитой Марксом. Маркс показал не только то, что под отношениями вещей скрываются производственные отношения людей, но что, обратно, в товарном хозяйстве общественные производственные отношения людей неизбежно принимают вещную форму и не могут проявляться иначе, как через посредство вещей. Структура товарного хозяйства приводит к тому, что вещи играют особую, крайне важную общественную роль и приобретают особые общественные свойства. Маркс вскрывает объективные экономические основы господствующего товарного фетишизма. Из иллюзии и заблуждения человеческого ума вещные экономические категории превращаются в «объективные формы мысли» для производственных отношений данного, исторически определенного способа производства,—товарного производства (К., I, с. 34).

Теория товарного фетишизма превращается в общую теорию производственных отношений товарного хозяйства, в пропедевтику политической экономии.

---

1) Богданов А., Краткий курс эконом. науки, 1920, стр. 105.
2) Каутский К., Экономическое учение Маркса, русск. изд., 1918, стр. 9.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОБЪЕКТИВНАЯ ОСНОВА ТОВАРНОГО ФЕТИШИЗМА.

Отличительная особенность товарного хозяйства состоит в том, что руководителями и организаторами производства являются самостоятельные, друг от друга независимые товаропроизводители (мелкие хозяева или крупные предприниматели). Каждое отдельное частное хозяйство автономно, т. е. собственник его самостоятельно, и считаясь только с своими интересами, решает, какие продукты и в каком количестве он будет производить. Он владеет на праве частной собственности необходимыми орудиями производства и сырым материалом и как полноправный собственник распоряжается продуктами своего хозяйства. Производство направляется непосредственно отдельными товаропроизводителями, а не обществом. Общество не регулирует непосредственно трудовой деятельности своих членов, не предписывает им, что и в каком количестве производить.

Но, с другой стороны, каждый товаропроизводитель производит товары, т. е. продукты, не для собственного потребления, а для рынка, для общества. Общественное разделение труда соединяет всех товаропроизводителей в единую систему, называемую народным хозяйством, в некий «производственный организм», части которого взаимно связаны и обусловлены. Чем же создается эта связь? Обменом, рынком, на котором товары каждого отдельного товаропроизводителя выступают в обезличенном виде, как отдельные экземпляры данного рода товаров, независимо от того, кто, где и при каких индивидуальных условиях их произвел. На рынке обращаются и расцениваются товары, продукты труда отдельных товаропроизводителей. Благодаря приравниванию и обмену товаров осуществляется реальная связь и взаимодействие между отдельными, казалось бы, независимыми и автономными хозяйствами. Общество регулирует на рынке продукты труда, товары, вещи и тем самым косвенно регулирует трудовую деятельность людей, ибо движение товаров на рынке, повышение и понижение их цен имеют своим последствием перемену в направлении трудовой деятельности отдельных товаропроизводителей, прилив их к определенным отраслям производства или отлив от них, перераспределение производительных сил общества.

На рынке товаропроизводители выступают не как лица, занимающие определенное место в производственном процессе, а как собствен-

ники и владельцы вещей, товаров. Каждый товаропроизводитель влияет на рынок лишь в той мере, в какой он бросает туда или получает оттуда товары, и лишь в этой же мере испытывает воздействие и давление рынка. Взаимодействие и взаимовлияние трудовой деятельности отдельных товаропроизводителей происходит исключительно через вещи, продукты их труда, поступающие на рынок. Расширение запашек в далекой Аргентине или Канаде может вызвать соответственное уменьшение сельскохозяйственного производства в Европе только одним путем: понижением на рынке цен на сельскохозяйственные продукты. Тем же путем расширение крупного машинного производства разоряет кустаря, делает для него невозможным продолжение прежнего производства и гонит его из деревни в город, на фабрику.

Атомистическое строение товарного общества, отсутствие непосредственно общественного регулирования трудовой деятельности членов общества приводит к тому, что связь между отдельными автономными частными хозяйствами осуществляется и поддерживается через посредство товаров, вещей, продуктов труда. «Отдельные частные работы фактически реализуются как звенья совокупного общественного труда лишь через те отношения, которые обмен устанавливает между продуктами труда, а при их посредстве и между самими производителями» (Kapital, I, 1921, S. 39; русский пер., стр. 32).

Благодаря тому, что отдельные товаропроизводители, выполняющие часть совокупного общественного труда, работают самостоятельно и независимо друг от друга, «связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда» (Маркс в письме к Кугельману). Это не значит, что данный товаропроизводитель *А* связан производственными отношениями только с данными товаропроизводителями *Б*, *В* и *Г*, вступившими с ним в договор купли-продажи, и не связан ни с кем из других членов общества. Вступая в непосредственные производственные отношения со своими покупателями *Б*, *В* и *Г*, наш товаропроизводитель *А* оказывается связанным густой сетью косвенных производственных отношений с бесчисленным множеством других лиц (напр., всех лиц, покупающих тот же продукт; всех лиц, производящих тот же продукт; всех лиц, у которых производители данного продукта покупают средства производства и т. д.), в конечном счете со всеми членами общества. Эта густая сеть производственных отношений не порывается в тот момент, когда товаропроизводитель *А* закончил акт обмена с своими покупателями и вернулся в свою мастерскую, к процессу непосредственно производства. Наш товаропроизводитель производит продукты для продажи, на рынок, и потому уже в процессе непосредственного производства вынужден считаться с предполагаемыми условиями рынка, то-есть вынужден принимать во внимание трудовую деятельность других членов общества, поскольку она оказывает влияние на движение товарных цен на рынке.

Таким образом в структуре товарного хозяйства мы находим следующие основные черты: 1) отдельные клеточки народного хозяйства, т. е. отдельные частные предприятия, формально независимы

друг от друга; 2) они материально связаны друг с другом вследствие общественного разделения труда; 3) непосредственная связь между отдельными товаропроизводителями устанавливается в обмене, но косвенно оказывает влияние и на их производительную деятельность. В своем предприятии каждый товаропроизводитель формально волен по своему произволу производить какой угодно продукт и при помощи каких угодно средств производства. Но когда он выносит готовый продукт своего труда на рынок, для обмена, он не волен устанавливать пропорции обмена, а вынужден подчиняться условиям (конъюнктуре) рынка, общим для всех производителей данного продукта. Поэтому он уже в процессе непосредственного производства вынужден заранее приспособлять свою трудовую деятельность к предполагаемым условиям рынка. Зависимость производителя от рынка означает зависимость его производительной деятельности от производительной деятельности всех других членов общества. Если суконщики выбросили на рынок слишком много сукна, то суконщик Иванов, который не расширял своего производства, тем не менее также страдает от понижения цен на сукно и вынужден сократить производство. Если другие суконщики ввели усовершенствованные средства производства (напр. машины), удешевляющие стоимость сукна, то и наш суконщик вынужден улучшить технику производства. И в направлении, и в размерах, и в способах своего производства отдельный товаропроизводитель, формально независимый от других, на самом деле тесно связан с ними через рынок, через обмен. Обмен вещей воздействует на трудовую деятельность людей, производство и обмен представляют собою неразрывно связанные, хотя и отдельные, моменты воспроизводства. «Процесс капиталистического производства, рассматриваемый в целом, представляет единство процесса производства и обращения» (К., III, с. 1). Обмен входит в самый процесс воспроизводства или трудовой деятельности людей, и только с этой стороны обмен, меновые пропорции, стоимость товаров составляют предмет нашего изучения. Обмен интересует нас главным образом не как отдельная фаза процесса воспроизводства, перемежающаяся с фазою непосредственного производства, а как социальная форма процесса воспроизводства, накладывающая определенную печать и на фазу непосредственного производства (см. ниже, главу 14).

Эта роль обмена, как необходимого момента процесса воспроизводства, означает, что трудовая деятельность одного члена общества может воздействовать на трудовую деятельность другого только через посредство вещи. В товарном обществе «независимость лиц друг от друга дополняется системой всесторонней вещной зависимости» (К., I, с. 60). Общественные производственные отношения людей неизбежно принимают вещную форму и—поскольку мы говорим об отношениях между отдельными товаропроизводителями, а не об отношениях внутри отдельного частного хозяйства—только в такой форме они и существуют и реализуются.

В товарном обществе вещь есть не только «таинственный общественный иероглиф» (К., I, с. 33), не только «оболочка», под которою

скрыто общественное производственное отношение людей. Вещь—посредник общественных отношений, и движение вещей неразрывно связано с установлением и реализацией производственных отношений людей. Движение цен вещей на рынке—не только отражение производственных отношений людей, а единственная возможная в товарном обществе форма их проявления. Вещь приобретает в товарном хозяйстве особые общественные свойства (напр. свойство стоимости, денег, капитала и т. п.), благодаря которым она не только скрывает производственное отношение людей, но и организует его, служит посредствующим звеном между людьми. Точнее, она скрывает производственное отношение людей именно потому, что последнее осуществляется только в вещной форме. «Люди сопоставляют друг с другом продукты своего труда как стоимости не потому, что эти вещи являются для них лишь вещественными оболочками однородного человеческого труда. Наоборот, приравнивая друг другу в обмене разнородные продукты как стоимости, они тем самым приравнивают друг другу свои различные работы как человеческий труд вообще. Они не сознают этого, но они это делают» (К., I, с. 33). Обмен и приравнение вещей на рынке реализуют общественную связь товаропроизводителей и единство трудовой деятельности общества.

Считаем нужным напомнить, что под «вещами» мы, в согласии с Марксом, понимаем здесь только продукты труда. Это ограничение понятия «вещь» не только допустимо, но и необходимо, так как движение вещей на рынке изучается нами в его связи с процессом трудовой деятельности людей. Нас интересуют те вещи, рыночное регулирование которых косвенно регулирует определенным образом трудовую деятельность товаропроизводителей. А такими вещами являются продуты труда (о цене земли см. ниже, главу 5).

Движение вещей—поскольку они приобретают особые общественные свойства стоимости, денег и т. п.—не только выражает производственное отношение людей, но и создает его [1]. «В движении средства обращения не только выражается связь между продавцами и покупателями; самая эта связь возникает лишь в денежном обращении и вместе с ним» (К., I, с. 85). Правда, роли денег как средства обращения Маркс противопоставляет функционирование их в качестве платежного средства, которое «выражает собою известную общественную связь, уже раньше существовавшую в готовом виде» (там же). Но очевидно, что, хотя уплата денег происходит в этом случае после акта купли-продажи, т. е. после установления «общественной связи» между продавцом и покупателем, приравнивание товара и денег происходило в самый момент этого акта и создавало указанную «общественную связь». «Деньги функционируют как идеальное покупательное средство. Хотя они существуют лишь в виде денежного обязатель-

---

[1] Каким образом эти общественные свойства вещей, являющиеся выражением производственных отношений людей, вместе с тем содействуют установлению производственных отношений между определенными лицами, — будет объяснено ниже, в главе 3.

ства покупателя, они осуществляют переход товара из рук в руки» (К., I, с. 84).

Деньги, следовательно, не только «символ», «знак» общественных производственных отношений, которые за ними скрыты. Раскрыв наивность монетарной системы, которая приписывала особенности денег их вещным естественным свойствам, Маркс вместе с тем отвергает и противоположный взгляд на деньги, как на «знак» общественных связей, существующих помимо них (К., I, с. 46—47). По мнению Маркса, одинаково неправилен и взгляд, приписывающий общественные свойства вещи, как таковой, и взгляд, который видит в вещах только «символ», «знак» общественных производственных отношений. Вещь приобретает свойство стоимости, денег, капитала и т. п. не в силу своих естественных качеств, а благодаря тем общественным производственным отношениям, с которыми она связана в товарном хозяйстве. Но в последнем общественные производственные отношения не только «символизируются» вещами, но и осуществляются через посредство вещей.

Деньги, как мы видели, не суть только «знаки». Но в некоторых случаях, а именно в товарном метаморфозе Т-Д-Т, деньги представляют только «мимолетное объективированное отражение товарных цен» (К., I, с. 77). Переход их из рук в руки представляет только средство для перехода товаров. В этом случае «функциональное существование денег поглощает, так сказать, их материальное существование» (К., I, с. 77), и они могут быть замещены простыми знаками, бумажными деньгами. Но, будучи даже «внешне» обособлены от металлической субстанции, бумажные деньги все же представляют «овеществление» производственных отношений между людьми [1]).

В товарном хозяйстве вещи, продукты труда, имеют двойное бытие: материальное (естественно-техническое) и функциональное (общественное). Чем же объясняется тесная связь между этими двумя сторонами, выражающаяся в том, что «общественные определения труда» получают «вещественные черты», а вещи—«общественные черты»?

---

[1]) Нельзя согласиться с мнением Гильфердинга, что бумажные деньги устраняют «овеществление» производственных отношений. «В пределах минимума средств обращения вещное выражение общественного отношения заменяется сознательно регулируемым общественным отношением. Это возможно потому, что ведь и металлические деньги представляют общественное отношение, хотя и скрытое под вещною оболочкой» (Финансовый капитал, перев. И. Степанова, изд. 1918 г., стр. 36). Товарный обмен при помощи бумажных денег происходит в таком же нерегулированном, стихийном и «овеществленном» виде, как и при помощи денег металлических. Бумажные деньги не суть «вещи» с точки зрения внутренней стоимости материала, из которого они сделаны. Но они «вещи» в том смысле, что через них выражается в «овеществленной» форме общественное производственное отношение между покупателем и продавцом.

Но если неправ Гильфердинг, то еще менее оснований имеет противоположное мнение А. Богданова, который усматривает в бумажных деньгах высшую ступень фетишизации общественных отношений, чем в деньгах металлических (Курс пол. эк., т. II, ч. 4, стр. 161).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА И ЕГО ОБЩЕСТВЕННАЯ ФОРМА.

Тесная связь моментов социально-экономического и материально-вещного объясняется особым отношением, которое существует в товарном хозяйстве между материально-техническим процессом производства и его общественною формою. Капиталистический процесс производства «есть одновременно и процесс производства материальных условий человеческой жизни и, протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства, процесс производства и воспроизводства самих этих отношений производства..., т. е. определенной общественно-экономической формы последних» (К., III, 2, с. 289—290). Между процессом производства материальных благ и общественною формою, в которой он протекает, т. е. совокупностью производственных отношений людей, существует тесная связь и соответствие. Данная совокупность производственных отношений людей приспособлена к данному состоянию производительных сил, т. е. материального процесса производства, она делает возможным—в тех или иных пределах—процесс производства материальных продуктов, необходимых для общества. Соответствие между материальным процессом производства, с одной стороны, и производственными отношениями участвующих в нем лиц, с другой, достигается в различных общественных формациях различным образом. В обществе с регулированным хозяйством, напр., социалистическом, производственные отношения между отдельными членами общества устанавливаются сознательно, с целью обеспечения правильного хода производства. Каждому члену общества определяется его место в производственном процессе, отношение его к другим участникам последнего. Координация и соподчинение трудовых деятельностей отдельных лиц производятся, исходя из заранее рассчитанных потребностей материально-технического процесса производства. Данная система производственных отношений представляет в известном смысле замкнутое целое, руководимое единою волею и, как целое, приспособленное к материальному процессу производства. Конечно, изменения в последнем могут сделать необходимыми перемены и в системе производственных отношений; но эти перемены происходят внутри этой системы, ее собственными силами, распоряжениями ее руководящих органов, которые, в свою очередь,

вызваны переменами в техническом процессе производства. Единством исходного пункта обеспечивается согласованность материально-технического процесса производства и облекающих его производственных отношений. В дальнейшем каждая из этих сторон развивается на основе предначертанного ей плана; каждая из них имеет свою внутреннюю логику, но благодаря единству исходного пункта не вступает в противоречие с другою.

Пример таких организованных производственных отношений мы имеем и в товарно-капиталистическом обществе, а именно в организации труда внутри предприятия (техническое разделение труда), в отличие от распределения труда между отдельными частными предприятиями (общественное разделение труда). Предположим, что одному предпринимателю принадлежит большая текстильная фабрика, состоящая из отделений: прядильного, ткацкого и красильного. Инженеры, рабочие и служащие заранее, по известному плану, распределены между этими отделениями. Они заранее связаны определенными, постоянными производственными отношениями, в соответствии с потребностями технического процесса производства. И именно потому вещи передвигаются в процессе производства от одних людей к другим в зависимости от положения этих людей в производстве, от производственных отношений между ними. Получивши из прядильной пряжу и переработавши ее в ткань, директор ткацкого отделения не отсылает эту ткань обратно директору прядильной как эквивалент за присланную им раньше пряжу. Он отправляет ее дальше, в красильное отделение, так как постоянные производственные отношения, соединяющие работников данной ткацкой с работниками данной красильной, заранее предопределяют продвижение вещи, продукта труда, от людей, занятых в предшествующей фазе производства (тканье), к людям, занятым в последующей фазе (окраска). Производственные отношения между людьми заранее организованы в целях материального производства вещей, но не через посредство вещей. С другой стороны, вещь передвигается в процессе производства от одних людей к другим на основании существующих между ними производственных отношений, но своим переходом она не создает производственных отношений между ними. Производственные отношения между людьми имеют исключительно общественный характер, а переход вещей — исключительно технический характер. Обе эти стороны заранее сознательно приспособлены одна к другой, но сохраняют различный характер.

Дело резко изменяется, когда прядильная, ткацкая и красильная принадлежат трем разным предпринимателям *A*, *B* и *C*. Теперь *A* уже не отдаст изготовленной им пряжи *B* только на том основании, что *B* может переработать ее в ткань, т. е. придать ей форму, полезную для общества. Ему до этого дела нет; он вообще хочет теперь не отдать свою пряжу, но продать ее, т. е. передать ее такому лицу, которое в обмен даст ему соответствующую сумму денег или вообще вещь равной стоимости, эквивалент. Кто будет это лицо, ему безразлично. Не связанный постоянными производственными отношениями с какими-ни-

будь определенными лицами, *А* вступит в производственное отношение купли-продажи с любым лицом, которое имеет и согласно отдать ему за пряжу определенную вещь, эквивалентную сумму денег. Это производственное отношение ограничивается переходом вещей, а именно пряжи, от *А* к покупателю и денег от покупателя к *А*. Хотя наш товаропроизводитель *А* ни на один момент не может вырваться из густой сети косвенных производственных отношений, связывающих его со всеми членами общества, но он не связан заранее непосредственными производственными отношениями с определенными лицами. Эти производственные отношения не существуют заранее, но устанавливаются через посредство перехода вещей от одного лица к другому; они имеют, следовательно, не только общественный, но и вещный характер. С другой стороны, вещь переходит от одного определенного лица к другому не на основании заранее существующих между ними производственных отношений, но в силу купли-продажи, ограничивающейся переходом этой вещи. Переход вещи устанавливает непосредственное производственное отношение между определенными лицами, он имеет не только техническое, но и общественное значение.

Таким образом в обществе товарном, стихийно развивающемся, дело происходит следующим образом. С точки зрения материального, технического процесса производства каждый продукт труда должен переходить из одной фазы производства в другую, из одного хозяйства в другое, пока он не получит окончательного вида и не перейдет из хозяйства последнего производителя или посредника-торговца в хозяйство потребителя. Но при автономности и независимости отдельных хозяйств переход продукта из одного частного хозяйства в другое возможен только путем купли-продажи, путем соглашения между двумя хозяйствами, означающего установление между ними особого производственного отношения, купли-продажи. Ведь основное отношение товарного общества, отношение товаровладельцев, сводится «к присвоению чужого продукта труда путем отчуждения своего собственного» (К., I, с. 61). Совокупность производственных отношений между людьми представляет собою не единую связанную систему, в которой данный индивид заранее связан постоянными отношениями с определенными лицами. В товарном хозяйстве товаропроизводитель связан лишь с неопределенным рынком, в который он включает себя посредством прерывистого ряда единичных договорных сделок, кратковременно связывающих его с определенными отдельными товаропроизводителями. Каждый этап этого ряда тесно переплетается с этапом движения продукта в материальном процессе производства. Прохождение продукта через отдельные фазы производства сопровождается одновременным прохождением его через ряд частных хозяйств, на началах договора между ними и обмена. И обратно, производственное отношение связывает два частных хозяйства по случаю перехода материальных вещей из одного хозяйства в другое; производственное отношение между определенными лицами устанавливается по случаю перехода вещей и после этого перехода опять прерывается.

Как видим, основное производственное отношение, в котором непосредственно связываются определенные товаропроизводители и тем самым для каждого из них реализуется постоянно существующая связь между его трудовою деятельностью и трудовою деятельностью всех членов общества, а именно купля-продажа, отличается от производственных отношений организованного типа следующими особенностями: 1) оно устанавливается между данными лицами добровольно, в зависимости от выгодности его для участников; общественная связь принимает форму частной сделки; 2) оно связывает участников кратковременно, не создавая между ними постоянных отношений; но эти кратковременные и прерывающиеся сделки купли-продажи, взятые в своей совокупности, должны обеспечивать постоянство и непрерывность общественного процесса производства, и 3) оно соединяет определенных людей по случаю перехода между ними вещей и этим переходом вещей ограничивается; отношения людей принимают форму приравнивания вещей. Непосредственные производственные отношения между определенными лицами устанавливаются одновременно с передвижением вещей между ними в соответствии с потребностями процесса материального воспроизводства. «Обмен товаров есть такой процесс, в котором общественный обмен веществ, т. е. обмен особых продуктов частных лиц, одновременно означает установление (Erzeugung) [1]) определенных общественных производственных отношений, в которые лица вступают в этом обмене веществ» (Zur Kritik, 1907, S. 32). Или, как Маркс выражается, процесс обращения включает в себя Stoff- und Formwechsel (Kapital, III [2], S. 363; русский перев., стр. 297), обмен веществ и превращение форм, т. е. переход вещей в материальном процессе производства и изменение их социально-экономической формы (напр., превращение товара в деньги, денег в капитал, денежного капитала в производительный и т. п.), соответствующее различным производственным отношениям между людьми.

Обмен соединяет в себе неразрывно моменты социально-экономический (отношения между людьми) и материально-вещный (продвижение вещей в процессе производства). В товарно-капиталистическом обществе оба эти момента заранее не организованы и не согласованы друг с другом, и именно потому каждый отдельный акт обмена может осуществиться только в результате соединения и совместного действия обоих этих моментов, из которых каждый как бы подталкивает другой. Без наличности у данных лиц определенных вещей они не вступят в производственное отношение обмена друг с другом. Но и обратно, переход вещей невозможен без установления между их владельцами особого производственного отношения обмена. Материальный процесс производства, с одной стороны, и система производственных отношений между отдельными частными хозяйствами, с другой, не согласованные в своем исходном пункте, требуют необхо-

1) В русском переводе П. Румянцева неправильно переведено как «результат» (Критика пол. эк., Пб., изд. 1922, стр. 53). У Маркса сказано Erzeugung (производство, установление), а не Erzeugniss (продукт, результат). В дальнейшем «Критика политической экономии» цитируется нами по тому же изданию (Пб., 1922 г.).

димо согласования на каждом из своих этапов, в каждом из единичных актов, на которые внешне распадается экономическая жизнь; в противном случае неизбежно расхождение между ними и разрыв общественного процесса производства. В товарном хозяйстве такое расхождение всегда возможно. Или устанавливаются производственные отношения, под которыми не скрыто действительное движение продукта в процессе производства (спекуляция), или отсутствуют производственные отношения, необходимые для нормального хода процесса производства (застой в сбыте). Такое расхождение, в обычное время не выходящее за известные пределы, в моменты кризисов принимает катастрофический характер.

По существу такой же характер имеет связь между производственными отношениями людей и материальным процессом производства в обществе капиталистическом, разделенном на классы. Мы попрежнему оставляем в стороне производственные отношения внутри отдельного предприятия и имеем в виду только отношения между отдельными частными предприятиями, связывающие их в единое народное хозяйство. В капиталистическом обществе различные факторы производства (средства производства, рабочая сила, земля) принадлежат трем различным социальным классам (капиталистам, наемным рабочим и землевладельцам) и в силу этого приобретают особую социальную форму, которой они не имеют в других общественных формациях. Средства производства являются капиталом, труд—наемным трудом, земля—объектом купли и продажи. Условия труда, т. е. средства производства и земля, «формально обособлены» (К., III, с. 295) от самого труда в том смысле, что принадлежность их различным социальным классам придает им, как указано, особую социальную «форму». При обособлении отдельных технических факторов производства и принадлежности их отдельным хозяйствующим субъектам (капиталисту, рабочему, землевладельцу), процесс производства не может начаться, пока между определенными лицами, принадлежащими к трем указанным общественным классам, не будет создана непосредственная производственная связь, сопровождающаяся сосредоточением всех технических факторов производства в одном хозяйстве, принадлежащем капиталисту. Такое сочетание всех факторов производства, людей и вещей, необходимо при любой общественной форме хозяйства, но «тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры» (К., II, с. 10).

Представим себе феодальное хозяйство, где земля принадлежит помещику, а труд и средства производства, обычно весьма примитивные, крепостному крестьянину. Здесь между помещиком и крестьянином заранее существует общественная связь подчинения и господства, делающая возможным сочетание всех факторов производства. В силу обычного права, крестьянин пользуется участком земли, принадлежащей помещику, и обязан за это платить оброк и отбывать барщину, т. е. работать известное число дней на барской запашке, обычно с своими средствами производства. Постоянные производственные отношения, существующие

между помещиком и крестьянином, делают возможным сочетание всех необходимых факторов производства в двух местах: в хозяйстве крестьянина и на барской запашке.

В капиталистическом обществе, как мы видели, таких постоянных непосредственных связей между определенными лицами, владельцами различных факторов производства, не существует. И капиталист, и наемный рабочий, и землевладелец суть формально независимые друг от друга товаровладельцы. Непосредственное производственное отношение между ними должно быть еще установлено, и притом в форме, обычной для товаровладельцев, в форме купли-продажи. Капиталист должен купить у рабочего право пользоваться его рабочею силою, а у землевладельца право пользоваться его землею. Для этого он должен обладать достаточным капиталом. Только как владелец определенной суммы стоимостей, капитала, при помощи которого он покупает средства производства и дает возможность рабочему купить необходимые средства существования, он является капиталистом, организатором и руководителем производства. Капиталисты пользуются авторитетом руководителей производства «лишь в качестве олицетворения условий труда в противоположность самому труду, а не в качестве политических или теократических властителей, как это было при более ранних формах производства» (К., III², с. 341). Капиталист «только потому является капиталистом, только потому вообще может взяться за процесс эксплоатации труда, что он как собственник условий труда противостоит рабочему как владельцу только рабочей силы» (К., III¹, с. 14—15). Его положение в производстве определяется принадлежностью ему капитала, средств производства, вещей, и то же самое относится к наемному рабочему как собственнику рабочей силы и землевладельцу как собственнику земли. Агенты производства соединяются через факторы производства, производственная связь между людьми устанавливается через переход вещей. Обособление факторов производства на основе частной собственности приводит к тому, что материальное (техническое) сочетание их, необходимое для производственного процесса, возможно только путем установления производственного отношения обмена между их собственниками. И обратно: непосредственные производственные отношения, устанавливающиеся между представителями различных общественных классов (капиталистом, рабочим, землевладельцем), имеют своим результатом известную комбинацию технических факторов производства и связаны с переходом вещей из одного хозяйства в другое. Эта тесная связь производственных отношений людей с движением вещей в процессе материального производства приводит к «овеществлению» производственных отношений людей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ОВЕЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ЛЮДЕЙ И ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ВЕЩЕЙ.

Как мы видели, в товарно-капиталистическом обществе отдельные лица связываются непосредственно друг с другом определенными производственными отношениями, не как члены общества, не как лица, занимающие определенное место в общественном процессе производства, а как владельцы определенных вещей, как «социальные представители» различных факторов производства. Капиталист «есть не что иное, как персонифицированный капитал» (К., III ², с. 290, 295). «Земельный собственник выступает как персонификация одного из существеннейших условий производства», земли (К., III ², с. 292, 295). Эта «персонификация», в которой критики Маркса усматривали нечто непонятное и даже мистическое [1], обозначает весьма реальное явление: зависимость производственных отношений между людьми от социальной формы вещей, факторов производства, принадлежащих им и в них «персонифицированных».

Если данное лицо вступает в непосредственные производственные отношения с другими определенными людьми только как владелец известной вещи, то, следовательно, данная вещь, кому бы она ни принадлежала, дает своему владельцу возможность занять определенное место в системе производственных отношений. Так как обладание вещью является **условием** установления непосредственных производственных связей между людьми, то кажется, что вещь сама по себе обладает способностью, **свойством** устанавливать производственные отношения. Если данная вещь дает своему владельцу возможность вступить в отношение обмена с любым другим товаровладельцем, то вещь приобретает особое свойство обмениваемости, имеет «стоимость». Если данная вещь связывает двух товаровладельцев, из которых один капиталист, а другой наемный рабочий, то она является не только «стоимостью», но и «капиталом». Если капиталист вступает в производственное отношение с землевладельцем, то стоимость, деньги, которые он передает землевладельцу и через передачу которых вступает с ним в производственную связь, представляют «ренту». Деньги, уплачиваемые промышленным капиталистом денежному капиталисту за пользование взятым у него в ссуду капиталом, называются «процентом». **Каждый тип производ-**

[1] Ср. Passow, Kapitalismus, 1918, S. 84.

ственных отношений между людьми придает вещам, через посредство которых определенные лица вступают в непосредственную производственную связь, особое «общественное свойство», «социальную форму». Данная вещь, помимо того, что она в качестве потребительной стоимости, материальной вещи с определенными свойствами служит предметом потребления или средством производства, т. е. выполняет техническую функцию в процессе материального производства, выполняет также социальную функцию связывания людей.

Итак, в товарно-капиталистическом обществе люди вступают в непосредственные производственные отношения исключительно как товаровладельцы, владельцы вещей, и, с другой стороны, вещи благодаря этому приобретают особые общественные свойства, особую социальную форму. «Общественные определения труда» приобретают «вещные черты», а вещи—«общественные черты» (К., I, с. 47). Вместо «непосредственно общественных отношений самих лиц и их работ», которые устанавливаются в обществах с организованным хозяйством, здесь мы наблюдаем «вещные отношения лиц и общественные отношения вещей» (К., I, с. 32). Здесь перед нами выступают две особенности товарного хозяйства: «персонификация вещей и овеществление производственных отношений» людей (К., III [2], с. 299), «овеществление общественно-производственных определений и олицетворение материальных основ производства» (там же, с. 341).

Под «овеществлением производственных отношений людей» Маркс понимает тот процесс, благодаря которому определенные производственные отношения между людьми (напр., капиталистами и рабочими) придают вещам, через посредство которых люди вступают между собою в связь, определенную социальную форму или общественное свойство (например, капитала). Под олицетворением или «персонификацией вещей» Маркс понимает тот процесс, благодаря которому наличие вещей с определенной социальной формой, например, капитала, дает возможность владельцу их выступать в качестве капиталиста и вступать в определенное производственное отношение с другими лицами.

На первый взгляд оба отмеченных процесса могут показаться взаимно исключающими друг друга. С одной стороны, социальная форма вещей рассматривается как результат производственных отношений людей. С другой стороны, сами-то производственные отношения устанавливаются между людьми лишь при наличии вещей с определенной социальной формой. Это противоречие может быть разрешено лишь в диалектическом процессе общественного производства, рассматриваемом Марксом как непрерывный и постоянно повторяющийся процесс воспроизводства, в котором каждое звено является следствием предыдущего и причиной последующего. Социальная форма вещей является одновременно и результатом предыдущего процесса производства и предпосылкой дальнейшего [1]).

1) В дальнейшем мы даем краткое изложение выводов, развитых более подробно в нашей статье «Производственные отношения и вещные категории» («Под знаменем марксизма», 1924, № 10—11).

Каждая социальная форма, присущая продуктам труда в капиталистическом обществе (деньги, капитал, прибыль, рента и т. п.), появилась в результате длительного исторического и социального процесса, путем многократного повторения и наслаивания однотипных производственных отношений между людьми. Пока данный тип производственных отношений людей носит еще редкий, исключительный характер в данном обществе, он не может наложить на фигурирующие в нем продукты труда постоянную, прочную социальную печать. «Мимолетный общественный контакт» людей сообщает продуктам их труда лишь мимолетную социальную форму, появляющуюся вместе с породившим ее общественным контактом и исчезающую сейчас же по его прекращении (К., I, стр. 45). При неразвитом обмене продукт труда обладает стоимостью только в самый момент обмена, не являясь стоимостью ни до, ни после этого момента. Когда обменивающиеся сравнивают свои продукты труда с третьим продуктом, последний в этот момент выполняет в зачаточном виде функцию денег, не будучи деньгами ни до, ни после этого акта обмена.

По мере развития производительных сил, вызывающего определенные типы производственных отношений между людьми, эти отношения учащаются, многократно повторяются, становятся обычными и распространенными в данной социальной среде. Такое «уплотнение» производственных отношений людей приводит и к «уплотнению» соответствующей социальной формы вещей. Данная социальная форма «закрепляется», фиксируется за вещью, сохраняясь за нею и в моменты перерывов конкретных производственных отношений людей. Только с этого момента можно датировать появление данной вещной категории как обособленной от породившего ее производственного отношения людей и в свою очередь воздействующей на него. «Стоимость» становится как бы свойством самой вещи, с которым она вступает в процесс обмена и которое она сохраняет по выходе из него. То же самое с деньгами, капиталом и другими социальными формами вещей. Из результата процесса производства они становятся вместе с тем и его предпосылками. Отныне данная социальная форма продукта труда служит уже не только «выражением» определенного типа производственных отношений людей, но и его «носителем». Наличие у данного лица вещи с определенной социальной формой побуждает его вступать в определенное производственное отношение, сообщает данному лицу особый социальный характер. «Овеществление производственных отношений» людей дополняется теперь «персонификацией вещей». *Социальная форма продуктов труда, будучи результатом массовых действий товаропроизводителей, оказывается мощным средством давления на мотивацию отдельных товаропроизводителей и приспособления их поведения к господствующим в данном обществе типам производственных отношений людей.* Через социальную форму вещей передается воздействие общества на индивидуум. Благодаря этому объективизация, или «овеществление», производственных отношений людей в социальной форме вещей сообщает экономическому строю большую прочность, устойчивость

и регулярность. Происходит «кристаллизация» производственных отношений людей.

Только на определенной ступени своего развития, после многократного повторения, производственные отношения людей оставляют, так сказать, осадок в виде фиксированных за продуктами труда известных социальных свойств. Пока данный тип производственных отношений не получил в обществе достаточно широкого распространения, он еще не может сообщить вещам соответствующую социальную форму. Когда господствующим типом производства было еще ремесло, которому ставилась задача «пропитания» ремесленника, последний в тех случаях, когда он расширял свое предприятие и по существу был уже капиталистом, живущим наемным трудом своих рабочих, все еще продолжал смотреть на себя как на «мастера», и на доход свой как на источник «пропитания». В этом доходе он еще не усматривал «прибыли» на капитал, как и в своих средствах производства еще не усматривал «капитала». Точно так же под влиянием господствовавшего над докапиталистическими общественными отношениями землевладения в проценте долгое время еще не распознавали новой формы дохода, а усматривали в нем видоизмененную форму ренты. Так пытался еще вывести процент из ренты знаменитый экономист Петти[1]). Происходит «подведение всех хозяйственных форм под господствующие» (К., III², с. 337), присущие данному способу производства. Этим объясняется тот факт, что должен пройти более или менее длительный период развития, пока новый тип производственных отношений «овеществится» или «кристаллизуется» в соответствующей социальной форме продуктов труда.

Таким образом связь между производственными отношениями людей и вещными категориями мы должны представлять себе в следующем виде. Каждый тип производственных отношений между людьми, характеризующих товарно-капиталистическое хозяйство, придает вещам, через посредство или по поводу которых люди вступают в данное отношение, особую социальную форму. Происходит «овеществление» или «кристаллизация» производственных отношений людей. Вещь, фигурирующая в определенном производственном отношении между людьми и обладающая соответствующей социальной формой, сохраняет последнюю и по прекращении данного конкретного единичного производственного отношения людей. Только при этом условии можно считать производственное отношение людей действительно «овеществленным», «кристаллизованным» в форме свойства вещи, присущего как бы ей самой и обособленного от этого производственного отношения. Раз вещи выступают в фиксированной за ними определенной социальной форме, они в свою очередь начинают воздействовать на людей, определяя их мотивацию и побуждая их устанавливать между собою конкретные производственные отношения. Обладая социальной формой «капитала», вещи делают своего владельца «капиталистом» и заранее определяют те конкретные производственные отношения, которые будут установлены между ним и другими членами общества. Со-

[1]) См. И. Рубин, История экономической мысли, 2-е изд., 1928, глава VII.

циальный характер вещи как бы определяет социальный характер ее владельца, происходит «персонификация вещей». Капиталист таким образом светит отраженным светом своего капитала, но это возможно только благодаря тому, что последний в свою очередь отражает свет, присущий данному типу производственных отношений людей. В итоге получается подведение отдельных индивидуумов под господствующие типы производственных отношений. Социальная форма вещей обусловливает индивидуальные производственные связи отдельных людей только потому, что сама она является выражением общественных производственных связей. Социальная форма вещей выступает как заранее данная, готовая, прочно фиксированная предпосылка процесса производства только потому, что она сама является застывшим, кристаллизованным результатом динамического, вечно текучего и меняющегося общественного процесса производства. Так в диалектическом непрерывном процессе воспроизводства разрешается кажущееся противоречие между «овеществлением людей» и «персонификацией вещей», т. е. между обусловленностью социальной формы вещей общественными производственными отношениями людей и обусловленностью индивидуальных производственных отношений людей социальной формой вещей.

Из указанных нами двух сторон процесса воспроизводства только последняя сторона—«персонификация людей»—лежит на поверхности экономической жизни и доступна непосредственному наблюдателю. Вещи выступают в уже готовой социальной форме, воздействуя на мотивацию и поведение отдельных производителей. Эта сторона процесса отражается непосредственно на психике отдельных лиц и доступна прямому наблюдению. Гораздо труднее проследить образование самих социальных форм вещей из производственных отношений людей. Эта сторона процесса, т. е. «овеществление» производственных отношений людей, является гетерогенным результатом массовых, друг на друга наслаивающихся действий людей, социального процесса, происходящего за их «спиной», т. е. результатом, который не ставится заранее как цель. Только при посредстве глубокого исторического и социально-экономического анализа удалось Марксу выяснить эту сторону процесса.

С этой точки зрения становится понятным различие, которое Маркс часто проводит между «внешней видимостью», «внешней связью», «поверхностью явлений», «формой проявления», с одной стороны, и «внутренней связью», «скрытой связью», «имманентной связью», «сущностью вещей»—с другой[1]). Вульгарных экономистов он упрекает в том, что они ограничиваются изучением внешней стороны явлений, Адама Смита—в том, что он колеблется между «эзотерической» (внутренней) и «экзотерической» (внешней) точками зрения. Смысл этих заявлений Маркса представляется весьма туманным. Критики Маркса, даже из числа более доброжелательных, обвиняли его в экономической метафизике за желание объяснить скрытую связь явлений. Марксисты иногда объ-

[1]) См. Капитал, III², стр. 346 и др.; «Теории прибавочной стоимости», т. II, ч. 1, Пб., 1923, стр. 10, 57 и др.; «Theorien», III, S. 576 и множество других мест.

ясняли эти выражения Маркса его желанием провести различие между грубо-эмпирическим и абстрактно-изолирующим методами исследования [1]). Мы полагаем, что указание на абстрактный метод является, конечно, необходимым, но далеко не достаточным для характеристики метода Маркса, и не это имел последний в виду, противопоставляя внутреннюю связь явлений внешней. Абстрактный метод общ Марксу со многими его предшественниками, включая Рикардо. Но исключительно его заслугой является внесение в политическую экономию метода социологического, усматривающего в вещных категориях выражение производственных отношений людей. В этой социальной природе вещных категорий Маркс и видит их «внутреннюю связь». Вульгарные экономисты изучают только форму проявления, «отчужденную» от самих экономических отношений (К., III², с. 288 и др.), т. е. уже овеществленную, готовую форму вещей, не понимая ее социального характера. Они видят происходящий на поверхности хозяйственной жизни процесс «персонификации вещей», но не имеют понятия о процессе «овеществления производственных отношений» людей. Они рассматривают вещные категории как данные готовые «предпосылки» процесса производства, воздействующие на мотивы производителей и отражающиеся в их сознании, не исследуя характера этих вещных категорий как результата общественного процесса. Игнорируя этот внутренний социальный процесс, они ограничиваются «внешней связью вещей, поскольку она проявляется в конкуренции, в конкуренции же все всегда проявляется навыворот—всегда имеет обратный вид» (Теории прибавочной стоимости, т. II, стр. 57), а именно производственные отношения людей кажутся зависимыми от социальной формы вещей, а не наоборот.

Вульгарные экономисты, которые не понимают, что процесс «персонификации вещей» может быть понят лишь как результат процесса «овеществления производственных отношений людей», рассматривают общественные свойства вещей (стоимость, деньги, капитал и т. п.) как естественные свойства, присущие самим вещам. Стоимость, деньги и т. п. они рассматривают не как выражение отношений людей, «привязанное» к вещам, а как непосредственное свойство самой вещи, свойство «непосредственно сращенное» с натурально-техническими свойствами той же вещи. Отсюда вытекает характерный для вульгарной экономии—и для обыденного мышления самих участников производства, ограниченных кругозором капиталистического хозяйства,—товарный фетишизм, «овеществление общественных отношений, непосредственное сращение материальных отношений производства с их исторически-общественной формой» (К., III², с. 299). «Элементы производства сливаются с определенной социальной формой» (с. 287). «Формальное обособление этих условий труда от труда, и та особая форма этого обособления, которой они обладают по отношению к наемному труду, оказывается свойством, неотделимым от них, как от вещей, как от материальных условий производства, оказывается свойством, необхо-

[1]) Кунов, К пониманию метода исследования Маркса. Сборник «Основные проблемы политической экономии», 1922, стр. 57—58.

димо принадлежащим им, имманентно сросшимся с ними просто как с элементами производства. Их определяемый историческою эпохою определенный исторический характер при капиталистическом процессе производства оказывается их вещественным характером, естественно и, так сказать, искони прирожденным им, как элементам процесса производства» (с. 295) [1]).

Превращение общественных производственных отношений людей в общественные, «объективные» свойства вещей есть реальный факт товаро-капиталистического хозяйства, следствие своеобразной связи между процессом материального производства и движением производственных отношений. Ошибка вульгарной экономии—не в том, что она уделяет внимание этим вещным формам капиталистического хозяйства, а в том, что она не видит их связи с общественною формою производства, выводит их не из последней, а из естественных свойств вещи. «Действия определенной общественной формы труда приписываются вещи, продуктам этого труда; само отношение выступает фантастическим образом в вещной форме. Мы видели, что это специфическая особенность товарного производства... Годскин видит в этом чисто субъективную иллюзию, за которою скрывается обман и интерес эксплоатирующих классов. Он не видит, что способ представления вытекает из самого реального отношения, что последнее не есть выражение первого, а наоборот» (Theorien über den Merhwert, III, S. 354—355, изд. 1910 г.).

Вульгарные экономисты делают ошибки двоякого рода: 1) либо «экономическую определенность формы» они приписывают «вещественным свойствам» предметов (К., II, с. 103), т. е. выводят явления социальные непосредственно из технических; напр., способность капитала приносить прибыль, предполагающая существование определенных социальных классов и производственных отношений между ними, объясняется ими техническими функциями капитала в роли средства производства; 2) либо «определенные свойства, принадлежащие материальной форме средств труда», они приписывают социальной форме последних (там же), т. е. выводят явления технические непосредственно из социальных; напр., способность повышать производительность труда, присущая средствам производства и представляющая их техническую функцию, приписывается капиталу, т. е. определенной социальной форме средств производства (теория произво-

---

[1]) Только с точки зрения этого «сращения» общественных отношений и материальных условий производства станет нам понятным известное учение Маркса о двойственной природе товара и его утверждение, что в товарном обществе потребительные стоимости являются «вещественными носителями меновой стоимости» (К., I, стр. 2). Потребительная стоимость и стоимость — это не два различных свойства вещи, как думает Бем-Баверк. Противоположность между ними вытекает из противоположности между методом естественно-научным, изучающим товар как вещь, и методом социологическим, изучающим общественные производственные отношения, «сращенные с вещью». «Потребительная стоимость выражает естественное отношение между вещью и человеком, существование вещи для человека. Меновая же стоимость... представляет общественное существование вещи» (Theorien über den Mehrwert, III, S. 355, прим.).

дительности капитала). Эти две ошибки, на первый взгляд противоположного характера, сводятся к одному и тому же основному методологическому дефекту: отождествлению материального процесса производства и его общественной формы, технических и социальных функций вещи. Вместо того чтобы рассматривать явления технического и социального порядка как различные стороны трудовой деятельности людей—стороны, тесно связанные, но различные—вульгарные экономисты ставят их в один ряд, в одну, так сказать, научную плоскость. Они рассматривают экономические явления непосредственно в том тесном переплетении и «сращении» технического и социального моментов, которое присуще товарному хозяйству. Благодаря этому получается «совершенно несообразное отношение между потребительною стоимостью, вещью, с одной стороны, и определенным общественным отношением производства, с другой» (К., III², с. 289); «социальное отношение, взятое как вещь, поставлено в известное соотношение к природе, т. е. выходит, что в известном отношении друг к другу стоят две несоизмеримые величины» (там же, с. 289). Это отождествление процесса производства и его социальной формы, технических свойств вещи и общественных отношений людей, «овеществленных» в социальной форме вещей, жестоко мстит за себя. Экономистов часто охватывает наивное удивление, «когда то, что они с трудом определили, как им казалось, вещью, выступает перед ними в качестве общественного отношения, а затем то, что они едва успели установить, как общественное отношение, снова принимает оболочку вещи» (Критика пол. эк., стр. 41).

На первый взгляд может показаться, что отмеченное Марксом «непосредственное сращение материальных отношений производства с их исторически-общественною формою» присуще не только товарно-капиталистическому хозяйству, но и другим общественным формациям. Ведь и при других типах хозяйства мы наблюдаем причинную зависимость общественных производственных отношений людей от материальных условий производства и от распределения технических средств производства между различными общественными группами. С точки зрения теории исторического материализма, это общесоциологический закон, имеющий силу для всех общественных формаций. Никто не может сомневаться, что в феодальном обществе совокупность производственных отношений между помещиком и крепостными крестьянами была причинно обусловлена техникою производства и распределением между помещиком и крестьянами технических факторов производства, земли, скота, орудий труда и т. п. Но дело в том, что в феодальном обществе производственные отношения между людьми устанавливаются *на основе* распределения между ними вещей и *по поводу* вещей, но не через *посредство* вещей. Люди связаны здесь непосредственно друг с другом, «общественные отношения лиц в их труде проявляются здесь именно как их собственные личные отношения, а не облекаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда» (К., I, с. 36). Особенность же товарно-капиталистического хозяйства заключается в том, что производственные отношения между людьми уста-

навливаются не только по поводу вещей, но и через посредство вещей. Именно это и придает производственным отношениям людей «овеществленную», «вещную» форму и рождает товарный фетишизм, то смешение материально-технической и социально-экономической сторон трудового процесса, которое было устранено только новым, социологическим методом Маркса [1]).

---

[1]) Вообще связь между вещами и общественными отношениями людей в высшей степени сложна и многообразна. Так, например, касаясь только явлений, имеющих близкое отношение к нашей теме, мы можем заметить: 1) в экономической сфере различных общественных формаций — причинную зависимость производственных отношений людей от распределения между ними вещей (зависимость производственных отношений от состояния и распределения производственных сил); 2) в экономической сфере товарно-капиталистического хозяйства — реализацию производственных отношений людей через посредство вещей, их «сращение» (товарный фетишизм в точном смысле слова); 3) в различных сферах различных общественных формаций — символизацию отношений людей в вещах (общая социальная символизация или фетишизация общественных отношений людей). Мы изучаем здесь только второе явление, товарный фетишизм в точном смысле слова, и считаем необходимым резко отличать его как от первого явления (смешение их заметно в книге Н. Бухарина, Исторический материализм, 1922, стр. 161—162), так и от последнего (смешением их страдает учение о фетишизме А. Богданова).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВЕЩЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ (ФОРМА).

Тот новый, социологический метод, который Маркс внес в политическую экономию, заключается в последовательно проведенном различии между производительными силами и производственными отношениями, материальным процессом производства и его общественною формою, процессом труда и процессом образования стоимости. Политическая экономия изучает трудовую деятельность людей не со стороны ее технических приемов и орудий труда, но со стороны ее социальной формы. Она изучает производственные отношения, устанавливающиеся между людьми в процессе производства. Но так как в товарно-капиталистическом обществе люди связываются производственными отношениями через передачу вещей, то производственные отношения людей приобретают вещный характер. Это «овеществление» заключается в том, что вещь, через посредство которой люди вступают в определенное отношение между собою, выполняет особую социальную функцию связывания людей, функцию «посредника» или «носителя» данного производственного отношения. Помимо своего материального или технического существования, как конкретный предмет потребления или средство производства, вещь как бы приобретает социальное или функциональное существование, т. е. особое общественное свойство, выражающее данное производственное отношение людей и придающее вещи особую социальную форму. Таким образом основные понятия или категории политической экономии выражают основные социально-экономические формы, которые характеризуют различные типы производственных отношений людей и сообщаются вещам, через посредство которых эти отношения между людьми устанавливаются.

Приступая к изучению «экономической структуры общества» или «совокупности производственных отношений» людей (Предисловие к Критике пол. эк.), Маркс выделяет отдельные виды или типы производственных отношений людей в капиталистическом обществе [1]). Порядок их изучения Марксом устанавливается следующий. Некоторые из

[1]) Мы имеем в виду различные виды или типы производственных отношений людей в капиталистическом обществе, а не различные типы производственных отношений, характеризующие различные общественные формации.

этих отношений между людьми предполагают наличие других типов производственных отношений между членами данного общества; последние же отношения не предполагают необходимо существования первых, представляя собою, таким образом, их предпосылку. Например, отношение между финансовым капиталистом С и промышленным капиталистом В, выражающееся в получении последним от первого денежной ссуды, уже предполагает наличие производственных отношений между промышленным капиталистом В и рабочим А (вернее, многими рабочими). С другой стороны, отношение между промышленным капиталистом и рабочим не предполагает необходимо, что первый берет деньги в ссуду у финансового капиталиста. Отсюда понятно, что экономические категории «капитал» и «прибавочная стоимость» предшествуют категориям «ссудный капитал» и «процент». Далее, отношение между промышленным капиталистом и рабочим имеет форму купли-продажи рабочей силы и, кроме того, предполагает, что первый производит товар для продажи, т. е. связан с другими членами общества производственными отношениями товаровладельцев друг к другу. С другой стороны, отношение между товаровладельцами не предполагает необходимо производственной связи между промышленным капиталистом и рабочим. Отсюда понятно, что категория «товар» или «стоимость» предшествует категории «капитал». Логический порядок экономических категорий вытекает из характера производственных отношений, выражаемых ими. Экономическая система Маркса изучает ряд усложняющихся типов **производственных отношений** между людьми, выраженных в ряде усложняющихся **социальных форм**, приобретаемых **вещами**. Эту связь между данным типом производственных отношений людей и соответствующею ему социальною функциею или формою вещей мы можем проследить на всех экономических категориях.

Основное производственное отношение людей, как товаро-производителей, обменивающихся продуктами своего труда, придает последним особое свойство обмениваемости, как будто присущее им от природы, особую «форму стоимости». Регулярные меновые отношения между людьми, в результате которых общественное действие товаровладельцев выделяет один товар (напр. золото) в качестве всеобщего эквивалента, который может непосредственно обмениваться на любой другой товар, придает этому выделенному товару особую функцию денег или «денежную форму». Эта денежная форма в свою очередь представляет несколько различных функций или форм, в зависимости от характера производственных отношений между покупателями и продавцами.

Если переход товара от продавца к покупателю и обратный переход денег совершаются одновременно, деньги выполняют функцию или имеют форму «средства обращения». Если переход товара предшествует переходу денег, и отношение между продавцом и покупателем превращается в отношение между кредитором и должником, деньги должны выполнить функцию «платежного средства». Если продавец задерживает вырученные от продажи деньги у себя, отсрочивая момент своего вступления в новое производственное отношение купли, деньги приобретают функцию или форму «сокровища». Каждая социальная

функция или форма денег выражает иной характер или тип производственных отношений между обменивающимися лицами.

При появлении нового типа производственных отношений, а именно капиталистических, связывающих товаровладельца—капиталиста с товаровладельцем—рабочим, деньги, через передачу которых между ними устанавливается производственное отношение, приобретают новую социальную функцию или форму «капитала». Точнее говоря, деньги, непосредственно связывающие капиталиста с рабочими, выполняют функцию или имеют форму «переменного капитала». Но для установления производственных отношений с рабочими капиталисту необходимо иметь также средства производства или деньги для покупки их. Эти средства производства или деньги, которые косвенно служат также установлению производственных отношений между капиталистом и рабочими, имеют функцию или форму «постоянного капитала». Поскольку мы рассматриваем производственные отношения между классом капиталистов и классом рабочих в процессе производства, перед нами «производительный капитал или капитал в фазе производства». Но до начала процесса производства капиталист выступал на рынке как покупатель средств производства и рабочей силы. Этим производственным отношениям между капиталистом—покупателем и остальными товаровладельцами соответствует функция или форма «денежного капитала». По окончании процесса производства капиталист выступает как продавец своего товара, что находит выражение в функции или форме «товарного капитала». Таким образом метаморфоз или «превращение форм» капитала отражает различные формы производственных отношений между людьми.

Но этим еще не исчерпываются производственные отношения, связывающие промышленного капиталиста с другими членами общества. Во-первых, через конкуренцию капиталов и переход их из одной отрасли в другую промышленные капиталисты данной отрасли связаны с промышленными капиталистами всех других отраслей, и эта связь выражается в образовании «общей средней нормы прибыли» и продаже товаров по «ценам производства». Кроме того самый класс капиталистов распадается на несколько общественных групп или подклассов: капиталистов промышленных, торговых и денежных (финансовых). Наряду с этими группами, составляющими в совокупности класс капиталистов, стоит еще класс землевладельцев. Производственные отношения между этими различными социальными группами создают новые социально-экономические «формы»: торговый капитал и торговую прибыль, ссудный капитал и процент, земельную ренту. «Из своей, так сказать, внутренней органической жизни он (капитал) вступает в отношения внешней жизни, в отношения, где противостоят друг другу не капитал и труд, а с одной стороны—капитал и капитал, с другой стороны—индивидуумы опять-таки просто как покупатели и продавцы» (К., III, с. 17) [1]. Речь идет здесь о разных типах производственных отношений, а именно о производственных отношениях: 1) между капиталистами и рабочими; 2) между капиталистами и членами общества, выступаю-

[1] Разрядка наша.

щими в качестве покупателей и продавцов, и 3) между отдельными группами промышленных капиталистов, а также между промышленными капиталистами в целом и другими капиталистическими группами (капиталисты торговые и денежные). Первый тип производственных отношений, представляющий основу капиталистического общества, изучается Марксом в I томе «Капитала», второй тип во II томе, третий тип в III томе. Что же касается основного производственного отношения товарного общества, отношения между людьми как товаропроизводителями, то анализ его дан Марксом в «Критике политической экономии» и повторен в первом отделе I тома «Капитала», озаглавленном «Товар и деньги» и представляющем собою как бы введение в марксову систему (в первоначальном наброске Маркс предполагает назвать этот отдел: «Введение. Товар, деньги». См. Theorien über den Merhwert, III, S. VIII). Система Маркса изучает ряд усложняющихся типов производственных отношений людей, которому соответствует ряд усложняющихся экономических форм вещей.

Основные категории политической экономии выражают, следовательно, различные типы производственных отношений, принявших вещную форму. «В действительности стоимость представляет собой только вещно выраженное отношение производительных деятельностей людей» (Theorien über den Mehrwert, III, S. 218). «Поэтому, когда Галиани говорит: стоимость есть отношение между двумя лицами, он должен был бы прибавить: скрытое под вещною оболочкою отношение» (К., I, с. 33 и Критика, с. 40). «Она (монетарная система) не понимала, что золото и серебро, как деньги, выражают общественное производственное отношение» (Kapital, I, S. 46; русск. перев., стр. 40; ср. Критику, стр. 41). «Капитал есть общественное производственное отношение. Он есть историческое производственное отношение» (Маркс, Наемный труд и капитал). Капитал есть «общественное отношение, выраженное (darstellt) в вещах и через вещи» (Theorien, III, S. 325). «Капитал—это не вещь, а определенное общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое проявляется (darstellt) в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер» (Kapital, III², S. 349; русск. перев., стр. 280) [1].

Свой взгляд на экономические категории, как на выражение общественных производственных отношений людей, Маркс наиболее подробно обосновал на категориях стоимости, денег и капитала. Но он неоднократно указывал, что и другие понятия политической экономии выражают производственные отношения людей. Прибавочная стоимость представляет «определенное общественное отношение производства» (К., III², с. 289). Рента есть «социальное отношение, взятое как вещь» (там

---

[1]) Маркс чаще всего говорит, что производственное отношение «представляется» (sich darstellt) в вещи, что вещь «представляет» (darstellt) производственное отношение. Так как русский глагол «представляет» часто употребляется в смысле «есть», что совершенно не соответствует смыслу darstel'en, то последний глагол приходится переводить различными словами: представляется, выражается, проявляется и т. п. (См. приложение «К терминологии Маркса».)

же, с. 289). «Предложение и спрос представляют собою отношения данного производства», равно как и частный обмен (Нищета философии, 1928 г., стр. 43). Или, как Маркс формулирует в общем виде, «экономические категории представляют собою лишь теоретические выражения абстракции общественных отношений производства» (там же, с. 105).

Таким образом основные понятия политической экономии выражают различные производственные отношения людей в капиталистическом обществе. Но так как эти производственные отношения связывают людей только через вещи, то вещи выполняют особую социальную функцию или приобретают особую социальную форму, соответствующую данному типу производственных отношений людей. Если раньше мы сказали, что экономические категории выражают производственные отношения людей, принимающие «вещный» характер, то с таким же правом мы можем сказать, что они выражают социальные функции или социальные формы, приобретаемые вещами, как посредниками общественных производственных отношений людей. Начнем с социальной функции вещей.

Маркс часто говорит о функциях вещей, соответствующих различным производственным отношениям людей. В выражении стоимости один товар «функционирует как эквивалент» (К., I, с. 12, 30). «Функция денег» представляет целый ряд различных функций: «функция меры стоимости» (с. 67), «функция средства обращения» или «монетная функция» (с. 67, 75), «функция платежного средства» (с. 76, 85, 87), «функция сокровища» (с. 91), «функция мировых денег» (с. 91). Различным производственным отношениям между продавцами и покупателями соответствуют различные функции денег. Капитал также есть особая социальная функция. «Свойство быть капиталом принадлежит вещам не как таковым, но является функцией, которую они, в зависимости от обстоятельств, то выполняют, то не выполняют» (К., II, с. 135). В денежном капитале Маркс тщательно различает «функцию денег» от «функции капитала» (К., II, с. 6, 7, 52). Здесь речь идет, конечно, о социальной функции, которую капитал выполняет, связывая различные социальные классы и их представителей, капиталиста и наемного рабочего, но отнюдь не о той технической функции, которую средства производства выполняют в материальном процессе производства. Если капитал есть социальная функция, то, как говорит Маркс, это же «справедливо и относительно его подразделений». Переменный и постоянный капиталы отличаются различными «функциями», выполняемыми ими в «процессе увеличения» капитала (К., I, с. 144); переменный капитал непосредственно связывает капиталиста с рабочим и передает в распоряжение первого рабочую силу последнего, постоянный капитал служит той же цели косвенным образом. Между ними существует «функциональное различие» (К., I, с. 146). То же самое относится к разделению основного и оборотного капиталов. «Здесь дело идет не об определении (основного и оборотного капиталов—*И. Р.*), под которое могут быть подведены вещи. Дело идет об определенных функциях, которые должны получить выражение в определенных категориях»

(К., II, с. 153.—Курсив наш). Это различие функций основного и оборотного капиталов заключается в различных способах перенесения стоимости капитала на продукт, т. е. в полном или частичном возмещении стоимости капитала в течение одного периода оборота (там же, с. 108). Это различие социальных функций в процессе перенесения стоимости (т. е. в процессе обращения) экономисты часто смешивают с различием технических функций в процессе материального производства, а именно с различием между медленным изнашиванием средств труда и полным потреблением сырых материалов и вспомогательных веществ. Во втором отделе II тома «Капитала» Маркс потратил немало усилий, чтобы показать, что категории основного и оборотного капиталов выражают именно указанные социальные функции перенесения стоимости, которые, правда, связаны с определенными техническими функциями средств производства, но не совпадают с ними. Не только различные части производительного капитала (постоянный и переменный, основной и оборотный) отличаются друг от друга по своим функциям, но на различии функций основано также деление капитала на производительный, денежный и товарный. Отличаются «функции товарного и денежного капитала» от «функции производительного капитала» (К., II, с. 77, 42; К., III[1], с. 205 и др.).

Итак, различные категории политической экономии выражают различные социальные функции вещей, соответствующие различным производственным отношениям людей. Но социальная функция, выполняемая вещью, придает ей особый общественный характер, определенную социальную форму, «определенность формы» (Formbestimmtheit) [1]), как часто выражается Маркс. Каждому типу производственных отношений людей соответствует особая социальная функция или «экономическая форма» вещей. Тесную связь функции с формою Маркс отмечает неоднократно. «Товар функционирует как эквивалент или находится в эквивалентной форме» (К., I, с. 12). «Эта своеобразная функция внутри процесса обращения придает деньгам, как средству обращения, новую определенность формы» (Kritik, S. 92). Если социальная функция вещи придает ей особую социально-экономическую форму, то ясно, что основные категории политической экономии, которые мы выше рассматривали как выражения различных производственных отношений и социальных функций вещей, вместе с тем служат выражением соответствующих им социально-экономических форм, которые придаются вещам их функцией «носителей» производственных

---

[1]) Понятие Formbestimmtheit или Formbestimmung играет большую роль в марксовой системе, внимание которой направлено прежде всего на изучение социальных форм хозяйства, производственных отношений людей. Маркс часто вместо Formbestimmtheit говорит Bestimmtheit. В. Базаров и И. Степанов вполне правильно переводят иногда последний термин словом «форма» (Ср. Kapital, III[2], S. 365—366 и русск. перев., стр. 299). Безусловно неправильно переводить Bestimmtheit словом «назначение», как то иногда делает П. Румянцев (Kritik, S. 10 и русск. пер., стр. 40). Так же не передает мысли Маркса перевод «формальное определение» (Накопление капитала и кризисы. Перев. С. Бессонова). Мы предпочитаем точный перевод: «определенность формы» и «определение формы».

отношений людей. Чаще всего Маркс называет изучаемые им экономические явления «экономическими формами», «определенностями формы». Марксова система изучает ряд усложняющихся «экономических форм» вещей или «определенностей формы» (Formbestimmtheiten), соответствующих ряду усложняющихся производственных отношений людей. В предисловии к первому изданию первого тома «Капитала» Маркс отмечает трудности «анализа экономических форм», в частности «формы стоимости» и «денежной формы». Форма стоимости в свою очередь включает в себя различные формы: с одной стороны, каждое выражение стоимости содержит «относительную форму» и «эквивалентную форму», с другой стороны, историческое развитие стоимости выражается в усложнении ее форм: от «единичной формы» через «развернутую» она переходит ко «всеобщей» и «денежной» формам. Образование денег представляет «новую определенность формы» (Kritik, S. 28). Различные функции денег суть вместе с тем различные «определенности формы» (там же, S. 46). Так, например, деньги как мера стоимости и как масштаб цен представляют «различные определенности формы», смешение которых приводило к неправильным теориям (там же, S 54). «Особенные формы денег—просто товарный эквивалент, средство обращения, платежное средство, сокровище и мировые деньги—указывают, в связи с относительным значением той или другой из этих функций, на очень различные ступени развития общественно-производственного процесса» (К., I, с. 112.—Курсив наш). Здесь подчеркивается тесная связь между формами и функциями денег и развитием производственных отношений людей.

Переход от денег к капиталу означает появление новой экономической формы. «Капитал—социальная форма, которую принимают средства воспроизводства на базисе наемного труда» (Theorien, III, S. 383), особая «общественная определенность» (там же, S. 547). Наемный труд есть также «общественная определенность труда» (там же, S. 563), т. е. определенная социальная форма труда. Подразделения производительного капитала (постоянный и переменный, основной и оборотный), рассматривавшиеся выше со стороны различия их функций, представляют также различные формы капитала (К., II, с. 107 и др.). Основной капитал представляет «определенность формы» (К., II, с. 108). Точно так же денежный, производительный и товарный капиталы представляют различные формы капитала (К., II, с. 20). Каждая из этих форм соответствует особой функции. Денежный и товарный капиталы суть «особые, отличные формы, как способы существования капитала, соответствующие особым функциям промышленного капитала» (К., II, с. 42). Капитал переходит «из одной функциональной формы в другую и, следовательно, поочередно функционирует во всех формах» (там же, с. 60). Если эти функции обособляются друг от друга и выполняются отдельными капиталами, то последние принимают самостоятельные формы товарно-торгового и денежно-торгового капиталов «вследствие того, что определенные формы и функции, которые временно принимает на себя в этом случае капитал, являются самостоятельными формами и функ-

циями обособившейся части капитала и исключительно ей свойственны» (К., III[1], с. 249).

Итак, экономические категории выражают различные производственные отношения людей и соответствующие им социальные функции или социально-экономические формы вещей. Эти функции или формы носят социальный характер, так как они присущи не вещам, как таковым, но вещам, которые фигурируют в определенной общественной среде, вещам, через посредство которых люди вступают в известные производственные отношения между собою. Эти формы отражают не свойства вещей, но свойства социальной среды. Иногда Маркс говорит просто «форма» или «определенность формы», но он имеет в виду именно «экономическую форму», «социальную форму», «исторически-общественную форму», «общественную форму», «общественную определенность формы», «экономическую определенность формы», «социальную определенность формы», «исторически-социальную определенность». (См. например К., I, с. 93, 94, 96; Kapital, III[2], S. 351, 359, 360, 366; Theorien, III, S. 484—485, 547, 563; Kritik, S 20 и др.) Иногда Маркс в том же смысле говорит, что вещь приобретает «общественное существование», «формальное существование» (Formdasein), «функциональное существование», «идеальное существование». (См. К., I, с. 75—77, 78; Theorien, III, S. 314, 349; Kritik, S. 28, 101, 100, 94.) Это социальное или функциональное существование вещей противопоставляется их «материальному существованию», «действительному существованию», «непосредственному существованию», «вещественному существованию» (К. I, с. 77, 78; Kritik, S. 102; Kapital, III[2], S. 359, 360 и III[1], S. 19; Theorien, III, S. 193, 292, 320, 434). В том же смысле социальная форма или функция противопоставляется «материальному содержанию», «материальной субстанции», «содержанию», «субстанции», «элементам производства», материальным и вещественным элементам и условиям производства (К. I, с. 2, 75, 93; К., III[2], с. 295; Kritik, S. 100—104, 121; Theorien, III, S. 315, 316, 318, 326, 329, 424 и др.)[1]). Все эти выражения, которые проводят различие между техническою и социальною функциями вещей, техническою ролью средств и условий труда и их социальною формою, по существу сводятся к тому основному различию, которое было установлено нами выше. Речь идет об основном различии между процессом материального производства и его общественною формою, о двух различных сторонах, технической и социальной, единого процесса трудовой деятельности людей. Политическая экономия изучает производственные отношения людей, т. е. социальные формы процесса производства, в отличие от его материально-технической стороны.

[1]) Необходимо указать, что иногда Маркс употребляет также в материально-техническом смысле термины «функция» и «форма», первый термин чаще, последний очень редко. Это создает терминологическое неудобство, но по существу не мешает Марксу проводить строгое различие между обоими смыслами этих терминов, за исключением отдельных мест, где у него встречаются неясности и противоречия (напр., во 2 отделе II тома Капитала). С другой стороны, термины «субстанция» и «содержание» употребляются Марксом не только в применении к материальному процессу производства, но и к его общественной форме.

Не значит ли это, что экономическая теория Маркса отрывает производственные отношения людей от развития производительных сил, изучая социальную форму производства, оторванную от его материально-технического содержания? Никоим образом. Каждая из социально-экономических форм, изучаемых Марксом, предполагает, как данное, определенные явления материально-технического процесса производства. Развитие формы стоимости и денег предполагает, как мы видели, постоянный «обмен веществ» (Stoffwechsel), переход материальных вещей. Стоимость предполагает потребительную стоимость, процесс образования стоимости предполагает процесс производства потребительных стоимостей. Абстрактный труд предполагает совокупность различных видов конкретного труда, приложенных в различных отраслях производства, а общественно-необходимый труд—различие в производительности труда в различных предприятиях одной и той же отрасли. Прибавочная стоимость предполагает определенный уровень развития производительных сил. Капитал и наемный труд представляют социальную форму технических факторов производства: вещественных и личных. После покупки капиталистом рабочей силы, это же различие вещественных и личных факторов производства принимает форму постоянного и переменного капиталов. Соотношение последних, т. е. органическое строение капитала, основано на известном техническом строении его. Другое деление капитала, на основной и оборотный, также предполагает техническое различие между медленным изнашиванием средств труда и полным потреблением предмета труда и рабочей силы. Метаморфозы, или изменение форм капитала, основаны на том, что производительный капитал организует непосредственно материальный процесс производства, а денежный и товарный капиталы имеют к нему более непосредственное отношение, представляя собою непосредственно фазу обращения. Отсюда, с одной стороны, различие между предпринимательскою прибылью, торговою прибылью и процентом, а с другой стороны—между трудом производительным и непроизводительным (занятым в фазе обращения). Воспроизводство капитала предполагает также воспроизводство его материальных составных частей. Образование общей средней нормы прибыли предполагает различное техническое и органическое строение капиталов в отдельных отраслях промышленности, а абсолютная рента предполагает такое же различие между промышленностью, с одной стороны, и сельским хозяйством,—с другой. В форме дифференциальной ренты выражается различная производительность труда в отдельных предприятиях земледелия и добывающей промышленности, вызываемая различием в плодородии и расположении отдельных земельных участков.

Как видим, производственные отношения между людьми вырастают на базисе известного состояния производительных сил, экономические категории предполагают определенные технические условия. Но в политической экономии последние выступают не как условия процесса производства, рассматриваемого с технической стороны, но лишь как предпосылки тех определенных социально-экономических форм, которые принимают процесс производства. Последний выступает в опре-

деленной социально-экономической форме, а именно в форме товарно-капиталистического хозяйства. Политическая экономия изучает именно эту форму хозяйства и свойственную ей совокупность производственных отношений между людьми. Известное учение Маркса, согласно которому потребительная стоимость составляет предпосылку, но не источник стоимости меновой, должно быть выражено в обобщенном виде: предметом изучения политической экономии являются «экономические формы», типы производственных отношений людей в капиталистическом обществе, которые имеют своею предпосылкою определенное состояние материального процесса производства и входящих в его состав технических факторов. Но Маркс всегда решительно протестовал против превращения последних из предпосылки политической экономии в предмет ее изучения. Он отвергал теории, которые выводят стоимость из потребительной стоимости, деньги из технических свойств золота, капитал из технической производительности средств производства. Экономические категории (или социальные формы вещей) находятся, конечно, в теснейшей зависимости от материального процесса производства, но они могут быть выведены из него не непосредственно, а лишь через посредствующее звено: производственные отношения людей. Даже в таких категориях, где технический и экономический моменты очень тесно связаны и почти покрывают друг друга, Маркс с величайшим искусством отличает их друг от друга, рассматривая первый как предпосылку последнего. Например, техническое развитие личных и вещественных факторов производства является предпосылкою или основою, на которой вырастает «функциональное», «формальное» или социально-экономическое различие переменного и постоянного капиталов. Но Маркс решительно отказывается видеть разницу между ними в том, что они «служат для оплаты материально отличного элемента производства» (К., III[1], с. 7). Для него эта разница состоит в функционально различной роли их в процессе увеличения капитала (там же). Различие между основным и оборотным капиталами состоит в различном способе перехода их **стоимости** на продукт, но не в различной быстроте их технического изнашивания. Последнее различие составляет материальную основу, предпосылку, «исходный пункт» первого, но не «искомое нами различие», которое имеет экономический, а не технический характер (К., II, с. 131; Theorien, III, S. 558). Принять эту техническую предпосылку за предмет изучения значило бы уподобиться вульгарным экономистам, которых Маркс обвиняет в «грубости» метода исследования за то, что «различия форм» интересуют их и рассматриваются ими «только с материальной стороны» (К., III[1], с. 249). Они «в своей грубой заинтересованности материей пренебрегают всякими различиями формы» (К., I, с. 423). Марксова экономическая теория изучает именно «различия форм» (социально-экономических форм, производственных отношений), которые, правда, вырастают на основе известных материально-технических условий, но не должны быть смешиваемы с ними. В этом именно и заключается та совершенно **новая методологическая постановка** экономических проблем, которая составляет великую заслугу Маркса и отличает его учение от

теории его предшественников-классиков. Внимание классиков было направлено на то, чтобы вскрыть материально-техническую основу социальных форм, которые они принимали за данные, не подлежащие дальнейшему анализу. Маркс же ставил себе целью раскрыть законы возникновения и развития социальных форм, принимаемых материально-техническим процессом производства на данной ступени развития производительных сил.

Это глубочайшее различие методов исследования классиков и Маркса отражает различные необходимые этапы развития экономической мысли. Научный анализ «исходит из готовых результатов процесса развития» (К., I, с. 34), из тех многочисленных социально-экономических форм вещей, которые он находит уже установившимися и фиксированными в окружающей действительности (стоимость, деньги, капитал, заработная плата и т. п.). Эти формы «успевают уже приобрести прочность естественных форм общественной жизни к тому времени, когда люди делают первую попытку дать себе отчет не в историческом характере этих форм—последние уже приобрели для них характер непреложности,—а лишь в их содержании» (там же, курсив наш). Чтобы вскрыть содержание этих общественных форм, классики при помощи анализа сводят более сложные формы к простым, абстрактным формам и таким образом в конечном счете приходят к материально-техническим основам процесса производства. При помощи такого анализа они в стоимости открывают труд, в капитале—средства производства, в заработной плате—средства существования рабочих, в прибыли—избыток продуктов, доставляемый ростом производительности труда. Исходя из готовых социальных форм и принимая их за вечные и естественные формы процесса производства, они не ставят себе вопроса об их возникновении. Для классической экономии «не представляет интереса генетически развивать различные формы, она хочет только свести их посредством анализа к их единству, так как она исходит из них, как из готовых предпосылок» (Theorien, III, S. 572). После того, как данные социально-экономической формы сведены в конечном счете к их материально-техническому содержанию, классики считают свою задачу законченною. Но именно там, где они прекращают свое исследование, его продолжает дальше Маркс. Не ограниченный кругозором капиталистического хозяйства и усматривая в нем только одну из многих существовавших и возможных социальных форм хозяйства, Маркс ставит вопрос: почему материально-техническое содержание трудового процесса на известной ступени развития производительных сил принимает именно данную социальную форму. Методологическая постановка проблемы у Маркса гласит приблизительно так: почему труд принимает форму стоимости, средства производства—форму капитала, средства существования рабочих—форму заработной платы, рост производительности труда—форму возрастания прибавочной стоимости. Его внимание направлено на анализ социальных форм хозяйства и на законы их возникновения и развития, на «действительный процесс образования форм (Gestaltungsprozess) в различных его фазах» (там же). Этот генетический (или диалектический) метод, включающий в

себя и анализ и синтез, Маркс противопоставляет односторонне-аналитическому методу классиков. Особенность этого генетического метода Маркса заключается, как видим, не только в его историческом, но и в его социологическом характере, в пристальном внимании к социальным формам хозяйства. Классики, исходя из этих социальных форм, как данных, стараются при помощи анализа свести сложные формы к более простым, чтобы в конечном счете вскрыть их материально-техническую основу или содержание. Маркс же, исходя из данного состояния материального процесса производства, из данного уровня производительных сил, старается объяснить возникновение и характер социальных форм, принимаемых материальным процессом производства, начиная с более простых форм и переходя от них при помощи генетического (или диалектического) метода все к более и более сложным. Отсюда отмеченный нами выше преобладающий интерес Маркса к «экономическим формам», к «определенностям формы» (Formbestimmtheiten).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВЕЩНЫЕ КАТЕГОРИИ.

На первый взгляд все основные понятия политической экономии (стоимость, деньги, капитал, прибыль, рента, заработная плата и т. д.) носят вещный характер. Маркс показал, что под каждым из них скрывается определенное общественное производственное отношение, которое в товарном хозяйстве осуществляется только через посредство вещи, тем самым сообщая последней определенный объективно-общественный характер, «определенность формы» (точнее: общественной формы), как иногда выражается Маркс. Изучая любую экономическую категорию, мы должны прежде всего указать то общественное производственное отношение, выражением которого она является. И лишь поскольку вещная категория является выражением именно данного, определенного производственного отношения, она входит в круг нашего исследования. Если та же вещная категория не связана с данным производственным отношением людей, мы выделяем ее из круга нашего исследования и оставляем в стороне. Мы объединяем экономические явления в группы и строим экономические понятия по признаку тождества выражаемых ими производственных отношений людей, а не по признаку совпадения их вещного выражения. Приведем пример. Теория стоимости изучает обмен между автономными товаропроизводителями, взаимодействие их в трудовом процессе через посредство продуктов их труда. Движение стоимости последних на рынке интересует экономиста не само по себе, а в его связи с распределением труда в обществе, с производственными отношениями независимых товаропроизводителей. Поскольку в обмене выступает, например, земля, не являющаяся продуктом труда, поскольку производственное отношение связывает здесь товаропроизводителя не с товаропроизводителем, а с землевладельцем, поскольку колебания цен земельных участков оказывают на ход и распределение производственного процесса иное влияние, чем колебания цен продуктов труда,— постольку перед нами, под тою же вещною формою обмена и стоимости, другая общественная связь, другое производственное отношение, подлежащее отдельному изучению, а именно в теории ренты. Поэтому земля, имея цену, т. е. денежное выражение стоимости (как вещной категории), не имеет «стоимости» в указанном выше смысле, т. е. цена земли не

выражает в акте обмена той функциональной общественной связи, которая связует стоимость продуктов труда с трудовою деятельностью независимых товаропроизводителей. Отсюда известные, столь часто неверно истолковывавшиеся слова Маркса: «Вещи, которые сами по себе не являются товарами, напр., совесть, честь и т. д., могут стать продажными для своих владельцев и, таким образом, при посредстве цены приобрести товарную форму. Следовательно, вещь формально может иметь цену, не имея стоимости. Выражение цены является здесь мнимым, как известные величины в математике. С другой стороны, мнимая форма цены,—напр. цена необработанной земли, которая не имеет стоимости, так как в ней не овеществлен человеческий труд,—может скрывать в себе действительное отношение стоимостей или производное от него отношение» (К., I, с. 56). Эти слова Маркса, нередко вызывавшие недоумение и даже насмешки критиков [1]), выражают глубокую мысль о возможном расхождении общественной формы трудовых отношений и соответствующей ей вещной формы. Последняя имеет свою собственную логику и может включать в себя иные явления, помимо тех производственных отношений, которые ею выражаются в данной экономической формации. Например, вещная форма обмена включает в себе, помимо обмена продуктов труда независимых товаропроизводителей—этого основного факта товарного хозяйства,—также обмен земельных участков, обмен невоспроизводимых благ или обмен в социалистическом обществе и т. п. С точки зрения вещной формы экономических явлений, продажа хлопка и продажа картины Рафаэля или участка земли ничем одна от другой не отличаются. Но с точки зрения их общественной природы, их связи с производственными отношениями и влияния на трудовую деятельность общества,—это явления разного порядка, которые должны быть изучаемы отдельно.

Маркс неоднократно подчеркивает, что одни и те же явления выступают в различном свете, в зависимости от их общественной формы. Одни и те же вещи, напр. средства производства, не являются капиталом в мастерской ремесленника, работающего ими, и представляют капитал, если ими выражается и при их помощи осуществляется производственное отношение между наемными рабочими и их нанимателем-капиталистом. Даже в руках капиталиста они представляют капитал только в пределах указанного производственного отношения между ним и наемными рабочими. В руках денежного капиталиста они играют другую общественную роль. «Средства производства представляют капи-

---

[1]) «Реальные явления — вроде ценности земли — объявляются «мнимыми», «иррациональными», а мнимые понятия — вроде таинственной меновой ценности, не проявляющейся в обмене,—признаются единственной реальностью» (Туган-Барановский, Теоретические основы марксизма, 4-е изд., 1918 г., стр. 118). Цитированная фраза Маркса означает, что хотя купля-продажа земли не выражает непосредственно отношений между товаропроизводителями через продукты их труда, но она связана с этими отношениями и может быть объясняема на их основе. Иначе говоря, теория ренты выводится из теории стоимости. Рикес неправильно толкует эту фразу в том смысле, что охрана собственности на землю требует издержек, т. е. труда, который и находит выражение в цене земли (Riekes, Wert und Tauschwert, S. 27).

тал, поскольку они функционируют по отношению к рабочему, как его не-собственность, т. е. как чужая собственность. Но в качестве таковой они функционируют только в противоположность к труду. Существование этих условий в форме противоположности труду превращает их собственника в капиталиста, а принадлежащие ему условия—в капитал. Но в руках денежного капиталиста *А* капитал лишен этого характера противоположности, превращающего его в капитал и, следовательно, собственность на деньги в собственность на капитал. Реальная определенность формы (Formbestimmtheit), благодаря которой деньги или товар превращаются в капитал, здесь исчезла. Денежный капиталист *А* не стоит ни в каком отношении к рабочему, но только к другому капиталисту *В*» (Theorien über den Mehrwert, III, S. 530—531, курсив Маркса). Определенность общественной формы, зависящая от характера производственных отношений,—такова основа построения и классификации экономических понятий.

Политическая экономия изучает определенные вещные категории постольку, поскольку они связаны с общественными производственными отношениями. И обратно: основные производственные отношения товарного хозяйства осуществляются и выражаются только в вещной форме и в этой именно своей форме изучаются теоретическою экономией. Особенность теоретической экономии как науки, изучающей товарно-капиталистическое хозяйство, состоит именно в том, что ею изучаются производственные отношения, принимающие вещную форму. Конечно, причина этого овеществления производственных отношений—в стихийности товарного хозяйства. Но именно потому, что товарное хозяйство, этот объект теоретической экономии, отличается стихийным характером, политическая экономия как наука о товарном хозяйстве имеет дело с вещными категориями. Логическое своеобразие теоретико-экономического познания должно быть выводимо именно из этого вещного характера экономических категорий, а не непосредственно из стихийности народного хозяйства. Переворот, произведенный Марксом в политической экономии, заключается в том, что под вещными категориями он усмотрел общественные производственные отношения,—этот подлинный объект политической экономии как науки общественной. Благодаря новой «социологической» точке зрения, экономические явления выступили в новом свете, в иной перспективе. Те самые законы, которые были установлены классиками-экономистами, в системе Маркса получают совершенно иной характер и иное значение[1].

[1] Игнорирование этого принципиального отличия марксовой теории стоимости от теории классиков составляет слабую сторону книжки Rosenberg, Ricardo und Marx als Werttheoretiker. См. нашу вступительную статью к русскому переводу этой книги.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

СТРУВЕ О ТЕОРИИ ТОВАРНОГО ФЕТИШИЗМА.

Изложенная точка зрения Маркса на экономические категории, как на выражение общественных производственных отношений, вызвала критические замечания со стороны П. Струве в его книге «Хозяйство и цена». Струве признает заслугу марксовой теории фетишизма в том, что она вскрыла под капиталом общественное производственное отношение между классами капиталистов и рабочих. Но он не считает правильным распространение теории фетишизма на понятие стоимости, равно как и на другие экономические категории. Из общей, принципиальной основы марксовой системы теория фетишизма превращается у Струве, как и у многих других критиков Маркса, в отдельный, хотя и блестящий экскурс.

Критика Струве тесно связана с его делением всех экономических категорий на три вида: 1) «Хозяйственные» категории выражают «экономические отношения всякого хозяйствующего субъекта к внешнему миру»[1]), напр. субъективная ценность. 2) «Междухозяйственные» категории выражают «явления, вытекающие из взаимодействия автономных хозяйств» (с. 17), напр. объективная (меновая) ценность. 3) «Социальные» категории выражают «явления, вытекающие из взаимодействия хозяйствующих людей, занимающих различное социальное положение» (с. 27), напр. капитал.

Только третью группу («социальные» категории) Струве подводит под понятие общественных производственных отношений. Иначе говоря, на место последнего понятия он ставит более узкое, а именно производственное отношение между общественными классами. Исходя отсюда, Струве признает, что производственные отношения (т. е. социальные или классовые) скрываются под категорией капитала, но отнюдь не под категорией стоимости (Струве употребляет термин «ценность»), которая выражает отношения между равноправными, независимыми, автономными товаропроизводителями и потому относится ко второй группе «междухозяйственных» категорий. Маркс правильно вскрыл фетишизм капитала, но ошибался в теории фетишизма товара и товарной стоимости.

---

1) Хозяйство и цена, т. I, стр. 17.

Неправильность рассуждений Струве вытекает из необоснованности его деления экономических категорий на три группы. Что касается «хозяйственных» категорий, то, поскольку они выражают явления «чистого хозяйствования», отвлекаясь от всяких общественных форм производства, они вообще лежат за пределами политической экономии, как науки общественной. «Междухозяйственные» категории нельзя, как то делает Струве, резко отделять от категорий социальных, ибо «взаимодействие автономных хозяйств» не есть только формальный признак, охватывающий различные экономические формации и свойственный всем историческим эпохам. Это—определенный социальный факт, определенное «производственное отношение» между единичными хозяйствами, основанными на частной собственности и связанными разделением труда, т. е. отношение, которое предполагает определенную социальную структуру общества и получает полное развитие только в товарно-капиталистическом хозяйстве.

Переходя, наконец, к «социальным» категориям, приходится отметить, что Струве без достаточных оснований ограничил их «взаимодействием хозяйствующих людей, занимающих различное социальное положение». Ведь, как указано, само «равенство» товаропроизводителей есть социальный факт, определенное производственное отношение. Сам Струве понимает тесную связанность категорий «междухозяйственных» (выражающих равенство товаропроизводителей) и «социальных» (выражающих классовое неравенство). Он говорит, что социальные категории «во всяком обществе, построенном по типу хозяйственного общения, как бы принимают форму категорий междухозяйственных... То обстоятельство, что категории социальные в междухозяйственном общении облекаются в костюм междухозяйственных категорий, создает видимость тождества между ними» (с. 27). На самом деле здесь нет, конечно, переодеваний в чужой костюм. Перед нами одна из основных, наиболее характерных черт товарно-капиталистического общества, состоящая в том, что в области хозяйства социальные отношения не носят характера непосредственного социального властвования одних общественных групп над другими, а осуществляются путем «экономического принуждения», т. е. через взаимодействие отдельных автономных хозяйствующих субъектов, на началах договора между ними. Капиталисты пользуются властью не «в качестве политических или теократических властителей», а «в качестве олицетворения условий труда в противоположность самому труду» (К., III^2, с. 341). Классовые отношения имеют своею исходною точкою отношения между капиталистом и рабочим, как между автономными хозяйствующими субъектами, они не могут быть изучаемы и поняты вне категории «стоимости».

Струве сам не может выдержать последовательно свою точку зрения. Капитал, по его мнению, социальная категория. А между тем он определяет его как «систему междуклассовых и внутриклассовых социальных отношений» (с. 31—32), т. е. отношений между классами капиталистов и рабочих, с одной стороны, и отношений между отдельными капиталистами в процессе распределения между ними совокупной прибыли—с другой стороны. Но ведь отношения между отдель-

ными капиталистами не вытекают «из взаимодействия хозяйствующих людей, занимающих различное социальное положение». Почему же они подведены под «социальную» категорию, капитал? Значит, «социальные» категории охватывают не только междуклассовые отношения, но и внутриклассовые, т. е. отношения между лицами одинакового классового положения. Что же мешает нам видеть «социальную» категорию в стоимости, а в отношениях автономных товаропроизводителей—общественное производственное отношение или, по терминологии Струве, отношение социальное.

Как видим, сам Струве не выдерживает резкого деления общественно-производственных отношений на два вида: междухозяйственные и социальные. Он поэтому неправ, усматривая «научную несостоятельность конструкции» Маркса в том, что «социальная категория—капитал, как общественное «отношение», выводится из хозяйственной категории—ценности» (с. 29). Во-первых, надо указать, что на стр. 30 Струве сам, на первый взгляд, противоречит себе, называя ценность категорией «междухозяйственной», а не хозяйственной. Повидимому, Струве относит к «хозяйственным» категориям ценность субъективную, а к «междухозяйственным»—объективную, меновую (это вытекает из сопоставления с его рассуждениями на стр. 25). Но ведь Струве отлично известно, что Маркс выводил капитал из ценности объективной, а не субъективной, т. е. по терминологии самого же Струве, из категории междухозяйственной, а не хозяйственной, в чем обвиняет его Струве. Действительно, и «социальная» категория, капитал, и «междухозяйственная» категория, стоимость, принадлежат в марксовой системе к одной и той же группе категорий. Это—общественные производственные отношения или, как выражается иногда Маркс, социально-экономические отношения, т. е. выражающие и момент хозяйственный и его общественную форму, в противоположность искусственному разрыву их у Струве.

Суживая понятие производственных отношений до понятия «социальных», точнее классовых, Струве сознает, что у Маркса это понятие имеет более широкий характер и пишет: «В «Нищете философии» отношениями производства является спрос и предложение, разделение труда, кредит, деньги. Наконец, на стр. 130 читаем: «современная фабрика, основанная на применении машин, есть общественное отношение производства, экономическая категория». Очевидно, что здесь общественными производственными отношениями считаются все решительно общеупотребительные экономические понятия нашего времени, и это несомненно постольку правильно, поскольку содержанием этих понятий являются так или иначе общественные отношения людей в процессе хозяйственной жизни» (с. 30). Но, не отрицая, казалось бы, правильности марксова понимания производственных отношений, Струве все же находит его «чрезвычайно неопределенным» (с. 30) и считает, как мы видели, более правильным ограничить его областью «социальных» категорий. Это крайне характерно для некоторых критиков марксизма. После Маркса игнорировать роль социального момента производства, т. е. его общественной формы, уже невозможно. Остается только, чтобы не соглашаться с выводами Маркса, резко отделить

момент социальный от экономического и обезвредить первый, отведя ему особую область. Так делает Струве, так делает и Бем-Баверк, который, основав свою теорию на мотивах «чистого хозяйствования», т. е. на мотивах хозяйствующего субъекта, отвлеченного от определенной социальной и исторической среды, обещает в будущем, когда-нибудь, обследовать роль и значение «социальных» категорий.

Ограничивая теорию фетишизма областью «социальных» категорий, напр., капитала, Струве считает неправильным распространение ее на категории «междухозяйственные», напр. на понятие стоимости. Отсюда двойственность в его позиции. С одной стороны, он высоко ценит марксову теорию капитала, как общественного отношения. Но, с другой стороны, в применении к другим экономическим категориям он сам поддерживает фетишистическую точку зрения. «Все междухозяйственные категории выражают таким образом всегда явления и отношения объективные, но в то же время человеческие—отношения между людьми. Так, субъективная ценность, превращаясь в объективную (меновую) ценность, из состояния сознания, из чувства, приурочиваемого к предметам (вещам), становится их свойством» (с. 25). Тут нельзя не усмотреть противоречия. С одной стороны, мы изучаем «отношения объективные, но и в то же время человеческие», т. е. общественные производственные отношения, осуществляющиеся через посредство вещей и выражаемые в вещах. С другой стороны, перед нами «свойство» самих вещей. И Струве делает вывод: «Отсюда ясно, что «овеществление», «объективация» человеческих отношений, т. е. явление, которое Маркс назвал фетишизмом товарного мира, в хозяйственном общении является психологической необходимостью, а поскольку научный анализ ограничивается—сознательно или бессознательно—хозяйственным общением, фетишистическая точка зрения является и методологически единственно правильною» (с. 25). Если бы Струве хотел доказать, что теоретическая экономия не может устранить вещные категории и обязана изучать производственные отношения товарного хозяйства в их вещной форме, то он, конечно, был бы прав. Вопрос только в том, изучаем ли мы, по примеру Маркса, эти вещные категории как формы проявления данных производственных отношений или как свойство вещей, к чему склоняется Струве.

Струве пытается еще одним аргументом отстоять фетишистическую, вещную точку зрения на «междухозяйственные» категории. «Рассматривая междухозяйственные категории, Маркс забывал, что в своих конкретных и реальных проявлениях они неразрывно связаны с отношениями человека к внешнему миру, природе, вещам» (с. 26). Иначе говоря, Струве подчеркивает роль процесса материального производства. Маркс достаточно учел эту роль в своем учении о зависимости производственных отношений от развития производительных сил. Но из значения вещей в процессе материального производства нельзя делать никаких выводов о значении вещных категорий при изучении общественной формы производства, т. е. производственных отношений. Маркс осветил и последний вопрос о своеобразной связанности в товарно-капиталистическом об-

ществе материального процесса производства с его общественною формою и на этом именно построил свою теорию товарного фетишизма.

У некоторых критиков марксизма стремление ограничить теорию фетишизма проявляется в форме обратной, чем у Струве. Струве признает фетишизм капитала, но не фетишизм стоимости. В известной мере обратное мы встречаем у Гаммахера. По его мнению, в первом томе великого труда Маркса «капитал определяется, как совокупность товаров в качестве накопленного труда», т. е. дается вещное определение капитала, и лишь в III томе появляется «фетишизм капитала». Гаммахер думает, что Маркс просто по аналогии перенес на капитал характеристику товара, как фетиша, полагая, что «товар и капитал различны только количественно» [1]).

Утверждение о том, что в первом томе «Капитала» капитал определяется как вещь, а не общественное отношение, не нуждается даже в опровержении: так противоречит оно всему содержанию I тома «Капитала». Не менее неправильна мысль, что Маркс видел только «количественное» различие между товаром и капиталом. Маркс подчеркивал, что капитал «возвещает наступление особой эпохи в истории общественно-производственного процесса» (К., I, с. 112). Но и товар и капитал скрывают в себе определенные общественные производственные отношения под вещною формою. Капиталистическому обществу одинаково присущ как фетишизм товара, так и вытекающий из него фетишизм капитала. Одинаково неправильно ограничивать марксову теорию фетишизма только областью капитала, как то делает Струве, или только областью простого товарного обращения. Овеществление общественных производственных отношений лежит в самом существе неорганизованного товарного хозяйства и накладывает свою печать на все основные категории как повседневного экономического мышления, так и политической экономии как науки о товарно-капиталистическом хозяйстве.

---

[1]) Hammacher, Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus, 1909, S. 546.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ФЕТИШИЗМА У МАРКСА.

Вопрос о происхождении и развитии теории фетишизма у Маркса остается до сих пор совершенно не исследованным. Насколько тщательно Маркс отмечал зачатки теории трудовой стоимости у всех своих предшественников и в трех томах «Теорий прибавочной стоимости» дал длинный ряд их теорий, настолько скуп был он в замечаниях о теории фетишизма. (В III т. Theorien über den Mehrwert, с. 354—355, изд. 1910 года, Маркс отмечает зародыши теории фетишизма у Годскина, по нашему мнению, совершенно неотчетливые и выраженные по частному случаю.) Если в экономической литературе с большим усердием, хотя без особого успеха, дебатировался вопрос об отношении марксовой теории стоимости к теории классиков, то развитие идей Маркса о товарном фетишизме не обращало на себя особого внимания.

Несколько замечаний о происхождении теории товарного фетишизма у Маркса мы находим в указанной выше книге Гаммахера. По его мнению, происхождение этой теории чисто «метафизическое». Маркс просто перенес в область экономики идеи Фейербаха о религии. По учению Фейербаха, развитие религии представляет собою процесс «самоотчуждения» человека: свою собственную сущность человек переносит во-вне, превращает в бога, отчуждает от себя. Эту теорию «отчуждения» Маркс переносит сперва на явления идеологические: «все содержания сознания представляют отчуждение экономических условий, из которых поэтому должна быть объясняема идеология» (Hammacher, цит. соч., с. 233). Далее Маркс распространяет эту теорию и на область экономических отношений и в них самих открывает «отчужденную», вещную форму. Он утверждает, что «для всех почти прежних исторических эпох самый способ производства представлял универсальное самоотчуждение; предметом стало то, что есть лишь отношение, общественное отношение. Теория отчуждения Фейербаха тем самым принимает другой характер» (там же, с. 233). «Как в религии, по Фейербаху, потребности рода, так, по Марксу, в общественной жизни экономические отношения овеществляются и выступают в качестве чужого существа» (с. 234). Итак, марксова теория фетишизма представляет «своеобразный синтез Гегеля, Фейербаха и Рикардо» (с. 236), с преимущественным влиянием, как мы видели, Фейербаха. Она переносит

религиозно-философскую теорию «отчуждения» Фейербаха в область экономики. Отсюда понятно, по мнению Гаммахера, что эта теория ничего не дает нам для понимания экономических явлений вообще и товарной формы в частности. «В метафизическом происхождении теории фетишизма лежит ключ к пониманию учения Маркса, но не к открытию товарной формы» (с. 544). Теория фетишизма содержит крайне ценную «критику современной культуры», овеществленной и подавляющей живого человека; но «как экономическая теория стоимости товарный фетишизм ошибочен» (с. 546). «Экономически несостоятельная теория фетишизма превращается в крайне ценную теорию социологическую» (с. 661).

Вывод Гаммахера о бесплодности теории фетишизма Маркса для понимания всей его экономической системы и в частности теории стоимости вытекает из его неправильного представления о «метафизическом» происхождении этой теории. Гаммахер ссылается на «Святое семейство», сочинение, написанное Марксом и Энгельсом в конце 1844 года, когда Маркс находился еще под сильным влиянием идей утопического социализма и в частности Прудона. Действительно, в этом сочинении мы находим зародыши теории фетишизма в виде противопоставления «общественных» или «человеческих» отношений их «отчужденной», вещной форме. Но это противопоставление имеет своим источником общераспространенный взгляд утопических социалистов на капиталистический строй, характеризуемый тем, что рабочий вынужден «самоотчуждать» свою личность и «отчуждать» от себя продукт труда; в этом находит свое выражение господство «вещи», капитала над человеком, над рабочим.

Приведем из «Святого семейства» несколько цитат. Капиталистическое общество представляет «практически отчужденное отношение человека к своей предметной сущности, равно как экономическое выражение человеческого самоотчуждения» (Литературное наследие, т. II; русск. перев., изд. 1908 г., с. 163—164). «В определении купли уже содержится то, что рабочий относится к своему продукту, как к предмету, потерянному для него, отчужденному» (с. 175). «Класс имущих и класс пролетариата одинаково представляют собой человеческое самоотчуждение. Но первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, в отчуждении видит свидетельство своего могущества и в нем обладает подобием человеческого существования. Второй же класс чувствует себя в этом отчуждении уничтоженным, видит в нем свое бессилие и действительность нечеловеческого существования» (с. 155).

Против «вершины бесчеловечности» капиталистической эксплоатации, против «отвлечения от всего человеческого, даже от видимости человеческого» (с. 156) поднимает свой голос утопический социализм во имя вечной справедливости и интересов угнетенных трудящихся масс. «Бесчеловечной» действительности он противопоставляет утопию, идеал «человеческого». За это именно Маркс и восхваляет особенно Прудона, противопоставляя его буржуазным экономистам. «Политико-экономы то выдвигают значение человеческого элемента, хотя бы только одной видимости его, в экономических отношениях,—но делают это в исклю-

чительных случаях, там именно, где они нападают на какое-нибудь специальное злоупотребление,—то берут эти отношения (и это в большой части случаев) такими, какие они есть, с их явно выраженным отрицанием всего человеческого, в их строго экономическом смысле» (с. 151). «Все выводы политической экономии имеют своей предпосылкой частную собственность. Эта основная предпосылка составляет в ее глазах неопровержимый факт, не подлежащий дальнейшему иселедованию... Прудон же подвергает основу политической экономии, частную собственность, критическому исследованию» (с. 149). «Делая рабочее время, непосредственное бытие человеческой деятельности как таковой, мерилом заработной платы и ценности продукта, Прудон делает человеческий элемент решающим. Между тем как в старой политической экономии решающим моментом была вещественная сила капитала и земельной собственности» (с. 172).

Итак, в капиталистическом обществе господствует «вещественный» элемент, сила капитала. Это не иллюзорное, ошибочное преломление в уме человеческом общественных отношений между людьми, отношений господства и подчинения; это реальный общественный факт. «Собственность, капитал, деньги, наемный труд и тому подобное представляют собой далеко не призраки воображения, а весьма практические, весьма конкретные продукты самоотчуждения рабочего» (с. 176—177). Этому «вещественному» элементу, фактически господствующему в экономической жизни, противопоставляется элемент «человеческий», как идеал, как норма, как должное. Человеческие отношения и их «отчужденная» форма—это два мира, мир должного и мир сущего, это осуждение капиталистической действительности во имя социалистического идеала. Это противопоставление напоминает марксову теорию товарного фетишизма, но по существу вращается в другом мире идей. Для того, чтобы эта теория «отчуждения» человеческих отношений превратилась в теорию «овеществления» общественных отношений (т. е. в теорию товарного фетишизма), Маркс должен был проделать путь от утопического социализма к научному, от восхваления Прудона к жестокой критике его идей, от отрицания действительности во имя идеала к исканию в самой действительности сил дальнейшего развития и движения. От «Святого семейства» Маркс должен был притти к «Нищете философии». Если в первом из этих сочинений Прудон восхваляется за то, что исходит в своих рассуждениях из отрицания частной собственности, то впоследствии Маркс строит свою экономическую систему именно на анализе товарного хозяйства, основанного на частной собственности. Если в «Святом семействе» Прудону вменяется в заслугу то, что он конституирует стоимость продукта на основе рабочего времени (как «непосредственного бытия человеческой деятельности»), то в «Нищете философии» он подвергается за это критике. Формула «определения стоимости рабочим временем» превращается в глазах Маркса из нормы должного в «научное выражение экономических отношений современного общества» («Нищета философии», 1928 г., стр. 67). От Прудона Маркс отчасти возвращается к Рикардо, от утопии переходит к изучению реальной действительности капиталистического хозяйства.

Переход Маркса от утопического социализма к научному внес коренное изменение в изложенную выше теорию «отчуждения». Если раньше противопоставление человеческих отношений и их «вещной» формы означало противопоставление должного и сущего, то теперь оба противополагаемых члена переносятся в мир сущего, в общественное бытие,—сама хозяйственная жизнь современного общества представляет собой, с одной стороны, совокупность общественных производственных отношений, а с другой—ряд «вещных» категорий, в которых указанные отношения проявляются. Производственные отношения между людьми и их «вещная» форма,—такова новая противоположность, которая родилась из прежнего противопоставления «человеческого» элемента в хозяйстве его «отчужденной» форме. Этим была найдена формула товарного фетишизма. Но потребовался еще ряд этапов для того, чтобы эта теория получила у Маркса свою окончательную формулировку.

Как видно из приведенных выше цитат из «Нищеты философии», Маркс в этом сочинении неоднократно говорит, что деньги, капитал и прочие экономические категории суть не вещи, а производственные отношения. Маркс дает общую формулировку этой мысли в следующих словах: «Экономические категории представляют собой лишь теоретические выражения, абстракции общественных отношений производства» («Нищета философии», с. 105). Под вещными категориями хозяйства Маркс уже разглядел общественные производственные отношения. Но он еще не ставит вопроса о том, почему в товарном хозяйстве производственные отношения людей необходимо принимают эту вещную форму. Этот шаг сделан Марксом в «Критике политической экономии», Маркс говорит, что «труд, создающий меновую стоимость, характеризуется еще тем, что общественное отношение лиц представляется, наоборот, как общественное отношение вещей» («Критика полит. экономии, русск. перев. Румянцева, изд. 1922 г., стр. 40). Здесь дана правильная формулировка товарного фетишизма, отмечается вещный характер, присущий производственным отношениям в товарном хозяйстве, но еще не указана причина этого «овеществления» и его неизбежность в неурегулированном народном хозяйстве.

В этом «овеществлении» Маркс, повидимому, видит прежде всего «мистификацию», более прозрачную в товаре, более запутанную в деньгах и капитале. Возможность этой мистификации он объясняет «привычкою повседневной жизни». «Только благодаря привычке повседневной жизни кажется совершенно обычным и само собою понятным, что общественные отношения производства принимают форму вещей и что отношение лиц в их труде является скорее как отношение, в которое вещи вступают друг к другу и к людям» (с. 41). Гаммахер вполне справедливо находит это объяснение товарного фетишизма привычкою очень слабым; но он глубоко неправ, утверждая, что это единственное объяснение, даваемое Марксом. «Прямо поразительно,—говорит он,—что Маркс пренебрег обоснованием этого существенного пункта; в «Капитале» он совсем не упоминается» (Hammacher, цит. соч., с. 235). Если в «Капитале» не упоминается о «привычке», то потому, что весь раздел первой главы о товарном фетишизме содержит полное

и глубокое объяснение этого явления: отсутствие непосредственного регулирования общественного процесса производства необходимо приводит к косвенному регулированию его через рынок, через продукты труда, через вещи. Отсюда «овеществление» производственных отношений не «мистификация» только, не иллюзия, а одна из особенностей экономической структуры современного общества. «Чисто-атомистические отношения между людьми в их общественно-производственном процессе приводят прежде всего к тому, что их собственные производственные отношения, стоящие вне их контроля и их сознательной индивидуальной деятельности, принимают вещный характер, вследствие чего все продукты их труда принимают форму товаров» (К., I, с. 48—49). Не из «привычки», а из внутреннего строения товарного хозяйства вытекает овеществление производственных отношений. Фетишизм—явление не только общественного сознания, но и общественного бытия. Утверждать, как то делает Гаммахер, что Маркс видел единственное объяснение фетишизма в «привычке», значит совершенно не считаться с тою окончательною формулировкою теории товарного фетишизма, которую мы находим в I томе «Капитала» и в главе о «триединой формуле» в III томе.

Итак, в «Святом семействе» «человеческий» элемент хозяйства противопоставляется «вещному», «отчужденному», как идеал—действительности. В «Нищете философии» Маркс вскрывает под вещью общественное производственное отношение. В «Критике политической экономии» отмечена особенность товарного хозяйства, заключающаяся в том, что общественные производственные отношения «овеществляются». Подробное описание этого явления и объяснение его объективной необходимости в товарном хозяйстве мы находим в I томе «Капитала», преимущественно в применении к понятиям стоимости (товара), денег и капитала. В III томе «Капитала», в главе о «триединой формуле», Маркс дает дальнейшее, хотя фрагментарное, развитие тех же мыслей в применении к основным понятиям капиталистического хозяйства и, в частности, отмечает своеобразное «сращение» общественных производственных отношений с процессом материального производства.

II. ТЕОРИЯ ТРУДОВОЙ СТОИМОСТИ МАРКСА.

Критики Маркса нередко бросают ему упрек в том, что он совершенно не доказал своей теории трудовой стоимости, а только декретировал ее, как нечто, само собою разумеющееся. Другие критики готовы видеть некоторое подобие доказательства в первых страницах «Капитала» и свою тяжелую артиллерию направляют против соображений, которыми Маркс начинает свой труд. Так поступает Бем-Баверк в своей критике («Теория Маркса и ее критика»; «Капитал и прибыль»); аргументы Бем-Баверка на первый взгляд кажутся столь убедительными, что, можно смело сказать, ни одна критика теории стоимости Маркса не обходится с тех пор без их повторения. А между тем, вся критика Бем-Баверка держится и падает вместе с предположением, на котором она построена: а именно, что первые пять страниц «Капитала» содержат единственное обоснование, которое Маркс дал своей теории стоимости. Нет ничего ошибочнее этой мысли. На первых страницах «Капитала» Маркс при помощи аналитического метода переходит от меновой стоимости к стоимости, а от стоимости—к труду. Но полное диалектическое обоснование теории стоимости Маркса может быть дано лишь на основе его теории товарного фетишизма, изучающей общую структуру товарного хозяйства. Надо вскрыть обоснование теории стоимости у Маркса, и лишь после этого нам станет понятным изложение Маркса в знаменитой первой главе «Капитала» и выступят в надлежащем свете как сама теория стоимости Маркса, так и направленные против нее многочисленные критические возражения. Только после работ Гильфердинга («Бем-Баверк как критик Маркса» и упомянутая выше статья «Постановка проблемы теоретической экономии у Маркса») стало намечаться правильное понимание социологического характера теории стоимости Маркса. Последняя берет своим исходным пунктом определенную социальную среду, общество с определенною производственною структурою. Это положение неоднократно повторялось марксистами; но до Гильфердинга никто не делал его краеугольным камнем всего здания марксовой теории стоимости. Гильфердингу принадлежит большая заслуга в этом отношении, но он, к сожалению, ограничился общею постановкою проблемы теории стоимости и не дал ей систематического обоснования.

Как было указано выше в отделе о товарном фетишизме, центр тяжести теории фетишизма заключается не в том, что под вещными категориями политической экономии она вскрывает производственные отношения людей, а в том, что эти производственные отношения людей в товарно-капиталистическом хозяйстве неизбежно принимают вещную

форму и только в этой форме могут осуществляться. Аналогично этому надо понимать и теорию стоимости Маркса. Обычная краткая формулировка этой теории гласит, что стоимости товаров зависят от количества труда, общественно-необходимого для их производства; или, в обобщенной формулировке, что под стоимостью скрыт или содержится труд, стоимость—«овеществленный» труд. Правильнее выражать теорию стоимости в обратном виде: в товарно-капиталистическом хозяйстве производственно-трудовые отношения между людьми неизбежно принимают форму стоимости вещей и только в этой вещной форме и могут проявляться; общественный труд может найти свое выражение только в стоимости. Здесь исходным пунктом исследования берется не стоимость, а труд—не акты рыночного обмена, как таковые, а производственная структура товарного общества, совокупность производственных отношений людей. Акты рыночного обмена выступают, как необходимое следствие внутренней структуры общества, как один из моментов общественного производственного процесса. Теория трудовой стоимости находит свое обоснование не в анализе акта обмена, как такового, в его вещной форме, а в исследовании тех общественных производственных отношений, выражением которых он является.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ МАРКСОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ.

Прежде чем приступить к подробному изложению марксовой теории стоимости, мы считаем необходимым дать общую ее характеристику. В противном случае изложение отдельных сторон и частных проблем теории стоимости, очень сложных и интересных, может заслонить от внимания читателя те основные идеи, на которых построена вся теория и которые проникают каждую ее часть. Разумеется, та общая характеристика марксовой теории, которую мы дадим в настоящей главе, сможет быть полностью развита и обоснована только в последующих главах. С другой стороны, в последних неизбежно будут иногда встречаться, в более подробном изложении, повторения мыслей, намеченных в настоящей главе.

Все основные понятия политической экономии выражают, как мы видели, овеществленные производственные отношения людей. Если мы с этой же точки зрения подойдем к теории стоимости, то перед нами встает задача доказать, что стоимость есть: 1) общественное отношение людей, 2) принявшее вещную форму и 3) связанное с процессом производства.

На первый взгляд стоимость, как и другие понятия политической экономии, кажется нам свойством вещи. Наблюдая явления обмена, мы видим, что каждая вещь на рынке обменивается на определенное количество любой другой вещи или—в условиях развитого обмена—на известную сумму денег (золота), за которую можно купить любую другую вещь на рынке (конечно, в пределах этой суммы). Эта сумма денег или цена вещи почти ежедневно изменяется, в зависимости от конъюнктуры рынка. Сегодня на рынке ощущался недостаток в сукне, и цена его вздорожала до 3 р. 20 к. за метр. Через неделю количество предлагаемого сукна на рынке превышает обычные размеры предложения, и цена падает до 2 р. 75 к. за метр. Эти повседневные колебания и отклонения цен, если взять более или менее продолжительный период времени, вращаются вокруг некоторого среднего уровня, вокруг средней цены, которая равна, например, 3 рублям за метр. В капиталистическом обществе эта средняя цена пропорциональна не трудовой стоимости продукта, т. е. количеству труда, необходимого для его производства, но так называемой «цене производства», ко-

торая равна издержкам производства на данный продукт плюс средняя прибыль на авансированный капитал. Однако, для упрощения анализа мы сейчас отвлекаемся от того факта, что сукно изготовлено капиталистом при помощи наемных рабочих. Ведь метод Маркса, как мы видели выше, заключается в выделении и изучении отдельных типов производственных отношений, которые только в своей совокупности дают картину капиталистического хозяйства. Пока мы изучаем только один, основной тип производственных отношений между людьми в товарном обществе, а именно отношения между ними, как **отдельными, друг от друга формально независимыми товаропроизводителями**. Мы знаем только, что сукно изготовляется товаропроизводителем и выносится на рынок для обмена или продажи другим товаропроизводителям. Перед нами общество товаропроизводителей, так называемое «простое товарное хозяйство», в отличие от более сложного, капиталистического. В условиях простого товарного хозяйства средние цены продуктов труда пропорциональны их трудовой стоимости, или стоимость представляет тот средний уровень, вокруг которого колеблются рыночные цены и с которым они совпадали бы в том случае, если бы **общественный труд** был пропорционально распределен между различными отраслями производства, и тем самым между ними установилось бы состояние равновесия.

Каждое общество, основанное на широком разделении труда, необходимо предполагает известное распределение общественного труда между различными отраслями производства. **Каждая система разделенного труда есть вместе с тем система распределенного труда**. В первобытной коммунистической общине, в патриархальной крестьянской семье или в социалистическом обществе труд всех членов данной хозяйственной единицы заранее сознательно распределяется между отдельными работами, в зависимости от характера потребностей членов группы и от уровня производительности труда. В товарном обществе никто не регулирует распределение труда между отдельными отраслями производства и отдельными предприятиями. Ни один суконщик не знает, сколько сукна требуется в данный момент обществу и сколько сукна изготовляется в данный момент во всех предприятиях суконного производства. Производство сукна поэтому то обгоняет спрос (перепроизводство), то отстает от него (недопроизводство). Иначе говоря, количество общественного труда, затрачиваемое на суконное производство, оказывается то чрезмерно большим, то недостаточным. Равновесие между суконною промышленностью и другими отраслями производства постоянно нарушается. Товарное хозяйство есть система постоянно нарушаемого равновесия.

Но если так, каким же образом оно продолжает существовать как совокупность разных отраслей производства, друг друга дополняющих? Товарное хозяйство может существовать только благодаря тому, что каждое нарушение равновесия вызывает тенденцию к его восстановлению. Эта тенденция к восстановлению равновесия осуществляется посредством механизма рынка и рыночных цен. В товарном обществе ни один товаропроизводитель не приказывает другому рас-

ширять или сокращать производство, но своими действиями по отношению к вещам одни люди воздействуют на трудовую деятельность других людей и—сами того не сознавая—побуждают их расширять или сокращать производство. Перепроизводство сукна и вызываемое им падение цен ниже стоимости побуждают суконщиков сократить производство; обратное происходит в случае недопроизводства. Отклонения рыночных цен от стоимости представляют тот механизм, при помощи которого устраняются перепроизводство и недопроизводство и создается тенденция к восстановлению равновесия между данною отраслью производства и другими отраслями народного хозяйства.

Обмен двух различных товаров по их стоимости соответствует состоянию равновесия между данными двумя отраслями производства, при котором всякие переливы труда из одной отрасли в другую прекращаются. Но если так, то, очевидно, обмен двух товаров по их стоимости уравнивает для товаропроизводителей выгодность производства в обеих данных отраслях и устраняет мотивы к переходу из одной отрасли в другую. В простом товарном хозяйстве такое уравнение условий производства в различных его отраслях означает, что определенное количество труда, затрачиваемое товаропроизводителями в разных сферах народного хозяйства, доставляет им продукт одинаковой стоимости. Стоимости товаров прямо пропорциональны количествам труда, необходимого для их производства. Если при данном состоянии техники на производство метра сукна требуется в среднем 3 часа труда (считая также труд, потраченный на сырье, орудия производства и т. п.), а на производство пары ботинок 9 часов труда, то—предполагая равную квалификацию труда суконщиков и сапожников—обмен трех аршин сукна на одну пару ботинок соответствует состоянию равновесия между обоими данными видами труда. Час труда сапожника и час труда суконщика уравниваются друг с другом, образуя каждый одинаковую долю совокупного общественного труда, распределенного между всеми отраслями производства. Труд, образующий стоимость, выступает таким образом не только в качестве количественно распределенного, но и в качестве социально уравненного (или равного) труда, короче говоря, в качестве «общественного» труда, под которым понимается совокупная масса однородного, равного труда всего общества. Этими общественными чертами труд обладает не только в товарном хозяйстве, но и, напр., в социалистическом. В последнем органы трудового учета заранее рассматривают труд отдельного лица, как часть единого совокупного труда общества, выраженную в условных общественных трудовых единицах. В товарном же обществе процесс обобществления, уравнения и распределения труда происходит иным образом. Труд отдельных лиц не является непосредственно общественным. Он становится общественным лишь благодаря тому, что уравнивается с любым другим трудом, а это уравнение труда происходит посредством обмена, в котором совершается абстрагирование (отвлечение) от конкретных потребительных стоимостей и конкретного вида труда. Поэтому труд, который рассматривался нами выше как обще-

ственный, социально уравненный и количественно распределенный, приобретает теперь особую качественную и количественную характеристику, присущую только товарному хозяйству: он выступает как абстрактный и общественно-необходимый труд. Стоимость товара определяется общественно-необходимым трудом, т. е. количеством абстрактного труда.

Но если стоимость определяется количеством труда, общественно-необходимого для производства единицы товара, то это количество труда в свою очередь зависит от производительности труда. Развитие производительности труда сокращает общественно-необходимое рабочее время и понижает стоимость единицы товара. Введение машин, например, позволяет производить пару ботинок в 6 часов вместо прежних 9 часов и, таким образом, понижает стоимость их с 9 руб. до 6 руб. (считая, что час сапожного труда, принимаемого нами здесь за средний труд, создает стоимость в 1 рубль). Удешевленная обувь начнет проникать в деревню, вытесняя лапти и самодельную обувь. Спрос на обувь увеличится, и обувное производство расширится. В народном хозяйстве произойдет некоторое перераспределение производительных сил. Таким образом движущий толчок к изменению всей системы стоимостей исходит из материально-технического процесса производства. Развитие производительности труда выражается в уменьшении количества конкретного труда, фактически затрачиваемого в среднем на производство. Но тем самым,—в силу двойственного характера труда как конкретного и абстрактного,—уменьшится количество этого же труда, рассматриваемого в качестве «общественного» или «абстрактного», т. е. как доля совокупного однородного труда общества. Развитие производительности труда, изменяя количество абстрактного труда, необходимого для производства, вызывает изменения стоимости продуктов труда, а изменения стоимости последних в свою очередь воздействуют на распределение общественного труда между разными отраслями производства. Производительность труда—абстрактный труд—стоимость—распределение общественного труда; такова схема товарного хозяйства, в котором стоимость играет роль регулятора, устанавливающего—среди постоянных отклонений и нарушений—равновесие в распределении общественного труда между различными отраслями народного хозяйства. Закон стоимости есть закон равновесия товарного общества.

Теория стоимости изучает законы обмена, приравнивания вещей на рынке лишь постольку, поскольку они связаны с законами производства, распределения труда в товарном хозяйстве. Каждая пропорция обмена двух товаров,—речь идет о средних пропорциях, а не о случайных рыночных ценах,—соответствует данному состоянию производительности труда, в отраслях, изготовляющих эти товары. Через уравнение вещей, продуктов труда, как стоимостей, происходит уравнение разных конкретных видов труда, как частей совокупного общественного труда, распределенного между разными отраслями. Поэтому ошибочным является ходячее представление о теории стоимости, как теории, ограничивающейся изучением меновых **соотношений вещей**. Она

ставит себе целью открыть под закономерностью приравнивания вещей законы равновесия труда. Однако неправильно также мнение, согласно которому марксова теория изучает отношение труда к вещи, как к продукту труда. Отношение труда к вещи имеет в виду данный, конкретный вид труда и данную, конкретную вещь; это—отношение техническое, которое само по себе теорию стоимости не интересует. Предмет изучения последней—соотношение разных видов труда в процессе его распределения, устанавливающееся через меновое соотношение вещей, продуктов труда. Таким образом марксова теория стоимости вполне удовлетворяет изложенным выше общим методологическим требованиям марксовой экономической теории, которая изучает не отношения между вещами и не отношения людей к вещам, но отношения между людьми, связывающие их через посредство вещей.

До сих пор мы изучали стоимость главным образом с ее количественной стороны. Мы рассматривали величину стоимости как регулятор количественного распределения общественного труда между отдельными отраслями производства. При этом наше исследование привело нас к понятию абстрактного труда, рассматриваемого опять-таки преимущественно с его количественной стороны, а именно как общественно-необходимый труд. Теперь мы должны вкратце рассмотреть качественную сторону стоимости. В учени Маркса стоимость рассматривается не только как регулятор распределения общественного труда, но и как выражение общественных производственных отношений людей. С последней точки зрения стоимость представляет собою социальную форму, приобретаемую продуктами труда при наличии определенных производственных отношений между людьми. От стоимости, рассматриваемой как количественно определенная величина, мы должны перейти к стоимости, рассматриваемой как качественно определенная социальная форма. Иначе говоря, от учения о «величине стоимости» мы должны перейти к учению о «форме стоимости» (Wertform) [1].

В товарном хозяйстве, как мы уже знаем, стоимость выполняет роль регулятора распределения труда. Вытекает ли эта роль стоимости из технических или социальных особенностей товарного хозяйства, т. е. из состояния его производительных сил или из формы свойственных ему производственных отношений людей? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы ответить на него в последнем смысле. Не всякое распределение общественного труда придает продукту форму стоимости, но лишь такое распределение труда, которое не направляется непосредственно обществом, а регулируется косвенно, через рынок и обмен вещей. В первобытной коммунистической общине или в феодальной деревне продукт труда имеет «ценность» в смысле полезности, потребительной стоимости, но не имеет «стоимости». Последнюю он приобретает только при том условии, если он производится специально для

[1]) Под формой стоимости здесь и в дальнейшем понимаются не те различные формы, которые стоимость принимает в ходе своего развития (напр., простая форма, развернутая и т. п.), а сама стоимость, рассматриваемая со стороны своей социальной формы, т. е. стоимость как форма.

продажи и на рынке получает объективную и точно определенную расценку, которая приравнивает его (через деньги) всем другим товарам и дает ему способность быть обмененным на любой другой товар. Иначе говоря, предполагается определенная форма хозяйства (товарное хозяйство), определенная форма организации труда в виде отдельных частновладельческих предприятий. Не труд, как таковой, но только труд, организованный в определенной социальной форме (в форме товарного хозяйства), придает продукту труда «стоимость». Если производители относятся друг к другу, как формально независимые организаторы хозяйства и автономные товаропроизводители, то продукты их труда противостоят друг другу на рынке, как «стоимости». Равенство товаропроизводителей, как организаторов частного хозяйства и контрагентов производственного отношения обмена, находит свое выражение в равенстве продуктов труда, как стоимостей. Стоимость вещей отражает определенный тип производственных отношений между людьми.

Если продукт труда приобретает стоимость только при определенной социальной форме организации труда, то, следовательно, стоимость представляет собою не «свойство» продукта труда, а определенную «социальную форму» или «социальную функцию», которую продукт труда выполняет, как связующее звено между разобщенными товаропроизводителями, как «посредник» или «носитель» производственного отношения между ними. Конечно, на первый взгляд стоимость кажется просто одним из свойств вещи. Когда говорим: «стол дубовый, круглый, крашеный, стоит или имеет стоимость в 25 рублей», то может показаться, что эта фраза сообщает сведения о четырех свойствах стола. Но, поразмысливши, мы убедимся, что первые три свойства стола резко отличаются от четвертого. Они характеризуют стол, как материальную вещь, и сообщают нам определенные сведения о технической стороне столярного труда. Человек опытный по этим свойствам стола восстановит картину технической стороны производства, получит представление о сырье, вспомогательных веществах, технических приемах и даже технической умелости столяра. Но, сколько бы он ни разглядывал стол, он ничего не узнает о социальных, производственных отношениях между производителем стола и другими людьми. Он не узнает, является ли производителем самостоятельный ремесленник, кустарь, наемный рабочий, или, может быть, член социалистической общины или столяр-любитель, изготовивший стол для личного употребления. Совсем иным характером отличается свойство продукта труда, выражаемое словами: «стол имеет стоимость в 25 рублей». Эти слова показывают, что стол есть товар, что он произведен для рынка, что производитель его связан с другими членами общества производственными отношениями товаровладельцев, что хозяйство имеет определенную социальную форму, а именно форму товарного хозяйства. Мы ничего не узнали о технической стороне производства или о самой вещи, зато узнали кое-что о социальной форме производства и о людях, участвующих в нем. Значит «стоимость» характеризует не вещь, а человеческое общество, в котором она производится.

Это—не свойство вещи, а «социальная форма», приобретаемая вещью вследствие того, что через ее посредство люди вступают в определенные производственные отношения между собою. Стоимость есть «социальное отношение, взятое как вещь», производственное отношение между людьми, принявшее форму свойства вещи. Трудовые отношения товаропроизводителей или общественный труд «овеществляется» и «кристаллизуется» в стоимости продуктов труда. Это значит, что *определенной социальной форме организации труда соответствует особая социальная форма продуктов труда*. «Труд, создающий (или точнее: определяющий, seztende) меновую стоимость, есть специфическая *общественная форма* труда». Он «создает определенную *общественную форму* богатства, меновую стоимость»[1]) (курсив наш). Определение стоимости, как выражения производственных отношений людей, не противоречит данному нами выше определению стоимости, как выражения абстрактного труда. Разница только в том, что раньше мы рассматривали стоимость с количественной стороны (как величину стоимости), а теперь—с качественной (как социальную форму). Соответственно этому и абстрактный труд выступал раньше с количественной стороны, а теперь с качественной, а именно как общественный труд в его специфической форме, предполагающей производственные отношения между людьми как товаропроизводителями.

Учение Маркса о «*форме стоимости*» (т. е. о социальной форме, принимаемой продуктом труда), являющейся результатом определенной социальной формы самого труда, представляет собой наиболее своеобразную и оригинальную часть марксовой теории стоимости. Положение, что труд образует стоимость, было известно задолго до Маркса, но в теории Маркса оно приобрело совсем другой смысл. Маркс провел точное различие между материально-техническим процессом производства и его общественною формою, между трудом, как совокупностью *технических приемов* (*конкретный труд*), и трудом, рассматриваемым со стороны его *социальной формы* в товарно-капиталистическом обществе (*абстрактный или всеобщий труд*). Особенность товарного хозяйства состоит в том, что материально-технический процесс производства обществом непосредственно не регулируется и ведется отдельными товаропроизводителями, конкретный труд является непосредственно частным трудом отдельных лиц. *Частный* труд отдельного товаропроизводителя связывается с трудом всех других товаропроизводителей и становится трудом *общественным* лишь постольку, поскольку продукт его труда приравнивается как стоимость всем другим товарам. Это уравнение всех продуктов как стоимостей одновременно, как мы видели, означает уравнение всех конкретных видов труда, затраченных в разных сферах народного хозяйства. Значит, частный труд отдельного лица приобретает характер труда общественного не непосредственно в том конкретном виде, в каком он затрачивается в процессе производства, но через посредство обмена, представляющего отвлечение (абстрагирование) от конкретных особен-

1) Kritik, S. 13, русск. перев. Пб., изд. 1922, стр. 42.

ностей отдельных вещей и отдельных видов труда. Правда, так как товарное производство уже заранее рассчитано на обмен, товаропроизводитель уже в процессе непосредственного производства, до акта обмена, приравнивает свой продукт определенной сумме стоимости (денег), а тем самым свой конкретный труд—определенному количеству абстрактного труда. Но, во-первых, это уравнение труда носит еще предварительный или «мысленно представляемый» характер и должно быть еще реализовано в действительном акте обмена, во-вторых, даже в этой своей предварительной форме уравнение труда, хотя и предшествующее акту обмена, происходит через посредство «мысленно представляемого» уравнения вещей как стоимостей. А так как уравнение труда через уравнение вещей вытекает из общественной формы товарного хозяйства, в котором отсутствует непосредственная общественная организация и уравнение труда, то, следовательно, абстрактный труд есть понятие социальное и историческое. Абстрактный труд выражает **не физиологическое равенство разных видов труда, но социальное уравнение разных видов труда, происходящее в специфической форме уравнения продуктов труда.**

Своеобразие марксовой теории стоимости заключается в том, что она выяснила, какой именно труд образует стоимость. «Маркс исследовал труд со стороны его свойства создавать стоимость и в первый раз установил, какой труд, почему и как образует стоимость, установил, что вообще стоимость есть не что иное, как кристаллизованный труд этого рода»[1]. (Курсив Энгельса.) Именно в выяснении «двойственного характера труда» Маркс усматривал центральную часть своей теории стоимости[2].

Итак, двойственный характер труда отражает различие между материально-техническим процессом производства и его общественною формою. Это различие, выясненное нами в главе о товарном фетишизме, составляет основу всей марксовой экономической теории, в том числе и теории стоимости. Из этого основного различия вытекает различие между трудом конкретным и абстрактным, которое в свою очередь отражается в противоположности потребительной стоимости и стоимости. В первой главе «Капитала» изложение Маркса идет в обратном порядке. Он начинает анализ с рыночных явлений, доступных наблюдению, с противоположности потребительной и меновой стоимости. От этой противоположности, заметной на поверхности явлений, он как бы спускается вниз, к двойственному характеру труда, как конкретного и абстрактного, чтобы в конце первой главы, в разделе о «товарном фетишизме», вскрыть социальные формы, принимаемые материально-техническим процессом производства. От вещей через труд Маркс приходит к человеческому обществу, от явлений, бросающихся в глаза, к явлениям, которые должны быть еще вскрыты научным

---

1) Энгельс. Предисловие ко II тому Капитала, стр. XXV.

2) Капитал, I, стр. 6, Письма Маркса и Энгельса, перевод В. Адоратского, 1923, стр. 168.

анализом. К этому аналитическому методу Маркс для облегчения изложения прибегает на первых пяти страницах «Капитала». Но диалектический ход его мысли следует представить себе в обратном порядке. От различия между процессом производства и его общественною формою, от социальной структуры товарного хозяйства Маркс переходит к двойственному характеру труда, рассматриваемого с технической и социальной сторон, и к двойственной природе товара, как потребителей стоимости и меновой стоимости. При поверхностном чтении «Капитала» может показаться, что в противоположности потребительной и меновой стоимости Маркс усматривает различные свойства вещи как таковой (так понимали Маркса Бем-Баверк и ряд других критиков). На самом же деле речь идет о различии между «материальным» и «функциональным» существованием вещи, между продуктом труда и его социальною формою, между вещью и производственным отношением людей, «сращенным» с вещью, т. е. проявляющимся через посредство вещи. Таким образом перед нами обнаруживается глубокая, неразрывная связь марксовой теории стоимости с общими методологическими основами, изложенными в его теории товарного фетишизма. Стоимость есть производственное отношение между автономными товаропроизводителями, принявшее форму свойства вещи и связанное с распределением общественного труда. Или,—рассматривая то же явление с другой стороны,—стоимость есть способность продуктов труда каждого товаропроизводителя обмениваться на продукты труда любого другого товаропроизводителя в определенной пропорции, соответствующей данному уровню производительности труда в различных отраслях производства. Перед нами отношение людей, принявшее форму свойства вещи и связанное с процессом распределения труда в производстве, иначе говоря овеществленное производственное отношение людей. Овеществление труда в стоимости представляет важнейший вывод из теории фетишизма, доказывающей неизбежность «овеществления» производственных отношений людей в товарном хозяйстве. Теория трудовой стоимости утверждает не материальную конденсацию труда как фактора производства в вещах как продуктах труда,—явление, имевшее место во всех исторических формациях и представляющее техническую предпосылку стоимости, но не ее источник,—а фетишизированное, овеществленное, выражение общественного труда в стоимости вещей. Труд «кристаллизуется» или оформляется в стоимости в том смысле, что принимает социальную «форму стоимости», в ней выражается или «представляется» (sich darstellt). Последнее выражение употребляется Марксом наиболее часто для характеристики отношения между абстрактным трудом и стоимостью. Можно только удивляться, что критики Маркса не замечали этой неразрывной связи его теории трудовой стоимости с учением об овеществлении или фетишизации производственных отношений людей и понимали марксову теорию стоимости в механическо-натуралистическом, а не социологическом смысле.

Итак, марксова теория изучает явления стоимости с качественной и количественной сторон. Теория стоимости Маркса построена на двух основных устоях: 1) на учении о форме стоимости, как вещном

выражении абстрактного труда, который в свою очередь предполагает наличие общественных производственных отношений между автономными товаропроизводителями, и 2) на учении о распределении общественного труда и о зависимости величины стоимости от количества абстрактного труда, которое в свою очередь зависит от развития производительности труда. Это две стороны одного и того же процесса: теория стоимости изучает социальную форму стоимости, в которой проявляется процесс распределения труда в товарно-капиталистическом хозяйстве. «Форма, в которой проявляется это пропорциональное распределение труда при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда,—эта форма и есть меновая стоимость этих продуктов»[1] (курсив наш). Стоимость, таким образом, и качественно и количественно является выражением абстрактного труда и через посредство последнего связана одновременно и с социальною формою общественного процесса производства и с его материально-техническим содержанием. Это и понятно, если вспомнить, что стоимость, как и прочие экономические категории, выражает не вообще отношения людей, но именно производственные отношения людей. Поскольку Маркс изучает стоимость, как социальную форму продуктов труда, обусловленную определенною социальною формою труда, на первый план выдвигается качественная, социологическая сторона стоимости. Поскольку в данной социальной форме происходит процесс распределения и развития производительности труда, движение «количественно-определенных масс общественного совокупного труда»[2], подчиненное закону пропорционального распределения труда, постольку огромное значение приобретает количественная, если можно так выразиться, математическая сторона явлений стоимости. Основная ошибка большинства критиков Маркса заключается в том, что 1) они совершенно не поняли качественной, социологической стороны марксовой теории стоимости и 2) ограничивали количественную сторону исследованием меновых пропорций, т. е. количественных соотношений стоимости вещей, игнорируя лежащие в их основе количественные соотношения масс общественного труда, распределенного между отдельными отраслями производства и отдельными предприятиями.

Мы вкратце рассмотрели стоимость с двух сторон: качественной и количественной (т. е. стоимость как социальную форму и величину стоимости). Каждый из этих путей исследования приводил нас к понятию абстрактного труда, которое в свою очередь, подобно понятию стоимости, выступало перед нами то преимущественно с качественной стороны (социальная форма труда), то с количественной стороны (общественно-необходимый труд). Таким образом стоимость должна быть признана нами—как с качественной, так и с количественной стороны—

[1] «Письма Маркса к Кугельману», перев. под ред. Н. Ленина, 1907, стр. 44 или «Письма Маркса и Энгельса», пер. В. Адоратского, 1923, стр. 177.

[2] Маркс, Письма к Кугельману, 1907, стр. 43.

выражением абстрактного труда. Абстрактный труд представляет собой то «содержание» или ту «субстанцию», которая находит свое выражение в стоимости продуктов труда. Перед нами поэтому ставится также задача изучения стоимости с этой стороны—со стороны ее связи с абстрактным трудом, как «субстанцией» стоимости.

В итоге мы приходим к выводу, что полное познание стоимости, представляющей собою в высшей степени сложное явление, требует тщательного исследования ее с трех сторон: со стороны величины стоимости, формы стоимости и субстанции (содержания) стоимости. Можно также сказать, что стоимость должна быть рассмотрена нами: 1) как регулятор количественного распределения общественного труда, 2) как выражение общественных производственных отношений людей и 3) как выражение абстрактного труда.

Это тройное деление поможет читателю ориентироваться в порядке нашего дальнейшего изложения. Прежде всего мы должны рассмотреть в целом механизм связи между стоимостью и трудом. Этой проблеме посвящены девятая—одиннадцатая главы, причем в девятой главе стоимость рассматривается как регулятор распределения труда, в десятой главе—как выражение производственных отношений людей, в одиннадцатой главе—со стороны связи ее с абстрактным трудом. Только такое всестороннее исследование механизма связи труда со стоимостью в его целом может дать нам обоснование марксовой теории стоимости (поэтому содержание девятой—одиннадцатой глав может быть охарактеризовано как обоснование теории трудовой стоимости) и подготовить нас к анализу отдельных составных частей этого механизма: 1) стоимости, образуемой трудом, и 2) труда, образующего стоимость. Глава двенадцатая посвящена анализу стоимости, рассматриваемой со стороны ее формы, содержания (субстанции) и величины. Наконец тринадцатая—шестнадцатая главы дают анализ труда, образующего стоимость, опять-таки с тех же трех сторон. Поскольку стоимость является выражением общественных отношений людей, мы должны прежде всего дать общую характеристику общественного труда (тринадцатая глава). В товарном хозяйстве общественный труд получает более точную характеристику в качестве абстрактного труда, составляющего «субстанцию» стоимости (четырнадцатая глава). Сведение конкретного труда к абстрактному включает в себя сведение квалифицированного труда к простому (пятнадцатая глава), и таким образом учение о квалифицированном труде является дополнением к учению об абстрактном труде. Наконец количественная сторона абстрактного труда выступает в виде общественно-необходимого труда (шестнадцатая глава).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

СТОИМОСТЬ КАК РЕГУЛЯТОР ПРОИЗВОДСТВА.

После выхода в свет первого тома «Капитала» Кугельман сообщил Марксу, что, по мнению многих читателей его книги, им не доказано понятие стоимости. В цитированном уже письме от 11 июля 1868 года Маркс в довольно сердитом тоне отвечал на эти упреки, прибавив: «Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говоря уже на год, а хотя бы на несколько недель. Точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства; измениться может лишь форма ее проявления... Форма, в которой проявляется это пропорциональное распределение труда при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда,—эта форма и есть меновая стоимость этих продуктов» [1].

Здесь Марксом намечен один из основных устоев его теории стоимости. В товарном хозяйстве распределение общественного труда между различными отраслями промышленности, соответствующее данному состоянию производительных сил, никем сознательно не поддерживается и не регулируется. При автономности отдельных товаропроизводителей в ведении производства, точное повторение и воспроизведение раз данного процесса общественного производства совершенно невозможно, а тем более невозможно пропорциональное его расширение. При несвязанности действий отдельных товаропроизводителей, неизбежны постоянные, повседневные отклонения в сторону чрезмерного расширения или сокращения производства. Если бы каждое отклонение имело тенденцию к дальнейшему, безостановочному развитию, продолжение производства стало бы невозможным; народное хозяйство, построенное на разделении труда, распалось бы. Но в действительности каждое отклонение производства вверх или вниз вызывает силы, которые останавливают откло-

[1] «Письма к Кугельману», перев. под ред. Н. Ленина, 1907, стр. 43—44 или «Письма Маркса и Энгельса», 1923, стр. 177.

ние в данном направлении и рождают движение в противоположном направлении. Чрезмерное расширение производства приводит к падению цен на рынке, следствием чего является сокращение производства, большею частью даже ниже необходимого уровня. Дальнейшее сокращение производства задерживается повышением цен. Хозяйственная жизнь представляет собою море колебательных движений. Ни в один момент нельзя наблюдать состояние равновесия в распределении труда между различными отраслями производства. Но без такого теоретически мыслимого состояния разновесия нельзя объяснить себе характер и направление колебательных движений.

Состоянию равновесия между двумя отраслями производства соответствует обмен продуктов по их стоимости. Иначе говоря, этому состоянию равновесия соответствует среднее состояние цен, тоже теоретически мыслимое, с действительным движением конкретных рыночных цен не совпадающее, но их объясняющее. Эта теоретическая абстрактная формула движения цен и есть «закон стоимости». Отсюда понятно, что всякие возражения против теории стоимости, основанные на факте несовпадения конкретных рыночных цен с теоретическою «стоимостью», представляют не более как недоразумение. Именно отклонение цен от стоимости и есть тот механизм, при помощи которого устраняются нарушения в распределении труда между различными отраслями производства и создается движение в том направлении, где лежит теоретически мыслимое равновесие общественного производства. Полное совпадение рыночной цены с стоимостью означало бы устранение того единственного регулятора, который не дает различным частям народного хозяйства двигаться в противоположном направлении, что привело бы к хозяйственному развалу. «Возможность количественного несовпадения между ценою и величиною стоимости или возможность отклонения цены от величины стоимости заключена уже в самой форме цены. И здесь нельзя видеть недостатка этой формы,—наоборот, именно эта отличительная черта делает ее наилучше приспособленной к современному способу производства, при котором правило может прокладывать себе путь сквозь беспорядочный хаос явлений только как слепо действующий закон средних чисел» (К., I, с. 56).

Данное состояние рыночных цен, регулируемое законом стоимости, предполагает данное распределение общественного труда между отдельными отраслями производства и в свою очередь видоизменяет в определенном направлении это распределение. В одном месте Маркс говорит о «барометрических колебаниях рыночных цен» (К., I, с. 268, 269). Это выражение надо дополнить. Действительно, колебания рыночных цен есть барометр—показатель процессов распределения общественного труда, происходящих в глубине народного хозяйства. Но это—барометр совершенно необычный; барометр, который не только показывает погоду, но и исправляет ее. Одна погода сменяется другою и без показаний барометра. Но одна фаза распределения общественного труда сменяется другою только через посредство колебаний рыночных цен и под их давле-

нием. Если движение рыночных цен связывает две фазы распределения труда в общественном хозяйстве, мы вправе предполагать тесную внутреннюю связь между трудовою деятельностью хозяйствующих субъектов и стоимостью. Объяснение последней мы будем искать в процессе общественного производства, т. е. в трудовой деятельности людей, а не в явлениях, лежащих вне сферы производства или не связанных с нею постоянною функциональною связью; например, не в субъективных оценках отдельных лиц или в математическом соотношении цен и количества благ, поскольку последнее соотношение берется, как данное, вне связи с процессом производства. Явления стоимости могут быть поняты только в тесной связи с трудовою деятельностью общества; объяснение стоимости надо искать в общественном «труде». Таков наш первый, наиболее общий вывод.

Роль стоимости, как регулятора распределения труда в обществе, указана Марксом не только в письме к Кугельману, но и в целом ряде мест «Капитала». Едва ли не в наиболее развитом виде изложены эти соображения в главе 12 разд. 4 первого тома «Капитала» (Разделение труда в мануфактуре и разделение труда в обществе): «В мануфактуре железный закон строго определенных пропорций и отношений распределяет рабочие массы между различными функциями; наоборот, прихотливая игра случая и произвола определяет собою распределение товаропроизводителей и средств их производства между различными отраслями общественного труда. Правда, различные сферы производства постоянно стремятся к равновесию, потому что, с одной стороны, каждый товаропроизводитель должен производить потребительную стоимость, т. е. удовлетворять определенной общественной потребности,— причем размеры этих потребностей количественно различны, и различные потребности внутренно связанны между собой в одну естественную систему,—с другой стороны, закон стоимости товаров определяет, какую часть находящегося в распоряжении общества рабочего времени оно в состоянии затратить на производство каждого данного товарного вида. Однако эта постоянная тенденция различных сфер производства к равновесию обнаруживается лишь как реакция против постоянного нарушения этого равновесия. Норма, применяемая при разделении труда внутри мастерской с самого начала и планомерно, при разделении труда внутри общества действует лишь впоследствии, как внутренняя, слепая сила природы, которая подчиняет себе беспорядочный произвол товаропроизводителей и воспринимается только в виде барометрических колебаний рыночных цен» (К., I, с. 268, 269).

Ту же мысль выражает Маркс и в третьем томе: «Распределение этого общественного труда и его взаимное довершение, обмен веществ между его продуктами, его подчинение ходу общественного механизма и включение в этот последний,—все это предоставлено случайным взаимно уничтожающимся стремлениям единичных капиталистических производителей... Лишь как внутренний закон, как слепой закон природы выступает в глазах отдельных деятелей производства закон стоимости и осуществляет общественное равновесие производства среди случайных колебаний» (К., III², с. 340).

Итак, без пропорционального распределения труда между различными отраслями хозяйства товарного общества существовать не может. Но осуществление этого пропорционального распределения труда возможно только путем преодоления глубокого внутреннего противоречия, лежащего в самой основе товарного общества. С одной стороны, оно разделением труда объединяется в единое народное хозяйство, отдельные части которого тесно связаны между собой и взаимно обусловлены. С другой стороны, частная собственность и автономное хозяйствование отдельных товаропроизводителей разбивают общество на ряд единичных независимых хозяйств. Это раздробленное товарное общество «становится обществом только посредством обмена, единственного общественного процесса, который знает экономию этого общества»[1]). Товаропроизводитель формально автономен, он действует по своему одностороннему усмотрению, руководясь своею выгодою, как он ее понимает. Но благодаря процессу обмена он связывается с своим контрагентом, а через него,—при конкуренции, стремящейся свести условия рыночного торга к одному уровню,—косвенно связывается со всем рынком, т. е. со всей совокупностью продавцов и покупателей. Через обмен, через стоимость продуктов труда, создается производственная связь между отдельными товаропроизводителями одной отрасли производства, между различными отраслями производства, между отдельными местностями страны и между отдельными странами. Связь создается не только в том смысле, что товаропроизводители вступают друг с другом в обмен, в общение и тем связываются. Связавшись в обмене продуктов труда, они связываются и в своих производственных процессах, в своей трудовой деятельности, так как уже в процессе непосредственного производства они вынуждены считаться с предполагаемыми условиями рынка. Через обмен и стоимость товаров трудовая деятельность одних товаропроизводителей воздействует на трудовую деятельность других и вызывает в ней определенные видоизменения, сама в свою очередь подвергаясь их воздействию. Отдельные части народного хозяйства взаимно приспособляются одна к другой. Но это приспособление возможно лишь постольку, поскольку одна часть влияет на другую через движение цен на рынке, подчиненное «закону стоимости». Иначе говоря, только через «стоимость» товаров может трудовая деятельность отдельных независимых производителей привести к производственному единству, именуемому народным хозяйством, к взаимосвязанности и взаимообусловленности труда отдельных членов общества. Стоимость есть тот передаточный ремень, который, передавая движение трудовых процессов от одной части общества к другой, осуществляет трудовое единство этого общества.

Мы стоим, следовательно, перед следующею дилеммою: в товарном обществе, где трудовая деятельность отдельных лиц не регулируется и не подвергается непосредственному взаимному приспособлению, производственно-трудовая связь между отдельными товаропроизводителями может реализоваться либо через посредство процесса обмена, в кото-

---

[1]) Гильфердинг, Финансовый капитал, 1923, стр. 6.

ром продукты труда приравниваются как стоимости, либо она вовсе не может реализоваться. Но взаимосвязанность отдельных частей народного хозяйства есть факт несомненный. Значит, объяснения этого несомненного факта мы должны искать в движении стоимости товаров. За движением стоимости мы должны вскрыть взаимосвязанность трудовых деятельностей отдельных лиц. Мы утверждаем, таким образом, зависимость явлений стоимости от трудовой деятельности людей, мы утверждаем принципиальную связь «стоимости» с «трудом». При этом нашим исходным пунктом является не стоимость, а труд. Ошибочно представлять себе дело таким образом, будто Маркс исходит из явлений стоимости в их вещном выражении и, анализируя их, приходит к выводу, что общим в обмениваемых и оцениваемых вещах может быть только труд. Ход мысли Маркса по существу обратный. В товарном обществе труд отдельных товаропроизводителей, который непосредственно является трудом *частным*, может приобрести характер труда *общественного*, т. е. может подвергнуться процессу *взаимного связывания и согласования*, только через «*стоимость*» *продуктов труда*. Труд может найти свое выражение, как явление общественное, только в «стоимости». Своеобразие теории трудовой стоимости Маркса в том, что он обосновывает ее не свойствами «стоимости», т. е. *акта приравнивания и оценки вещей*, а свойствами «труда» в товарном обществе, т. е. на анализе *трудовой структуры и производственных отношений* последнего. Маркс сам отметил эту особенность своей теории в словах: «Правда, политическая экономия исследовала—хотя и недостаточно—стоимость и величину стоимости и раскрыла заключающееся в этих формах содержание. Но она ни разу даже не поставила вопроса: почему это содержание принимает такую форму, другими словами, *почему труд выражается в стоимости*, а продолжительность труда, как его мера, в величине стоимости продукта труда» (К., I, с. 37, 38, курсив наш). Беря за исходный пункт трудовую деятельность людей, Маркс показывает, что в товарном обществе она необходимо принимает форму стоимости продуктов труда.

Противники марксовой теории стоимости особенно возражают против «привилегированного» положения, которое отводится этой теорией труду. Они приводят длинный ряд факторов и условий, изменение которых сопровождается изменением в движении цен товаров на рынке, и спрашивают, на каком основании труд выделяется из этого ряда и ставится на особое место. На это приходится ответить, что в теории стоимости речь идет не о труде, как техническом факторе производства, а о трудовой деятельности людей, как основе жизни общества, и о тех социальных формах, в которых этот труд организован. Без анализа производственно-трудовых отношений общества нет политической экономии; а анализ этот показывает, что в товарном хозяйстве производственно-трудовая связь между товаропроизводителями не может выражаться иначе, как в вещной форме стоимости продуктов труда.

Нам могут возразить, что утверждение внутренней причинной связи между стоимостью и трудом—связи, необходимо вытекающей из самой

структуры товарного хозяйства—носит слишком общий характер и вряд ли будет оспариваться и противниками марксовой теории стоимости. Ниже мы увидим, что формулировка теории трудовой стоимости, которую мы даем пока в самом общем виде, впоследствии приобретет более конкретные черты. Но и в этой общей формулировке постановка проблемы стоимости заранее исключает целый ряд теорий и обрекает на неудачу целый ряд поисков. А именно, заранее исключаются теории, которые ищут причины, определяющие стоимость и ее изменения, в явлениях, не находящихся в непосредственной связи с трудовою деятельностью людей, с процессом производства (например, теория австрийской школы, исходящая из субъективных оценок отдельных субъектов, взятых вне производственного процесса и конкретных общественных форм, в которых он протекает). Какие бы отдельные остроумные объяснения ни давала такая теория, как бы удачно ни вскрывала она отдельные явления изменения цен,—она страдает основным пороком, заранее обесценивающим все ее частные успехи: она не объясняет самого производственного механизма современного общества, возможности его нормального функционирования и развития. Вырвав из производственного механизма товарного хозяйства его передаточный ремень, стоимость, она лишает себя всякой возможности понять строение и ход этого механизма. Мы должны утверждать связь между стоимостью и трудом не для того только, чтобы понять явления «стоимости», но и для того, чтобы уразуметь явления «труда» в современном обществе, т. е. возможность единства производственного процесса в обществе, состоящем из независимых товаропроизводителей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

РАВЕНСТВО ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ И РАВЕНСТВО ТОВАРОВ.

Товарно-капиталистическое хозяйство, как и всякое хозяйство, основанное на разделении труда, не может существовать без пропорционального распределения труда между отдельными отраслями производства. Такое распределение труда осуществляется только при связанности и взаимообусловленности трудовых деятельностей отдельных лиц, а эта производственно-трудовая связь при неурегулированном товарном производстве осуществляется только через процесс рыночного обмена, через стоимость товаров. Исследование процесса обмена, его общественной формы и его связи с производством товарного общества, составляет по существу предмет марксовой теории стоимости [1]).

В первой главе «Капитала» Маркс, молчаливо предполагая изложенные социологические предпосылки теории стоимости, начинает прямо с анализа акта обмена, в котором находит свое выражение равенство обмениваемых товаров. Для большинства критиков Маркса эти социологические предпосылки остались книгою за семью печатями. Они не видят того, что теория стоимости Маркса представляет вывод из исследования общественно-экономических отношений, характеризующих товарное хозяйство. Для них она не более как «чисто логическое доказательство, диалектическая дедукция из существа обмена» [2]).

Мы знаем, что на самом деле Маркс исследует не акт обмена, как таковой, вне связи с определенным экономическим строем общества. Он исследует производственные отношения определенного общества, именно товарно-капиталистического, и роль обмена в этом обществе. Если кто-нибудь строит теорию стоимости на анализе акта

---

[1]) Зиммель понимает, что экономическое исследование берет за исходный пункт не обмениваемые вещи, а социально-экономическую роль обмена: «Обмен есть социологическое явление sui generis, первоначальная форма и функция междуиндивидуальной жизни; он отнюдь не есть логическое следствие тех качественных и количественных особенностей вещей, которые называются полезностью и редкостью». (G. Simmel, Philosophie des Geldes, 1907, S. 59).

[2]) Бем-Баверк, Теория Маркса и ее критика. Русск. пер., изд. 1897 г. стр. 68.

обмена, как такового, вне определенной общественно-экономической среды, то это, конечно, Бем-Баверк, а не Маркс.

Но если Бем-Баверк не прав, говоря, что Маркс выводит равенство обмениваемых товаров из чисто логического анализа акта обмена, то он прав в том, что при исследовании акта обмена в товарном хозяйстве Маркс, действительно, усиленно выдвигает момент равенства. «Возьмем далее два товара, например, пшеницу и железо. Каково бы ни было их меновое отношение, его всегда можно выразить уравнением, в котором данное количество пшеницы приравнивается известному количеству железа, например, 1 квартер пшеницы=2 центнерам железа. Что говорит нам это уравнение? Что в двух различных вещах—в 1 квартере пшеницы и в 2 центнерах железа—существует нечто общее равной величины. Следовательно, обе эти вещи равны чему-то третьему, которое само по себе не является ни первой ни второй из них. Таким образом каждая из них, поскольку она есть меновая стоимость, может быть сведена к этому третьему» (К., I, с. 3). На это место, в котором критики Маркса усматривают центральный пункт и единственное обоснование его теории стоимости, они и направляют свои главные удары. «Я мог бы, между прочим, заметить,—говорит Бем-Баверк,—что мне уже первое предположение, по которому в обмене двух предметов должно проявляться их равенство, кажется очень старо,—это еще неважно,—но и несогласно с действительностью или, лучше сказать, неверно задумано. Где царит равенство и полное равновесие, там не происходит обыкновенно никакой перемены в бывшем до того состоянии покоя. Если поэтому, в случае обмена, дело кончается тем, что товары меняют своих владельцев, то это скорее признак того, что тут замешалось какое-либо неравенство или перевес, под влиянием которого и совершилась перемена»[1]).

Излишне говорить, что возражения Бем-Баверка бьют мимо цели. Маркс никогда не утверждал, что обмен происходит при условиях «полного равновесия»; он неоднократно подчеркивал, что «как потребительные стоимости, товары различаются прежде всего качественно» (К., I, с. 3). Это качественное «неравенство» товаров, необходимый результат разделения труда, представляет вместе с тем необходимый стимул обмена. Внимание Бем-Баверка обращено на обмен товаров как потребительных стоимостей и на стимулирующие обмен субъективные оценки полезности товаров участвующими в обмене лицами. Поэтому он вполне правильно выдвигает момент «неравенства». Маркса же интересует акт обмена, как объективно-общественный факт, и, подчеркивая момент равенства, он оттеняет существенные особенности этого факта, отнюдь, однако, не имея в виду какого-то фантастического состояния «полного равновесия»[2]).

---

[1]) Бем-Баверк, цит. соч., стр. 68.

[2]) «Самый меновой акт и возникающая при этом цена влияет... на поведение всех позднейших покупателей и продавцов, и притом влияет не в качестве неравенства, а в качестве равенства, как выражение эквивалентности» (Zwiedineck, Über den Subjektivismus in der Preislehre, «Archiv für Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik», 1914, B. 38, S. 22—23).

Обычно критики марксовой теории стоимости видят ее центр тяжести в том, что она утверждает количественное равенство трудовых затрат, которые требуются для производства товаров, приравниваемых друг другу в акте обмена. Но Маркс неоднократно подчеркивал другую сторону своей теории стоимости, так сказать качественную, в отличие от указанной количественной. Маркса не интересуют качественные особенности товаров как потребительных стоимостей. Но его внимание обращено на качественную характеристику акта обмена, как социально-экономического явления. И только на основе этой качественной, по существу социологической, характеристики можно понять и количественную сторону акта обмена. Полным игнорированием этой качественной стороны теории стоимости Маркса страдают почти все ее критики. Их взгляды столь же односторонни, как и противоположное мнение, утверждающее, что понятие стоимости у Маркса не имеет никакого отношения к меновым пропорциям, т. е. количественной стороне явлений стоимости [1]).

Оставляя сейчас в стороне вопрос о количественном равенстве обмениваемых стоимостей, мы должны сказать, что в товарном обществе сношения между отдельными частными хозяйствами происходят в форме купли-продажи, в форме приравнивания стоимостей, отдаваемых и получаемых частным хозяйством в акте обмена. Акт обмена есть акт приравнивания. И это приравнивание обмениваемых товаров отражает основную социальную особенность товарного хозяйства: равенство товаропроизводителей. Речь идет не о равенстве их в смысле обладания равными материальными средствами производства, а о равенстве их в качестве автономных, друг от друга независимых товаропроизводителей, из которых ни один не может непосредственно воздействовать на другого односторонне, без формального соглашения с ним, иначе, как на началах договора с ним, как с самостоятельным субъектом хозяйства. Отсутствие внеэкономического принуждения, организация трудовой деятельности отдельных лиц не на началах публичного права, а на основах права частного и так называемого свободного договора,—есть характернейшая черта экономической структуры современного общества. Отсюда и основная форма производственных отношений между отдельными частными хозяйствами—форма обмена, приравнивания обмениваемых стоимостей. Равенство товаров в обмене является вещным выражением основного производственного отношения современного общества: связи между товаропроизводителями, как между равноправными, автономными и друг от друга независимыми субъектами хозяйства.

Для понимания изложенных идей Маркса мы считаем крайне важным следующее место из «Капитала»: «Но тот факт, что в форме товарных стоимостей все виды труда выражаются как равный и, следовательно, равнозначный человеческий труд,—этот факт Аристотель не мог вычитать из самой формы стоимости, так как греческое общество покоилось

---

1) См., например, Petry, Der soziale Gehalt der Marxschen Werttheorie, 1916, S. 27—28.

на рабском труде и, следовательно, имело своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил. Равенство и равнозначность всех видов труда, поскольку они являются человеческим трудом вообще,—эта тайна выражения стоимости может быть разгадана лишь тогда, когда понятие человеческого равенства уже приобрело прочность народного предрассудка. А это возможно лишь в таком обществе, где товарная форма есть общая форма продукта труда и, следовательно, отношение людей друг к другу как товаровладельцев является господствующим общественным отношением» (К., I, с. 21) [1]. В основе равенства обмениваемых товаров лежит равенство автономных и друг от друга независимых товаропроизводителей—основная черта товарного хозяйства, его, так сказать, клеточной структуры. Теория стоимости исследует процесс образования из отдельных, казалось бы самостоятельных, клеточек производственного единства, именуемого народным хозяйством. Недаром Маркс в предисловии к первому изданию I тома «Капитала» писал, что «товарная форма продукта труда или форма стоимости товара есть форма экономической клеточки буржуазного общества». Эта клеточная структура товарного общества представляет собою совокупность равноправных, друг от друга формально независимых частных хозяйств.

В приведенных словах об Аристотеле Маркс подчеркивает, что в рабском обществе понимание явлений стоимости не могло быть вычитано из «самой формы стоимости», т. е. из вещного выражения равенства обмениваемых товаров. Тайна стоимости может быть понята только из особенностей товарного общества. Не удивительно, что критики, от которых ускользнул социологический характер теории стоимости Маркса, вкривь и вкось толковали приведенные его слова. По мнению Дитцеля, Маркс «руководствуется этическою аксиомою равенства». Этот «этический фундамент обнаруживается в том месте, где Маркс объясняет недостатки теории стоимости Аристотеля тем, что греческое общество имело своею естественною основою неравенство людей и их рабочей силы» [2]. Дитцель не понимает, что Маркс говорит не об этическом постулате равенства, а о равенстве товаропроизводителей, как основном социальном факте товарного хозяйства,—равенстве, повторяем, не в смысле материальных средств, а в смысле независимости и автономности в качестве субъектов хозяйства, организаторов производства.

Если Дитцель превращает общество равных товаропроизводителей из действительного факта в этический постулат, то Кроче видит в нем некий теоретически-мыслимый тип общества, «придуманный» Марксом из соображений теоретических, для контраста и сравнения с капиталистическим обществом, основанным на неравенстве. Это сравнение имеет целью выяснить специфические особенности капиталистического

---

[1]) Разумеется, нас не интересует здесь вопрос о том, правильно ли Маркс понимал Аристотеля, или же его понимание Аристотеля представляет образец «научного субъективизма», как утверждает В. Железнов (Экономическое мировоззрение древних греков. М. 1919, стр. 244), без достаточных, по нашему мнению, оснований.

[2]) Dietzel, Theoretische Sozialökonomik, 1895, S. 273.

общества. Равенство товаропроизводителей—не этический идеал, а теоретически придуманный масштаб, мерило, которым мы измеряем общество капиталистическое. «Вспомните то место, где Маркс говорит, что природа ценности может выясниться лишь в обществе, в котором убеждение в равенстве людей получило силу народного предрассудка[1]). Кроче полагает, что Маркс для понимания явлений стоимости в капиталистическом обществе принял за тип, так сказать за теоретический масштаб, другую стоимость (конкретную), а именно ту, «которую имели бы блага, умножаемые трудом, в обществе, в котором не существовало бы несовершенств капиталистического общества и рабочая сила не была бы товаром». Отсюда Кроче делает следующий вывод о логических особенностях теории стоимости Маркса: «Трудовая ценность Маркса не логическое обобщение, а факт, мыслимый как тип и принимаемый за тип, т. е. нечто совершенно отличное от логического понятия»[2]).

Дитцель превращает общество равных товаропроизводителей в этический постулат, а Кроче делает из него «придуманное» конкретное представление, противополагаемое капиталистическому обществу с целью лучшего уяснения характерных черт последнего. В действительности же оно представляет собою не что иное, как отвлечение и обобщение основной особенности товарного хозяйства вообще и капиталистического в частности. Теория стоимости и ее предпосылка—общество равных товаропроизводителей—дает нам анализ одной из сторон капиталистического хозяйства, а именно основного производственного отношения, соединяющего автономных товаропроизводителей. Это отношение есть основное, ибо только оно и создает объект изучения политической экономии—народное хозяйство, как известное, хотя и относительное, единство. Маркс отлично выразил логический характер своей теории стоимости в словах: «До сих пор мы знаем только одно экономическое отношение между людьми—отношение товаровладельцев, которое сводится лишь к присвоению чужого продукта труда путем отчуждения своего собственного» (К., I, с. 61). Теория стоимости дает нам не описание явлений, происходящих в каком-то мысленно представляемом обществе, противополагаемом капиталистическому, а обобщение одной из сторон последнего.

Конечно, в капиталистическом обществе производственные отношения между людьми, как членами различных социальных групп, не исчерпываются отношением между ними, как между независимыми товаропроизводителями. Но эти отношения между членами разных социальных групп капиталистического общества происходят в форме и на основе отношения между ними, как между равноправными, автономными товаропроизводителями. Капиталист и рабочие связаны между собою производственным отношением, вещным выражением которого служит капитал. Но они связываются и вступают в соглашение, как формально равноправные товаропроизводители; и выражением этого произ-

---

1) Кроче. Исторический материализм и марксистская экономия. Русск. перев., II, 1902 г., стр 62.

2) Там же, стр. 106.

водственного отношения, точнее, этой стороны связывающего их производственного отношения, служит категория стоимости. Промышленные капиталисты и землевладельцы, промышленники и финансовые капиталисты тоже вступают в соглашение в качестве равноправных, автономных товаровладельцев; эта сторона производственных отношений между различными социальными группами находит свое выражение в теории стоимости. Этим именно объясняется одна особенность политической экономии как науки. Основные понятия политической экономии построены на понятии стоимости и на первый взгляд даже представляют как бы логическую эманацию этой последней. Знакомясь впервые с теоретическою системою Маркса, можно, казалось бы, согласиться с мнением Бем-Баверка, что она представляет собою логически-дедуктивное развертывание абстрактных понятий, их имманентное чисто логическое развитие по методу Гегеля. Стоимость, путем волшебных, чисто логических модификаций, превращается в деньги, деньги в капитал, капитал в приращенный капитал, т. е. капитал плюс прибавочная стоимость, прибавочная стоимость в предпринимательскую прибыль, процент в ренту и т. д. Бем-Баверк, не оставляющий камня на камне от теории стоимости Маркса, отмечает, что дальнейшие части марксовой системы представляют стройное логическое целое, последовательно вытекающее из ошибочного исходного пункта. «На этом среднем протяжении системы Маркса логическое развитие и выяснение причинной связи совершается действительно с импонирующею законченностью и внутренней последовательностью... Эти средние части его системы при всей ложности ее исходного пункта навсегда обеспечивают за Марксом, благодаря выходящей из ряда вон внутренней последовательности, славу первоклассного мыслителя» [1]). В устах Бем-Баверка, мыслителя, склонного именно к логическому развертыванию понятий, это высшая похвала. В действительности, однако, сила марксовой системы покоится не только и даже не столько на ее внутренней логической последовательности, сколько на том, что она во всех своих частях насыщена многообразным, богатым социально-экономическим содержанием, взятым из действительности и освещенным силою абстрактной мысли. Одно понятие превращается у Маркса в другое не в силу имманентного логического развития, а при наличии целого ряда привходящих социально-экономических условий. Для превращения денег в капитал необходим был огромный исторический переворот, описанный Марксом в главе о первоначальном капиталистическом накоплении.

Но нас интересует сейчас не эта сторона вопроса. Одно понятие вырастает у Маркса из другого лишь при наличии определенных социально-экономических условий. Но факт тот, что каждое последующее понятие носит на себе печать предшествующего, и все основные понятия экономической системы представляют собою как бы логические разновидности понятия стоимости. Деньги—это стоимость, служащая всеобщим эквивалентом. Капитал—стоимость, создающая прибавочную стоимость. Заработная плата—стоимость рабочей силы. Прибыль, про-

---

1) Бем-Баверк, цит. соч., стр. 91—92.

цент, рента суть части прибавочной стоимости. На первый взгляд эта логическая эманация основных экономических понятий из понятия стоимости кажется необъяснимою. Но она объясняется тем, что производственные отношения капиталистического общества, выражением которых служат указанные понятия (капитал, заработная плата, прибыль, процент, рента и т. п.), происходят в форме отношения между независимыми товаропроизводителями, выражаемого понятием стоимости. Капитал представляет разновидность стоимости потому, что производственное отношение между капиталистом и рабочими происходит в форме отношения между равноправными товаропроизводителями, автономными субъектами хозяйства. Система экономических понятий вытекает из системы производственных отношений. Логическая структура политической экономии, как науки, отражает социальную структуру капиталистического общества[1]).

Теория трудовой стоимости дает теоретическую формулировку основного производственного отношения товарного общества, отношения между равными товаропроизводителями. Этим объясняется живучесть этой теории, которая, в бурном потоке сменяющих одна другую экономических идей, при всех наносимых ей ударах, каждый раз в обновленном виде и в новой формулировке появляется на авансцене экономической науки. Маркс отметил эту особенность теории трудовой стоимости в письме к Кугельману от 11 июля 1868 года: «История теории, конечно, доказывает, как вы верно указали, что понимание отношения стоимости было всегда одним и тем же, только ясным или туманным, спутанным иллюзиями или научно определенным». О том же говорит Гильфердинг в одной из своих статей: «Экономическая теория— в том объеме, в каком Маркс рассматривает ее в своих «Теориях прибавочной стоимости»—представляет собою объяснение капиталистического общества, основу которого составляет товарное производство. Но эта основа хозяйственной жизни, остающаяся неизменною при всем колоссальном и бурном развитии последней, объясняет нам тот факт, что

---

[1]) Ф. Оппенгеймер видит «методологическое грехопадение» Маркса, основную его ошибку в том, что «предположение социального равенства участников менового акта» берется им в теории стоимости за исходный пункт исследования капиталистического общества с его классовым неравенством. Он сочувственно цитирует Туган-Барановского, который говорит, что «предполагая социальное равенство участников менового акта, мы отвлекаемся от внутренней структуры общества, в котором акт совершается» (F. Oppenheimer, Wert und Kapitalprofit, 1916, S. 176). Оппенгеймер упрекает марксову теорию стоимости в игнорировании классового неравенства капиталистического общества.

Лифман бросает марксовой экономической теории противоположный упрек, что она «заранее предполагает существование определенных классов» (Liefmann, Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, 1920, S. 84). По существу прав Лифман: марксова экономическая теория заранее предполагает классовое неравенство капиталистического общества. Но так как отношения между классами в капиталистическом обществе происходят в форме отношений между независимыми товаропроизводителями, то исходным пунктом исследования берется стоимость, предполагающая социальное равенство участников менового акта. Марксова теория стоимости одинаково преодолевает односторонность и Оппенгеймера и Лифмана. Подробная критика взглядов Оппенгеймера и Лифмана дана в нашей работе «Современные экономисты на Западе» (1927 г.).

экономическая теория отражает это развитие, сохраняя уже ранее открытые основные законы и дальше развивая их, но не устраняя их совершенно. Таким образом реальному развитию капитализма соответствует логическое развитие теории. Начиная с первых формулировок закона трудовой стоимости у Петти и Франклина и кончая наиболее тонкими рассуждениями второго и третьего томов «Капитала», обнаруживается такими образом логически развертывающийся процесс развития» [1]). Этой непрерывности исторического развития теории стоимости соответствует ее центральное логическое место в экономической науке. Это логическое место может быть понято только из той особой роли, которую в системе производственных отношений капиталистического общества играет основное отношение между отдельными товаропроизводителями, как между равноправными, автономными субъектами хозяйства.

Отсюда видна неправильность попыток признать теорию трудовой стоимости совершенно неприменимою к объяснению капиталистического хозяйства и ограничить ее мысленно представляемым обществом или простым товарным обществом, предшествовавшим капиталистическому. Кроче удивляется, «почему Маркс при анализе экономических явлений второй или третьей сферы (т. е. явлений прибыли и ренты.—*И. Р.*) пользуется понятиями, находящимися в первой сфере» (т. е. в сфере трудовой стоимости.—*И. Р.*) «Если соответствие между ценностью и трудом существует только в упрощенном экономическом обществе первой сферы, зачем обозначать постоянно явления второй сферы терминами первой?» [2]). Подобные возражения основаны на одностороннем представлении о теории стоимости, как объясняющей исключительно количественные пропорции обмена в простом товарном хозяйстве, на полном пренебрежении к ее качественной стороне. Если при капитализме закон количественных пропорций обмена видоизменяется по сравнению с простым товарным обращением, то качественная сторона обмена одна и та же, и только ее анализ дает возможность притти и к пониманию количественных пропорций. «Экспроприация одной части общества и монопольная собственность на средства производства другой части, разумеется, модифицируют обмен, потому что только в нем и может проявиться это неравенство членов общества. Но так как меновой акт есть отношение равенства, то неравенство является и теперь равенством, но уже не стоимостей, а цен производства» [3]). Гильфердинг должен был бы продолжить свою мысль дальше и перевести ее на язык производственных отношений. Теория стоимости, исходящая из равенства обмениваемых товаров, необходима для объяснения капиталистического общества с его неравенством, ибо производственные отношения между капиталистами и рабочими происходят в форме отношений между формально равноправными, независимыми товаропроизво-

---

[1]) Aus der Vorgeschichte der Marxschen Ökonomie., N. Z., 1910/11, том II. Русск. перевод в сборнике «Основные проблемы политической экономии», стр. 244.

[2]) Кроче, цит. соч., стр. 230.

[3]) Гильфердинг, Финансовый капитал, перевод И. Степанова. Пб., 1918, стр. 23.

дителями. Всякие попытки оторвать теорию стоимости от теории капиталистического хозяйства неправильны, безразлично, состоят ли они в ограничении сферы действия теории стоимости мысленно представляемым обществом (Кроче) или простым товарным хозяйством, или же в превращении трудовой стоимости в чисто логическую категорию (Туган-Барановский), или, наконец, в резком отделении категорий междухозяйственных, т. е. стоимости, от категорий социальных, т. е. капитала (Струве, см. о нем выше, в главе «Струве о теории товарного фетишизма»).

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

РАВЕНСТВО ТОВАРОВ И РАВЕНСТВО ТРУДА.

Равенство товаропроизводителей, как автономных субъектов хозяйства, находит свое выражение в форме обмена: последний представляет собой обмен эквивалентов, приравнивание обмениваемых товаров. Но этою общественною формою обмена не исчерпывается его роль в народном хозяйстве. В товарном обществе обмен—один из необходимых моментов процесса воспроизводства, делающий возможным правильное распределение труда и дальнейшее продолжение производства. В своей *форме* обмен отражает социальную структуру товарного общества. По своему *содержанию* обмен представляет один из моментов трудового процесса, процесса воспроизводства. По форме акт обмена означает *приравнивание товаров*. С точки зрения процесса производства, он тесно связан с *приравниванием труда*.

Подобно тому как стоимость выражает равенство всех продуктов труда, так и труд, являющийся субстанцией стоимости, выражает равенство труда всех видов и индивидов. Это—труд «равный». Но в чем именно заключается равенство этого труда? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны отличать три вида равного труда:

1) физиологически равный труд,
2) социально уравненный труд.
3) абстрактный труд.

Не останавливаясь здесь на первом виде труда (см. главу четырнадцатую), мы должны выяснить различие между последними двумя видами труда.

В организованном хозяйстве отношения людей сравнительно простые и прозрачные, труд получает непосредственно общественную форму, т. е. существует известная общественная организация и определенные общественные органы, которые распределяют труд между отдельными членами общества, причем труд каждого лица непосредственно входит в общественное хозяйство как конкретный труд; со всеми своими конкретными материальными особенностями. Труд каждого лица является общественным именно потому, что он отличается от труда других членов общества и является материальным дополнением к ним. Труд в его конкретном виде является непосредственно трудом *общественным*. Вместе с тем он является и трудом *распределенным*. Ведь сама

общественная организация труда и состоит в том, что труд распределяется между различными членами общества, и, обратно, распределение труда является актом какого-нибудь общественного органа. Труд является одновременно общественным и распределенным, причем обоими этими признаками он обладает в своей материально-технической, конкретной или полезной форме.

Является ли этот труд также социально-уравненным?

Поскольку мы оставляем в стороне те социальные организации, которые были основаны на крайнем неравенстве полов или отдельных групп, и имеем в виду большую общину с разделенным трудом, например вроде большой семейной задруги у южных славян, можно думать, что процесс социального приравнивания труда в такой общине должен или по меньшей мере мог иметь место. Тем более будет необходим такой процесс в большой социалистической общине (речь идет о первой фазе социализма). Без приравнивания труда различных видов и индивидов орган социалистической общины не сможет решить, выгоднее ли затратить на производство известных продуктов один день квалифицированного труда или два дня простого, один месяц труда индивида *A* или два месяца индивида *B* и т. д. Но процесс этого приравнивания труда в организованной общине отличается коренным образом от того приравнивания, которое происходит в товарном хозяйстве. Действительно, представим себе какую-нибудь социалистическую общину, где труд распределен между членами общества. Определенный общественный орган приравнивает друг другу труд различных видов и индивидов, ибо без этого ни один более или менее обширный хозяйственный план не может быть осуществлен. Но в такой общине процесс уравнения труда является второстепенным и дополнительным к процессу обобществления и распределения труда. Труд является прежде всего общественным и распределенным трудом; в качестве производного и добавочного признака сюда может входить также признак социально уравненного труда. Основная характеристика труда является характеристикой его как общественного и распределенного труда, а дополнительным признаком является признак социально уравненного труда.

Посмотрим теперь, какие изменения в организации труда произойдут в нашей общине, если мы представим ее себе не в виде организованного целого, а в виде сочетания отдельных хозяйств частных товаропроизводителей, т. е. в виде товарного хозяйства.

В товарном хозяйстве мы также найдем перечисленные выше социальные признаки труда, которые были нами раньше прослежены в организованной общине; и здесь мы увидим труд общественный, труд распределенный и труд социально уравненный, но все эти процессы обобществления, уравнения и распределения труда происходят совершенно в другой форме. Взаимное сочетание трех перечисленных признаков уже совершенно иное, и прежде всего потому, что в товарном хозяйстве отсутствует непосредственная общественная организация труда, и труд не является непосредственно общественным.

В товарном хозяйстве труд отдельного индивида, отдельного частного товаропроизводителя не регулируется непосредственно обществом

и как таковой, в своем конкретном виде, еще не входит непосредственно в общественное хозяйство. Труд становится общественным в товарном хозяйстве только таким образом, что он приобретает признак социально уравненного труда, а именно, труд каждого товаропроизводителя становится общественным лишь благодая тому, что продукт его приравнивается продуктам всех других товаропроизводителей, и тем самым труд данного индивида приравнивается труду всех других членов общества и всем другим видам труда. Другого признака для определения общественного характера труда в товарном хозяйстве не имеется. Здесь не существует заранее начертанного плана обобществления и распределения труда, и единственным признаком того, что труд данного индивида включается в общественную систему хозяйства, является обмен продукта данного труда на все другие продукты.

Итак, в товарном хозяйстве, по сравнению с социалистической общиной, признак общественного и признак социально равного, или уравненного труда как бы поменялись местами. Раньше характеристика труда как равного или уравненного была результатом производного процесса, производного акта общественного органа, который обобществлял и распределял труд. Теперь труд становится общественным только в той форме, что он становится равным всем другим видам труда, становится социально уравненным. Общественный или социально-уравненный труд в той специфической форме, которую он имеет в товарном хозяйстве, мы называем трудом абстрактным.

Приведем только несколько цитат из Маркса, подтверждающих сказанное.

Наиболее яркое место мы найдем в «Критике», где Маркс говорит, что труд «становится общественным лишь благодаря тому, что он принимает форму абстрактной всеобщности», т. е. форму приравнения всем другим видам труда («Kritik», 1907, S. 10). «Абстрактный и в этой форме общественный труд»,—этими словами Маркс часто характеризует социальную форму труда в товарном хозяйстве. Можно напомнить также известную фразу из «Капитала» о том, что в товарном хозяйстве «специфически общественный характер независимых друг от друга частных работ состоит в их равенстве как человеческого труда вообще» («Капитал», стр. 33).

Итак, в товарном хозяйстве центр тяжести социальной характеристики труда передвинулся с признака обобществленного труда на признак равного, или социально уравненного труда, уравненного через уравнение продуктов труда. Понятие равенства труда играет такую центральную роль в марксовой теории стоимости именно потому, что в товарном хозяйстве труд только в качестве равного и становится общественным.

Подобно тому как из признака равенства труда в товарном хозяйстве вытекает признак общественного труда, точно так же из него вытекает и признак распределенного труда. Распределение труда в товарном хозяйстве состоит не в сознательном распределении его сообразно определенным, выявленным заранее потребностям, а регулируется принципом равной выгодности производства. Распределение труда между

отдельными отраслями производства происходит таким образом, чтобы во всех отраслях производства товаропроизводители при помощи затрат равного количества труда получали равную сумму стоимости.

Как видим, первая особенность абстрактного труда (т. е. общественного или социально уравненного труда в специфической форме, присущей ему в товарном хозяйстве) заключается в том, что он только в качестве равного и становится общественным. Вторая особенность его заключается в том, что уравнение труда происходит через посредство уравнения вещей.

В социалистическом обществе возможен и процесс приравнивания труда и процесс приравнивания вещей, продуктов труда, но оба они друг от друга отделены. При установлении плана производства и распределении разных видов труда между различными его отраслями, социалистическое общество производит известное приравнивание разных видов труда и параллельно с этим приравниванием вещей, продуктов труда, с точки зрения их полезности для общества. «Конечно, и тогда (при социализме) общество должно будет знать, какое количество труда требуется для производства каждого предмета потребления. Ему придется план производства приноровить к средствам производства, к числу которых прежде всего относятся рабочие силы. Степень полезности различных предметов потребления, сравненных между собою и в отношении к потребным для их производства количествам труда, определит окончательно этот план» (Энгельс, «Анти-Дюринг», пер. Н. Брука, стр. 420—421). По окончании процесса производства, при распределении произведенных вещей между отдельными членами общества, окажется, вероятно, необходимым известное приравнивание вещей для целей распределения, их сознательная расценка обществом [1]. Само собою понятно, что в приравнивании вещей, в акте их расценки, социалистическое общество не обязано расценивать их в точной пропорции к труду, затраченному на их производство. Общество, руководясь требованиями социальной политики, может, например, сознательно ввести пониженную расценку на предметы, удовлетворяющие культурные потребности широких народных масс, и повышенную расценку на предметы роскоши. Но если даже социалистическое общество будет расценивать вещи в точном соответствии с затраченным на них трудом, акт приравнивания вещей останется раздельным от акта приравнивания труда.

Иначе в товарном обществе. Здесь *самостоятельного общественного акта приравнивания труда вовсе не существует*. Приравнивание разных видов труда происходит только *через посредство и в форме приравнивания вещей*, продуктов труда. Приравнивание вещей в виде стоимостей на рынке влияет на распределение труда в обществе, на трудовую деятельность участников производства. Приравнивание и распределение товаров на рынке тесно связываются с процессом приравнивания и распределения труда в общественном производстве.

---

[1]) Мы имеем здесь в виду первоначальный период социалистического хозяйства, когда общество будет еще регулировать распределение продуктов между отдельными его членами.

Эту особенность товарного хозяйства, осуществляющего общественное приравнивание труда только в вещной форме, через приравнивание товаров, Маркс неоднократно отмечал: «Люди сопоставляют друг с другом продукты своего труда, как стоимости, не потому, что эти вещи являются для них лишь вещественными оболочками однородного человеческого труда. Наоборот. Приравнивая друг другу в обмене разнородные продукты, как стоимости, они тем самым приравнивают друг другу свои различные работы, как человеческий труд вообще. Они не сознают этого, но они это делают» (К., I, с. 33). Акт общественного приравнивания труда не существует в отдельности и происходит только посредством приравнивания товаров. Это значит, что общественное равенство труда осуществляется только через равенство товаров. «Обмен продуктов, как товаров, представляет определенный метод обмена труда, зависимости труда одного от труда другого» (Theorien über den Mehrwert, III, S. 153). «Равенство различных человеческих работ приобретает вещественную форму в продуктах труда, как представляющих одну и ту же субстанцию [1]) стоимости» (К., I, с. 31). «Общественный характер равенства разнородных работ отражается в форме присущего этим материальным различным вещам—продуктам труда—общего свойства быть стоимостью» (К., I, с. 33). Нет ничего ошибочнее, как понимать эти слова в том смысле, что равенство вещей как стоимостей представляет собою не более как выражение физиологического равенства разных видов человеческого труда. (См. ниже, главу об «Абстрактном труде».) Это механическо-материалистическое понимание чуждо Марксу. Он говорит об общественном характере равенства разнородных работ, о социальном акте приравнивания труда, обязательном для всякого хозяйства, основанного на широком разделении труда. В товарном обществе этот акт осуществляется только через приравнивание продуктов труда, как стоимостей. Это «овеществление» общественного акта приравнивания труда в форме приравнивания вещей не означает материального овеществления труда, как фактора производства, материального накопления его в вещах—продуктах труда.

«Труд каждого индивидуума обладает этим общественным характером равенства постольку, поскольку он выражается в меновых стоимостях, и выражается в меновых стоимостях постольку, поскольку он относится к труду всех других индивидуумов, как к одинаковому» («К критике полит. эконом.», с. 38—39). В этих словах Маркса ясно выражена взаимосвязанность и взаимообусловленность актов приравнивания труда и приравнивания товаров как стоимостей в товарном обществе. Этим объясняется та специфическая роль, которую в механизме товарного хозяйства играет процесс обмена, приравнивание продуктов труда, как стоимостей. С приравниванием стоимостей тесно связан процесс приравнивания и распределения труда. Величина стоимости товаров

[1]) У Маркса в подлиннике говорится не о «субстанции стоимости» (каковою является труд), а о «стоимостной предметности» (Wertgegenständlichkeit) или, проще говоря, стоимости (так переводится этот термин и во французском издании «Капитала», редактированном Марксом). В русском переводе этот термин во многих местах ошибочно передается как «субстанция стоимости» (т. е. труд).

изменяется в зависимости от затраченного на их производство общественно-необходимого труда не потому, что приравнивание вещей невозможно без равенства затраченного на них труда (так, по мнению Бем-Баверка, обосновывает свою теорию Маркс), а потому, что общественное приравнивание труда происходит в товарном хозяйстве только в форме приравнивания товаров. Ключ к теории стоимости мы найдем не в акте обмена, как таковом, не в вещном приравнивании товаров, как стоимостей, а в том, как приравнивается и распределяется труд в товарном хозяйстве. Мы опять приходим к выводу, что свойства «стоимости» Маркс открыл из анализа «труда» в товарном хозяйстве.

Отсюда понятно, что Маркс изучает акт обмена лишь постольку, поскольку он играет специфическую роль в процессе воспроизводства и тесно с ним связан. Маркс изучает «стоимость» товаров в ее связи с «трудом», с приравниванием и распределением труда в производстве. Теория стоимости Маркса изучает не всякий обмен вещей, а только такой обмен, который происходит: 1) в товарном обществе, 2) между автономными товаропроизводителями и 3) определенным образом связан с процессом воспроизводства, представляя собою один из его необходимых моментов. Взаимосвязанность процессов обмена и распределения труда в производстве приводит к тому, что в целях теоретического анализа мы выделяем стоимость продуктов труда (в отличие от даровых благ природы, могущих иметь цену; см. выше, главу 5-ю) и притом только воспроизводимых. Если обмен даровых благ природы (например земли) представляет нормальное явление товарного хозяйства, связанное с процессом производства, мы должны включить его в область исследования политической экономии, но изучать его отдельно от явлений стоимости продуктов труда. Ибо, как бы сильно цена земли ни влияла на процесс производства, связь между ними будет иная, чем функциональная связь между стоимостью продуктов труда и процессом распределения труда в общественном производстве. Цена земли и вообще невоспроизводимых благ представляет не исключение из теории трудовой стоимости, а пределы этой теории, ее границы, которые она сама себе начертила как теория социологическая, изучающая законы изменений стоимости и роль ее в производственном процессе товарного общества.

Итак, Маркс изучает не всякий обмен вещей, а лишь уравнение товаров, через посредство которого осуществляется общественное уравнение труда в товарном хозяйстве. Стоимость товаров изучается нами как проявление «общественного равенства труда». Понятие «общественного равенства труда» мы должны связать с понятием равновесия между отдельными видами труда или между отдельными отраслями народного хозяйства. «Равенство труда» соответствует определенному состоянию распределения труда в производстве, а именно теоретически мыслимому состоянию равновесия, при котором прекращается переход труда из одной отрасли производства в другую. Разумеется, при свойственных стихийному хозяйству постоянных нарушениях пропорциональности в распределении труда такие переходы труда всегда

имеют место и необходимы. Но они служат именно устранению указанных нарушений и отклонений от среднего теоретически мыслимого состояния равновесия между отдельными отраслями производства. Это состояние равновесия наступает (теоретически) тогда, когда для товаропроизводителей исчезают побудительные мотивы для перехода из одной отрасли в другую, когда создается равная выгодность для них производства в различных отраслях. Состоянию общественного равновесия производства соответствует обмен продуктов труда различных отраслей по их стоимости, общественное равенство разнородных видов труда.

Законы этого равновесия, взятые с количественной стороны, различны для простого товарного хозяйства и капиталистического. Объясняется это различие тем, что объективное равновесие в распределении общественного труда создается путем конкуренции, через посредство перехода труда из одной отрасли в другую, связанного с субъективными мотивами товаропроизводителей [1]). Различная роль товаропроизводителей в общественном процессе производства создает поэтому иные законы равновесия в распределении труда. При простом товарном хозяйстве равная выгодность производства для товаропроизводителей, занятых в различных отраслях, создается при обмене товаров в соответствии с количеством труда, необходимого для их производства. С. Франк сомневается в этом положении и пишет: «Одинаковая доходность различных отраслей производства требует только, чтобы цена продукта была пропорциональна издержкам со стороны производителя, так чтобы на известную сумму издержек производства приходилась известная сумма дохода. Эта пропорциональность, однако, отнюдь не требует равенства между затраченным со стороны производителя общественным трудом и тем количеством последнего, которое он получает в обмен за свой продукт» [2]).

Но С. Франк не ставит вопроса о том, в чем же заключаются для простого товаропроизводителя издержки производства, как не в труде, затрачиваемом им на производство. Для простого товаропроизводителя

---

[1]) Правильно замечание Борткевича: «Закон стоимости остается висеть в воздухе, если не предполагается, что работающие для обмена производители стремятся получить при помощи наименьших усилий возможно большую выгоду и что они одновременно в состоянии менять свои занятия» (Bortkiewicz, Wertrechnung und Preisrechnung im Marxschen System, «Archiv für Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik», 1906, XXIII, H. 1, S. 39). Напрасно только Борткевич думает, что это положение в корне противоречит истолкованию марксовой теории, данному Гильфердингом. Последний также не игнорирует ни конкуренции, ни соотношения спроса и и предложения, но это соотношение «выступает, как подчиненное цене производства» (Гильфердинг, Бем-Баверк как критик Маркса, стр. 71). Гильфердинг понимает, что экономические действия происходят через посредство мотивов хозяйствующих субъектов, но прибавляет: «Из мотивов хозяйствующих субъектов, мотивов, в свою очередь определяемых природой хозяйственных отношений, никогда нельзя вывести чего-либо большего, кроме тенденции к установлению равенства экономических отношений» (Финансовый капитал, стр. 264). Эта тенденция составляет предпосылку объяснения явлений товарно-капиталистического хозяйства, но не самое это объяснение. «Мотивацию агентов капиталистического производства надо вывести из общественных функций экономических действий в данном способе производства» (там же, стр. 241).

[2]) С. Франк, Теория ценности Маркса и ее значение, 1900 г., стр. 137—138.

различия в условиях производства двух разных отраслей выступают, как различные условия приложения в них труда. В простом товарном хозяйстве обмен продукта 10 часов труда одной отрасли производства, например сапожной, на продукт 8 часов труда другой отрасли, например портняжной, неизбежно приведет,—при одинаковой квалификации труда портного и сапожника,—к различной выгодности производства в обеих отраслях и к переходу труда из сапожной отрасли в портняжную. При предположении полной подвижности труда в товарном хозяйстве, всякая более или менее значительная разница в выгодности производства породит тенденицю к переходу труда из менее выгодной отрасли производства в более выгодную. Эта тенденция проявится еще задолго до того момента, когда менее выгодной отрасли будет угрожать непосредственная опасность хозяйственного разорения и невозможности продолжать производство в результате невыгодных для нее условий реализации ее продуктов на рынке.

Исходя из последнего соображения, мы не можем согласиться с тем обоснованием теории стоимости, которое дает А. Богданов. «В однородном обществе с разделенным трудом для полного поддержания производственной жизни в прежнем виде необходимо, чтобы каждое хозяйство при обмене получало за свои товары равное им по стоимости количество этих продуктов для своего потребления». «Если отдельные хозяйства получат меньше этого, они начнут слабеть и разрушаться, не будут в силах выполнять прежней общественной роли» [1]. Обмен продуктов не пропорционально трудовым затратам на них означает, что определенные хозяйства получают от общества менее трудовой энергии, чем отдают ему. Это приводит к разорению их и прекращению производства. Значит, нормальный ход производства возможен только при обмене продуктов пропорционально трудовым затратам [2].

Как ни оригинально и соблазнительно такое «энергетическое» обоснование теории трудовой стоимости, оно не удовлетворяет нас по следующим причинам: 1) Оно имеет своею предпосылкою полное отсутствие прибавочного продукта, а такая предпосылка для анализа товарного хозяйства излишня и не соответствует действительности. 2) Если принять такую предпосылку, закон обмена продуктов пропорционально трудовым затратам окажется имеющим силу для всех случаев взаимодействия между различными хозяйствами, хотя бы и не на основах товарного хозяйства. Получается формула, обязательная для всех исторических эпох и отвлеченная от особенностей товарного хозяйства. 3) Аргументация А. Богданова предполагает, что данное хозяйство должно получить в результате обмена определенное количество продуктов в натуре, необходимое для продолжения производства, т. е.

[1]) Краткий курс экономической науки, изд. 1920 г., стр. 63. То же рассуждение в Курсе политич. экономии, т. II, в. 4-й, стр. 22—24.

[2]) В зачаточной форме такая аргументация встречается уже у Н. Зибера: «Обмен, в основании которого не лежало бы равных количеств труда, вел бы к такому поглощению одних хозяйственных сил другими, которое ни в каком случае не могло бы длиться в течение продолжительного времени, а между тем только такое время годно для научного исследования» (Н. Зибер, Теория ценности и капитала Рикардо, 1871, стр. 88.)

принимается во внимание количество продуктов в натуре, а не сумма стоимостей. А. Богданов указывает ту абсолютную границу, за которою обмен веществ между данным хозяйством и другими становится для первого разорительным и лишает его возможности дальнейшего производства. Между тем при анализе товарного хозяйства решающую роль играет относительная выгодность производства для товаропроизводителей в различных отраслях производства и переход труда из менее выгодных отраслей в более выгодные. В условиях простого товарного хозяйства одинаковая выгодность производства в различных отраслях предполагает обмен товаров пропорционально затраченным на их производство количествам труда.

В капиталистическом обществе, где товаропроизводитель затрачивает не труд свой, а капитал, тот же принцип равной выгодности производства находит свое выражение в другой формуле: равная прибыль на равные капиталы. Норма прибыли регулирует распределение капиталов между различными отраслями производства, а оно в свою очередь направляет распределение труда между ними же. Движение цен на рынке связывается с распределением труда через распределение капиталов, оно определяется трудовою стоимостью через цены производства. Многие критики марксизма склонны были видеть в этом банкротство марксовой теории стоимости [1]). Они упустили из виду, что теория эта изучает не только количественную, но прежде всего качественную (социальную) сторону явлений стоимости. «Овеществление» или фетишизация трудовых отношений; производственная связь, проявляющаяся в стоимости товаров; равенство товаропроизводителей как субъектов хозяйства; роль стоимости в распределении труда между различными отраслями производства,— весь этот круг явлений, оставленных без внимания критиками Маркса и освещенных его теорией стоимости, относится одинаково к простому товарному и капиталистическому хозяйству. Но и количественная сторона стоимости тоже интересует Маркса, поскольку она связана с ее

[1]) Так, например, Гайниш пишет: «Чем же является трудовая стоимость после этих разъяснений? (III тома Капитала.—*И. Р.*). Это произвольно конструированное понятие, а не меновая стоимость экономической действительности, не реальный факт, из которого исходили и который хотели объяснить». (Hainisch, Die Marxsche Mehrwerttheorie, 1915, S. 22.) Эти слова Гайниша типичны для целой полосы критики марксизма, вызванной появлением в свет III тома Капитала. Более проницательные критики не придают пресловутому «противоречию» между I и III томами Капитала никакого или, во всяком случае, существенного значения (см. Schumpeter, Epochen der Dogmen und Methodengeschichte в «Grundriss der Sozialökonomik», I, 1914, S. 82, и F. Oppenheimer, Wert und Kapitalprofit, 1916, S. 172—173) и острие критики направляют на исходные положения марксовой теории стоимости. С другой стороны, критики, настаивающие на противоречии между теорией стоимости Маркса и его же теорией цен производства, признают логическую безупречность теории стоимости как таковой. «Правда, можно привести и действительно приводили формальные возражения против дедукции (марксовой теории стоимости), но нет сомнения, что эти возражения не достигли цели» (Heimann, Methodologisches zu den Problemen des Wertes, «Archiv für Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik», 1913, XXXVII, H. 3, S. 775). Невозможность «опровергнуть Маркса, исходя из теории стоимости», признана и Дитцелем, усматривающим ахиллесову пяту марксовой системы в теории кризисов (Dietzel, Vom Lehrwert der Wertlehre, 1921, S. 31).

социальною функцией регулятора распределения труда. Количественные пропорции обмена вещей суть выражение закона пропорционального распределения общественного труда. Трудовая стоимость и цены производства—только различные проявления того же закона распределения труда в условиях простого товарного хозяйства и общества капиталистического [1]). Равновесие и распределение труда составляют основу стоимости и ее изменений как в простом товарном, так и в капиталистическом хозяйстве. В этом смысл теории «трудовой» стоимости Маркса.

В последних трех главах мы рассмотрели механизм связи между трудом и стоимостью. Приэтом в 9-й главе стоимость рассматривалась нами преимущественно как регулятор распределения общественного труда, в 10-й главе—как выражение общественных производственных отношений людей, в 11-й главе—как выражение абстрактного труда. Теперь мы можем перейти к более подробному разбору понятия стоимости.

---

1) См. ниже, главу «Стоимость и цены производства».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА СТОИМОСТИ.

Чтобы понять, что означает у Маркса понятие «стоимости» продукта в отличие от его меновой стоимости, мы должны прежде всего рассмотреть, каким образом Маркс пришел к понятию «стоимости». Как всякому известно, стоимость продукта, например 1 квартера пшеницы, не может на рынке проявиться иначе, как в виде определенного конкретного продукта, получаемого в обмен за первый продукт, например в виде 8 *кг* сапожной ваксы; 1½ *м* шелка, ½ унции золота и т. д. Следовательно, «стоимость» продукта не может проявиться не в чем ином, как в его «меновой стоимости», точнее, в различных его меновых стоимостях. Почему же Маркс не ограничился изучением меновой стоимости продуктов и в частности количественных пропорций обмена их друг на друга, а счел нужным построить, наряду с понятием меновой стоимости, отличное от него понятие стоимости?

В «Критике политической экономии» Маркс не проводит еще резкого различия между меновой стоимостью и стоимостью. В «Критике» Маркс начинает свое изложение с потребительной стоимости, затем переходит к меновой стоимости, а от последней сейчас же переходит к стоимости (которую он называет еще Tauschwert). Переход этот у него очень незаметный, плавный, как будто само собой разумеющийся.

Совершенно иначе делает Маркс этот переход в «Капитале», и очень любопытно сравнить первые две страницы «Критики» с «Капиталом».

Первые две страницы в обеих книгах совершенно соответствуют друг другу, изложение одинаково начинается с потребительной стоимости, а затем переходит к меновой стоимости. Фраза, что меновая стоимость представляется в виде количественного соотношения, или пропорции, в которой продукты обмениваются друг на друга, находится в обеих книгах, но после этого начинается расхождение в тексте. Если в «Критике» Маркс от меновой стоимости незаметно переходит к стоимости, то в «Капитале» он, напротив, в данном пункте как будто останавливается, предвидя возражение со стороны своих противников. Вслед за упомянутою фразой Маркс замечает: «Меновая стоимость кажется поэтому чем-то случайным и совершенно относительным, внутренняя для товара имманентная меновая стоимость представляет, повидимому, бессмыслицу. Рассмотрим дело ближе».

Как видите, Маркс имел здесь в виду какого-то противника, который хотел доказать, что ничего, кроме относительной меновой стоимости, не существует, что понятие стоимости является совершенно излишним в политической экономии. Кто был этот противник, на которого намекал Маркс?

Этим противником был Бэйли, который доказывал, что понятие стоимости вообще в политической экономии не нужно, что мы должны ограничиться наблюдением и изучением отдельных пропорций, в которых обмениваются различные товары. Бэйли своей поверхностной, но остроумной критикой Рикардо, имевшей большой успех, пытался подорвать самые основы теории трудовой стоимости. Он утверждал, что мы не вправе говорить о стоимости стола, а можем только сказать, что стол обменивается один раз на три стула, другой раз на 1 *кг* кофе и т. д.; величина стоимости стола есть нечто совершенно относительное и в разных случаях различное. Отсюда Бэйли делал вывод, который сводился к отрицанию понятия стоимости, поскольку последняя отличается от относительной стоимости данного продукта в данном акте обмена. Представим себе такой случай: стоимость стола равна трем стульям. Через год стол этот обменивается на шесть стульев. Мы считаем себя вправе сказать, что хотя изменилась меновая стоимость стола, но его стоимость осталась неизменной, а упала лишь вдвое стоимость стульев. Бэйли же находит это утверждение нелепым. Раз изменилось меновое отношение стульев к столу, то изменилось и меновое отношение стола к стульям, а только в этом и состоит стоимость стола.

Чтобы опровергнуть это учение Бэйли, Маркс счел нужным в «Капитале» развить положение о том, что меновая стоимость не может быть нами понята, если она не будет сведена к некоторому единству, а именно к стоимости. Первый раздел первой главы «Капитала» посвящен обоснованию этой мысли—переходу от меновой стоимости к стоимости и от стоимости к единству, лежащему в ее основе, к труду. Второй раздел является дополнением к первому, так как он лишь поясняет подробнее понятие труда. Мы можем сказать, что Маркс от различий, обнаруживающихся в сфере меновой стоимости, переходит к единству, лежащему в основе всех меновых стоимостей, а именно к стоимости (и в последнем счете к труду). Здесь Маркс показывает ошибочность мнения Бэйли о возможности ограничить наше исследование сферой меновой стоимости. В третьем разделе Маркс предпринимает обратный путь и поясняет, каким образом стоимость данного продукта выражается в самых различных его меновых стоимостях. Раньше Маркс путем анализа перешел от различий к единству, теперь он переходит от единства к различиям. Раньше он опровергал учение Бэйли, теперь он дополняет учение Рикардо, у которого отсутствовал переход от стоимости к меновой стоимости. Для того, чтобы опровергнуть учение Бэйли, надо было развить дальше теорию Рикардо.

Действительно, задача Бэйли доказать, что, кроме меновой стоимости, никакой стоимости не существует, значительно облегчалась благодаря односторонности Рикардо, который не сумел показать, каким

образом стоимость проявляется в определенной форме стоимости. Поэтому перед Марксом стояли две задачи: 1) доказать, что под меновой стоимостью мы должны вскрыть стоимость и 2) доказать, что исследование стоимости необходимо приводит к различным формам ее проявления, к меновой стоимости.

Каким же образом переходит Маркс от меновой стоимости к стоимости?

Обычно критики и комментаторы Маркса считают, что центральная аргументация его заключается в знаменитом сравнении пшеницы с железом на третьей странице I тома «Капитала». Если пшеница и железо уравнены друг с другом, то— рассуждает Маркс—в них должно быть что-то общее равной величины, они должны быть равны чему-то третьему, а это третье и есть их стоимость. Обычно считают, что здесь заключена главная аргументация Маркса, и на эту аргументацию обычно и направляются все критические удары противников Маркса. Нет, пожалуй, ни одного сочинения, направленного против Маркса, в котором не указывалось бы, что Маркс хочет при помощи чисто отвлеченного рассуждения доказать необходимость понятия стоимости.

Что осталось совершенно незамеченным, это следующее обстоятельство: абзац Маркса, который трактует о сравнении пшеницы с железом, является не более как выводом из предыдущего абзаца, который гласит: «Известный товар, например 1 квартер пшеницы, в самых различных пропорциях обменивается на другие товары, например на 8 *кг* сапожной ваксы или на $1\frac{1}{2}$ *м* шелка, или на $\frac{1}{2}$ унции золота и т. д. Однако меновая стоимость квартера пшеницы остается неизменной, выражается ли она в сапожной ваксе, шелке или золоте. Следовательно, меновая стоимость должна иметь какое-то содержание, отличное от этих способов выражения» (К., I, с. 2, 3, русское изд.).

Как видно из приведенной цитаты, Маркс рассматривает не единичный случай приравнивания одного товара другому товару. Исходный пункт всей аргументации Маркса заключается в констатировании всем известного факта, свойственного товарному хозяйству,—факта всестороннего приравнивания всех товаров друг другу и возможности приравнивания данного товара бесконечному множеству всех других товаров. Иначе говоря, исходным пунктом всех рассуждений Маркса является конкретная структура товарного хозяйства, а отнюдь не чисто логический прием сравнения двух товаров друг с другом.

Итак, Маркс исходит из факта всестороннего приравнивания друг другу всех товаров, или из факта, что каждый товар может быть приравнен множеству других товаров. Однако эта предпосылка сама по себе еще недостаточна для всех выводов, которые Маркс сделал. В основе этих выводов лежит еще одна молчаливая предпосылка, которую Маркс часто выражает в других местах.

Вторая предпосылка заключается в следующем: мы предполагаем, что обмен нашего квартера пшеницы на любой другой товар является обменом, который подчинен известной закономерности, и закономерность этих актов обмена заключается в зависимости их от процесса производства. Мы отвергаем предположение, что квартер пшеницы может

быть обменен на произвольное количество железа, кофе и т. д. Мы не можем согласиться с предположением, что каждый раз в самом акте обмена устанавливаются эти пропорции обмена, которые носят совершенно случайный характер. Напротив, мы утверждаем, что все эти возможности для данного товара быть обмененным на другой товар подчиняются известной закономерности—закономерности, имеющей свою основу в производственном процессе. В таком случае вся аргументация Маркса принимает следующий вид.

Маркс говорит: возьмем не случайный обмен двух товаров—железа и пшеницы, а возьмем этот обмен в том виде, как он действительно происходит в товарном хозяйстве, и тогда мы увидим, что каждый предмет может быть всесторонне приравнен всем другим предметам, иначе говоря, мы наблюдаем бесконечное множество пропорций обмена данного продукта со всеми другими. Но эти пропорции обмена не случайны, они закономерны, и закономерность их определяется причинами, лежащими в производственном процессе. Таким образом мы приходим к выводу, что независимо от того, что стоимость одного квартера пшеницы выражается один раз в 1 *кг* кофе, другой раз в трех стульях и т. д., стоимость квартера пшеницы во всех этих случаях остается одной и той же. Если бы мы предположили, что в каждой из бесчисленных меновых пропорций квартер пшеницы имеет иную стоимость,—а к этому сводятся утверждения Бэйли,—то мы признали бы полный хаос в явлениях ценообразования, в том грандиозном явлении обмена продуктов, через посредство которого происходит всестороннее связывание всех видов труда.

Изложенные рассуждения привели Маркса к выводу, что, хотя стоимость продукта необходимо проявляется в меновой стоимости, тем не менее она должна быть подвергнута исследованию независимо от последней. «Дальнейший ход исследования приведет нас опять к меновой стоимости, как необходимому способу выражения или необходимой форме проявления товарной стоимости; тем не менее эта последняя должна быть сначала рассмотрена как таковая, независимо от этой ее формы» (К., I, с. 4). В соответствии с этим Маркс в первом и втором разделах первой главы I тома «Капитала» анализирует понятие стоимости, чтобы после этого перейти к меновой стоимости. Это разделение, которое Маркс провел между стоимостью и меновой стоимостью, ставит перед нами вопрос: что такое с т о и м о с т ь в отличие от меновой стоимости?

Если мы возьмем наиболее популярные и широко распространенные взгляды, то, пожалуй, можно сказать, что под стоимостью обычно понимается труд, который необходимо затратить на производство данного товара; под меновой же стоимостью данного товара понимается тот другой продукт, на который обменивается данный товар. Если данный стол произведен при помощи трехчасового труда и обменивается на три стула, то обычно говорят, что стоимость стола, равная трем часам труда, нашла свое выражение в другом продукте, отличном от самого стола, а именно в трех стульях. Три стула составляют меновую стоимость стола.

При таком популярном определении обычно остается не совсем ясным, определяется ли стоимость трудом или же стоимость и есть самый труд. Конечно, с точки зрения марксовой теории правильно будет сказать, что стоимость определяется трудом. Но тогда перед нами встает вопрос, что же такое эта стоимоть, определяемая трудом, и на этот-то вопрос мы обычно удовлетворительного ответа в популярных изложениях не находим.

Поэтому очень часто у читателя рождается представление, что стоимость продукта и есть не что иное, как труд, который необходимо затратить на его производство. Получается ложное представление о полном тождестве труда со стоимостью.

Такое представление наиболее широко распространено в антимарксистской литературе. Можно сказать, что большая часть тех недоразумений и лжетолкований, которые встречаются в антимарксистской литературе, построена на ложном представлении, будто у Маркса труд и есть стоимость.

Указанное ложное представление часто проистекает из непонимания терминологии и смысла сочинений Маркса. Например известные слова Маркса о том, что стоимость есть «застывший» или «кристаллизованный» труд, обычно истолковываются в том смысле, что труд и есть стоимость. Этому ошибочному представлению способствует также двусмысленность русского глагола «представлять». Стоимость «представляет» труд—так переводим мы немецкий глагол «darstellen». Но эта русская фраза может быть понята не только в том смысле, что стоимость является представителем или выражением труда,—понимание, единственно соответствующее мысли Маркса,—но и в том смысле, будто стоимость есть труд. Такое представление, наиболее распространенное в критической литературе, направленной против Маркса, конечно, является совершенно ложным. Труд не должен быть отождествляем со стоимостью. Труд представляет собою только субстанцию стоимости, а для того, чтобы получить стоимость в полном смысле слова, труд как субстанция стоимости должен быть рассматриваем в его неразрывной связи с социальною «формою стоимости» (Wertform).

Маркс изучает стоимость со стороны ее формы, субстанции и величины (Wertform, Wertsubstanz, Wertgrösse). «Решающий важный пункт заключался в том, чтобы открыть необходимую внутреннюю связь между формой, субстанцией и величиной стоимости» (Kapital, I, 1867, S. 34). Связь всех этих трех моментов скрывалась от глаз исследователей благодаря тому, что они анализируются Марксом отдельно один от другого. В первом издании «Капитала» Маркс несколько раз напоминал, что речь идет лишь об анализе различных моментов одного и того же объекта—стоимости. «Мы знаем теперь субстанцию стоимости. Это труд. Мы знаем меру ее величины. Это—рабочее время. Остается еще анализировать ее форму, которая превращает стоимость в меновую стоимость» (там же, S. 6. Курсив Маркса). «Так как до сих пор мы определяли только субстанцию и величину стоимости, обратимся теперь к анализу формы стоимости» (там же, S. 13). Во втором издании

I тома «Капитала» эти фразы из текста исключены, но зато первая глава разделена на разделы, с особыми заголовками: в заголовке первого раздела указаны «субстанция и величина стоимости», третий раздел озаглавлен: «Форма стоимости или меновая стоимость». Что же касается второго раздела, посвященного двойственному характеру труда, то он служит лишь дополнением к первому разделу, т. е. к учению о субстанции стоимости.

Оставляя сейчас в стороне количественную сторону или величину стоимости и ограничиваясь только ее качественною стороной, мы можем сказать, что стоимость должна рассматриваться со стороны «субстанции» (содержания) и «формы стоимости» [1]. Необходимость изучения стоимости со стороны обоих этих составляющих ее моментов означает не что иное, как необходимость придерживаться в ходе исследования генетического (диалектического) метода, включающего в себя как анализ, так и синтез [2]. С одной стороны, Маркс берет за исходный пункт исследования стоимость как готовую форму продукта труда и при помощи анализа вскрывает заключающееся в данной форме содержание (субстанцию), т. е. труд. Здесь он следует по тому пути, который был проложен классиками, особенно Рикардо, и по которому отказался итти Бэйли. Но в то время как Рикардо ограничивался тем, что при помощи анализа свел форму (стоимость) к содержанию (труду), Маркс хочет показать нам, почему это содержание принимает именно данную общественную форму. Маркс идет не только от формы к содержанию, но и от содержания к форме, он делает предметом своего исследования «форму стоимости» или стоимость как социальную форму продукта труда—форму, которую классики принимали за данную и не требующую объяснений.

Упрекая Бейли за то, что он ограничился исследованием количественной стороны меновой стоимости и игнорировал стоимость, Маркс, с другой стороны, отмечал, что классическая школа игнорировала «форму стоимости», хотя и подвергла исследованию самую стоимость, так сказать, содержание стоимости, зависимость ее от труда. «Политическая экономия исследовала—хотя и недостаточно—стоимость и величину стоимости, раскрыла заключающееся в *этих формах содержание*. Но она ни разу не поставила даже вопроса: *почему это содержание принимает такую форму*, другими словами, почему труд выражается в стоимости, а продолжительность труда как его мера—в величине стоимости продукта труда?» (К., I, с. 37, 38. Курсив наш). Классики-экономисты вскрыли под стоимостью труд; Маркс же показал, что трудовые отношения людей и общественный труд в товарном хозяйстве неизбежно принимают вещную форму стоимости продуктов труда. Классики обратили внимание на содержание стоимости, т. е. затраченный

[1] Под «формой стоимости» (Wertform) здесь и в дальнейшем понимаются не те различные формы, которые стоимость принимает в своем развитии (например, единичная, развернутая и всеобщая формы стоимости), а сама стоимость, рассматриваемая как социальная форма продукта труда. Иначе говоря, здесь имеются в виду не различные «формы стоимости», а «стоимость как форма».

[2] Об этих методах см. выше, в конце четвертой главы.

на производство продукта труд; Маркс же исследовал прежде всего «форму стоимости», т. е. стоимость как вещное выражение трудовых отношений людей и общественного (абстрактного) труда [1]).

«Форма стоимости» играет в марксовой теории стоимости существенную роль, а между тем она не обращала на себя в достаточной мере внимания исследователей (кроме Гильфердинга) [2]). Сам Маркс упоминает о ней во многих местах мимоходом. Третий раздел первой главы I тома «Капитала» носит заглавие «Форма стоимости или меновая стоимость». Но Маркс не останавливается в ней на выяснении формы стоимости, а быстро переходит к ее различным модификациям, к отдельным «формам стоимости»: простой, развернутой, всеобщей и денежной. Эти различные «формы стоимости», фигурирующие в каждом популярном изложении марксовой теории, заслонили собою (форму стоимости», как таковую. О последней Маркс более подробно высказывается в примечании к цитированному выше месту: «Один из основных недостатков классической политической экономии состоит в том, что ей никогда не удавалось из анализа товара и, в частности, товарной стоимости вывести форму стоимости, которая именно и придает ей характер меновой стоимости. Как раз в лице своих лучших представителей, А. Смита и Рикардо, она рассматривает форму стоимости, как нечто совершенно безразличное и даже внешнее по отношению к природе товара. Причина состоит не только в том, что анализ величины стоимости поглощает все ее внимание. Причина эта лежит глубже. Форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время самая всеобщая форма буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется как особенный вид общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически. Если же рассматривать буржуазный способ производства, как вечную естественную форму общественного производства, то неизбежно останутся незамеченными и специфические особенности формы стоимости, следовательно, товарной формы, а при дальнейшем ходе исследования—денежной формы, формы капитала и т. д.» (К., I, с. 38, 39. Курсив наш).

Итак, «форма стоимости» есть наиболее всеобщая форма товарного хозяйства; она характеризует ту общественную форму, которую процесс производства принимает на определен-

---

[1]) Мы оставляем в стороне спорный вопрос о том, правильно ли Маркс интерпретировал классиков. Мы полагаем, что по отношению к Рикардо Маркс был вправе сказать, что он исследовал величину и отчасти содержание стоимости, игнорируя форму стоимости (см. Theorien über den Mehrwert, B. II, T, 1, S. 12 и B III, S. 163, 164) Подробнее об этом см. в нашей статье «Основные черты теории стоимости Маркса и отличие ее от теории Рикардо», приложенной к книге Розенберга, Теория стоимости у Рикардо и Маркса, 1924, изд. «Московский рабочий».

[2]) Большое значение формы стоимости для понимания марксовой теории отметил в своих старых, крайне интересных статьях С. Булгаков. (Статьи «Что такое трудовая ценность» в «Сборнике правоведения и общественных знаний», 1896, т. VI, стр. 234, и «О некоторых основных понятиях политической экономии» в «Научном обозрении», 1898, № 2, стр. 337.)

ной ступени исторического развития. А так как политическая экономия изучает как раз исторически-переходящую общественную форму производства, товарно-капиталистическую, то «форма стоимости» представляет один из краеугольных камней марксовой теории стоимости. Как видно из последней цитированной фразы, «форма стоимости» тесно связана с «товарною формою», т. е. основною особенностью современного хозяйства, заключающеюся в том, что продукты труда производятся автономными частными производителями, трудовая связь которых осуществляется только посредством обмена товаров. При такой «товарной» форме хозяйства общественный труд, необходимый для производства данного продукта, находит свое выражение не непосредственно в трудовых единицах, а косвенно, в «форме стоимости», в виде других продуктов, которые дают в обмен на данный; продукт труда превращается в товар, обладающий и потребительною стоимостью и общественною «формою стоимости». Тем самым общественный труд «овеществляется», приобретает «форму стоимости», т. е. форму свойства, прикрепленного к вещи и как будто присущего самой вещи. Этот «овеществленный» труд (а не общественный труд как таковой) и составляет стоимость. Именно это мы имеем в виду, когда говорим, что стоимость уже включает в себя социальную «форму стоимости».

Что же такое эта «форма стоимости», которая, в отличие от меновой стоимости, входит в самое понятие стоимости?

Я приведу лишь одно наиболее яркое определение формы стоимости в первом издании «Капитала»: «Общественная форма товара и форма стоимости (Wertform), или форма обмениваемости (Form der Austauschbarkeit), суть, таким образом, одно и то же» (Kapital, I, 1867, S. 28. Курсив Маркса). Как видим, формой стоимости называется форма обмениваемости, или социальная форма продукта труда, заключающаяся в его способности быть обмененным на любой другой товар, поскольку эта способность определяется количеством труда, необходимого для производства данного товара. Таким образом, когда мы перешли от меновой стоимости к стоимости, мы не отвлеклись от социальной формы продукта труда. Мы только отвлеклись от того конкретного продукта, в котором выражается стоимость товара, но социальную форму продукта труда, его способность быть обмененным в известной пропорции на любой другой продукт мы все время имеем в виду.

Наш вывод можно формулировать еще таким образом: Маркс анализирует «форму стоимости» (Wertform) отдельно от меновой стоимости (Tauschwert). Для того, чтобы в самое понятие стоимости внести социальную форму продукта труда, мы вынуждены были произвести как бы расщепление или раздвоение социальной формы продукта на две формы: на Wertform и Tauschwert, понимая под первой социальную форму продукта, еще не конкретизировавшуюся в определенной вещи, а представляющую собой как бы абстрактное свойство товара. Для того, чтобы внести в самое понятие стоимости признаки социальной формы продукта труда и тем самым доказать недопустимость отождествления понятия стоимости с понятием труда—отождествления, к которому часто приближались популярные изложения Маркса,—мы должны

были доказать, что стоимость должна быть рассматриваема не только со стороны субстанции стоимости (т. е. труда), но и со стороны «формы стоимости», а для того, чтобы форму стоимости внести в самое понятие стоимости, мы должны были отделить ее от меновой стоимости, которая рассматривается Марксом отдельно от стоимости. Таким образом мы расчленили социальную форму продукта на две части: на социальную форму, еще не принявшую конкретного вида (т. е. «форму стоимости»), и на ту же форму, уже принявшую конкретный и самостоятельный вид (т. е. меновую стоимость).

После того, как мы рассмотрели «форму стоимости», мы должны перейти к вопросу о содержании или субстанции стоимости. Все марксисты сходятся в том, что труд образует содержание стоимости, но весь вопрос в том, о каком именно труде здесь идет речь. Ведь нам известно, что самые различные понятия могут быть скрыты под словом «труд». Какой же именно труд образует содержание стоимости?

После того, как мы в предыдущей главе провели различие между социально уравненным трудом вообще, который может существовать при различных формах общественного разделения труда, и абстрактным трудом, который существует только в товарном хозяйстве, мы должны поставить следующий вопрос: понимает ли Маркс под субстанцией или содержанием стоимости социально уравненный труд вообще (т. е. общественный труд вообще) или же абстрактно всеобщий труд? Иными словами, когда мы говорим о труде как содержании стоимости, включаем ли мы в понятие труда все те признаки, которые нами включаются в понятие абстрактного труда, или же мы берем труд в смысле социально уравненного труда, не включая в него тех признаков, которые характеризуют социальную организацию труда в товарном хозяйстве? Совпадает ли понятие труда как «содержания» стоимости с понятием абстрактного труда, «образующего» стоимость? На первый взгляд у Маркса можно найти доводы в пользу обоих указанных значений содержания стоимости. С одной стороны, мы найдем доводы, которые как будто говорят, что под трудом как содержанием стоимости мы должны понимать нечто более бедное, чем абстрактный труд, т. е. труд вне тех социальных признаков, которые ему присущи в товарном хозяйстве.

Какие доводы мы находим в пользу такого решения вопроса?

Нередко Маркс под содержанием стоимости понимает нечто такое, что может принять социальную форму стоимости, но может принять также и другую социальную форму. Под содержанием понимается нечто, способное принимать различные социальные формы. Такой именно способностью отличается социально уравненный труд, а не абстрактный труд (т. е. труд, уже принявший определенную социальную форму). Социально уравненный труд может принять и форму труда, организованного в товарном хозяйстве, и форму труда, организованного, например, в социалистическом хозяйстве. Иначе говоря, мы в данном случае берем социальное уравнение труда в его абстрактном виде, не обращая внимания на те модификации, которые в самом содержании (т. е. труде) вызываются той или другой его формой.

Встречается ли у Маркса понятие содержания стоимости в таком смысле? На этот вопрос мы можем ответить утвердительно. Вдумаемся, например, в слова Маркса о том, что «меновая стоимость есть лишь определенный общественный способ выражать труд, потраченный на производство вещи» (К., I, стр. 40). Очевидно, труд рассматривается здесь как абстрактное содержание, могущее принять ту или другую социальную форму. Когда Маркс в известном письме к Кугельману от 11 июля 1868 г. говорит, что общественное распределение труда проявляется в товарном хозяйстве в форме стоимости, он опять-таки рассматривает общественно распределенный труд как содержание, которое может принять ту или другую социальную форму. Во втором абзаце раздела о товарном фетишизме Маркс прямо заявляет, что «с о д е р ж а н и е определенной стоимости» мы найдем не только в товарном хозяйстве, но и в патриархальной семье или средневековом поместьи. И здесь, как мы видим, труд представляет собой то содержание, которое может принять различные социальные формы.

С другой стороны, у Маркса можно найти и доводы в пользу противоположного положения, согласно которому мы под содержанием стоимости должны понимать труд абстрактный. Прежде всего мы найдем у Маркса некоторые выражения, прямо утверждающие это, например следующее: «Они (товары) относятся к а б с т р а к т н о м у человеческому труду, как к своей общей общественной с у б с т а н ц и и» (Kapital, I, 1867, S. 28. Курсив наш). Это выражение как будто не оставляет никаких сомнений в том, что абстрактный труд является не только образователем стоимости, но и субстанцией или содержанием стоимости. К тому же выводу мы придем на основании методологических соображений. Социально уравненный труд принимает в товарном хозяйстве форму абстрактного труда, и только из этого абстрактного труда вытекает с необходимостью стоимость как социальная форма продуктов труда. Отсюда следует, что понятие абстрактного труда в нашей схеме непосредственно предшествует понятию стоимости, и казалось бы, что это понятие абстрактного труда и должно быть нами принято за основу, содержание или субстанцию стоимости. Не следует также забывать, что в вопросе о соотношении между содержанием и формою Маркс стоял на точке зрения Гегеля, а не Канта. Кант рассматривает форму как нечто внешнее по отношению к содержанию и извне присоединящееся к нему. С точки же зрения гегелевской философии, содержание не представляет собою чего-то такого, к чему форма извне прилагается, а само содержание, развиваясь, рождает эту форму, которая заключалась в том же содержании в скрытом виде. Форма вытекает с необходимостью из самого содержания. Таково основное положение гегелевской и марксовой методологии—положение, противоположное кантовской методологии. С этой точки зрения из субстанции стоимости должна с необходимостью вытекать и форма стоимости, а, следовательно, мы должны за субстанцию стоимости принять абстрактный труд во всем богатстве его социальных определений, характерных для товарного хозяйства. И, наконец, в качестве последнего довода укажем, что, если мы примем за содержание стоимости труд абстрактный, мы достигнем значительного упрощения

всей марксовой схемы, так как в этом случае труд как содержание стоимости не будет отличаться от труда, образующего стоимость.

Мы пришли к парадоксальному положению, что содержанием стоимости Маркс признает то общественный (или социально уравненный) труд, то труд абстрактный.

Как же нам выйти из этого противоречия? Это противоречие исчезает, если вспомнить, что диалектический метод включает в себе оба пути исследования, о которых мы говорили выше: путь исследования от формы к содержанию и путь исследования от содержания к форме. Если мы исходим из стоимости, как определенной, заранее данной социальной формы, и ставим себе вопрос, каково содержание этой формы, то оказывается, что эта форма только выражает вообще тот факт, что затрачен общественный труд; стоимость оказывается формой, выражающей факт социального уравнения труда, факт, происходящий не только в товарном хозяйстве, но могущий происходить и в другом хозяйстве. Продвигаясь путем анализа от готовой формы к ее содержанию, мы в качестве содержания стоимости находим социально уравненный труд. Но к другому выводу мы придем, если за исходный пункт исследования возьмем не готовую форму, а самое содержание (т. е. труд), из которого с необходимостью должна вытекать форма (т. е. стоимость). Чтобы от труда, рассматриваемого как содержание, перейти к стоимости как к форме, мы должны в понятие труда включить социальную форму, присущую ему в товарном хозяйстве, т. е. содержанием стоимости признать абстрактно всеобщий труд. Возможно, что именно различием обоих методов и объясняется кажущееся противоречие в определении содержания стоимости, которое мы встречаем у Маркса.

После того как мы анализировали в отдельности форму и содержание стоимости, мы должны рассмотреть связь между ними. Какое отношение существует между трудом и стоимостью? Общий ответ на этот вопрос гласит: стоимость является адэкватной и точной формой выражения содержания стоимости (т. е. труда). Чтобы пояснить эту мысль, вернемся к прежнему примеру: стол обменивается на три стула. Мы говорим, что этот процесс обмена подчиняется известной закономерности и зависит от развития и изменений производительности труда. Но меновая стоимость есть такая социальная форма продукта, которая не только выражает изменения труда, но которая также замаскировывает и скрывает эти изменения. Она скрывает их по той простой причине, что меновая стоимость предполагает стоимостное отношение между двумя товарами—между столом и стульями, и поэтому изменение меновой пропорции между этими двумя предметами ничего не говорит нам о том, действительно ли изменилось количество труда, затрачиваемого на производство стола, или количество труда, затрачиваемого на производстов стульев. Если стол по прошествии некоторого времени обменивается уже на шесть стульев, меновая стоимость стола изменилась, между тем как стоимость самого стола, быть может, ни в малейшей мере не изменилась. Для того, чтобы изучить в чистом виде процесс зависимости изменения социальной формы продукта от количества труда, затрачиваемого на его производство, Марксу пришлось данное явление

разделить на две части, рассечь его и сказать, что мы должны изучать отдельно те причины, которые определяют «абсолютную» стоимость стола, и те причины, которые определяют «абсолютную» стоимость стульев; и что одно и то же явление обмена (именно тот факт, что теперь стол обменивается на шесть стульев вместо трех) может вызываться либо причинами, лежащими на стороне стола, либо причинами, коренящимися в условиях производства стульев. Чтобы изучить отдельно действие каждого из этих причинных рядов, Марксу пришлось рассечь факт изменения меновой стоимости стола на две части и предположить, что изменения эти вызываются исключительно причинами, действующими на стороне стола, т. е. изменением производительности труда, необходимого для производства стола. Иначе говоря, он должен был предположить, что стулья, как и все другие товары, на которые обменивается наш стол, сохраняют свою прежнюю стоимость. Именно при этом предположении стоимость является вполне точной и адэкватной формой выражения труда как с *качественной*, так и с *количественной* стороны.

До сих пор мы рассматривали связь между субстанцией и формой стоимости с качественной стороны. Теперь мы должны рассмотреть ту же связь между ними с количественной стороны, а тем самым мы переходим от субстанции и формы к третьему моменту стоимости—к *величине* стоимости. Маркс рассматривает общественный труд не только с качественной стороны (труд, как субстанция стоимости), но и с количественной (количество труда). Точно так же и стоимость Маркс рассматривает и с качественной (стоимость как форма, или форма стоимости) и с количественной стороны (величина стоимости). Со стороны *качественной* соотношение между «субстанцией» и «формой стоимости» означает соотношение между общественным абстрактным трудом и его «овеществленной» формой, т. е. стоимостью. Здесь теория стоимости Маркса непосредственно примыкает к его теории товарного фетишизма. Со стороны *количественной* речь идет о соотношении между количеством абстрактного, общественно необходимого труда и величиной стоимости продуктов, изменения которой служат основой закономерной динамики рыночных цен. Величина стоимости изменяется в зависимости от количества абстрактного, общественно-необходимого труда, а благодаря двойственному характеру труда изменения количеств абстрактного, общественно-необходимого труда вызываются в свою очередь изменениями количеств конкретного труда, т. е. развитием материально-технического процесса производства, в частности производительности труда. Таким образом вся *система стоимостей*—эта грандиозная система стихийного общественного учета и сопоставления продуктов труда—имеет своей основой скрытую и незаметную на поверхности явлений грандиозную систему стихийного общественного учета и сопоставления *труда* различных видов и индивидов, как частей совокупного общественного абстрактного труда. В свою очередь эта *система совокупного общественного абстрактного труда* приводится в движение развитием *материальных производительных сил*, этим последним фактором развития общества вообще. Так

теория стоимости Маркса связывается с его же теорией исторического материализма.

В учении Маркса мы находим величественный синтез, с одной стороны, содержания и формы стоимости, с другой стороны—качественной и количественной сторон стоимости. В одном месте Маркс отмечает, что Петти путал два определения стоимости: «стоимость как форму общественного труда» и «величину стоимости, которая определяется равным рабочим временем, причем труд рассматривается как источник стоимости» (Theorien über den Mehrwert, B. I, 1905, S. 11; русский перев., под ред. Г. Плеханова, 1906, стр. 18—19). Величие Маркса и заключается в том, что он дал синтез обоих этих определений стоимости. «Стоимость как вещное выражение производственных отношений людей» и «стоимость как величина, определяемая количеством труда или рабочего времени»,—оба эти определения неразрывно связаны у Маркса. Количественная сторона явлений стоимости, изучением которой преимущественно ограничивались классики, изучается Марксом на основе исследования качественной стороны стоимости. Именно учение о форме стоимости или о «стоимости как форме общественного труда» составляет наиболее своеобразную часть марксовой теории стоимости, в отличие от теорий классиков. У буржуазных ученых нередко можно встретить мнение, что отличительной чертой Маркса, по сравнению с классиками, является признание им труда «источником» или «субстанцией» стоимости. Как видно из приведенных слов Маркса, признание труда «источником» стоимости встречается и у экономистов, интересовавшихся преимущественно количественной стороной явлений стоимости. В частности признание труда источником стоимости мы находим также у Смита и у Рикардо. Но напрасно стали бы мы искать у них учение о «стоимости как форме общественного труда».

До Маркса внимание экономистов-классиков и их эпигонов было обращено либо на *содержание* стоимости, притом преимущественно на количественную сторону (количество труда), либо на *относительную меновую* стоимость, т. е. на количественные пропорции обмена. Исследованию подвергались два крайних звена теории стоимости; факт развития производительности труда и техники, как внутренняя причина изменений стоимости, и факт относительных изменений стоимости товаров на рынке. Но недоставало посредствующего звена: «формы стоимости», т. е. стоимости как формы, характеризующейся овеществлением производственных отношений и превращением общественного труда в свойство продукта труда. Этим объясняются упреки Маркса его предшественникам, на первый взгляд, казалось бы, разноречивые. Бейли он упрекает за то, что он изучает пропорции обмена, т. е. меновую стоимость, игнорируя стоимость. Недостаток классиков он видит в том, что они изучали стоимость и величину стоимости, содержание, а не «форму стоимости». Предшественники Маркса, как указано, уделяли свое внимание *содержанию* стоимости, преимущественно с количественной стороны (труд и величина труда), а равно *количественной* стороне меновой стоимости. Они упустили из виду *качественную* сторону труда и стоимости, эту характерную особенность товарного

хозяйства. Исследование «формы стоимости» и придает понятию стоимости его социологический характер и своеобразные черты. Эта «форма стоимости» соединяет крайние звенья: развитие производительности труда и явления рыночного торга. Без нее эти звенья распадаются, и каждое из них превращается в одностороннюю теорию. Мы получаем, с одной стороны, трудовые затраты с технической стороны, независимо от общественной формы этого материального процесса производства (трудовая стоимость как логическая категория), а с другой—относительные изменения цен на рынке, теорию цен, ищущую объяснения их колебаний вне сферы трудового процесса и оторванную от основного факта народного хозяйства, от развития производительных сил.

Указывая, что без формы стоимости нет стоимости, как общественного явления, Маркс отлично понимал, что сама эта общественная форма без заполняющего ее трудового содержания становится пустою. Отметив пренебрежение классической школы к форме стоимости, Маркс предостерегает и против другой опасности—переоценки общественной формы стоимости в ущерб ее трудовому содержанию. «В противовес этому появилась реставрированная меркантильная система (Ganilh и др.), которая в стоимости видит лишь общественную форму или скорее лишь ее отблеск, лишенный всякой самостоятельной субстанции» (К., I, с. 39, примеч.) [1]. В другом месте Маркс говорит о том же Ганиле: «Ганиль совершенно правильно замечает о Рикардо и о первых экономистах, что они рассматривают труд, оставляя без внимания обмен, хотя их система, как и вся вообще буржуазная система, основана на меновой стоимости». Ганиль прав, выдвигая значение обмена, т. е. определенной общественной формы трудовой деятельности людей, которая находит свое выражение в «форме стоимости». Но он преувеличивает значение обмена за счет производственно-трудового процесса: «Ганиль, как и меркантилисты, воображает, что величина стоимости сама является продуктом обмена, между тем как обмен дает продуктам только форму стоимости или форму товара». (Теории прибавочной стоимости, том I, русск. перев., под ред. Г. Плеханова, 1906, стр. 244). Форма стоимости заполнена трудовым содержанием, величина стоимости зависит от количества абстрактного труда. В свою очередь труд, который своей общественной или абстрактной стороной тесно связан с системой стоимостей, другой стороной—материально-техническою, или конкретною—тесно связан с системой материального производства.

Благодаря исследованию стоимости со стороны ее содержания (т. е. труда) и социальной формы мы получаем следующие преимущества. Мы сразу порываем с распространенным отождествлением стоимости с трудом и таким образом правильнее определяем отношение понятия стоимости к понятию труда. С другой стороны, мы правильнее опре-

---

[1]) У Маркса в подлиннике сказано просто: substanzlosen Schein (S. 47). Переводчики, не обратив достаточного внимания на различие формы и содержания (субстанции), сочли нужным вставить слово «самостоятельной», которого нет у Маркса. Струве переводит substanzlosen словами «лишенный содержания», что очень хорошо передает мысль Маркса, который в «субстанции» стоимости видел ее содержание, в отличие от формы.

деляем отношение стоимости к меновой стоимости. Раньше, когда стоимость рассматривалась просто как труд и не получала более отчетливой социальной характеристики, эта стоимость, с одной стороны, отождествлялась с трудом, а с другой стороны, была пропастью отделена от меновой стоимости. В понятии стоимости экономисты нередко только дублировали тот же труд и от этого понятия стоимости никак не могли перейти к понятию меновой стоимости. Теперь, когда мы рассматриваем стоимость со стороны содержания и формы, мы через содержание связываем стоимость с предшествующим понятием—с абстрактным трудом (а в конечном счете и с материальным процессом производства), а с другой стороны, через форму стоимости мы уже связываем понятие стоимости с последующим понятием—меновой стоимостью. Действительно, раз мы утверждаем, что стоимость представляет собою не труд вообще, а труд, принявший «форму обмениваемости» продукта, то от стоимости мы должны непременно перейти к меновой стоимости. Таким образом понятие стоимости оказывается неразрывно связанным, с одной стороны, с понятием труда, а с другой стороны, с понятием меновой стоимости.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРУД.

Мы пришли к выводу, что в товарном хозяйстве уравнение труда происходит через посредство уравнения продуктов труда. Самостоятельного общественного акта уравнения труда в товарном обществе не существует. Поэтому ошибочно представлять себе дело таким образом, будто кто-то заранее уравнивает разные виды труда, сравнивая их при помощи определенной единицы меры, после чего продукты труда обмениваются пропорционально уже измеренным и сравненным количествам труда, содержащегося в них. Исходя из такого взгляда, игнорирующего анархический, стихийный характер товарно-капиталистического хозяйства, экономисты нередко усматривали задачу экономической теории в том, чтобы найти такое *мерило* стоимости, которое сделало бы *практически возможным* сравнение и соизмерение качественно различных продуктов в акте рыночного обмена. Им казалось, что теория трудовой стоимости выдвигает труд именно в качестве такого практического мерила стоимости. Поэтому их критика была направлена на доказательство того, что труд не может быть признан пригодным мерилом стоимости, ввиду отсутствия точно установленной единицы труда, при помощи которой можно было бы измерять различные виды труда, отличающиеся друг от друга по своей интенсивности, квалификации, вредности для здоровья и т. п.

Указанные экономисты не могли освободиться от ошибочного представления, давно свившего себе гнездо в политической экономии и приписывавшего теории стоимости совершенно несвойственную ей задачу нахождения практического мерила стоимости. В действительности теория стоимости имеет совсем другую задачу, теоретическую, а не практическую. Нам незачем искать практическое мерило стоимости, которое сделало бы *возможным* сравнение продуктов труда на рынке. Такое сравнение *реально* происходит повседневно в процессе рыночного обмена, в котором стихийным путем выработалось необходимое для этого мерило стоимости, деньги, и который ни в каком мериле, теоретически придуманном экономистами, не нуждается. Задача теории стоимости совсем иная, а именно *теоретически* понять и объяснить реально происходящий на рынке процесс уравнения товаров в тесной связи его с уравнением и распределением общественного труда в про-

цессе производства, т. е. открыть причинную связь между обоими этими процессами и законы их изменений. Причинное изучение реально происходящих процессов уравнения разных товаров и разных видов труда, а не нахождение практического мерила в целях их сравнения,—такова задача теории стоимости.

Господствующее у Смита смешение мерила стоимости и законов изменения стоимости принесло огромный вред политической экономии и дает себя чувствовать еще в настоящее время. Великая заслуга Рикардо заключается в том, что он отстранил проблему нахождения практического мерила стоимости и поставил теорию стоимости на строго научную почву причинного изучения изменений рыночных цен в зависимости от изменений в производительности труда [1]). Продолжателем его в этом отношении является Маркс, резко критиковавший взгляды на труд как на «неизменяющееся мерило стоимости». «Проблема неизменяющегося мерила стоимости представляла собою в действительности только неправильное выражение поисков понятия и природы самой стоимости» (Theorien, III, S. 159). «Заслуга Бэйли в том, что он своими возражениями вскрыл смешение «мерила стоимости», как оно представлено в деньгах,—товаре, существующем наряду с другими товарами,—с имманентным мерилом и субстанцией стоимости» (там же, S. 163). Теория стоимости ищет не «внешнее мерило» стоимости, а ее «причину», «генезис и имманентную природу стоимости» (там же, S. 186, 195). Причинное изучение изменений стоимости товаров, происходящих в зависимости от изменений в производительности труда,—изучение этих реальных явлений с качественной и количественной стороны и есть то, что Маркс называет учением о «субстанции» и «имманентном мериле» стоимости. «Имманентное мерило» означает здесь не количество, принимаемое за единицу измерения, а «количество, с которым связано какое-нибудь существование или какое-нибудь качество» [2]). Утверждение Маркса, что труд есть имманентное мерило стоимости, следует понимать только в том смысле, что количественные изменения труда, необходимого для производства продукта, обусловливают количественные изменения стоимости последнего. Конечно, этот термин «имманентное мерило», перенесенный Марксом, как и множество других терминов, из философии в политическую экономию, не может быть признан вполне удачным, так как при поверхностном чтении он заставляет читателя думать скорее о мериле сравнения, чем о причинном изучении количественных изменений явления. Эта неудачная терминология, в связи с неправильным истолкованием рассуждений Маркса, изложенных на первых страницах «Капитала», давала повод иногда даже марксистам вносить в теорию стоимости чуждую ей проблему нахождения практического мерила стоимости.

---

[1]) См. И. Рубин, История экономической мысли, 2-е изд., 1928 г., главы XXII и XXVIII.

[2]) О. Бауэр, История «Капитала». Сборник «Основные проблемы полит. экон.», 1922 г., стр. 47. Это — известное определение меры, принадлежащее Гегелю. Ср. Куно Фишер, История новой философии, т. VIII, ч. 1, 1902 г., стр. 490 и Hegel, Sämtliche Werke, B. III, T. I, 1923, стр. 340 и след.

Таким образом в товарном хозяйстве уравнение труда не устанавливается кем-то заранее при помощи определенной единицы измерения, а происходит через посредство уравнения товаров в обмене. Благодаря процессу обмена подвергаются существенному изменению как продукт, так и труд товаропроизводителя. Разумеется, здесь не может быть речи о натуральном, естественном изменении. Продажа сюртука не может произвести никаких перемен ни в натуральном виде самого сюртука, ни в труде портного, как совокупности уже закончившихся конкретных трудовых процессов. Но продажа продукта изменяет его форму стоимости, его социальную функцию или форму и косвенным путем воздействует на трудовую деятельность товаропроизводителя, ставит его труд в определенное отношение к труду других товаропроизводителей той же и других профессий, т. е. изменяет социальную функцию труда. Изменения, которым продукт труда подвергается через посредство процесса обмена, могут быть охарактеризованы следующим образом: 1) продукт приобретает способность непосредственно обмениваться на любой другой продукт общественного труда, т. е. обнаруживает свой характер общественного продукта; 2) этот общественный характер приобретается продуктом в такой форме, что он приравнивается определенному продукту (золоту), обладающему способностью непосредственной обмениваемости на все другие продукты. Уравнение всех продуктов друг с другом, происходящее через приравнивание их золоту (деньгам), включает в себя также: 3) уравнение продуктов разных видов труда, отличающихся различною квалификацией, т. е. продолжительностью подготовки, и 4) уравнение продуктов данного рода и качества, произведенных при различных технических условиях, т. е. с затратою различных индивидуальных количеств труда.

Соответственно перечисленным изменениям, которым продукт подвергается благодаря процессу обмена, последний производит аналогичные изменения и в труде товаропроизводителей: 1) труд отдельного частного товаропроизводителя обнаруживает свой характер общественного труда; 2) данный конкретный вид труда уравнивается со всеми другими конкретными видами труда. Это всестороннее уравнение труда включает в себе также: 3) уравнение разных видов труда, отличающихся различною квалификацией, и 4) уравнение различных индивидуальных трудовых затрат, израсходованных на производство экземпляра продукта данного рода и качества. Таким образом через посредство процесса обмена частный труд получает дополнительную характеристику в качестве общественного, конкретный труд—в качестве абстрактного, сложный труд сводится к простому, а индивидуальный труд—к общественно-необходимому. Иначе говоря, труд товаропроизводителя, который в процессе производства является непосредственно трудом частным, конкретным, квалифицированным (т. е. отличающимся определенной степенью квалификации, которая в некоторых случаях может быть признана равною нулю) и индивидуальным, благодаря процессу обмена приобретает социальные свойства, характеризующие его, как труд общественный,

абстрактный, простой и общественно-необходимый [1]). Здесь перед нами не четыре отдельных процесса превращения труда, как представляют себе некоторые исследователи, а разные стороны единого процесса уравнения труда, происходящего через посредство уравнения продуктов труда как стоимостей. Единый акт уравнения товаров как стоимостей устраняет и погашает особенности труда, как частного, конкретного, квалифицированного и индивидуального. Все эти моменты так тесно связаны между собою, что в «Критике политической экономии» Маркс еще не приводит между ними достаточно ясного различия и стирает границы между трудом абстрактным, простым и общественно-необходимым (с. 36—38). В «Капитале», напротив, эти определения развиты Марксом с такой ясностью и строгостью, что от внимания читателя может ускользнуть тесная связь между ними, как выражающими различные стороны уравнения труда в процессе его распределения. Этот процесс предполагает: 1) взаимосвязанность всех трудовых процессов (общественный труд); 2) уравнение отдельных сфер производства или видов труда (абстрактный труд); 3) уравнение видов труда различной квалификации (простой труд) и 4) уравнение труда, применяемого в отдельных предприятиях данной сферы производства (общественно-необходимый труд).

Из перечисленных нами четырех определений труда, образующего стоимость, понятие абстрактного труда является центральным. Объясняется это тем, что в товарном хозяйстве, как увидим ниже, труд становится общественным только в форме абстрактного труда. Далее, превращение квалифицированного труда в простой составляет лишь часть более обширного процесса превращения конкретного труда в абстрактный. Наконец, превращение индивидуального труда в общественно-необходимый представляет собою лишь количественную сторону того же процесса превращения конкретного труда в абстрактный. Именно поэтому понятие абстрактного труда занимает такое центральное положение в марксовой теории стоимости.

Как мы уже неоднократно указывали, товарное хозяйство характеризуется формальною независимостью отдельных товаропроизводителей, с одной стороны, и материальною связанностью их трудовых деятельностей—с другой. Каким же образом частный труд отдельного товаропроизводителя включается в общественный трудовой механизм и подчиняется его ходу? Каким образом частный труд становится трудом общественным, и совокупность отдельных, раздробленных частных хозяйств превращается в относительно единое народное хозяйство, с закономерно повторяющимися массовыми явлениями, изучаемыми политической экономией? Это—основной вопрос политической экономии,

---

[1]) В товарном производстве, т. е. заранее рассчитанном на обмен, труд уже в процессе непосредственного производства приобретает указанные социальные свойства, однако лишь в качестве «скрытых» или «потенциальных» свойств, которые должны быть еще реализованы в процессе обмена. Труд, следовательно, обладает двойственным характером, выступая непосредственно как частный, конкретный, квалифицированный и индивидуальный и одновременно как потенциально общественный, абстрактный, простой и общественно-необходимый (см. следующую главу).

вопрос о самой возможности и условиях существования товарно-капиталистического хозяйства.

В обществах с организованным хозяйством труд отдельного лица в его конкретном виде непосредственно организуется и направляется общественным органом, выступает как часть совокупного общественного труда, как труд общественный. В товарном хозяйстве труд автономного товаропроизводителя, основанный на праве частной собственности, первоначально выступает как частный труд. «Мы не исходим из труда индивидуумов как общественного труда, но, наоборот, отправляемся от особенного, индивидуального труда, который только в меновом процессе, через уничтожение его первоначального характера, обнаруживается как всеобщий общественный труд. Следовательно, всеобщий общественный труд не есть заранее данное условие, но результат, который только получается» («Критика пол. эк.», с. 49). Труд товаропроизводителей обнаруживает свой общественный характер не как конкретный труд, затрачиваемый непосредственно в самом процессе производства, но лишь как труд, который должен быть уравнен со всеми другими видами труда через посредство процесса обмена.

Каким же образом может в обмене обнаружиться общественный характер труда? Если сюртук является продуктом частного труда портного, то, казалось бы, продажа сюртука или обмен его на золото приравнивает частный труд портного другому виду частного труда, а именно труду золотопромышленника. Каким же образом уравнение одного *частного* труда с другим *частным* трудом может сообщить первому *общественный* характер? Это возможно только в том случае, если частный труд золотопромышленника в свою очередь уже уравнен со всеми другими конкретными видами труда, т. е. если продукт его, золото, может непосредственно обмениваться на любой другой продукт и, следовательно, играет роль всеобщего эквивалента или денег. Труд портного, будучи уравнен с трудом золотопромышленника, тем самым уравнивается и связывается со *всеми* конкретными видами труда. *Уравниваясь* с ними, как равнозначный им вид труда, труд портного из конкретного становится всеобщим или *абстрактным*; *связываясь* с ними в единую систему совокупного общественного труда, он из труда частного становится *общественным*. Всестороннее уравнение (через деньги) всех конкретных видов труда и превращение их в абстрактный труд одновременно создают между ними общественную связь, превращая частный труд в общественный. «В меновой стоимости рабочее время отдельного индивидуума выступает непосредственно, как *всеобщее рабочее время*, и этот *всеобщий характер* отдельного труда—как его *общественный характер*» («Критика пол. эк.», с. 39. Курсив Маркса) [1]. Только как «*всеобщая* величина», труд становится «*общественною* величиною» (там же). «Труд *всеобщий* и в этой форме *общественный*», часто повторяет Маркс. В первой главе «Капитала» Маркс перечисляет

[1] «Всеобщим» Маркс в «Критике политической экономии» называет труд абстрактный.

три особенности эквивалентной формы стоимости: 1) потребительная стоимость становится формою проявления стоимости; 2) конкретный труд становится формою проявления абстрактного труда и 3) частный труд принимает форму непосредственно общественного труда (К., I, с. 18—22). Маркс начинает свой анализ с явлений, происходящих на поверхности рынка, в вещной форме: с противоположности потребительной стоимости и меновой. Объяснения ее он ищет в противоположности труда конкретного и абстрактного и, продолжая дальше свой анализ общественной формы организации труда, упирается в основной вопрос своей экономической теории, в противоположность частного и общественного труда. В товарном хозяйстве превращение частного труда в общественный совпадает с превращением конкретного труда в абстрактный. Общественная связь между трудовою деятельностью частных товаропроизводителей создается только через уравнение всех конкретных видов труда, происходящее в форме уравнения всех продуктов труда, как стоимостей. Обратно, уравнение разных видов труда и отвлечение (абстрагирование) от их конкретных особенностей представляет собою ту единственную общественную связь, которая превращает совокупность частных хозяйств в единое народное хозяйство. Этим объясняется то исключительное внимание, которое Маркс в своей теории уделял понятию абстрактного труда.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

АБСТРАКТНЫЙ ТРУД.

Учение об абстрактном труде представляет один из центральных пунктов марксовой теории стоимости. По Марксу, абстрактный труд «образует» стоимость. Различию между трудом конкретным и абстрактным Маркс придавал решающее значение. «Эта двойственная природа заключающегося в товаре труда впервые критически указана мною. Так как этот пункт является центральным, так как от него зависит правильное понимание основных вопросов политической экономии, то мы осветим его здесь более обстоятельно» (К., I, с. 6). После выхода в свет первого тома «Капитала» Маркс писал Энгельсу: «Самое лучшее в моей книге—это: 1) (на этом основано всякое понимание явлений) подчеркнутый уже в первой главе двойственный характер труда, в зависимости от того, выражается ли он в потребительной или меновой стоимости; 2) исследование прибавочной стоимости независимо от ее особенных форм, прибыли, процента, земельной ренты и т. п.»[1]).

При таком решающем значении, которое Маркс придает своему учению об абстрактном труде, приходится удивляться, что ему уделялось так мало внимания в марксистской литературе. Одни авторы совершенно обходят молчанием этот вопрос. Так, А. Богданов превращает абстрактный труд в «абстрактно-простой труд» и, оставляя в стороне проблему конкретного и абстрактного труда, ограничивается вопросом о труде простом и квалифицированном[2]). Многие критики марксизма также предпочитают подставлять вместо абстрактного труда труд простой; так делает, например, К. Диль[3]). В популярных изложениях марксовой теории стоимости авторы пересказывают своими словами определения, данные Марксом в разделе втором первой главы «Капитала» о «двояком характере заключающегося в товарах труда». Каутский пишет: «С одной стороны, труд есть производительная трата человеческой рабочей силы вообще, с другой—определенная человеческая деятельность для достижения известной цели. Первая сторона труда есть нечто общее для всякой производительной деятельности

---

1) Briefwechsel von Marx und Engels, B. III, письмо от 24 августа 1867 года. См Письма Маркса и Энгельса, русск. изд. 1923 г., стр. 168.

2) Курс политическ. экономии, т. II, в. IV, стр. 18.

3) Sozialwissenschaftliche Erläuterungen zu Ricardo, B. I, 1921, S. 102—104.

человека; вторая различна для различных деятельностей»[1]. Это общепринятое определение сводится к следующему, очень простому положению: конкретный труд есть затрата человеческой энергии в определенной форме (портняжество, ткачество и т. п.), абстрактный труд—это затрата человеческой энергии как таковой, независимо от ее данной формы. При таком определении, понятие абстрактного труда есть понятие физиологическое, лишенное всяких элементов, социальных и исторических. Оно присуще всем историческим эпохам, независимо от той или иной общественной формы производства.

Если даже у марксистов мы находим обычно определение абстрактного труда в смысле затраты физиологической энергии, то не приходится удивляться, что такое же понимание является общераспространенным в антимарксистской литературе. Напр., П. Струве пишет: «От физиократов и их английских продолжателей Маркс усвоил себе ту механически-натуралистическую точку зрения, которая столь ярко обнаруживается в его учении о труде, как субстанции стоимости. Это учение—венец всех объективных учений о стоимости: оно прямо материализует последнюю, превращая ее в экономическую субстанцию хозяйственных благ, подобную физической материи, субстанции физических вещей. Эта экономическая субстанция есть нечто материальное, так как образующий стоимость труд Маркс понимает в чисто физическом смысле, как абстрактную затрату нервной и мышечной энергии, независимо от конкретного целесообразного содержания этой затраты, отличающегося бесконечным разнообразием. Абстрактный труд Маркса есть физиологическое понятие, идеально, по крайней мере, подлежащее сведению к механической работе» (предисловие Струве к русскому переводу I тома «Капитала», изд. 1906 г., с. 28). По мнению Струве, для Маркса абстрактный труд есть понятие физиологическое; поэтому стоимость, создаваемая абстрактным трудом, есть нечто «материальное». Такого же мнения придерживаются и другие критики Маркса. Герлах, отметив, что, по Марксу, «стоимость, нечто общее всем товарам, условие их обмениваемости, представляет овеществление абстрактно-человеческого труда»[2], направляет свои критические возражения именно против этого пункта теории стоимости Маркса: «Физиологически сводить человеческий труд к простому совершенно невозможно... Ибо, так как человеческий труд сопровождается всегда сознанием и им обусловливается, то необходимо отказаться от сведения его к движению мускулов и нервов, потому что при этом всегда остается какой-то остаток, не поддающийся подобному анализу» (там же, с. 49—50). «Прежние попытки показать в опыте абстрактно-человеческий труд, то общее в человеческом труде, что служит его специфическим отличием, не удались; сведение труда к нервной и мускульной энергии невозможно» (там же, с. 50). Указание Герлаха, что труд не может быть сведен к одной только затрате физиологической энергии, ибо

---

[1] Каутский, Экономическое учение Маркса, Ленинград 1918, стр. 12.
[2] Gerlach, Über die Bedingungen wirtschaftlicher Thätigkeit, 1890, S. 18.

в нем имеется всегда момент психический,—не имеет, конечно, никакого отношения к тому понятию «абстрактного труда», которое построено Марксом на основе анализа особенностей товарного хозяйства. А между тем эти аргументы Герлаха кажутся столь убедительными, что обычно повторяются критиками марксовой теории стоимости [1]). В еще более яркой форме мы встречаем натуралистическое понимание абстрактного труда у Л. Буха: труд, как абстрактный, рассматривается «как процесс превращения потенциальной энергии в механическую работу» [2]). Здесь внимание обращено не столько на количество затрачиваемой физиологической энергии, сколько на количество получаемой механической работы. Но принципиальная постановка вопроса та же, чисто натуралистическая, оставляющая в полном пренебрежении общественную сторону трудового процесса, т. е. именно ту, которая составляет непосредственный объект политической экономии.

Только у отдельных исследователей мы встречаем понимание того, что характеристика труда, как абстрактного, никоим образом не совпадает с физиологическим равенством различных трудовых затрат. «Всеобщность труда—это не естественно-научное понятие, заключающее в себе только общее физиологическое содержание, но частные работы являются абстрактно-всеобщими и тем самым общественными, как выявление деятельности субъектов права» [3]). Но общая концепция Петри, для которого марксова теория стоимости представляет не Wertgesetz, а Wertbetrachtung, не объяснение «реального процесса в объекте», а «субъективное условие познания» (там же, с. 50), лишает его всякой возможности правильной постановки вопроса об абстрактном труде [4]).

Другую попытку внести в понятие абстрактного труда момент социальный мы встречаем у А. Нежданова (Череванина). По его мнению, понятие абстрактного труда выражает не физиологическое равенство трудовых затрат, а общественный процесс приравнивания различных видов труда в производстве. Это «в высшей степени важный и необходимый общественный процесс, производимый всякою сознательною общественно-экономическою организацией». «Тот общественный процесс, который характеризуется сведением различных видов труда к абстрактному труду, производится товарным обществом бессознательно» [5]). Принимая абстрактный труд за выражение процесса приравнивания труда, происходящего во всяком обществе, А. Нежданов упускает из виду ту особую

---

[1]) Например Д и л ь, Sozial-wissenschaftliche Erläuterungen zu Ricardo, 1921, T, I, S. 104.

[2]) Б у х, Интенсивность труда, стоимость, ценность и цена товаров, 1896, стр. 149.

[3]) P e t r y, Der soziale Gehalt der Marxschen Werttheorie, 1916, S. 23—24. Есть русский перевод: П е т р и, Социальное содержание теории ценности Маркса, 1928.

[4]) Превосходный разбор и критику книжки Петри читатель найдет в статье о ней Р. Г и л ь ф е р д и н г а, напечатанной в «Grünberg's Archiv für die Geschichte des Socialismus und der Arbeiterbewegung» за 1919 год, стр. 439—448. См. также нашу работу «Современные экономисты на Западе» (1927).

[5]) Теория ценности и прибыли Маркса перед судом фетишиста, «Научное обозрение», 1898, № 8, стр. 1393.

форму, которую приравнивание труда принимает в товарном обществе, где оно происходит не непосредственно в процессе производства, а через посредство обмена. Понятие абстрактного труда выражает эту специфическую историческую форму приравнивания труда. Это понятие не только социальное, но и историческое.

Как видим, большинство авторов понимало абстрактный труд в высшей степени упрощенно—в смысле труда физиологического. Причина этого заключается в том, что указанные авторы не дали себе труда проследить учение Маркса об абстрактном труде во всем его объеме. Для этого им пришлось бы обратиться к тщательному разбору текста Маркса в разделе о товарном фетишизме и особенно в «Критике политической экономии», где это учение развито Марксом с наибольшей полнотой. Вместо этого указанные авторы предпочли ограничиться буквальным повторением нескольких фраз, которые Маркс посвящает абстрактному труду во втором разделе первой главы I тома «Капитала».

Действительно, в указанном разделе «Капитала» Маркс, на первый взгляд, как будто дает повод к пониманию абстрактного труда именно в физиологическом смысле. «Если отвлечься от определенного характера производительной деятельности и, следовательно, от полезного характера труда, то в нем остается лишь одно,—что он является затратой человеческой рабочей силы. Как портняжество, так и ткачество, несмотря на качественное различие этих видов производительной деятельности, представляют производительную затрату человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т. д. и в этом смысле являются одним и тем же человеческим трудом» (К., I, с. 8). И, подводя итоги, Маркс еще резче подчеркивает ту же мысль: «Всякий труд есть, с одной стороны, затрата человеческой рабочей силы в физиологическом смысле слова,—и в качестве такого одинакового или абстрактно-человеческого труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, затрата человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в качестве этой конкретной полезной работы труд создает потребительные стоимости» (К., I, с. 10). И сторонники и противники Маркса, ссылаясь на цитированные слова, понимают абстрактный труд в физиологическом смысле. Первые повторяют это определение, критически не анализируя его. Вторые выставляют против него целый ряд возражений и иногда делают из него исходный пункт опровержения теории трудовой стоимости. И те и другие не замечают, что изложенное упрощенное понимание абстрактного труда, на первый взгляд опирающееся на буквальный смысл слов Маркса, ни в малейшей мере не может быть согласовано как с теорией стоимости Маркса в целом, так и с рядом отдельных мест «Капитала».

Маркс не уставал повторять, что стоимость есть явление общественное, что бытие стоимости (Werthgegenständlichkeit) имеет «чисто общественный характер» и не заключает в себе ни одного атома материи (К., I, с. 11). Отсюда вытекает, что и абстрактный труд, образующий стоимость, должен быть понимаем как категория социальная, в которой мы не найдем ни одного атома материи. Одно из двух: если абстрактный труд представляет затрату человеческой энергии в физиологическом

смысле, то и стоимость имеет вещественно-материальный характер. Или же стоимость есть явление общественное,—и тогда абстрактный труд тоже должен быть понимаем как явление социальное, связанное с определенною общественною формой производства. Также невозможно примирить физиологическое понимание абстрактного труда с историческим характером образуемой им стоимости. Физиологическая затрата энергии как таковая одинакова во все исторические эпохи и, казалось бы, во все эпохи создавала она стоимость. Мы приходим к грубейшему пониманию теории стоимости, находящемуся в резком противоречии с учением Маркса.

Выход из указанных затруднений может быть только один: так как понятие стоимости носит у Маркса характер социальный и исторический,—и в этом именно все его своеобразие и заслуга,—то на той же основе должны мы строить и понятие абстрактного труда, как образующего стоимость. Если мы не остановимся на предварительных определениях, даваемых Марксом на первых страницах его труда, а дадим себе труд проследить дальнейшее развитие его мыслей, мы найдем у самого Маркса достаточно элементов для социологической теории абстрактного труда.

Чтобы правильно понять учение Маркса об абстрактном труде, мы ни на минуту не должны упускать из виду, что Маркс ставит понятие абстрактного труда в *неразрывную связь* с понятием стоимости. Абстрактный труд «образует» стоимость, он составляет «содержание» или «субстанцию» стоимости. Задача Маркса заключается, как мы уже многократно отмечали, не только в том, чтобы аналитически свести стоимость к абстрактному труду, но и в том, чтобы из абстрактного труда диалектически вывести стоимость. А это невозможно, если под абстрактным трудом понимается не что иное, как труд в физиологическом смысле. Поэтому отнюдь не случайностью является то обстоятельство, что авторы, последовательно придерживающиеся физиологического понимания абстрактного труда, вынуждены притти к выводу, резко противоречащему учению Маркса, а именно, что абстрактный труд сам по себе не образует стоимости [1]). Кто хочет сохранить известное положение Маркса, что абстрактный труд образует стоимость и находит свое выражение в стоимости, тот должен отказаться от физиологического его понимания. Это не значит, конечно, что мы отрицаем тот бесспорный факт, что при любой общественной форме хозяйства трудовая деятельность людей сопровождается затратой физиологической энергии. Физиологический труд составляет предпосылку абстрактного труда в том смысле, что ни о каком абстрактном труде не может быть речи, если не имеет места затрата людьми физиологической энергии. Но эта затрата физиологической энергии остается именно предпосылкой, а не объектом нашего исследования.

При любой социальной форме хозяйства человеческий труд является одновременно и материально-техническим и физиологическим трудом. Первым признаком труд обладает постольку, поскольку он подчинен

---

[1]) См. в конце книги приложение: «Ответ критикам».

известному техническому плану и направлен на производство продуктов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей; последним признаком труд обладает постольку, поскольку он представляет собою затрату физиологической энергии, накопленной в человеческом организме и требующей своего регулярного восстановления. Если бы труд не создавал полезных продуктов, или если бы он не сопровождался затратой энергии человеческого организма, вся картина хозяйственной жизни человечества была бы совершенно иная, чем какой она является на самом деле. Следовательно, труд, рассматриваемый вне зависимости от той или иной социальной организации хозяйства, представляет материально-техническую и одновременно биологическую предпосылку всякой хозяйственной деятельности. Но эту предпосылку экономического исследования нельзя превращать в его объект. Затрата физиологической энергии, как таковая, не составляет абстрактного труда и не образует стоимости.

До сих пор мы рассматривали физиологическую версию абстрактного труда в ее наиболее грубом виде. Сторонники этой наиболее грубой версии утверждают, что стоимость продуктов создается абстрактным трудом, как затратой известной суммы физиологической энергии. Но имеется также и более тонкая формулировка физиологической версии, которая гласит приблизительно так: равенство продуктов как стоимостей создается равенством всех видов человеческого труда как затраты физиологической энергии. Здесь труд рассматривается уже не просто как затрата некоторой суммы физиологической энергии, а со стороны его физиологической однородности со всеми другими видами труда. Здесь человеческий организм рассматривается уже не только как источник физиологической энергии вообще, но и как источник, способный доставлять труд в его любой конкретной форме. Понятие физиологического труда вообще превратилось в понятие ф и з и о л о г и ч е с к и р а в н о г о или о д н о р о д н о г о труда.

Однако и этот физиологически однородный труд представляет собой не объект, а предпосылку экономического исследования. Действительно, если труд как затрата физиологической энергии составляет биологическую предпосылку всякого человеческого хозяйства, то физиологическая однородность труда составляет биологическую предпосылку всякого общественного разделения труда. Физиологическая однородность человеческого труда является необходимой предпосылкой для возможности перехода людей от одного вида труда к другому и, следовательно, для возможности социального процесса перераспределения общественного труда. Если бы люди рождались, как пчелы или муравьи, с определенными трудовыми инстинктами, которые заранее ограничивали бы их способность к труду одним видом труда, то разделение труда было бы фактом биологического, а не социального порядка. Для того, чтобы общественный труд мог направляться то в одну, то в другую сферу производства, нужно, чтобы каждый индивид мог переходить от одного вида труда к другому.

Следовательно, физиологическое равенство труда представляет собой необходимое условие для того, чтобы вообще могло происходить.

социальное уравнение и распределение труда. Только на основе физиологического равенства или однородности человеческого труда, т. е. разносторонности и гибкости трудовой деятельности человека, и возможен переход от одной работы к другой, следовательно, и возникновение общественной системы разделения труда и в частности системы товарного хозяйства, характеризуемой абстрактным трудом. Поэтому, когда мы говорим об абстрактном труде, мы предполагаем труд социально уравненный, а социальное уравнение труда предполагает физиологическую однородность труда, без которой никакое распределение труда как процесс социальный вообще не могло бы иметь места.

Физиологическая однородность человеческого труда представляет собой биологическую предпосылку (которая в свою очередь является результатом длительного процесса развития человека, в частности, развития его орудий труда и некоторых органов тела, рук и мозга), но не причину развития общественного разделения труда. Степень развития и формы последнего определяются чисто социальными причинами и в свою очередь определяют, в какой мере разносторонность трудовых операций, к выполнению которых потенциально способен организм человека, сможет действительно проявиться в виде разносторонности трудовых операций, выполняемых человеком как членом общества. При строго проведенном кастовом строе физиологическая однородность человеческого труда не может проявиться в значительной мере. Даже в небольшой общине, основанной на разделении труда, физиологическая однородность труда проявляется в узком кругу лиц, и общечеловеческий характер труда не может найти своего выражения. Только на основе товарного хозяйства, характеризуемого широким развитием обмена, массовым переходом индивидов от одной работы к другой и безразличием индивида к конкретному виду труда,—мог развиваться и проявляться однородный характер всех трудовых операций, как видов общечеловеческого труда вообще. Физиологическая однородность человеческого труда была необходимой предпосылкой общественного разделения труда, но лишь на определенной ступени общественного развития и при определенной социальной форме хозяйства труд индивида характеризуется как форма проявления общечеловеческого труда. Не будет, пожалуй, преувеличением сказать, что понятие о человеке вообще и о человеческом труде вообще возникло только на почве товарного хозяйства. Именно это и хотел отметить Маркс, когда он указывал, что в абстрактном труде находит свое выражение общечеловеческий характер труда.

Мы пришли к выводу, что как физиологический труд вообще, так и физиологически равный труд не представляют собой абстрактного труда, хотя и являются его предпосылкой. Тот равный труд, который находит свое выражение в равенстве стоимостей, должен рассматриваться как социально уравненный труд. Так как стоимость продуктов труда является их общественной, а не естественной функцией, то и труд, образующий эту стоимость, представляет не физиологическую, а «общественную субстанцию». Кратко и ярко Маркс выразил эту мысль в своей работе «Заработная плата, цена и прибыль»: «Так как меновые стоимости товаров суть лишь *общественные функции* этих пред-

метов и не имеют ничего общего с их естественными свойствами, то мы должны спросить: какова общая общественная субстанция всех товаров? Чтобы изготовить товар, необходимо затратить на него или превратить в него определенное количество труда. И я говорю: не только труда, но общественного труда» [1]. И поскольку этот труд является равным, речь идет об общественно равном или социально уравненном труде.

Мы должны таким образом, не ограничиваясь характеристикой труда как равного, различать, как уже отмечено было в 11-й главе, три вида равного труда:

1) физиологически равный труд,

2) социально уравненный труд,

3) абстрактный или абстрактно-всеобщий труд, т. е. социально уравненный труд в той специфической форме, которую он приобретает в товарном хозяйстве.

В то время как абстрактный труд составляет специфическую особенность товарного хозяйства, социально уравненный труд может встречаться, например, в социалистической общине. Абстрактный труд не только не совпадает с физиологически равным трудом, но и не должен быть отождествляем с социально уравненным трудом вообще (см. выше, главу 11-ю). Всякий абстрактный труд является общественным и социально уравненным трудом, но не всякий социально уравненный труд может быть признан абстрактным трудом. Для того, чтобы социально уравненный труд принял специфическую форму абстрактного труда, характерную для товарного хозяйства, необходимы два условия, точно указанные Марксом. Необходимо: 1) чтобы равенство труда разных видов и индивидов составляло «специфически общественный характер независимых друг от друга частных работ» (К., I, с. 33), т. е. чтобы труд только в качестве равного становился общественным трудом, и 2) чтобы это уравнение труда происходило в вещной форме, т. е. в «форме стоимости продуктов труда» (там же) [2]. При отсутствии этих условий труд является физиологически равным, он может быть также социально уравненным, но не абстрактно всеобщим трудом.

Если у одних авторов мы встречаем ошибочное смешение абстрактного труда с физиологически равным, то у других авторов можно найти ошибку менее грубую, но все же недопустимую: они смешивают абстрактный труд с социально уравненным. Рассуждение их сводится к следующему: орган социалистической общины, как мы уже видели, в целях учета и распределения труда приравнивает труд разных видов и индивидов, т. е. сводит их к общей единице, по необходимости от-

---

[1] Цитирую по немецкому подлиннику: Marx, Lohn, Preis und Profit (по изданию Diehl u. Mombert. Ausgewählte Lesestücke, V, Abt. II, S. 94. Курсив наш). В русских переводах не всегда достаточно ясно передается характерное для Маркса сопоставление общественной функции с общественной субстанцией.

[2] «Лишь для данной особенной формы производства — для товарного производства, — справедливо, что специфически общественный характер независимых друг от друга частных работ состоит в их равенстве как человеческого труда вообще, и что он принимает форму стоимости продуктов труда» (К., I, с. 42).

влеченной (абстрактной); следовательно, труд получает характер абстрактного [1]). Поскольку указанные авторы настаивают на своем праве придавать социально уравненному труду название «абстрактного», мы можем признать за ними такое право: любой автор вправе обозначать данное явление любым термином,—хотя такой терминологический произвол весьма опасен и вносит большую путаницу в науку. Но ведь наш спор заключается не в том, какой термин выбрать для обозначения социально уравненного труда, а совсем в другом. Перед нами стоит вопрос: что должны мы понимать под тем «абстрактным трудом», который, по учению Маркса, образует стоимость и находит свое выражение в стоимости? Мы должны опять напомнить, что Маркс хотел не только аналитически свести стоимость к труду, но и диалектически вывести из труда стоимость. А с этой точки зрения очевидно, что не только труд физиологически равный, но и социально уравненный труд как таковой еще не образует стоимости. Тот абстрактный труд, о котором говорит Маркс, является не только социально уравненным трудом, но трудом социально уравненным в специфической форме, характерной для товарного хозяйства. В системе Маркса понятие абстрактного труда находится в неразрывной связи с основными особенностями товарного хозяйства. Чтобы доказать это, нам придется несколько подробнее изложить взгляды Маркса на характер абстрактного труда.

Маркс начинает свое исследование с товара, в котором отличает две стороны: материально-техническую и социальную (т. е. потребительную стоимость и стоимость). Эти же две стороны различает он в труде, содержащемся в товаре. Конкретный и абстрактный труд представляют собою лишь две стороны (материально-техническую и общественную) одного и того же труда, содержащегося в товаре. Общественная сторона этого труда, образующая стоимость и находящая свое выражение в стоимости, и есть абстрактный труд.

Начнем с определения, которое Маркс дает труду конкретному: «Труд, как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд, является *независимым от всяких общественных форм* условием существования людей, вечной естественной необходимостью: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т. е. не была бы возможна сама человеческая жизнь» (К., I, с. 7. Курсив наш). Очевидно, этому конкретному труду противопоставляется абстрактный, как связанный с определенною «общественною формою», выражающий определенные отношения человека к человеку в процессе производства. Конкретный труд есть определение труда с точки зрения его *материально-технических свойств*. Абстрактный труд включает в себя определение *общественной формы* организации человеческого труда. Это не видовое и родовое понятия труда, а исследование труда с двух точек зрения: материально-технической и социаль-

---

[1]) Приблизительно подобные рассуждения можно встретить у И. *Дашковского* в статье «Абстрактный труд и экономические категории Маркса» («Под знаменем марксизма», 1926, № 6). Наряду с этим Дашковский смешивает абстрактный труд с физиологическим. См. ниже приложение «Ответ критикам».

ной. Понятие абстрактного труда выражает особенности социальной организации труда в товарно-капиталистическом обществе [1]).

Для правильного понимания противоположности конкретного и абстрактного труда надо исходить из рассмотренного нами выше противопоставления, которое Маркс проводит между трудом частным и общественным.

Труд является общественным, поскольку он рассматривается как доля совокупной массы однородного общественного труда или, как часто выражается Маркс, в его «отношении к совокупному труду общества». В большой социалистической общине труд члена общества в его конкретном виде (напр., как труд сапожника) включен непосредственно в единый трудовой механизм общества и,—поскольку речь идет о начальной фазе социалистического хозяйства, когда труд отдельных лиц будет еще «расцениваться» обществом,—приравнивается определенному числу единиц общественного труда (см. об этом подробнее в конце настоящей главы). Труд в своем конкретном виде является непосредственно общественным трудом. Иначе происходит дело в товарном хозяйстве, где конкретный труд производителя является непосредственно не общественным трудом, а частным, т. е. трудом частного товаропроизводителя, частного собственника средств производства и автономного организатора хозяйства. Этот частный труд может стать общественным лишь через посредство уравнения его со всеми другими видами труда, через уравнение их продуктов (см. выше 11-ю главу). Иначе говоря, он становится общественным не постольку, поскольку он является конкретным трудом, производящим конкретные потребительные стоимости, напр. башмаки, а лишь постольку, поскольку башмаки приравниваются как стоимость определенной сумме денег (а через них—всем другим продуктам как стоимостям), а тем самым и труд, воплощенный в них, приравнивается всем другим видам труда и, следовательно, сбрасывает с себя свой определенный конкретный вид, становится трудом обезличенным, частицею совокупной массы однородного общественного труда. Подобно тому, как конкретный продукт труда (напр. башмаки) обнаруживает свой характер стоимости лишь постольку, поскольку он сбрасывает с себя свой конкретный вид и приравнивается определенной сумме абстрактных денежных единиц, точно так же частный и конкретный труд, содержащийся в нем, обнаруживает свой характер общественного труда лишь постольку, поскольку он сбрасывает с себя свой конкретный вид и приравнивается в определенной пропорции всем другим видам труда, т. е. приравнивается определенному количеству обезличенного, однородного, абстрактного труда, «труда вообще». Превращение частного труда в общественный не может происходить иначе, как посредством превращения конкретного труда в аб-

[1]) «Итак, установленное уже раньше посредством анализа товара различие между трудом, поскольку он создает потребительную стоимость, и тем же самым трудом, поскольку он создает стоимость, теперь выступает как различие между различными сторонами процесса производства» (К. I, с. 135), т. е. между процессом производства с технической стороны и его общественною формой. Ср. Petry, Der soziale Gehalt der Marxschen Werttheorie, 1916, S. 22.

страктный. С другой стороны, превращение конкретного труда в абстрактный уже означает включение его в массу однородного общественного труда, т. е. превращение его в труд общественный. Абстрактный труд есть разновидность общественного труда или социально уравненного труда вообще. Это—труд общественный или социально уравненный в той специфической форме, которую он имеет в товарном хозяйстве. Абстрактный труд—это не только социально уравненный труд, т. е. отвлеченный от конкретных особенностей, обезличенный и однородный труд. Это—труд, который только в качестве обезличенного и однородного становится общественным трудом. Понятие абстрактного труда предполагает, что процесс обезличения или уравнения труда есть единственный процесс, благодаря которому труд «обобществляется», т. е. включается в совокупную массу общественного труда. Это уравнение труда может происходить (но лишь мысленно и предварительно) еще в процессе непосредственного производства, до акта обмена, но лишь через посредство процесса обмена, т. е. не иначе, как посредством приравнения (хотя бы мысленного и предварительного) продукта данного труда известной сумме денег. Поскольку это приравнение лишь предвосхищает обмен, оно подлежит еще осуществлению или реализации в действительном процессе обмена.

Описанная роль абстрактного труда, присущая ему именно в товарном обществе, особенно ярко проявляется при сравнении последнего с другими формами хозяйства. «Возьмем барщину и натуральные повинности средних веков. Определенный труд отдельных лиц в его натуральной форме, частный[1]) характер труда, а отнюдь не всеобщий[2]), составлял тогда общественную связь. Или же, наконец, возьмем общинный труд в его естественной форме, каким мы находим его на пороге истории у всех культурных народов. Здесь общественный характер труда, совершенно очевидно, является не от того, что труд отдельного лица принимает абстрактную форму всеобщего труда, и не от того, что его продукт принимает форму всеобщего эквивалента. Самая сущность общинного производства не позволяет труду отдельного лица являться частным трудом или продукту его быть частным продуктом; напротив, она скорее непосредственно делает каждое отдельное проявление труда функцией одного из членов общественного организма. Труд, который проявляется в меновой стоимости, сразу выступает как труд частного обособленного лица. Общественным он становится только потому, что принимает форму непосредственной своей противоположности, форму абстрактной всеобщности» («К критике полит. экон.», стр. 40. Курсив наш). Ту же мысль повторяет Маркс в «Капитале». О средневековом обществе он говорит:

[1]) У Маркса сказано: «особенный» (Besonderheit), т. е. конкретный характер труда (Kritik, S. 9). Переводчики нередко вносят путаницу, переводя словом «частный» как термин «private», так и термин «besondere» (т. е. особенный или конкретный).

[2]) «Всеобщим», как мы уже отмечали, Маркс называет в «Критике политической экономии» труд абстрактный.

«Непосредственно общественной формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в товарном обществе, покоящемся на основе товарного производства» (К., I, с. 35). Также и в деревенском патриархальном производстве крестьянской семьи «различные работы, создающие эти продукты: обработка пашни, уход за скотом, пряденье, ткачество, портняжество и т. д., являются общественными функциями в своей натуральной форме» (там же).

Итак, в отличие от патриархальной семьи или крепостного поместья, где труд в его конкретном виде имел непосредственно общественный характер, в товарном обществе единственная общественная связь между самостоятельными частными хозяйствами создается через всесторонний обмен и приравнивание продуктов самых различных конкретных видов труда, т. е. через отвлечение от их конкретных особенностей, через превращение труда конкретного в труд абстрактный. Затрата человеческой энергии как таковой, в физиологическом смысле, еще не составляет абстрактного труда, как образующего стоимость, хотя и является его предпосылкою. Отвлечение от конкретных видов труда, как основная общественная связь между отдельными товаропроизводителями,—вот что характеризует абстрактный труд. Понятие абстрактного труда предполагает определенную общественную форму организации труда в товарном обществе: связанность отдельных товаропроизводителей не непосредственно в самом производственном процессе, поскольку он представляет собою совокупность конкретных трудовых деятельностей, а через посредство процесса обмена, т. е. отвлечения от этих конкретных особенностей. Это—категория не физиологическая, а социальная и историческая. От конкретного труда абстрактный труд отличается не только признаком отрицательным (отвлечение от конкретного вида труда), но и положительным (приравнивание всех видов труда во всестороннем обмене продуктов труда). «Труд, реализованный в товарной стоимости, получает не только отрицательное выражение, как труд, от которого отвлечены все конкретные формы и полезные свойства действительных работ, но, кроме того, отчетливо выступает вперед и его положительная природа. Последняя состоит в сведении всех действительных видов труда к их общему характеру человеческого труда, к затрате человеческой рабочей силы» (К., I, с. 27). В других местах Маркс подчеркивает, что это сведение конкретных видов труда к труду абстрактному осуществляется окончательно в процессе обмена, в процессе же непосредственного производства носит еще предварительный или идеальный характер, поскольку производство заранее рассчитано на обмен (см. ниже). В марксовой теории стоимости превращение конкретного труда в абстрактный не есть мысленный акт абстрагирования, в целях нахождения общей единицы измерения; это превращение есть реальное общественное явление. Теоретическим выражением этого общественного явления,—а именно социального уравнения разных видов труда, а не их физиологического равенства,—служит категория абстрактного труда. Только игнорирование этой положительной, социальной природы абстрактного труда приводило к пониманию его, как

трудовой затраты в физиологическом смысле, с чисто отрицательными признаками отвлечения от конкретных видовых особенностей труда.

Абстрактный труд появляется и развивается по мере того, как обмен становится социальною формою самого процесса производства, превращающегося таким образом в товарное производство. При отсутствии обмена, как социальной формы производства, не может быть речи об абстрактном труде. Поэтому по мере расширения рынка и сферы обмена, по мере втягивания в него отдельных хозяйств и превращения их в единое народное, а впоследствии и мировое хозяйство, происходит усиление тех характерных особенностей труда, которые мы обозначаем как абстрактный труд. Поэтому Маркс пишет: «Только внешняя торговля, развитие рынка в мировой рынок превращает деньги в мировые деньги, а *абстрактный* труд—в общественный труд. Абстрактное богатство, стоимость, деньги—следовательно, *абстрактный* труд развивается по мере того, как конкретный труд развивается в совокупность различных видов труда, охватывающую мировой рынок» (Theorien über den Mehrwert, III, S. 301. Курсив Маркса). Пока обмен ограничен национальными рамками, нет еще абстрактного труда в его наиболее развитом виде. Абстрактный характер труда достигает своего завершения тогда, когда международная торговля связывает воедино все страны, и продукт национального труда теряет свои специфические конкретные черты благодаря тому, что он бросается на мировой рынок и приравнивается там продуктам труда самых различных национальных производств. Как далеко это понятие абстрактного труда от трудовой затраты в физиологическом смысле, безразличной не только к качественным особенностям трудовой деятельности, но и к общественным формам ее организации.

В производстве, основанном на обмене, производителя интересует не потребительная стоимость изготовленных им продуктов, а исключительно их стоимость. Они интересуют его не как результат конкретного труда, а как результат абстрактного, т. е. поскольку они могут сбросить с себя свою прирожденную потребительную форму и превратиться в деньги, а через них в бесконечный ряд различных потребительных стоимостей. Если, с точки зрения стоимости, данное занятие оказывается для производителя менее выгодным, чем другое, он,—предполагая в товарном обществе полную подвижность труда,—переходит от одной конкретной трудовой деятельности к другой. Обмен создает,—конечно, в виде тенденции, прерываемой и ослабляемой противодействующими причинами,—безразличие производителя к труду конкретному. «Безразличное отношение к какому-нибудь определенному виду труда соответствует общественной форме, при которой индивиды с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой какой-либо определенный труд является для них случайным и потому безразличным. Здесь труд вообще, не только в категории, но и в действительности, стал средством создания богатства вообще и утратил свою связь с определенным индивидом. Такое состояние достигло наибольшего развития в современнейшей из форм бытия буржуазного общества, в Соединенных штатах. Здесь, таким образом, абстрактная категория «труда»,

«труда вообще», труда sans phrase, этот исходный пункт современной экономической науки становится впервые практической истиной. Следовательно, простейшая абстракция, которую современная экономия ставит во главу угла и которая выражает древнейшее, для всех общественных форм действующее отношение, становится в этой абстракции практически истинным только как категория современного общества... Этот пример труда убедительно доказывает, что даже самые простейшие категории, несмотря на то, что именно благодаря их отвлеченности они применимы ко всем эпохам, в самой определенности этой абстракции являются не в меньшей мере продуктом исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их [1])». Мы привели эту длинную выписку из Маркса потому, что она окончательно доказывает невозможность физиологического понимания «абстрактного труда» или «труда вообще», который на первый взгляд присущ всем формам общества, а на самом деле представляет продукт исторических условий товарного общества и «обладает полной значимостью» только в нем. Абстрактным труд становится постольку, поскольку общественная связь между членами общества осуществляется через обмен и приравнивание продуктов самых различных видов труда. «В пределах этого (товарного) мира всеобщечеловеческий характер труда есть его специфически общественный характер» (К., I, с. 27), и только эта общественная роль труда, отвлеченного от конкретных качеств, придает ему характер того абстрактного труда, который образует стоимость. В стоимости «всеобщий характер отдельного труда» выступает «как его общественный характер»,— настойчиво и неоднократно повторяет ту же мысль Маркс в «Критике политической экономии».

Итак, поскольку из труда должна быть диалектически выведена стоимость, мы должны понимать под трудом труд, организованный в определенной социальной форме, присущей товарному хозяйству. Пока мы говорим о физиологически равном или даже социально уравненном труде вообще, этот труд не образует стоимости. К иному, более бедному понятию труда можно притти лишь в том случае, если ограничить свою задачу чисто аналитическим сведением стоимости к труду. Если мы исходим из стоимости как из готовой, данной социальной формы продуктов труда, не требующей особого объяснения, и ставим себе вопрос, к какому труду можно свести эту стоимость, мы отвечаем кратко: к равному труду. Иначе говоря, если стоимость можно диалектически вывести только из абстрактного труда, отличающегося определенной социальной формой, то аналитическое сведение стоимости к труду может ограничиться констатированием характера труда как социально уравненного вообще [2]) или даже, пожалуй, как физиологически

---

1) Marx, Einleitung zur Kritik der politischen Ökonomie, русск. перевод в цитированном сборнике «Основные проблемы политической экономии», стр. 29. См. ниже, приложение «Ответ критикам» (а именно § 2 ответа нашего И. Дашковскому).

2) Ср. выше, в главе 12-й, цитаты, в которых Маркс признает субстанцией стоимости социально уравненный труд.

равного труда. Возможно, что именно этим объясняется тот факт, что во втором разделе первой главы I тома «Капитала», где Маркс при помощи аналитического метода сводит стоимость к труду, он подчеркивает характер труда, как физиологически равного, не останавливаясь ближе на социальной форме организации труда в товарном хозяйстве [1]. Напротив, всюду там, где Маркс хочет диалектически вывести стоимость из абстрактного труда, он в характеристике последнего подчеркивает социальную форму труда в товарном хозяйстве.

После того, как мы выяснили социальную природу абстрактного труда и связь его с процессом обмена, мы должны ответить на некоторые критические возражения, выдвинутые против нашего понимания абстрактного труда. Некоторые критики [2]) говорят, что из нашего положения можно сделать вывод, что абстрактный труд возникает только в акте обмена. Отсюда следует, что и стоимость возникает только в обмене, между тем как, с точки зрения Маркса, стоимость, а следовательно, и абстрактный труд должны существовать уже в процессе производства. Тут затронут очень серьезный и глубокий вопрос об отношении между производством и обменом. Как нам разрешить эту трудность? С одной стороны, стоимость и абстрактный труд должны существовать уже в процессе производства, а, с другой стороны, Маркс в десятках мест говорит, что абстрактный труд имеет своей предпосылкой процесс обмена.

Приведем несколько примеров. По словам Маркса, Франклин понимал труд, как абстрактный, но не понимал, что это есть абстрактно-всеобщий, общественный труд, проистекающий из всестороннего отчуждения индивидуального труда (Kritik, S. 38—39). Главная ошибка Франклина состояла, следовательно, в том, что он не принял во вни-

---

1) В первом издании «Капитала» Маркс резюмирует разницу между трудом конкретным и абстрактным следующим образом: «Из изложенного следует, что в товаре имеются не два различных вида труда, но один и тот же труд определяется различным и даже противоположным образом в зависимости от того, относится ли он к потребительной стоимости товара как к своему продукту или к товарной стоимости, как к своему вещному выражению» (Kapital, I, 1967, S. 13. Курсив Маркса). Стоимость не продукт труда, а вещное, фетишизированное выражение трудовой деятельности людей. К сожалению, во втором издании Маркс заменил это резюме, подчеркивающее общественный характер абстрактного труда, известной заключительной фразой второго раздела первой главы, которая дала многим комментаторам повод понимать абстракный труд в смысле физиологическом: «Всякий труд есть, с одной стороны, затрата человеческой рабочей силы в физиологическом смысле слова» и т. д. (К., 1, с. 10). Повидимому, сам Маркс сознавал недостаточность этой предварительной характеристики абстрактного труда, данной им во втором издании «Капитала». Ярким доказательством этого служит тот факт, что во французском издании I тома «Капитала» (1875 г.) Маркс счел необходимым дополнить эту характеристику: здесь на стр. 18 Маркс дает рядом оба определения абстрактного труда; сперва он повторяет цитированное выше определение и 1-го издания «Капитала», после которого следует определение из 2-го издания. Не следует забывать, что в виде общего правила Маркс во французском издании «Капитала» значительно упрощал и местами сокращал изложение. В данном же пункте он счел нужным дополнить и усложнить характеристику абстрактного труда, признавая, повидимому, определение его во 2-м издании недостаточно полным.

2) См. ниже приложение «Ответ критикам».

мание, что абстрактный труд возникает из отчуждения индивидуального труда.

В данном случае у Маркса речь идет не об отдельной фразе. В последующих изданиях «Капитала» Маркс все резче подчеркивал ту мысль, что в товарном хозяйстве только обмен сводит конкретный труд к абстрактному труду.

Прочтем известную фразу, которую мы уже цитировали: «Люди сопоставляют друг с другом продукты своего труда как стоимости не потому, что эти вещи являются для них лишь вещественными оболочками однородного человеческого труда. Наоборот. Приравнивая друг другу в обмене разнородные продукты как стоимости, они тем самым приравнивают друг другу свои различные работы, как человеческий труд вообще» (К., I, с. 33). В первом издании «Капитала» эта фраза имела совершенно противоположный смысл. Эта фраза у Маркса гласила так: «Если люди относят свои продукты друг к другу как стоимости постольку, поскольку эти вещи являются для них лишь вещественными оболочками однородного человеческого труда» и т. д. (Kapital, I, 1867, S. 38). Маркс, опасаясь, что его поймут в том смысле, будто люди заранее сознательно приравнивают друг другу свой труд как абстрактный, во втором издании совершенно изменил смысл фразы и подчеркнул ту мысль, что уравнение труда как абстрактного происходит только через обмен продуктов труда. Это—характерное изменение от первого издания ко второму.

Но Маркс, как мы уже упоминали, не ограничился вторым изданием I тома «Капитала». Он еще исправил впоследствии текст для французского издания 1875 года, причем писал, что он внес туда такие исправления, которые он не успел внести во второе немецкое издание. На этом основании Маркс приписывал французскому изданию «Капитала» самостоятельную научную ценность наряду с немецким оригиналом.

Во втором издании «Капитала» мы встречаем известную фразу: «Равенство работ, toto coelo различных друг от друга, может существовать лишь в отвлечении от их действительного неравенства, в сведении их к тому общему характеру, которым они обладают как затраты человеческой рабочей силы, абстрактно-человеческого труда» (К., I, с. 32). Во французском издании Маркс в конце этой фразы заменяет точку запятою и прибавляет: «и только обмен производит эту редукцию, противопоставляя друг другу на началах равенства продукты самых различных видов труда» (стр. 29 франц. изд. 1875 г.). Вставка эта в высшей степени характерна и ярко показывает, как далек был Маркс от физиологического понимания абстрактного труда. Как же нам эти высказывания Маркса, которые можно насчитать десятками, примирить с основным положением, что стоимость образуется в производстве?

Примирить их не трудно.

Дело в том, что при обсуждении вопроса об отношении между обменом и производством недостаточно отличают два понятия обмена. Мы должны отличать обмен, как социальную форму воспроизводствен-

ного процесса, от обмена, как особой фазы этого воспроизводственного процесса, перемежающейся с фазою непосредственного производства.

На первый взгляд обмен кажется нам отдельной фазой процесса воспроизводства. Мы видим, что сперва идет процесс непосредственного производства, затем наступает фаза обмена. Здесь обмен отделен от производства и ему противопоставлен. Но обмен есть не только отдельная фаза процесса воспроизводства, он кладет свою специфическую печать на весь воспроизводственный процесс, он представляет собою особую социальную форму общественного процесса производства. Производство, основанное на частном обмене,—этими словами Маркс часто характеризует товарное хозяйство. С этой точки зрения «обмен продуктов как товаров есть определенная форма общественного труда или общественного производства» (Theorien, III, 1921, S. 153). Если принять во внимание, что обмен есть социальная форма самого производственного процесса, форма, которая накладывает печать на ход самого процесса производства, то многие выражения Маркса станут нам вполне понятны. Когда Маркс постоянно повторяет, что абстрактный труд является только результатом обмена, это значит, что он является результатом данной социальной формы производственного процесса. Лишь по мере того, как процесс производства принимает социальную форму производства товарного, т. е. основанного на обмене, труд принимает форму абстрактного труда, и продукты труда принимают форму стоимости.

Итак, обмен есть прежде всего форма производственного процесса, или форма общественного труда. Как только обмен стал действительно господствующею формою процесса производства, он кладет свою печать и на фазу непосредственного производства. Иначе говоря, так как люди производят сегодня не в первый день, так как производитель производит после того, как он вступал в акты обмена, и перед тем, как он вступил в последующие акты обмена, то и процесс непосредственного производства приобретает определенные социальные признаки, соответствующие организации товарного хозяйства на началах обмена. Товаропроизводитель, хотя бы он находился еще у себя в мастерской и в данный момент не вступал в обмен с другими членами общества,—уже чувствует на себе давление со стороны всех тех лиц, которые выступают на рынке в качестве его покупателей, конкурентов, лиц, покупающих у его конкурентов, и т. д., в конечном счете давление со стороны всех членов общества. Эта хозяйственная связь и производственные отношения, которые непосредственно реализуются в обмене, продолжают свое действие и по прекращении данных конкретных актов обмена. Они накладывают резкую социальную печать и на индивида, и на его труд, и на продукт его труда. Уже в самом процессе непосредственного производства производитель выступает в качестве *товаропроизводителя*, труд его приобретает характер *абстрактного* труда, а продукт—характер *стоимости*.

Здесь, однако, необходимо предостеречь против следующей ошибки. Очень многие думают, что так как процесс непосредственного произ-

водства уже обладает определенною социальною характеристикою, значит, и продукты труда и труд в фазе непосредственного производства отличаются точь в точь теми же социальными признаками, которыми они отличаются в фазе обмена. Такое предположение глубоко ошибочно, ибо, хотя обе фазы (фаза производства и фаза обмена) тесно связаны друг с другом, но, тем не менее, фаза производства не стала фазою обмена. Между обеими фазами не только имеется известное сходство, но и сохраняется известное различие. Иначе говоря, с одной стороны, мы признаем, что с того момента, когда обмен становится господствующей формой общественного труда и люди производят специально для обмена,—уже в фазе непосредственного производства принимается во внимание характер продуктов труда как стоимостей. Но этот характер продуктов труда как стоимостей еще не есть тот характер, который они приобретут тогда, когда они будут действительно обменены на деньги, когда их, по выражению Маркса, «идеальная» стоимость превратится в «реальную», и социальная форма товара будет заменена социальною формою денег.

То же самое относится и к труду. Мы признаем, что товаропроизводители в своих трудовых актах уже в процессе непосредственного производства принимают во внимание состояние рынка и спроса и заранее производят исключительно для того, чтобы превратить свой продукт в деньги, а тем самым свой частный и конкретный труд—в общественный и абстрактный труд. Но это включение труда отдельного индивида в трудовой механизм всего общества является лишь предварительным и гадательным: оно подлежит еще суровой проверке в процессе обмена, проверке, которая для данного товаропроизводителя может дать положительный или отрицательный результат. Таким образом, трудовая деятельность товаропроизводителей в фазе производства является непосредственно частным и конкретным трудом и лишь посредственно, косвенно или скрыто (latent), как выражается Маркс, является трудом общественным.

Поэтому, когда мы читаем Маркса, в частности его высказывания о том, как влияет обмен на стоимость и на абстрактный труд, мы должны всегда ставить себе вопрос, что имеет в виду в данном случае Маркс,—обмен как форму самого производственного процесса, или обмен как отдельную фазу, противостоящую фазе производства. Поскольку речь идет об обмене как о форме производственного процесса, Маркс решительно заявляет, что без обмена не существует ни абстрактного труда, ни стоимости, что лишь по мере развития обмена труд приобретает характер абстрактного труда. Там же, где речь идет об обмене как об отдельной фазе, противостоящей производству, там Маркс говорит, что труд и продукт труда еще до процесса обмена обладают определенным социальным характером, но этот характер должен еще реализоваться в процессе обмена. В процессе непосредственного производства труд еще не является абстрактным трудом в полном смысле слова, он еще становится (werden) абстрактным трудом. И такие выражения можно найти в большом количестве у Маркса. Приведу только две цитаты из «Критики»: «На деле индивидуальные работы,

представленные в этих особенных потребительных стоимостях, становятся (werden) всеобщим и в этой форме общественным трудом лишь тогда, когда они действительно обмениваются друг на друга пропорционально продолжительности заключенного в них труда. Общественное рабочее время существует в этих товарах, так сказать, лишь скрыто (latent) и проявляется (offenbart sich) лишь в процессе их обмена» (Kritik, S. 24). В другом месте Маркс пишет: «Товары противостоят теперь друг другу как двойные существования, реально как потребительные стоимости, идеально как меновые стоимости. Они представляют теперь друг для друга двойственную форму содержащегося в них труда, так как особенный реальный труд действительно существует как их потребительная стоимость, между тем как всеобщее абстрактное рабочее время получает в их цене мысленно представляемое существование (vorgestelltes Dasein)» (там же, с. 32).

Маркс утверждает, что товар и деньги не теряют своих различий от того, что каждый товар должен непременно превратиться в деньги; каждый из них есть реально то, чем другой является идеально, и идеально то, чем другой является реально. Все эти выражения Маркса доказывают, что мы не должны в данном пункте мыслить слишком прямолинейно. Мы не должны думать, что раз уже в процессе непосредственного производства товаропроизводители косвенно связаны друг с другом производственными отношениями, то их продукты и их труд носят уже непосредственно общественный характер. Дело обстоит не так. Труд товаропроизводителя является непосредственно частным и конкретным, но он получает вместе с тем дополнительную, «идеальную» или «скрытую» социальную характеристику в качестве труда абстрактно-всеобщего и общественного. Маркс всегда смеялся над утопистами, которые мечтали об уничтожении денег и верили в догмат, что «содержащийся в товаре особенный труд частного индивида есть непосредственно общественный труд» (Kritik, S. 73).

Теперь мы должны ответить на следующий вопрос: может ли абстрактный труд, рассматриваемый нами как чисто «общественная субстанция», иметь количественную определенность, т. е. определенную величину? Очевидно, что с точки зрения марксовой теории абстрактный труд имеет определенную величину, и именно благодаря этому продукт труда не только приобретает социальную форму стоимости, но имеет стоимость определенной величины. Чтобы понять возможность количественной характеристики абстрактного труда, мы опять прибегнем к сравнению его с тем социально уравненным трудом, который встречается в социалистической общине. Предположим, что органы социалистической общины известным образом приравнивают друг к другу труд различных видов и индивидов; напр., день простого труда принимается за 1 единицу, а день квалифицированного труда за 3 единицы; день труда искусного работника *А* признается равным двухдневному труду неискусного работника *Б* и т. п. На основании этих общих принципов органы общественного учета признают, что работник *А* затратил в общественном процессе производства 20 единиц труда, а работник *Б*—10 единиц труда. Значит ли это,

что *А* действительно работал вдвое более продолжительное время, чем *Б*? Никоим образом; еще менее означает этот расчет, что *А* затратил вдвое большее количество физиологической энергии, чем *Б*. Возможно, что с точки зрения фактической продолжительности их работ *А* и *Б* проработали одинаковое число часов. Возможно далее, что с точки зрения количества физиологической энергии, затраченной в процессе труда, *А* затратил менее энергии, чем *Б*. И тем не менее количество «общественного труда», приходящееся на долю *А*, больше, чем количество, приходящееся на долю *Б*. Этот труд представляет собою чисто «общественную субстанцию», единицы этого труда представляют собою единицы однородной массы общественного труда, учтенного и уравненного общественными органами. И вместе с тем этот общественный труд имеет вполне определенную величину, но—и этого не следует забывать—величину чисто общественного характера. Те 20 единиц труда, которые приходятся на долю работника *А*, представляют собою не число фактически проработанных часов и не сумму фактически затраченной физиологической энергии, а число единиц общественного труда, т. е. *общественную величину*. Именно такого рода общественную величину представляет собою и абстрактный труд, выполняющий в стихийном товарном хозяйстве ту роль, которую описанный социально уравненный труд выполняет в сознательно организованном социалистическом хозяйстве. Поэтому Маркс постоянно напоминает нам, что абстрактный труд представляет собою «общественную субстанцию», а величина его—«общественную величину».

Только при изложенном социологическом понимании абстрактного труда становится понятным центральное положение Маркса о том, что абстрактный труд «образует» стоимость или находит свое выражение в форме стоимости. Физиологическое понимание абстрактного труда легко могло привести к натуралистическому пониманию стоимости,—пониманию, резко противоречащему теории Маркса. По учению Маркса, и абстрактный труд и стоимость отличаются чисто общественною природою и представляют чисто общественные величины. Абстрактный труд означает «общественное определение труда», а стоимость—общественное свойство продукта труда. Не труд в его материально-техническом или физиологическом качестве, а лишь абстрактный труд, предполагающий определенные производственные отношения людей, образует стоимость [1]). Отношение между абстрактным трудом и стоимостью не

---

[1]) Поэтому неправ Штольцман, который пишет: «Если значение и характер всех других экономических явлений вытекают из их «общественной функции», почему это не относится и к труду, почему и труд не находит своего характера в своей общественной функции, т. е. функции принадлежащей ему внутри подлежащего объяснению теперешнего хозяйственного строя» (Stolzmann, Der Zweck in der Volkswirtschaft, 1909, S. 533). На самом деле труд, образующий стоимость, рассматривается Марксом не как технический фактор производства, а с точки зрения общественной формы его организации. Но по Марксу эта общественная форма труда не висит в безвоздушном пространстве: она тесно связана с материальным процессом производства. Только при полном непонимании социальной формы труда в марксовой системе можно утверждать, что «труд для Маркса—просто технический фактор производства» (С. Прокопович, К критике Маркса, 1901, стр. 16).

должно быть мыслимо, как отношение между физическою причиною и физическим следствием. Стоимость есть вещное выражение общественного труда в той специфической форме, которую он имеет в товарном хозяйстве, т. е. абстрактного труда. Это и значит, что стоимость есть «застывший» труд, «простой сгусток безразличного человеческого труда», «кристаллы общественной субстанции»—труда (К., I, с. 4). Эти выражения, за которые Маркс подвергался стольким нападкам и обвинениям в «натуралистическом» построении теории стоимости, могут быть правильно поняты только при сопоставлении их с учением Маркса о товарном фетишизме и «овеществлении» общественных отношений. Общественные производственные отношения людей выражаются в вещной форме,—таково первое положение Маркса. Отсюда следует, что общественный (а именно абстрактный) труд выражается в форме стоимости. Поэтому стоимость есть «овеществленный», «материализованный» т р у д и одновременно с этим выражение производственных о т н о ш е н и й л ю д е й. Эти два определения стоимости противоречат друг другу, поскольку речь идет о труде физиологическом; но они прекрасно дополняют друг друга, поскольку речь идет о труде о б щ е с т в е н н о м. И абстрактный труд и стоимость имеют общественную, а не материально-техническую или физиологическую природу. Стоимость есть общественное свойство (или социальная форма) продукта труда, как и абстрактный труд есть «общественная субстанция», лежащая в основе этой стоимости. И тем не менее абстрактный труд, подобно образуемой им стоимости, имеет не только качественную, но и количественную сторону, имеет определенную величину, как и тот общественный труд, который учитывается органами социалистической общины.

Чтобы закончить с вопросом о количественном определении абстрактного труда, мы должны выяснить одно могущее возникнуть недоразумение. На первый взгляд может показаться, что если абстрактный труд является результатом социального уравнения труда через уравнение продуктов труда, то единственным критерием равенства или неравенства двух трудовых затрат служит факт уравнения (или неравенства их) в процессе обмена. С этой точки зрения мы не можем говорить о равенстве (или неравенстве) двух трудовых затрат до момента социального уравнения их через посредство процесса обмена. С другой стороны, если в процессе обмена эти трудовые затраты социально уравнены, мы обязаны считать их равными, хотя бы в непосредственном процессе производства, напр., по числу часов труда, они не были равны.

Такое предположение приводит к ложным выводам. Оно лишает

или усматривать фундаментальную ошибку Маркса в том, что при объяснении стоимости трудов он игнорирует «различную оценку различных видов труда» как фактора производства (G. C a s s e l, Grundriss einer elementaren Preislehre, «Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft», 1899. II. 3, S. 447). В игнорировании Марксом «качества труда» усматривает его ошибку и Маршалл (M a r s h a l l, Principles of economich, 1910. p. 503). Вопрос заключается в том, интересуют ли нас социальные или технические качества труда. Маркса интересует социальная форма или социальное качество труда в товарном хозяйстве, выражающееся в акте отвлечения от технических качеств разных видов труда.

нас права сказать, что в процессе обмена социально уравниваются иной раз разные количества труда, иной раз весьма неравные (напр., при обмене продуктов труда квалифицированного на продукты простого труда или при обмене товаров в капиталистическом хозяйстве по их ценам производства и т. п.). Мы вынуждены были бы признать, что социальное уравнение труда в процессе обмена происходит вне всякой зависимости от количественных моментов, характеризующих труд в процессе непосредственного производства (напр., от его продолжительности, интенсивности, продолжительности подготовки к данному квалифицированному труду и т. д.), и, следовательно, лишено всякой закономерности, будучи определяемо исключительно стихией рынка.

Легко доказать, что развитое выше учение об абстрактном труде не имеет ничего общего с указанным ложным предположением. Вернемся к примеру с социалистической общиной. Органы социалистической общины признали за работником *А* право на 20 часов общественного труда, а за работником *Б*—право на 10 часов того же труда. Эти расчеты были сделаны указанными органами социалистической общины на основании признаков, характеризующих труд в материально-техническом процессе производства (напр., его продолжительности, интенсивности, количества изготовленных продуктов и т. п.) Если бы органы социалистической общины при определении количества приходящегося на долю каждого работника общественного труда принимали за единственный и решающий критерий количество затрачиваемой работником физиологической энергии (мы делаем предположение, что это количество можно было бы определить при помощи психофизиологических исследований),—мы сказали бы, что основою социального уравнения труда служат признаки, характеризующие труд с его физиологической, а не материально-технической стороны. Но это не изменило бы дела. В обоих случаях мы могли бы сказать, что акт социального уравнения двух трудовых затрат производится на основании признаков, лежащих вне самого этого акта. Но отсюда никоим образом не следует, что социальное равенство двух трудовых затрат, сделанное *на основании* их физиологического равенства, *тождественно* с этим последним. Даже при том предположении, что данное числовое выражение двух количеств общественного труда (20 часов и 10 часов общественного труда) в точности совпадает с числовым выражением двух количеств физиологической энергии (20 единиц и 10 единиц физиологической энергии), остается коренное различие природы общественного труда и затраты физиологической энергии, социального уравнения труда и его физиологического равенства. Тем более верно это в тех случаях, когда социальное уравнение труда регулируется не одним, а целым рядом признаков, характеризующих труд с его материально-технической или физиологической стороны. В этом случае не только общественно-равный труд качественно отличается от физиологически-равного труда, но и количественная определенность первого может быть понята нами только как результат процесса социального уравнения труда. И качественная и количественная характеристика общественного труда не может быть понята нами без

исследования социальной формы процесса производства, в котором социальное уравнение труда происходит.

Именно такое положение дел мы встречаем в товарном хозяйстве. Равенство двух количеств абстрактного труда означает равенство их как долей совокупного общественного труда,—равенство, устанавливающееся только в процессе социального уравнения труда через посредство уравнения продуктов труда. Поэтому мы и утверждаем, что в товарном хозяйстве общественное равенство двух трудовых затрат или равенство их в качестве абстрактного труда устанавливается не иначе, как посредством процесса обмена. Но это не мешает нам до процесса обмена и независимо от него констатировать ряд количественных признаков, отличающих труд с материально-технической и физиологической стороны и оказывающих причинное влияние на количественную определенность абстрактного труда. Важнейшими из этих признаков являются: 1) продолжительность трудовой затраты, или количество рабочего времени; 2) интенсивность труда; 3) квалифицированный характер труда и 4) количество продуктов, произведенных в единицу времени. Остановимся вкратце на каждом из этих признаков.

Основным признаком, характеризующим количественную определенность труда, Маркс признает количество рабочего времени, затраченного рабочим. Этот прием количественного определения труда по величине рабочего времени в высшей степени характерен для социологического метода Маркса. Если бы речь шла о количественном определении труда в психологической лаборатории, за единицу труда следовало бы принять известную сумму затраченной физиологической энергии. Но когда речь идет о распределении совокупного общественного труда между отдельными лицами и отраслями производства,—распределении, происходящем сознательно в социалистической общине и стихийно в товарном хозяйстве,—различные количества труда выступают как различные количества рабочего времени. Маркс поэтому нередко даже заменяет труд рабочим временем и рассматривает последнее как субстанцию, овеществленную в продукте (Kritik, S. 5, 8).

Итак, основною мерою труда Маркс признает рабочее время или «экстенсивную величину труда» (К., I, с. 403). Наряду с этим признаком, в качестве добавочного и второстепенного, Маркс ставит интенсивность труда или «интенсивную величину труда», т. е. «количество труда, которое затрачивается в течение данного времени» (там же). 1 час труда большей интенсивности признается равным, напр., $1\frac{1}{2}$ часам труда нормальной интенсивности. Иначе говоря, более интенсивный труд признается равным более продолжительному труду, интенсивность переводится в единицы рабочего времени, или интенсивная величина учитывается как экстенсивная величина. Уже это сведение интенсивности труда к рабочему времени ярко свидетельствует о том, в какой мере признаки, характеризующие труд с его физиологической стороны, подчиняются Марксом признакам социального характера, кото-

рые играют решающую роль в социальном процессе распределения труда.

Еще более ярко обнаруживается подчиненная роль интенсивности труда по отношению к рабочему времени в следующем рассуждении Маркса. По мнению Маркса, признак интенсивности труда принимается во внимание при определении количества абстрактного труда лишь в том случае, когда данная трудовая затрата отличается большею или меньшею интенсивностью по сравнению с средним уровнем. Но «если бы интенсивность труда поднялась во всех отраслях промышленности одновременно и равномерно, то новая повышенная степень интенсивности стала бы обычным общественно-нормальным уровнем и следовательно уже не учитывалась бы более как экстенсивная величина» (К., I, стр. 408) [1]. Иначе говоря, если в настоящее время, как и пятьдесят лет тому назад, в данной стране на производство затрачивается ежедневно 1 миллион рабочих дней (по 8 часов каждый), то сумма ежедневно создаваемых стоимостей остается без изменения, хотя бы средняя интенсивность труда за истекшее полустолетие повысилась, напр., в $1\frac{1}{2}$ раза и, следовательно, увеличилось количество затрачиваемой физиологической энергии. Это рассуждение Маркса доказывает, что не только недопустимо смешивать физиологический труд с абстрактным, но что количество физиологической энергии не следует принимать за тот основной количественный признак, который определяет количество абстрактного труда и величину создаваемой стоимости. Мерою труда Маркс считает рабочее время, а интенсивности труда отводится лишь добавочная и подчиненная роль.

Проблеме квалифицированного труда мы посвящаем следующую главу. Здесь отметим лишь, что Маркс, верный своему общему положению о рабочем времени как мере труда, сводит день квалифицированного труда к определенному числу дней простого труда, т. е. опять-таки к рабочему времени.

До сих пор мы имели в виду уравнение количеств труда, затрачиваемых в различных отраслях производства. Поскольку же речь идет о различных трудовых затратах в одной и той же отрасли производства (точнее говоря, затраченных на производство продуктов того же самого рода и качества), уравнение их подчиняется следующему принципу: равными признаются две трудовые затраты, поскольку при их помощи созданы одинаковые количества данного продукта,—хотя бы фактически эти трудовые затраты весьма отличались одна от другой

---

[1]) Еще резче выражена Марксом та же мысль в «Theorien über Mehrwert», III, S. 365—366: «Если бы эта интенсификация труда стала всеобщею, стоимость товара должна была бы упасть соответственно меньшему рабочему времени, которого он стоит». Если, с общим повышением интенсивности труда, на данный продукт затрачивается 12 часов вместо прежних 15 часов, то, по мнению Маркса, стоимость продукта,— так как она определяется рабочим временем или числом затраченных часов,—падает. Что же касается суммы затраченной физиологической энергии, то она осталась без изменения (т. е. в 12 часов теперь затрачивается столько же энергии, сколько раньше затрачивалось в 15 часов) и, следовательно, с точки зрения сторонников физиологического понимания трудовой стоимости, стоимость продукта должна была бы остаться без изменения.

по продолжительности рабочего времени, интенсивности и т. п. День труда работника более умелого или работающего при помощи лучших средств производства социально уравнивается с двумя днями труда работника менее умелого или работающего с помощью плохих средств производства, хотя бы количество затраченной физиологической энергии в первом случае было гораздо меньше, чем в последнем. И здесь решающим признаком, определяющим количественную характеристику труда как абстрактного и общественно-необходимого, является отнюдь не сумма затраченной физиологической энергии. И здесь Маркс сводит труд работника, отличающегося особою умелостью или лучшими средствами производства, к общественно-необходимому рабочему времени, т. е. приравнивает его определенному количеству рабочего времени.

Как видим, количественная характеристика абстрактного труда причинно обусловлена рядом признаков, отличающих труд с его материально-технической и физиологической сторон в процессе непосредственного производства, до процесса обмена и независимо от него. Но, хотя данные две трудовые затраты независимо от процесса обмена отличаются известною продолжительностью, интенсивностью, степенью квалификации и технической производительности, социальное уравнение этих трудовых затрат происходит в товарном хозяйстве только через посредство процесса обмена; а вместе с этим социально-уравненный или абстрактный труд качественно и количественно отличается от труда, рассматриваемого с материально-технической или физиологической сторон.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

КВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ ТРУД.

В процессе обмена приравниваются продукты различных конкретных видов труда, а тем самым уравниваются и последние. При прочих равных условиях, различие конкретных видов труда не играет в товарном хозяйстве роли, и продукт часового труда сапожника обменивается на продукт часового труда суконщика. Но различные виды труда находятся в неравных условиях; они отличаются друг от друга по своей интенсивности, вредности для здоровья, продолжительности обучения и т. п. Процесс обмена, погашая различие видов труда, одновременно погашает и компенсирует различие условий, имеющее место в разных видах труда. Это различие условий приводит к тому, что продукт дневного труда сапожника обменивается, например, на продукт двухдневного труда землекопа или на продукт полудневного труда ювелира. На рынке приравниваются, как стоимости, продукты, произведенные в неравные количества времени. На первый взгляд это положение противоречит основному положению марксовой теории, согласно которому стоимость продуктов труда пропорциональна рабочему времени, затраченному на их производство. Посмотрим, как разрешается это противоречие.

Из перечисленных выше различных условий труда наибольшее значение имеют интенсивность данного вида труда и продолжительность обучения и подготовки к данному виду труда или к данной профессии. Вопрос об интенсивности труда не представляет особых теоретических трудностей и будет нами рассмотрен мимоходом. Главное же внимание в настоящей главе мы уделим вопросу о квалифицированном труде.

Прежде всего дадим определение труда *квалифицированного и простого*. Простой труд «есть затрата простой рабочей силы, которой в среднем располагает телесный организм каждого обыкновенного человека, не обладающего никакой *специальной подготовкой*» (К., I, с. 9. Курсив наш). В отличие от простого, квалифицированным называется труд, который требует специальной подготовки, т. е. «более продолжительной профессиональной подготовки или более значительного общего образования, чем в среднем имеют рабочие» [1]). Не надо

---

[1]) Отто Бауэр, Квалифицированный труд и капитализм. Сборник «Основные проблемы политической экономии», 1922, стр. 127.

думать, что простой средний труд есть величина одинаковая у различных народов и не изменяющаяся в ходе исторического развития. Простой средний труд носит различный характер в различных странах и в различные культурные эпохи, но для каждого определенного общества в данный момент его развития представляет величину данную (К., I, с. 9). Тот труд, который в Англии может быть выполнен каждым средним рабочим, в России может требовать некоторой подготовки со стороны рабочего. Тот труд, к которому в настоящее время способен средний русский рабочий, мог сто лет тому назад считаться в России трудом, возвышающимся по своей сложности над средним уровнем.

Отличие квалифицированного труда от простого проявляется: 1) в повышенной стоимости продуктов, произведенных трудом квалифицированным, и 2) в повышенной стоимости квалифицированной рабочей силы, т. е. в повышенной заработной плате квалифицированного наемного рабочего. С одной стороны, продукт дневного труда ювелира имеет в два раза большую стоимость, чем продукт дневного труда сапожника. С другой стороны, ювелир-рабочий получает от ювелира-предпринимателя более высокую заработную плату, чем сапожник-рабочий от своего предпринимателя. Первое явление свойственно товарному хозяйству, как таковому, и характеризует отношения между людьми, как товаропроизводителями; второе явление свойственно только капиталистическому хозяйству и характеризует отношения между людьми, как капиталистами и наемными рабочими. Так как в теории стоимости, изучающей особенности товарного хозяйства, как такового, мы имеем дело только со стоимостью товаров, но не со стоимостью рабочей силы, то и в настоящей главе мы будем рассматривать только стоимость продуктов, произведенных квалифицированным трудом, оставляя в стороне вопрос о стоимости квалифицированной рабочей силы.

Понятие квалифицированного труда следует точно отличать от двух других понятий, которые нередко с ним смешиваются: от умелости (или ловкости) и интенсивности труда. Говоря о квалифицированном труде, мы имеем в виду степень средней квалификации (подготовки), требуемой для занятия данным видом труда, данною профессией или специальностью. Эту квалификацию необходимо отличать от индивидуальной квалификации отдельных производителей в пределах одной и той же профессии или специальности. Труд ювелира требует в среднем высокой квалификации, но различные ювелиры обнаруживают в своей работе различную «степень искусства, подготовки и быстроты», они отличаются друг от друга ловкостью или умелостью своего труда (К., I, с. 4, 134). Если сапожники в среднем вырабатывают по одной паре ботинок в день, а данный сапожник, более умелый и обученный,—две пары ботинок, то, естественно, продукт дневного труда последнего (две пары ботинок) будет иметь вдвое большую стоимость, чем продукт дневного труда сапожника средней умелости (одна пара ботинок). Это вполне понятно, так как стоимость определяется, как будет подробнее изложено в следующей главе, не индивидуальным, а общественно-необходимым для производства трудом. Различие умелости или ловкости труда двух данных сапожников вполне

точно измеряется различными количествами продуктов, производимых ими в одинаковое время (при одинаковых орудиях труда и прочих равных условиях). Таким образом понятие умелости или ловкости труда входит в учение об общественно-необходимом труде и не представляет особых теоретических трудностей. Гораздо большие трудности представляет вопрос о квалифицированном труде, о различной стоимости продуктов, производимых в одинаковое время двумя производителями в различных профессиях, продукты которых между собою не сравнимы. Поэтому те исследователи, которые сводят квалифицированный труд к более умелому труду, просто обходят трудности вопроса. Так, Л. Будин утверждает, что высшая стоимость продуктов квалифицированного труда объясняется тем, что квалифицированный работник производит большее количество продуктов[1]). Ф. Оппенгеймер говорит, что Маркс, сосредоточивши свое внимание на «приобретенной» квалификации, вытекающей из «более продолжительного и дорогого образования, подготовки», упустил из виду «прирожденную» квалификацию. Но, к нашему удивлению, оказывается, что в последнюю Оппенгеймер включает также индивидуальную умелость отдельных производителей, которая относится к проблеме общественно-необходимого, а не квалифицированного труда, куда поместил ее Оппенгеймер[2]).

Другие исследователи пытаются свести квалифицированный труд к труду более интенсивному. Интенсивность или напряженность труда определяется количеством труда, затрачиваемого в единицу времени. Мы наблюдаем, как индивидуальные различия в интенсивности труда двух производителей одной и той же профессии, так и различную среднюю интенсивность труда в двух разных профессиях (К., I, с. 312, 407, 437). Продукты, произведенные трудом одинаковой продолжительности, но различной интенсивности, имеют различную стоимость, так как количество абстрактного труда зависит не только от продолжительности затраченного рабочего времени, но и от интенсивности труда (см. конец предыдущей главы).

Некоторые исследователи, как уже было сказано, пытаются разрешить проблему квалифицированного труда, усматривая в нем труд высшей интенсивности или напряженности. «Сложный труд может производить большую стоимость, чем труд простой, только при том условии, если он также интенсивнее последнего»[3]), говорит Либкнехт. Эта бо́льшая интенсивность квалифицированного труда выражается преимущественно в большей затрате умственной энергии, в повышенном «внимании, умственном напряжении, затрате мозга». Предположим, что сапожник на

---

[1]) Л. Будин, Теоретическая система Маркса, русск. изд. 1908 г.

[2]) F. Oppenheimer, Wert und Kapitalprofit, 2 Aufl. 1922, S. 63, 65—66 Подробная критика взглядов Оппенгеймера дана в нашей книге «Современные экономисты на Западе» (1927).

[3]) Liebknecht, Zur Geschichte der Werttheorie in England, 1902, S. 102 (русск. пер. стр. 153). Автор этой книги — сын Вильгельма Либкнехта, брат Карла Либкнехта. Подробная критика взглядов Либкнехта дана нами во вступительной статье к русскому переводу: Либкнехт, История теории стоимости в Англии и теория Маркса, М. 1924.

1 единицу мускульного труда затрачивает $^1/_4$ единицы умственного труда, а ювелир целых $1^1/_2$ единицы. В таком случае часовой труд сапожника означает затрату $1^1/_4$ единиц энергии (мускульной и умственной вместе), а часовой труд ювелира $2^1/_2$ единицы энергии, т. е. труд последнего создает вдвое большую стоимость. Сам Либкнехт сознает, что такое предположение имеет «гипотетический характер» [1]. Мы полагаем, что оно не только бездоказательно, но и опровергается фактами. Имеются виды квалифицированного труда, создающие в силу продолжительности подготовки к ним товары высокой стоимости, но по своей интенсивности не превосходящие менее квалифицированных видов труда. Мы должны объяснить, почему квалифицированный труд, независимо от степени его интенсивности, создает продукт более высокой стоимости [2].

Мы стоим перед следующим вопросом: почему затрата одинакового рабочего времени в двух профессиях с различною среднею квалификацией (продолжительностью подготовки) создает товары различной стоимости? В марксистской литературе можно отметить два различных подхода к разрешению этого вопроса. Один подход встречается у А. Богданова. Он отмечает, что квалифицированная рабочая сила «может нормально функционировать лишь при условии удовлетворения более значительных и более разнообразных потребностей самого работника, т. е. при условии потребления большего количества различных продуктов. Следовательно сложная рабочая сила обладает большей трудовой стоимостью—стоит обществу большего количества его труда. Зато она и дает ему более сложный, т. е. «умноженный», живой труд» [3]. Если квалифицированный рабочий поглощает предметов потребления и, следовательно, общественной энергии в пять раз больше, чем простой рабочий, то часовой труд первого будет производить стоимость в пять раз большую, чем часовой труд последнего.

Изложенную аргументацию А. Богданова мы считаем неприемлемою, прежде всего, с точки зрения методологической. По существу А. Богданов выводит повышенную стоимость продуктов квалифицированного труда из повышенной стоимости квалифицированной рабочей силы. Стоимость товара он объясняет стоимостью рабочей силы, между тем как у Маркса путь исследования обратный. В теории стоимости, при объяснении стоимости товаров, произведенных квалифицированным трудом, Маркс изучает отношения между людьми, как товаропроизводителями, или простое товарное хозяйство; в этой стадии исследования стоимость рабочей силы вообще и квалифицированной в частности для

---

1) Liebknecht, S. 103 (русск. пер. стр. 154).

2) В переводе «Критики политической экономии», сделанном П. Румянцевым, труд сложный называется «трудом высшей напряженности» (изд. 1922 г., стр. 38). Читателя не должен смущать этот термин, не принадлежащий Марксу. В подлиннике сказано: «труд высшей потенции» (S. 6).

3) А. Богданов и И. Степанов. Курс политической экономии, т. II, в. 4, стр. 19. Курсив А. Богданова.

него еще не существует (К., I, с. 9, примечание) [1]. У Маркса стоимость товара определяется абстрактным трудом, который сам по себе представляет общественную величину, не имеющую стоимости. У А. Богданова же оказывается, что труд или рабочее время, определяющее стоимость, в свою очередь также имеет стоимость, стоимость товара определяется воплощенным в нем рабочим временем, а стоимость этого рабочего времени определяется стоимостью жизненных средств, требующихся для содержания рабочего [2]. Получается порочный круг, из которого А. Богданов пытается выйти доводами, по нашему мнению не убедительными [3].

Независимо от этих методологических дефектов, мы должны отметить, что А. Богданов указывает нам только тот минимальный абсолютный предел, ниже которого стоимость продукта квалифицированного труда не может опуститься. Она должна быть, при всяких обстоятельствах, достаточна для того, чтобы квалифицированная рабочая сила могла сохраняться в прежнем виде и не вынуждена была деквалифицироваться (опуститься на низший уровень квалификации). Но, как мы уже отмечали, кроме этого минимального абсолютного предела, в товарном хозяйстве решающую роль играет относительная выгодность различных видов труда [4]. Предположим, что стоимость продуктов данного вида квалифицированного труда вполне достаточна для сохранения квалифицированной рабочей силы производителей, но не достаточна для того, чтобы сделать работу в данной профессии, требующей очень продолжительной подготовки, относительно столь же выгодною, как работу в других профессиях, требующих менее продолжительной подготовки. При таких условиях начнется отлив труда из данной профессии, который будет продолжаться до тех пор, пока стоимость продуктов данной профессии не поднимется до такого уровня, который устанавливает относительное равенство условий производства и состояние равновесия между различными видами труда. При изучении проблемы квалифицированного труда мы должны взять за исходный пункт исследования не равновесие между потреблением и производительностью данного вида труда, а равновесие между различными видами труда. Этим самым мы приходим к основной исходной точке марксовой теории стоимости, к распределению общественного труда между различными отраслями народного хозяйства.

В предшествующих главах нами была развита та мысль, что обмен продуктов двух разнородных видов труда в соответствии с их стоимостью соответствует состоянию равновесия между двумя данными отраслями производства. Это общее положение в полной мере применимо

---

1) Только в одном месте Маркс отступает от своего обычного метода и, повидимому, обнаруживает склонность поставить стоимость продукта квалифицированного труда в зависимость от стоимости квалифицированной рабочей силы. См. «Theorien über den Mehrwert», III, S. 197—198.

2) Ср. Энгельс, Анти-Дюринг. Издание В. Яковенко, 1907, стр. 160.

3) А. Богданов, цит. соч., стр. 20.

4) См. аналогичное наше возражение А. Богданову выше, в главе «Равенство товаров и равенство труда».

к тем случаям, когда обмениваются продукты двух видов труда, отличающиеся различною квалификацией. Стоимость продукта квалифицированного труда должна превышать стоимость продукта простого (или вообще менее квалифицированного) труда в такой степени, которая компенсировала бы различие условий производства и установила равновесие между указанными видами труда. Продукт часового труда ювелира приравнивается на рынке как раз продукту двухчасового труда сапожника потому, что именно при данной меновой пропорции устанавливается равновесие в распределении труда между обеими этими отраслями производства, и прекращается перелив труда из одной отрасли в другую. Проблема квалифицированного труда сводится к изучению условий равновесия между разнородными видами труда, отличающимися различной квалификацией. Этим наша проблема еще не разрешена, но уже правильно поставлена. Мы еще не получили ответа на наш вопрос, но уже наметили тот метод, тот путь, который должен привести нас к цели.

По этому пути пошел целый ряд исследователей-марксистов [1]. Они обратили главное свое внимание на то обстоятельство, что продукт квалифицированного труда является результатом не только того труда, который непосредственно затрачен на его изготовление, но и того труда, который необходим для подготовки производителя к данной профессии. Последний труд также входит в стоимость продукта и удорожает ее на соответствующую долю. «В продукте сложного труда общество оплачивает эквивалент той стоимости, которую создали бы простые трудовые процессы, если бы они были непосредственно потреблены обществом» [2], а не были затрачены на подготовку квалифицированной рабочей силы. Эти трудовые процессы слагаются из труда мастеров и учителей, затраченного на подготовку работника к данной профессии, и из труда самого ученика в период обучения. Разбирая вопрос о том, входит ли труд самого ученика в стоимость продуктов квалифицированного труда, О. Бауэр вполне правильно берет за исходный пункт своих рассуждений условия равновесия между различными отраслями производства [3]. Он приходит к следующему выводу: «Наряду со стоимостью, созданною трудом, затраченным непосредственно в процессе производства, и со стоимостью, перенесенною учителями на квалифицированную рабочую силу,—стоимость, созданная самим учеником в процессе обучения, также составляет один из определяющих моментов стоимости продукта, произведенного квалифицированным рабочим на ступени простого товарного производства».

Итак, в стоимость продукта квалифицированного труда входит труд, затраченный на подготовку производителя к данной профессии. Но в профессиях, отличающихся высокою квалификацией и большою слож-

[1] Гильфердинг, Бем-Баверк как критик Маркса, М. 1923. H. Deutsch, Qualifizierte Arbeit und Kapitalismus, 1924. О. Бауэр, Квалифицированный труд и капитализм. Сборник «Основные проблемы политической экономии», М. 1922. В. Н. Поздняков, Квалифицированный труд и теория ценности Маркса, 2-е издание.

[2] Гильфердинг, указ. соч., стр. 27.

[3] Бауэр, указ. соч., стр. 131—132.

ностью труда, подготовка работников происходит обычно путем отбора наиболее способных учеников из большего числа их. Из трех лиц, обучающихся инженерному делу, кончает образование и достигает цели быть может только один. Таким образом, для подготовки одного инженера требуется затрата труда со стороны трех учащихся и соответственно увеличенная затрата труда учителей. Поэтому прилив в данную профессию учеников, из которых только одна третья часть имеет шансы достигнуть цели, будет происходить в достаточных размерах только при том условии, если повышенная стоимость продуктов данной профессии компенсирует за неизбежную в известных размерах напрасную затрату труда. При прочих равных условиях, средняя стоимость продукта часового труда в профессиях, подготовка к которым требует затраты труда со стороны многочисленных соискателей, будет выше, чем средняя стоимость продукта часового труда в профессиях, не представляющих такой трудности[1]). Это обстоятельство повышает стоимость продуктов высококвалифицированного труда[2]).

Как видим, сведение квалифицированного труда к простому является одним из результатов того объективного общественного процесса уравнения разных видов труда, который в капиталистическом обществе про-

---

[1]) Это положение, встречающееся уже у Адама Смита, особенно подробно развито Л. Любимовым (Курс политической экономии, 1923, стр. 72 — 78 и 87 — 93). К сожалению, Л. Любимов соединил вопрос о том, чем определяется средняя стоимость продуктов высококвалифицированной профессии, напр., профессии инженера, художника и т. п., с вопросом о том, чем определяется индивидуальная цена данного невоспроизводимого предмета (картина Рафаэля). Там, где речь идет о воспроизводимых продуктах массового производства (например, труд инженеров мы можем рассматривать, как производящий — за небольшими исключениями — продукты однородные и воспроизводимые), мы можем получить стоимость единичного продукта путем деления стоимости всего производства данной профессии на число изготовленных в ней однородных продуктов. Но это невозможно по отношению к предметам индивидуальным, невоспроизводимым. Из того, что средняя стоимость продукта часового труда художника равна стоимости продукта пятичасового простого труда (к часу труда прибавляется час труда, потраченный художником на подготовку, и три часа труда, потраченные на подготовку тремя художниками неудачниками), нисколько не вытекает то обстоятельство, что в цене картины Рафаэля компенсируется напрасная затрата труда тысячи художников неудачников, а в картине Сальватора Розы — только затрата труда ста неудачников. Если Л. Любимов вполне правильно подводит под закон стоимости среднюю стоимость продуктов высококвалифицированного труда, то по отношению к индивидуальной цене невоспроизводимых предметов нельзя отрицать момента монополии. Обратную ошибку делает П. Маслов, приписывающий монопольный характер также средней стоимости продуктов высококвалифицированного труда (см. «Капитализм», 1914, стр. 191 — 92).

Маркс не ставит себе целью подводить цены невоспроизводимых предметов под закон трудовой стоимости по той простой причине, что последний должен объяснить нам именно законы производственной деятельности людей. Цена предметов, «которые не могут быть воспроизведены трудом, как, например, древности, художественные произведения определенных мастеров и т. д.» (К., III,[2] стр. 140). не рассматривается Марксом в его теории стоимости.

[2]) В капиталистическом обществе сюда прибавляются еще иногда проценты на издержки обучения, рассматриваемые в некоторых случаях как затраченный капитал. См. Маслов, цит. соч., стр. 191 и Бауэр, цит. соч., стр. 142. Но здесь имеет место не производство новой стоимости, а лишь перераспределение уже произведенной стоимости.

исходит через уравнение товаров на рынке. Мы не должны повторять ошибку Адама Смита, принимавшего «объективное уравнение, которое общественный процесс насильственно устанавливает между неравными видами труда, за субъективное приравнивание индивидуальных работ» (Kritik, S. 42; русский перевод на стр. 59 не точный). Не потому продукт часового труда ювелира обменивается на продукт двухчасового труда сапожника, что ювелир субъективно расценивает труд свой в два раза выше труда сапожника. Но обратно: субъективные сознательные расценки производителей определяются объективным процессом уравнения разных товаров и, через их посредство, разных видов труда на рынке. Конечно, в мотивах своих ювелир заранее рассчитывает на двойную расценку продуктов ювелирного труда по сравнению с продуктами сапожного труда, но своим сознанием он предваряет опыт только потому, что его сознание фиксирует и обобщает предшествующий опыт. Здесь происходит явление, описанное Марксом по аналогичному случаю, при объяснении повышенной нормы прибыли, получаемой теми отраслями капиталистического хозяйства, которые связаны с особым риском, трудностями и т. п. «После того как за известный период установились средние цены и соответствующие им рыночные цены, отдельные капиталисты начинают *сознавать*, что в этом процессе уравнения стираются *определенные различия*, причем эти последние они тотчас же включают в свои взаимные расчеты» (К. III[1], с. 154). Точно так же ювелир в акте обмена заранее принимает свою высокую квалификацию «в расчет, как раз навсегда установленное основание для компенсации» (там же, с. 155), но расчет этот является только следствием общественного процесса обмена, как результата сталкивающихся действий множества товаропроизводителей. Если мы примем труд землекопа за простой и час труда его за единицу, то час труда ювелира равен, скажем, 4 трудовым единицам не потому, что ювелир расценивает его или приписывает ему стоимость 4 единиц, а потому, что он уравновешивает на рынке 4 единицы простого труда. Редукция сложного труда к простому есть реальный процесс, происходящий через посредство процесса обмена и сводящийся в последнем счете к *уравновешиванию разных видов труда* в процессе распределения общественного труда, а не к различной оценке разных видов труда или к определению различной *ценности труда* [1]). Так как уравнение разных видов труда в товарном хозяйстве происходит не иначе, как через уравнение их продуктов как стоимостей, то и редукция квалифицированного труда к простому невозможна иначе, как через уравнение их продуктов. «Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его *стоимость* делает его равным продукту простого труда, и следовательно сама представляет лишь определенное количество простого труда» (К., I, с. 9. Курсив Маркса). «Повсюду стоимости разнообразнейших товаров одинаково выражаются в деньгах, т. е. в определенном количестве золота или серебра. И уже *тем*

[1]) Как утверждает Оппенгеймер и другие. См. *Oppenheimer*, Wert und Kapitalprofit. 2 Ati. 1922. S. 69—70.

самым различные виды труда, представляемые этими стоимостями, в различных пропорциях сводятся к определенным количествам одного и того же вида обыкновенного труда, того труда, который производит золото и серебро» (К., I, с. 136. Курсив наш). Предполагать, что редукция квалифицированного труда к простому должна быть кем-то произведена заранее и предшествовать обмену, чтобы сделать возможным акт приравнивания их продуктов,—значит не понимать самых основ марксовой теории стоимости.

Как видим, для объяснения высокой стоимости продуктов квалифицированного труда нам не приходится отказываться от теории трудовой стоимости; надо только ясно понять основную идею этой теории, как изучающей законы равновесия и распределения общественного труда в товарно-капиталистическом хозяйстве. С этой точки зрения мы сможем оценить доводы тех критиков Маркса, которые делают проблему квалифицированного труда главною мишенью своих нападок и видят в ней наиболее уязвимое место марксовой теории[1]). Возражения этих критиков могут быть сведены к следующим двум основным: 1) как бы марксисты ни объясняли причины высокой стоимости продуктов квалифицированного труда, остается самый факт обмена в качестве эквивалентов продуктов неравных количеств труда, что противоречит теории трудовой стоимости; 2) марксисты не могут указать нам тот критерий или масштаб, при помощи которого мы могли бы заранее приравнять единицу труда квалифицированного, например, час труда ювелира, определенному числу единиц труда простого.

Первое возражение основано на ошибочном предположении, будто теория трудовой стоимости ставит равенство товаров в зависимость исключительно от физиологического равенства трудовых затрат, необходимых для их производства. При таком понимании теории трудовой стоимости нельзя, действительно, отрицать тот факт, что час труда ювелира и четырехчасовой труд землекопа представляют, с физиологической точки зрения, неравные количества труда. Всякие попытки представить час квалифицированного труда, как труд физиологически-сгущенный и энергетически равный нескольким часам труда простого, кажутся нам безнадежными и методически неправильными. Квалифицированный труд есть, действительно, труд сгущенный, умноженный, потенцированный, но не физиологически-сгущенный, а социально-сгущенный. Теория трудовой стоимости утверждает не физиологическое равенство, а социальное уравнение труда, которое в свою очередь, конечно, происходит на основе признаков, характеризующих труд с материально-технической и физиологической сторон (см. конец предыдущей главы). На рынке обмениваются продукты не равных, но уравненных количеств труда. Наша задача—изучить законы социального уравнения разных видов труда в процессе распределения общественного труда. Если эти законы объясняют нам причины уравнения часового труда ювелира с четырехчасовым трудом землекопа, то наша задача разрешена, совер-

---

[1]) См. книгу Бем-Баверка, «Теория Маркса и ее критика». Русск. пер., изд. 1897 г.

шенно независимо от физиологического равенства или неравенства этих социально-уравненных количеств труда.

Второе возражение критиков Маркса навязывает экономической теории совершенно не свойственную ей задачу: найти мерило стоимости, делающее практически возможным сравнение друг с другом различных видов труда. Теория стоимости, однако, не занимается поисками практического мерила сравнения, а стремится к причинному объяснению того объективного процесса уравнения разных видов труда, который реально происходит в товарно-капиталистическом обществе[1]. В капиталистическом обществе этот процесс происходит стихийным, неорганизованным образом; уравнение разных видов труда не происходит непосредственно, но устанавливается лишь через посредство приравнивания продуктов труда на рынке, в результате сталкивающихся действий множества товаропроизводителей. При таких условиях «общество является тем искусным счетоводом, который один может вычислить высоту цен; метод, которым он при этом пользуется, есть конкуренция»[2]. Те критики Маркса, которые приписывают простому труду роль практического мерила или единицы сравнения труда, в сущности подставляют вместо капиталистического общества хозяйство организованное, в котором разные виды труда приравниваются друг другу непосредственно, без рыночного обмена и конкуренции, без приравнивания вещей как стоимостей на рынке.

Отвергая такое смешение теоретической и практической точек зрения и последовательно придерживаясь первой, мы находим, что теория стоимости вполне удовлетворительно объясняет как причину высокой стоимости продуктов квалифицированного труда, так и изменения их стоимости. При сокращении продолжительности обучения или вообще при уменьшении затрат труда, необходимых для подготовки к данной профессии, стоимость ее продуктов уменьшается. Этим объясняется целый ряд явлений хозяйственной жизни. Так, например, начиная со второй половины XIX века стоимость продуктов труда торговых служащих, как и стоимость их рабочей силы, значительно понижается. Объясняется это тем, что «предварительное образование, знакомство с торговым делом, знание языков и т. д. с прогрессом науки и народного образования приобретаются все быстрее и легче, становятся общераспространенными, воспроизводятся дешевле» (К., III [1], с. 231).

В настоящей главе, как и в предыдущих, мы брали за исходный пункт состояние равновесия между различными отраслями общественного производства и разными видами труда. Но, как мы знаем, товарно-капиталистическое общество есть система постоянно нарушаемого равновесия, которое проявляется только в виде тенденции, нарушаемой и задерживаемой различными противодействующими причинами. В области квалифицированного труда тенденция к восстановлению равновесия между разными видами труда действует тем медленнее, что квалификация труда, большая продолжительность или высокие издержки подготовки

[1] См. выше главу «Общественный труд».

[2] Гильфердинг, Бем-Баверк как критик Маркса, 1923, стр. 28.

к данной профессии ставят немалые препятствия приливу труда в данную профессию из других, более простых. При приложении теоретической схемы к живой действительности приходится учитывать задерживающее влияние этих препятствий. Трудность доступа в высшие профессии создает для них некоторый элемент монополии. С другой стороны, выделяются «низшие, постоянно переполненные вследствие своей простоты и плохо оплачиваемые отрасли труда» (К., I, с. 339). Нередко трудность доступа в высшую профессию и происходящий при этом отбор отбрасывают многих неудачных соискателей в низшие профессии, содействуя тем еще большему их переполнению [1]). Кроме того, техническое и организационное усложнение капиталистического процесса производства создает усиленный спрос на новые виды квалифицированной рабочей силы, несоразмерно повышая оплату как этой рабочей силы, так и ее продуктов. Это, так сказать, временная (иногда кратковременная, иногда более длительная) «премия за квалификацию», возникающая в динамическом процессе изменения квалификации труда. Но подобно тому, как отклонения рыночных цен от стоимости не опровергают, а делают только возможным осуществление закона стоимости, точно так же эта «премия за квалификацию», знаменуя собою отсутствие равновесия между разными видами труда, в свою очередь содействует повышению квалификации труда и перераспределению производительных сил в сторону равновесия общественного хозяйства.

---

1) Маслов, Капитализм, стр. 192.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ОБЩЕСТВЕННО-НЕОБХОДИМЫЙ ТРУД.

В предыдущих главах наше внимание было направлено главным образом на изучение качественной стороны труда, образующего стоимость; теперь мы можем перейти к более подробному анализу его количественной стороны.

Как известно, Маркс, утверждая, что величина стоимости товара изменяется в зависимости от изменений количества труда, затраченного на его производство, имеет в виду не тот индивидуальный труд, который фактически затрачен данным производителем на производство данного экземпляра товара, а среднее количество труда, необходимое для производства данного продукта при данном состоянии производительных сил. «Общественно-необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительской стоимости при наличных общественно-нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда. Так, например, в Англии после введения парового ткацкого станка для превращения данного количества пряжи в ткань требуется, быть может, лишь половина того труда, который затрачивался на это раньше. Конечно, английский ручной ткач и после того употребляет на это превращение столько же рабочего времени, как прежде, но теперь продукт его индивидуального рабочего часа представляет лишь половину по сравнению с общественным рабочим часом, и стоимость этого продукта уменьшилась поэтому вдвое» (К., I, с. 4—5).

Величина общественно-необходимого рабочего времени определяется уровнем развития производительных сил, понимая последние в широком смысле, как совокупность материальных и личных факторов производства. Общественно-необходимое рабочее время изменяется в зависимости не только от изменений «условий производства», т. е. его материально-технических и организационных факторов, но и от изменений в рабочей силе, в «умелости и интенсивности труда».

На первой ступени анализа Маркс предполагает, что все экземпляры данного сорта продуктов произведены в одинаковых, нормальных, средних условиях. Индивидуальный труд, затраченный на каждый экземпляр, количественно совпадает с общественно-необходимым тру-

дом, и индивидуальная стоимость—с общественною или рыночною стоимостью. В сущности здесь вообще не проводится еще различие между индивидуальным трудом и общественно-необходимым, между индивидуальною стоимостью и общественною (рыночною). Поэтому Маркс в этих случаях говорит просто о «стоимости», а не о «рыночной стоимости» (которая поэтому не фигурирует в I томе «Капитала»).

На дальнейшей ступени анализа Маркс предполагает, что различные экземпляры данного сорта товаров произведены при различных технических условиях. Здесь появляется уже противопоставление стоимости индивидуальной и общественной (рыночной). Иначе говоря, самое понятие стоимости получает здесь дальнейшее развитие и определяется ближе, как общественная или рыночная стоимость. Точно так же общественно-необходимое рабочее время противопоставляется индивидуальному, которое различно в различных предприятиях одной и той же отрасли производства. Этим мы выражаем ту особенность товарного хозяйства, что на рынке устанавливается одна и та же цена на все экземпляры товаров данного рода и качества, независимо от того, в каких индивидуальных технических условиях эти товары произведены и какое количество индивидуального труда затрачено на их производство в различных предприятиях. Общество, основанное на товарном хозяйстве, регулирует не непосредственно трудовую деятельность людей, а стоимость продуктов труда, товаров. Рынок не принимает во внимание индивидуальных особенностей и отклонений в трудовой деятельности отдельных товаропроизводителей или отдельных хозяйств. «Каждый отдельный товар функционирует в данном случае лишь как средний экземпляр своего рода» (К., I, с. 5). Каждый отдельный товар продается не по своей индивидуальной стоимости, а по средней общественной стоимости, которую Маркс в III томе «Капитала» называет рыночною стоимостью.

Все предприятия одной и той же отрасли производства мы можем расположить в нисходящий ряд по степени их технического развития, начиная с наиболее производительных и кончая наиболее отсталыми. При всем различии в индивидуальной стоимости продуктов в каждом из этих предприятий или в каждой группе их (для простоты разделим их, по примеру Маркса, на три группы: высшей производительности, средней и низшей), они продаются на рынке по одной и той же цене, которая определяется в последнем счете (через отклонения и нарушения) их среднею или рыночною стоимостью. «Товары, индивидуальная стоимость которых стоит ниже рыночной, реализуют избыток прибавочной стоимости или прибыли. Тогда как товары, индивидуальная стоимость которых выше рыночной, не могут реализовать часть заключающейся в них прибавочной стоимости» (К., III[1], с. 129, 130). Эта разница между рыночною стоимостью и индивидуальною, создавая различную выгодность производства для предприятий с различною производительностью труда, является основным двигателем технического прогресса в капиталистическом обществе. Каждое капиталистическое предприятие стремится ввести новейшие технические усовершенствования, понижающие индивидуальную стоимость производства по

сравнению с среднею рыночною и дающие ему возможность извлекать сверхприбыль. Предприятия с отсталою техникою стремятся уменьшить индивидуальную стоимость своих продуктов по возможности до уровня рыночной; иначе им грозит конкуренция более производительных предприятий и гибель. Победа крупного производства над мелким, рост технического прогресса и концентрация производства на более крупных и технически усовершенствованных предприятиях—являются следствием продажи товаров на рынке по средней рыночной стоимости, независимо от стоимости индивидуальной.

При данном состоянии производительных сил в данной отрасли производства (беря последнюю, как совокупность предприятий с самою различною производительностью) рыночная стоимость есть величина определенная. Но ошибочно думать, что она есть величина заранее данная и установленная, так сказать, вычисленная на основе данного состояния техники. Ведь, как указано, техника в различных предприятиях различная. Рыночная стоимость есть величина, устанавливающаяся в результате борьбы на рынке множества продавцов—товаропроизводителей, производящих в различных технических условиях и выносящих на рынок товары, обладающие различною индивидуальною стоимостью. Как было уже указано в 13-й главе, превращение индивидуального труда в общественно-необходимый происходит через посредство того же процесса обмена, который превращает частный и конкретный труд в общественный и абстрактный. «Различные индивидуальные стоимости должны уравняться, образовав одну общественную стоимость, выше разобранную нами рыночную стоимость, а для этого требуется наличность конкуренции между производителями одного и того же вида товаров, и, кроме того, наличность рынка, на котором они совместно предлагают свои товары» (К., III [1], с. 131). Рыночная стоимость есть равнодействующая борьбы на рынке между различными производителями данной отрасли производства (причем берется нормальное состояние рынка, предполагающее соответствие спроса предложению и, следовательно, равновесие между данною отраслью производства и другими, о чем см. ниже). Подобно этому общественно-необходимый труд, определяющий рыночную стоимость, есть р а в н о д е й с т в у ю щ а я р а з л и ч н о й п р о и з в о д и т е л ь н о с т и т р у д а в отдельных предприятиях. Общественно-необходимый труд определяет стоимость товаров лишь в той мере, в какой рынок объединяет всех производителей данной отрасли и подчиняет их одним и тем же условиям рыночного торга. По мере расширения рынка и подчинения ему отдельных товаропроизводителей создается единообразная для всех товаров данного рода и качества рыночная стоимость и приобретает значение общественно-необходимый труд. Рыночная стоимость устанавливается конкуренцией товаропроизводителей одной и той же отрасли производства. Но в развитом капиталистическом обществе мы имеем также конкуренцию капиталов, занятых в различных отраслях производства. Передвижение капиталов из одной отрасли в другую, т. е. «конкуренция капиталов в различных отраслях производства создает цену производства, уравни-

вающую норму прибыли между различными отраслями» (К., III[1], с. 131). Рыночная стоимость принимает вид цены производства.

Если рыночная стоимость устанавливается лишь в результате общественного процесса конкуренции между предприятиями различной производительности, то, спрашивается, какая именно группа предприятий определяет эту рыночную стоимость? Иначе говоря, какую величину представляет средний общественно-необходимый труд, определяющий рыночную стоимость? «Рыночная стоимость должна рассматриваться, с одной стороны, как *средняя стоимость* товаров, произведенных в данной отрасли производства, с другой стороны, как *индивидуальная* стоимость товаров, которые производятся в средних условиях данной отрасли и которые составляют *значительную массу* продуктов последней» (К., III[1], с. 129. Курсив наш). Если мы сделаем упрощающее предположение, что для всей *совокупности* товаров *данной отрасли производства* рыночная стоимость совпадает с индивидуальною (хотя и расходится с индивидуальною стоимостью отдельных экземпляров), то рыночная стоимость товара будет равна сумме всех индивидуальных стоимостей товаров данной отрасли, деленной на число этих товаров. Но на дальнейшей ступени анализа мы должны предположить, что и для целой отрасли производства сумма рыночных стоимостей может отклоняться от суммы индивидуальных стоимостей (что, напр., имеет место в земледелии); совпадение этих двух сумм сохраняется только для совокупности *всех* отраслей производства или *всего* народного хозяйства. В этом случае рыночная стоимость уже не будет в точности совпадать с частным от деления суммы всех индивидуальных стоимостей на число товаров данного сорта. В этом случае количественное определение рыночной стоимости подчиняется следующим законам. По мнению Маркса, в нормальных условиях рыночная стоимость приближается к индивидуальной стоимости *преобладающей массы* продуктов данной отрасли производства. Если большая часть товаров произведена в предприятиях с средней производительностью труда и лишь незначительная часть произведена в наилучших и наихудших условиях, то рыночная стоимость регулируется предприятиями средней производительности, т. е. приближается в той или иной мере к индивидуальной стоимости произведенных ими продуктов. Это наиболее часто встречающийся случай. Если «часть общего количества, произведенная при худших условиях, составляет относительно крупную величину, как по сравнению с средней массой товаров, так и по сравнению с другой крайностью», т. е. произведенными в наилучших условиях, то «рыночная стоимость или общественная стоимость регулируется товарной массой, произведенной при худших условиях» (К., III[1], с. 133), т. е. приближается к индивидуальной стоимости этих товаров (полностью совпадая с нею только в некоторых условиях, напр. в земледелии). Наконец, если на рынке преобладают товары, произведенные в наилучших условиях, то они будут оказывать решающее влияние на рыночную стоимость. Иначе говоря, *общественно-необходимый* труд может приближаться как к труду *средней* производительности (это имеет место в большинстве

случаев), так и к труду высшей или низшей производительности. Требуется только, чтобы труд высшей (или низшей) производительности доставлял на рынок наибольшее количество товаров, т. е. чтобы он представлял средний (не в смысле средней производительности, а в смысле наибольшей распространенности) труд данной отрасли производства [1]).

В изложенных рассуждениях Маркс предполагает нормальный ход производства, соответствие между предложением товаров и платежеспособным спросом, т. е. те случаи, когда покупатели закупают все выброшенное на рынок количество товаров данного рода по их нормальной рыночной стоимости. Последняя, как мы видели, определяется трудом высшей, средней или низшей производительности; все эти виды труда могут представлять общественно-необходимый труд в зависимости от технической структуры данной отрасли производства, от соотношения в ней предприятий различной производительности. Но все эти различные случаи определения рыночной стоимости при нормальном спросе и предложении надо резко отличать от случаев несоответствия спроса и предложения, когда рыночная цена отклоняется от рыночной стоимости вверх, при преобладании спроса, или вниз, при преобладании предложения. «Мы отвлекаемся здесь от случая переполнения рынка, при котором рыночные цены всегда регулируются частью товаров, произведенной при наилучших условиях; мы имеем здесь дело не с рыночной ценой, поскольку она отличается от рыночной стоимости, но с различными определениями самой рыночной стоимости» (К., III[1], с. 133). Чем же объясняются изменения самой рыночной стоимости в зависимости от численного преобладания

---

[1]) К. Диль неправильно утверждает, что общественно-необходимым Маркс считает только труд, затрачиваемый в предприятиях средней производительности. Если же в данной отрасли производства преобладает масса товаров, произведенная в наихудших условиях, и потому рыночная стоимость определяется трудом низшей производительности, то «здесь вследствие определенных условий предложения решающим является не общественно-необходимое рабочее время, а величина, превосходящая его» (K. Diehl, Ueber bas Verhältniss von Wert und Preis im ökonomisthen System von Marx, 1898, S. 23—24). Такое утверждение могло бы относиться только к случаям несоответствия между спросом и предложением, вызывающего отклонения цены от рыночной стоимости: в таких случаях решающим является не общественно-необходимое рабочее время, а величина, превосходящая или не достигающая его. Но Диль отлично понимает, что изложенные рассуждения Маркса относятся не к таким случаям отклонения цены от рыночной стоимости (о чем см. ниже), а имеют в виду как раз «соответствие общей массы продукта общественной потребности» (там же, с. 24), т. е. равновесия между данною отраслью производства и другими. А раз это равновесие наступает при определении рыночной стоимости трудом низшей производительности, то именно этот труд и считается общественно-необходимым.

Если Диль считает общественно-необходимым только труд средней производительности, то другие авторы склонны признавать таковым только труд высшей производительности затрачиваемый в наилучших технических условиях. «Действительная меновая стоимость всех продуктов зависит от рабочего времени, необходимого при наиболее развитых технических методах производства, от «общественно-необходимого» рабочего времени» (W. Liebknecht, Zur Geschichte der Werttheorie in England, 1902, S. 94 или русск. перев. стр. 144). Как видно из текста, это мнение также не соответствует учению Маркса.

той или иной группы предприятий (высшей, средней или низшей производительности)?

Ответ на этот вопрос мы найдем в механизме распределения труда и равновесия между различными отраслями общественного производства. Рыночная стоимость соответствует теоретически-мыслимому состоянию равновесия между различными отраслями производства. При продаже товаров по рыночной стоимости это состояние равновесия сохраняется, т. е. производство данной отрасли не расширяется и не сокращается за счет других отраслей. Равновесие между различными отраслями производства, соответствие общественного производства общественной потребности и совпадение рыночной цены с рыночной стоимостью,—все эти явления тесно между собою связаны и друг другу сопутствуют. «Чтобы рыночная цена товаров, тождественных между собою, но производимых каждый при условиях с различной индивидуальной окраской, соответствовала рыночной стоимости, не отклоняясь от нее ни вверх, ни вниз, давление, оказываемое различными продавцами друг на друга, должно быть достаточно велико для того, чтобы выбросить на рынок массу товаров, соответствующую общественной потребности, т. е. такое количество их, за которое общество способно уплатить рыночную стоимость» (К., III[1], с. 131). Совпадение цены с рыночною стоимостью соответствует состоянию равновесия между различными отраслями производства. Различия в определении рыночной стоимости трудом высшей, средней или низшей производительности станут нам понятны, если мы обратим внимание на роль рыночной стоимости в механизме распределения и равновесия труда. При численном преобладании предприятий высшей производительности, точнее массы товаров, произведенной в наилучших условиях, рыночная стоимость не может регулироваться стоимостью производства в средних или худших условиях, ибо это создало бы повышенные сверхприбыли в предприятиях высшей производительности и повело бы к значительному расширению в них производства. Это расширение производства, при численном преобладании данной группы предприятий, повело бы на рынке к преобладанию предложения и приближению цен к уровню стоимости в предприятиях высшей производительности. Аналогичное рассуждение применимо к случаям численного преобладания других групп предприятий, а именно средней или низшей производительности. Различные случаи *регулирования рыночной стоимости* (или, что то же самое, определения *общественно-необходимого* труда) объясняются различными *условиями равновесия данной отрасли производства с другими*, в зависимости от преобладания в ней предприятий различной производительности, т. е. в последнем счете в зависимости от состояния *производительных сил*.

Итак, общественно-необходимым трудом, определяющим рыночную стоимость товаров данной отрасли производства, может быть труд высшей, средней или низшей производительности. Какой именно труд является общественно-необходимым,—зависит от *состояния производительных сил в данной отрасли производства* и прежде всего от численного преобладания предприятий различной про-

изводительности (как указано уже было выше, речь идет не о числе предприятий, а о массе товаров, произведенных в них)[1]. Но не только от этого.

Представим себе две отрасли производства с совершенно одинаковым количественным распределением предприятий различной производительности. Скажем, предприятия средней производительности составляют 40% общего их числа, а предприятия высшей и низшей производительности по 30%. Но между двумя указанными отраслями производства имеется следующее существенное отличие. В первой из них производство на лучше оборудованных предприятиях доступно быстрому и значительному расширению (напр., вследствие особой выгодности концентрации производства, возможности получить из-за границы или быстро изготовить внутри страны нужные машины, обилия сырья, наличности рабочей силы, пригодной для машинного производства, и т. п. Во второй отрасли крупное производство может быть расширено медленнее и не в таких больших размерах. Можно сказать заранее, что в первой отрасли рыночная стоимость будет иметь тенденцию установиться,—конечно, при прочих равных условиях,—на более низком уровне, чем во второй, т. е. в первой отрасли рыночная стоимость будет ближе к трудовым затратам в предприятиях высшей производительности. Во второй же отрасли она может подняться выше. Если бы рыночная стоимость в первой отрасли поднялась так высоко, как во второй, это вызвало бы быстрое и большое расширение производства в предприятиях высшей производительности, переполнение рынка, нарушение равновесия между спросом и предложением, понижение цен. Для первой отрасли производства сохранение равновесия между нею и остальными отраслями народного хозяйства предполагает, что рыночная стоимость приближается к затратам в предприятиях высшей производительности. Во второй отрасли производства равновесие общественного хозяйства возможно и при более высоком уровне рыночной стоимости, т. е. при приближении ее к трудовым затратам в предприятиях средней или низшей производительности.

Возможны, наконец, такие случаи, когда равновесие общественного хозяйства наступает при том условии, если рыночная стоимость определяется не индивидуальными трудовыми затратами в данной группе предприятий (напр. высшей производительности), а среднею цифрою между трудовыми затратами данной группы и ближайшей к ней другой группы. Особенно часто это может иметь место, если в данной отрасли производства предприятия по своей производительности разделяются не на три группы, как мы предполагали, а на две группы, высшей и низшей производительности. Само собою понятно, что «средняя цифра» понимается нами здесь не в смысле средней арифметической: она может быть ближе к затратам группы высшей или низшей производительности, в зависимости от условий равновесия между данной отраслью производства и другими. Поэтому слишком упрощает вопрос Л. Будин,

[1] «От численного соотношения или пропорционального количественного соотношения классов (предприятий различной производительности. *И. Р.*) зависит, какой из них окончательно определяет среднюю стоимость» (Theorien über den Mehrwert, B. II, T. 1, S. 56).

утверждая, что в случае введения технических усовершенствований и новых методов производства стоимость «произведенных товаров будет измеряться не средней затратой труда, а затратой его или при старом, или при новом методе производства» [1]).

Итак, различные случаи определения рыночной стоимости или, что то же, общественно-необходимого труда объясняются различными условиями равновесия между данною отраслью и другими отраслями народного хозяйства, в зависимости от состояния производительных сил. Рост производительной силы труда в данной отрасли производства, изменяя условия равновесия ее с прочими отраслями, изменяет величину общественно-необходимого труда и рыночной стоимости. «Рабочее время изменяется с каждым изменением производительной силы труда» (К., I, с. 5). «Чем больше производительная сила труда, тем меньше рабочее время, необходимое для изготовления известного товара, тем меньше кристаллизованная в нем масса труда, тем меньше его стоимость. Наоборот, чем меньше производительная сила труда, тем больше рабочее время, необходимое для изготовления товара, тем больше его стоимость» (К., I, с. 5, 6, 7). В марксовой теории понятие общественно-необходимого труда тесно связано с понятием производительной силы труда. В товарном хозяйстве развитие производительных сил находит свое экономическое выражение в изменении общественно-необходимого труда и определяемой им рыночной стоимости отдельных товаров. Движение стоимости на рынке есть отражение процесса развития производительности труда. Яркую формулировку этой мысли дал Зомбарт в своей известной статье, посвященной III тому «Капитала». «Стоимость есть специфическая историческая форма, в которой выражается производительная сила общественного труда, управляющая в последнем счете всеми хозяйственными явлениями» [2]). Зомбарт сделал, однако, ту ошибку, что в учении об общественно-необходимом труде усмотрел все содержание теории стоимости Маркса. Но учение об общественно-необходимом труде охватывает только количественную, а не качественную сторону стоимости. «То обстоятельство, что количество содержащегося в товаре труда есть количество, общественно-необходимое для его производства,—и следовательно рабочее время есть необходимое рабочее время,—это определение относится только к величине стоимости» (Theorien über den Mehrwert, III, S. 160—161). Зомбарт ограничился тою стороною марксовой теории, которая исследует зависимость изменений величины стоимости от движения материального процесса производства, и не заметил наиболее оригинальной части марксовой теории, а именно учения о форме стоимости» [3]).

---

1) Л. Будин, Теоретическая система Маркса, русск. изд. 1908 г., стр. 78.

2) Sombart, Zur Kritik des ökonomischen Systems von Marx в Braun's Archiv für soziale Gesetzgebung u. Statistik, 1894, B. VII, S. 577, русский перевод в «Научном обозрении» за 1898 г., № 4.

3) Этот основной недостаток интерпретации Зомбарта отметил еще С. Булгаков в статье «Что такое трудовая ценность» (Сборники правоведения и общественных знаний, 1896 г., т. VI, стр. 238).

Выше было уже указано, что различные разобранные нами случаи определения рыночной стоимости надо строго отличать от случаев отклонения цен от рыночной стоимости в результате преобладания спроса над предложением или обратно. Если рыночная стоимость при нормальных условиях определяется средними затратами, то, при преобладании спроса, рыночная цена будет отклоняться от рыночной стоимости вверх и приближаться к затратам в предприятиях низшей производительности. Обратное будет иметь место при чрезмерном предложении. «Если количество товаров на рынке больше или меньше, чем спрос на них, то имеют место отклонения рыночной цены от рыночной стоимости» (К., III[1], с. 135). Маркс строго отличает те случаи, когда сама рыночная стоимость определяется, скажем, затратами в предприятиях высшей производительности вследствие того, что в них произведена наибольшая масса товаров, от тех случаев, когда рыночная стоимость определяется в нормальных случаях средними затратами, но вследствие переполнения рынка рыночная цена отклоняется от рыночной стоимости и определяется затратами в предприятиях высшей производительности (см. К., III[1], с. 133, 135, 136). В первом случае продажа товаров по трудовым затратам предприятий высшей производительности означает *нормальное* состояние рынка и *равновесие* между данною отраслью производства и другими. Во втором случае продажа товаров по тем же затратам вызвана *ненормальным* переполнением рынка и неизбежно вызывает сокращение производства в данной отрасли, т. е. означает *отсутствие равновесия* между отдельными отраслями производства. В первом случае товар продается по своей *рыночной стоимости*, во втором случае *цена его отклоняется* от рыночной стоимости, определяемой общественно-необходимым трудом.

Отсюда видно, какую ошибку делают те истолкователи Маркса, которые говорят, что даже в случаях переполнения рынка (или недостатка товаров) товар продается в соответствии с общественно-необходимым трудом, затраченным на его производство. Под общественно-необходимым трудом они понимают не только тот труд, который при данном состоянии производительных сил требуется на производство одного экземпляра данного товара, но всю ту сумму труда, которую общество в совокупности может затратить на производство данного вида товаров. Если общество может затратить при данном состоянии производительных сил на изготовление обуви один миллион рабочих дней (что даст один миллион пар ботинок), а затратило 1 250 000 дней, то изготовленные 1 250 000 пар ботинок представляют только один миллион общественно-необходимого труда, а одна пара ботинок—0,8 рабочего дня. Пара ботинок продается не за 10 руб. (предполагая, что труд одного дня создаст стоимость в 10 рублей), а за 8 руб. Должны ли мы сказать, что вследствие чрезмерного производства изменилось само количество общественно-необходимого труда, содержащегося в одной паре ботинок, хотя техника производства ботинок ничуть не изменилась? Или же мы должны сказать: хотя количество общественно-необходимого труда, потребного для производства пары ботинок, не

изменилось, но вследствие переполнения рынка ботинки продаются по рыночной цене, которая ниже рыночной стоимости, определяемой общественно-необходимым трудом. Указанные истолкователи Маркса отвечают в первом смысле, устанавливая так называемое «экономическое» понятие необходимого труда, т. е. признавая, что общественно-необходимый труд изменяется в зависимости не только от изменений в производительной силе труда, но и от изменений в соответствии между общественным спросом и предложением. Мы же, устанавливая зависимость общественно-необходимого труда от производительной силы труда, отвечаем во втором смысле. Одно дело, когда вследствие улучшения техники время, необходимое для производства пары ботинок, уменьшилось с 10 часов до 8 часов. Это означает уменьшение общественно-необходимого труда, понижение стоимости, общее понижение цен на ботинки, как постоянное нормальное явление. Другое дело, когда вследствие переполнения рынка пара ботинок продается за 8 руб., хотя на производство ее требуется попрежнему 10 часов. Это— ненормальное состояние рынка, которое приводит к сокращению производства ботинок; это—временное понижение цен, имеющих тенденцию вернуться к прежнему уровню. В первом случае мы имеем «изменение в условиях производства, т. е. изменение в самом необходимом рабочем времени» («Теории прибавочной стоимости», т. I, русск. перев. под ред. В. Железнова, с. 151, или под ред. Плеханова, с. 184—185). В последнем случае «хотя каждая часть продукта стоила только общественно-необходимое рабочее время (здесь предполагается, что условия производства остаются равными), но в этой отрасли было затрачено излишнее количество общественного труда, больше, чем его необходимая общая масса» (там же).

Сторонники расширения понятия общественно-необходимого труда делают следующие коренные методологические ошибки:

1) Они смешивают нормальное состояние рынка с ненормальным, законы равновесия между различными отраслями производства с случаями нарушения равновесия, которые не могут не быть временными.

2) Тем самым они разрушают понятие общественно-необходимого труда, как предполагающего равновесие между данною отраслью производства и другими.

3) Они игнорируют механизм отклонения рыночных цен от стоимости, неправильно рассматривая продажу товара по любой цене, в любых, самых ненормальных условиях рынка, как продажу в соответствии со стоимостью. Цена смешивается со стоимостью.

4) Они разрывают тесную связь понятия общественно-необходимого труда с понятием производительной силы труда, допуская изменение первого без соответствующего изменения последней.

К подробному разбору «экономической» версии общественно-необходимого труда мы переходим в следующей главе.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

СТОИМОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОТРЕБНОСТЬ.

I. СТОИМОСТЬ И СПРОС.

Сторонники так называемого «экономического» понимания общественно-необходимого труда говорят: товар может продаваться по своей стоимости только при том условии, если общее количество произведенных товаров данного сорта соответствует размерам общественной потребности в них или—что то же самое—если количество труда, затраченное фактически в данной отрасли промышленности, совпадает с тем количеством труда, которое общество при данном состоянии производительных сил может затратить на производство данного сорта товаров. Но ведь очевидно, что последнее количество труда зависит от размеров общественной потребности в данном продукте или от размеров спроса на него. Значит, стоимость товара зависит не только от производительности труда, выражающейся в том количестве труда, которое при данных средних технических условиях требуется для производства единицы товара, но и от размеров общественной потребности или спроса. Противники изложенного мнения возражают, что изменения в спросе, не сопровождаемые изменениями в производительности труда и технике производства, вызывают только временные отклонения рыночных цен от рыночной стоимости, но не длительное, постоянное изменение средних цен, т. е. не вызывают изменения самой стоимости. Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо рассмотреть, как действует механизм спроса и предложения (или конкуренции) [1].

«Предложение равно сумме продавцов или производителей данного определенного вида товаров, а спрос равен сумме покупателей или потребителей (индивидуальных или производительных) того же самого вида товаров» (К., III[1], с. 142). Останавливаясь сперва на спросе, мы должны определить его точнее: спрос равен сумме покупателей,

[1]) Историю вопроса о так называемой «технической» и «экономической» версиях общественно-необходимого труда читатель найдет в книгах: Т. Григоровичи, Теория стоимости у Маркса и Лассаля, М. 1923 г.; Диль, Комментарий к «Основным началам» Рикардо, Спб. 1912. См. полемику в журнале «Под знаменем марксизма» за 1922/23 г. (статьи Ш. М. Дволайцкого, А. Мендельсона, В. Мотылева и др.).

умноженной на среднее количество товаров, покупаемых каждым из них, т. е. спрос равен сумме товаров, которые находят себе покупателей на рынке. На первый взгляд кажется, что размер спроса есть величина точно определенная, зависящая от размеров общественной потребности в данном продукте. Но это не так. «Количественная определенность этой потребности во всяком случае эластична и не постоянна. Она только кажется фиксированною. Если бы средства существования были дешевле, или денежная заработная плата была выше, то рабочие покупали бы больше, и таким образом обнаружилась бы более настоятельная «общественная потребность» в данных сортах товаров» (К., III[1], с. 138. Курсив наш). Как видим, размер спроса определяется не только настоятельностью данной потребности, но и размерами доходов или платежеспособностью покупателей, а также ценами товаров. Спрос крестьянского населения на ситец может расширяться: 1) либо вследствие увеличения потребности крестьянского населения в ситце вместо домотканного холста (мы оставляем здесь в стороне вопрос о том, какими экономическими или вообще социальными причинами вызывается такое изменение потребностей); 2) либо вследствие увеличения доходов и покупательной способности крестьянства; 3) либо вследствие понижения цены ситца. При данной скале потребностей и данной покупательной силе (т. е. при данном распределении доходов в обществе) спрос на данный товар изменяется в зависимости от изменения его цены. Спрос «изменяется в направлении, противоположном ценам: повышается, когда падают эти последние, и наоборот» (К., III[1], с. 140). «Расширение или сокращение рынка зависит от цены отдельного товара и находится в обратном отношении к повышению или падению этой цены» (там же, с. 71). Влияние, оказываемое удешевлением товара на расширение потребления его, будет сильнее в том случае, если это удешевление носит не скоропреходящий, а длительный характер, т. е. если оно вызвано развитием производительности труда в данной отрасли и уменьшением стоимости продукта (К., III[2], с. 159).

Итак, размер спроса на данный товар изменяется при изменении цены последнего. Спрос представляет величину определенную только при данной цене товара. Зависимость размера спроса от изменений цены имеет для различных товаров неодинаковый характер. Спрос на предметы первой необходимости, например хлеб, соль и т. п., отличается малою эластичностью, т. е. колебания размеров их потребления и, следовательно, спроса на них не так значительны, как вызывающие их колебания цен. Если цена хлеба упадет в два раза, размеры потребления хлеба увеличатся не вдвое, а меньше. Но, тем не менее, удешевление хлеба все же вызовет увеличение спроса на него. Отчасти увеличится непосредственное потребление хлеба. Далее, «часть хлеба может быть потреблена в виде водки или пива, а возрастающее потребление обоих этих продуктов отнюдь не ограничено узкими пределами» (К., III[2], с. 159). Наконец, при удешевлении, например, пшеницы «вместо ржи или овса главным средством питания массы народа сделается пшеница» (там же, с. 159), что увеличит спрос на нее. Таким образом, даже пред-

меты первой необходимости подчиняются общему закону, согласно которому размеры потребления и, следовательно, спроса на данный товар изменяются в обратном отношении к изменению его цены. Эта зависимость спроса от цены вполне понятна, если вспомнить ограниченность покупательных сил широких масс населения, и в первую очередь наемных рабочих, в капиталистическом обществе. Только дешевые товары доступны трудящимся слоям населения. Только по мере своего удешевления различные товары входят в круг потребления широких масс населения, становятся предметами массового спроса.

В капиталистическом обществе не только общественная потребность вообще, но даже платежеспособная общественная потребность или спрос не представляют, как мы видели, фиксированной, точно определенной величины. Величиною определенною спрос становится только при данной цене. Если мы говорим, что спрос на сукно в течение года в данной стране равен 240 000 метрам, то мы должны непременно прибавить: «при данной цене», например 2 р. 75 к. за метр. Таким образом, спрос может быть нами представлен в виде схемы, показывающей различные размеры спроса, соответствующие различным ценам.

Представим себе следующую схему спроса на сукно [1]:

Схема № 1.

При цене в рублях (за метр):	Спрос равен (в метрах):
7 р. — к.	30 000
6 » — »	50 000
5 » — »	75 000
3 » 50 »	100 000
3 » 25 »	120 000
3 » — »	150 000
2 » 75 »	240 000
2 » 50 »	300 000
2 » — »	360 000
1 » — »	450 000

Эту схему можно продолжить и вверх и вниз: вверх до тех пор, пока товар будет находить хотя бы небольшую группу покупателей из богатых классов общества, вниз до тех пор, пока потребность широких масс населения в сукне не будет уже удовлетворена настолько полно, что дальнейшее удешевление сукна не вызовет расширения спроса. Между этими двумя пределами возможно бесконечное число комбинаций размера спроса с уровнем цены. Какая же из этих возможных комбинаций осуществится в реальной действительности? Из самого спроса мы не можем усмотреть, имеет ли больше шансов на реальное осуществление размер спроса в 30 000 метров при цене 7 руб. за метр или 450 000 метров при цене в 1 руб., или же какая-нибудь комбинация, лежащая между этими двумя крайними. Реальный размер спроса определяется разви-

[1]) Как абсолютные цифры, так и темп возрастания спроса взяты нами совершенно произвольные.

тием производительности труда, которое находит свое выражение в стоимости метра сукна.

Обратимся к условиям производства сукна. Предположим, что все суконные фабрики работают при одинаковых технических условиях. Производительность труда в суконной промышленности находится на таком уровне, при котором на производство метра сукна необходимо в среднем затратить $2^3/_4$ часа труда (включая затраты на сырье, машины и пр.). Предполагая, что час труда создает стоимость, равную одному рублю, получаем рыночную стоимость одного метра сукна 2 р. 75 к. В условиях капиталистического хозяйства средняя цена сукна равна не трудовой стоимости, а цене производства. В таком случае предположим, что цена производства равна 2 р. 75 к. Вообще под рыночною стоимостью в дальнейшем можно понимать безразлично и трудовую стоимость и цену производства. Рыночная стоимость 2 р. 75 к. представляет минимум, ниже которого цена сукна надолго не может упасть, так как такое падение цены вызвало бы сокращение производства сукна и отлив капиталов в другие отрасли. Предположим, далее, что стоимость метра сукна равна 2 р. 75 к. независимо от того, изготовляется ли большее или меньшее количество сукна. Иначе говоря, увеличение производства оставляет неизменным количество труда или издержек производства, затрачиваемых на изготовление одного метра сукна. В таком случае рыночная стоимость 2 р. 75 к., «этот минимум, которым могут удовольствоваться производители, будет также максимумом» [1]), выше которого цена не может надолго подняться, так как такое повышение цены вызвало бы прилив капиталов из других отраслей и расширение суконного производства. Таким образом, из бесчисленного количества возможных комбинаций размера спроса с ценою только одна комбинация имеет шансы на длительное существование, а именно та комбинация, в которую в качестве цены входит рыночная стоимость, т. е. комбинация, занимающая в нашей схеме № 1 седьмое место сверху: 2 р. 75 к.—240 000 метров. Разумеется, эта комбинация не осуществится в точности, но будет представлять то состояние равновесия, тот средний уровень, вокруг которого будут колебаться действительные рыночные цены и действительный размер спроса. Рыночная стоимость 2 р. 75 к. определяет размер платежеспособного спроса, 240 000 метров, и к этой же цифре будет тяготеть и предложение, т. е. размер производства. Увеличение производства, например, до 300 000 метров, вызовет, как видно из схемы, падение цены ниже рыночной стоимости, приблизительно до 2 р. 50 к., что невыгодно для фабрикантов и заставит их сократить производство. Обратное будет происходить в случае сокращения производства ниже 240 000 метров. Нормальные размеры производства или предложения будут равны 240 000 метров. Таким образом, все комбинации нашей схемы, за исключением одной, могут иметь только кратковременное существование, отражающее ненормальную рыночную конъ-

---

[1]) Джон Стюарт Милль, Основание политической экономии, русск. изд. 1865 г., стр. 508, или Полное собрание сочинений Н. Чернышевского, т. VII, 1905 г., стр. 422.

юнктуру и означающее отклонение рыночных цен от рыночной стоимости. Из всех возможных комбинаций только та, в которую входит рыночная стоимость: 2 р. 75 к.—240 000 метров, представляет состояние равновесия. Рыночная стоимость 2 р. 75 к. может быть названа ценою равновесия или нормальною ценою, а размер производства 240 000 метров количеством равновесия [1]), представляющим одновременно и нормальный спрос и нормальное предложение.

Среди бесчисленного множества неустойчивых комбинаций спроса мы нашли только одну устойчивую комбинацию равновесия, состоящую из цены равновесия (стоимости) и соответствующего ей количества равновесия. Устойчивость этой комбинации объясняется устойчивостью именно цены равновесия (стоимости), а не количества равновесия. Механизм капиталистического хозяйства не объясняет нам, почему количество предложения, при всех колебаниях вверх и вниз, должно тяготеть именно к величине 240 000 метров; но он вполне объясняет нам тот факт, что рыночные цены, при всех своих колебаниях вверх и вниз, должны тяготеть к стоимости (или цене производства) 2 р. 75 к., вследствие чего и количество предложения тяготеет к 240 000 метров. Состояние техники определяет стоимость продукта, а стоимость в свою очередь определяет, при данном состоянии потребностей и платежеспособности населения, нормальный размер спроса и соответствующий ему нормальный размер предложения; отклонение фактического предложения от нормального (т .е. перепроизводство или недопроизводство) вызывает отклонение рыночных цен от стоимости, которое в свою очередь вызывает тенденцию к изменению фактического предложения в сторону нормального. Если вся эта система колебаний или механизм спроса и предложения вращается вокруг постоянной величины—стоимости, определяемой техникою производства,—то изменение этой стоимости в результате развития производительных сил вызывает соответствующие изменения во всем механизме спроса и предложения, создает в нем новый центр тяготения, изменяет величину нормального спроса и нормального предложения. Если вследствие развития производительности труда количество общественно-необходимого труда, требуемого для производства метра сукна, уменьшилось с $2^3/_4$ часов до $2^1/_2$ часов и, следовательно, стоимость метра сукна упала с 2 р. 75 к. до 2 р. 50 к.,то тем самым, при прежних потребностях и покупательных силах населения, размер нормального спроса и нормального предложения установится на уровне 300 000 метров. Изменение стоимости вызывает изменение спроса и предложения. «Поэтому, если спрос и предложение определяют рыночные цены или, точнее, отклонения рыночных цен от рыночной стоимости, то, с другой стороны, рыночная стоимость регулирует отношение спроса и предложения или тот центр, вокруг которого изменения спроса и предложения заставляют колебаться рыночные це-

[1]) Термины «цена равновесия» и «количество равновесия» употребляет Marshall, Principles of economiecs, 1910, p. 345. Определение «нормальное» употребляется нами не в смысле долженствующего, а в смысле среднего уровня, соответствующего состоянию равновесия и выражающего закономерность движения цен.

ны» (К., III [1], с. 132). Иначе говоря, стоимость (или нормальная цена) определяет нормальный спрос и нормальное предложение; отклонения фактического спроса или предложения от их нормального уровня определяют «рыночные цены или, точнее, отклонения рыночных цен от рыночной стоимости», отклонения, которые в свою очередь вызывают тенденцию к движению в сторону равновесия. Стоимость регулирует цены через нормальный спрос и нормальное предложение. Состоянием равновесия между спросом и предложением мы называем такое состояние, при котором товары продаются по своей стоимости. А так как продажа товаров по их стоимости соответствует состоянию равновесия между различными отраслями производства, то получаем следующий вывод: равновесие между спросом и предложением наступает при наличии равновесия между различными отраслями производства. Мы допустили бы методологическую ошибку, если бы приняли равновесие между спросом и предложением за исходный пункт экономического исследования. Таковым остается попрежнему равновесие в распределении общественного труда между различными сферами производства.

Хотя взгляды Маркса на спрос и предложение, изложенные в десятой главе III тома «Капитала» и мимоходом в других местах, носят отрывочный характер, тем не менее мы встречаем у него указания, свидетельствующие о том, что механизм спроса и предложения понимался им в изложенном выше смысле. Как говорит Маркс, рыночная цена будет соответствовать рыночной стоимости при том условии, если продавцы выбросят на рынок «массу товаров, соответствующую общественной потребности, т. е. такое количество их, за которое общество способно уплатить рыночную стоимость» (К., III[1], с. 131). По словам Маркса, «общественной потребности» соответствует такое количество товаров, которое находит себе покупателей по цене, равной стоимости, т. е. количество, которое мы выше назвали «нормальным спросом» или «нормальным предложением». В другом месте Маркс говорит о «разнице между количеством произведенных товаров и тем количеством их, при котором они продаются по их рыночной стоимости» (там же, с. 135), т. е. о разнице между фактическим и «нормальным предложением». Этим самым для нас объясняются многочисленные места Маркса, где он говорит об «обычной» общественной потребности, «обычных» размерах спроса и предложения. Он имеет в виду «нормальный спрос» и «нормальное предложение», соответствующие данной стоимости и изменяющиеся при ее изменении. Об одном английском экономисте Маркс пишет: «Мудрый автор не понимает, что в разбираемом случае как раз изменение в издержках производства, а следовательно, и в стоимости, изменяет спрос и, следовательно, отношение спроса к предложению, и что это изменение спроса может вызвать изменение предложения; а это доказывает как раз противоположное тому, что пытается доказать наш автор,—это доказывает, что издержки производства отнюдь не регулируются отношением спроса к предложению, но, наоборот, сами регулируют это отношение» (там же, с. 141, примечание курсив наш).

Мы видели, что изменение стоимости, при прежних потребностях и покупательных силах населения, вызывает изменение нормального размера спроса. Посмотрим теперь, не существует ли здесь также обратная зависимость: не вызывает ли длительное изменение спроса, при неизменившейся технике производства, изменение стоимости продукта? Мы говорим о длительном, постоянном изменении спроса, а не о скоропреходящем, оказывающем влияние только на рыночную цену. Такое длительное изменение, например увеличение спроса на данный продукт независимо от изменения стоимости последнего, может произойти либо от увеличения покупательных сил населения, либо от усиления интенсивности потребности в данном продукте. Интенсивность потребности может возрасти вследствие причин социального или естественного характера (например вследствие длительного изменения климатических условий сделалась более настоятельною потребность в теплой одежде). Ниже мы рассмотрим этот вопрос подробнее, пока же примем за данное, что схема спроса на сукно изменилась, например, вследствие возросшей потребности в теплой одежде. Изменение этой схемы выражается в том, что теперь большее число покупателей согласно уплатить за сукно высшую цену, или—что то же самое—каждой цене сукна будет соответствовать большее количество покупателей или больший спрос. Схема принимает следующий вид:

Схема № 2.

При цене в рублях (за метр):	Спрос равен (в метрах):
7 р. — к.	50 000
6 » — »	75 000
5 » — »	100 000
3 » 50 »	150 000
3 » 25 »	200 000
3 » — »	240 000
2 » 75 »	280 000
2 » 50 »	320 000
2 » — »	400 000
1 » — »	500 000

При прежней схеме спроса стоимость равнялась 2 р. 75 к., а нормальные размеры спроса и предложения 240 000 метров. Изменение спроса, показанное в схеме № 2, немедленно вызовет повышение рыночной цены сукна приблизительно до 3 руб. за метр, так как на рынке имеются всего 240 000 метров сукна, а по нашей схеме как раз такое же количество требуется покупателями при цене в 3 рубля. Все производители продадут свой товар не по 2 р. 75 к., как раньше, а по 3 руб. Так как техника производства, по нашему предположению, не изменилась, то производители получат сверхприбыль в 25 к. на метр, что вызовет расширение производства и, быть может, даже прилив капиталов из других сфер (через расширение кредита, оказываемого банками суконной промышленности). Расширение производства будет продолжаться до тех пор, пока снова не установится равновесие между суконною промышленностью и другими отраслями производства. А это

произойдет тогда, когда суконная промышленность расширит свое производство с 240 000 до 280 000 метров, которые будут продаваться по прежней цене 2 р. 75 к., соответствующей состоянию техники и рыночной стоимости. Увеличение или уменьшение спроса при неизменившихся технических условиях производства не может повысить или снизить стоимость продукта, но может вызвать расширение или сокращение производства в данной отрасли. Стоимость же продукта определяется исключительно состоянием производительных сил и техникою данного производства. Спрос, следовательно, не влияет на величину стоимости; но стоимость, комбинируясь со спросом, который отчасти определяется ею же, определяет размер производства в данной отрасли, т. е. распределение производительных сил. «Настоятельность потребности влияет на распределение производительных сил в хозяйстве, но относительная ценность различных продуктов определяется затратами труда на их производство»[1]).

Но если мы признаем влияние изменений спроса на размеры производства, на его расширение и сокращение, не противоречит ли это основному положению марксовой экономической теории, что развитие хозяйства определяется условиями производства, состоянием и развитием производительных сил? Нисколько. Если изменения спроса на данный товар влияют на размеры его производства, то, в свою очередь, эти изменения спроса вызываются следующими причинами: 1) либо изменением стоимости данного товара, например его удешевлением, следовательно, развитием производительных сил в данной отрасли производства; 2) либо изменением покупательной способности или доходов разных групп населения; а это значит, что спрос определяется доходом различных классов общества (К., III [1], с. 143), «обусловливается отношением различных классов друг к другу и их экономическим положением» (там же, с. 132), которое в свою очередь изменяется в зависимости от изменения производительных сил; 3) либо, наконец, изменением интенсивности или настоятельности потребности в данном товаре. На первый взгляд кажется, что в последнем случае мы ставим производство в зависимость от потребления. Однако поставим себе вопрос, чем же вызываются изменения в настоятельности потребности в данном товаре. Предположим, что, при прежней цене железных плугов и прежней покупательной силе населения, потребность в них увеличивается ввиду перехода крестьян от деревянной сохи к железному плугу. Увеличившаяся потребность вызовет временное повышение рыночной цены плугов выше их стоимости и, как результат этого, увеличенное производство плугов. Увеличившаяся потребность или спрос вызвали расширение производства. Но это увеличение спроса было вызвано развитием производительных сил, хотя не в данной отрасли производства (в отрасли производства плугов), а в других (в земледелии). Возьмем другой пример, относящийся к средствам потребления. Успехи антиалкогольной пропаганды сократили потребление спиртных напитков, цена их временно упала ниже стоимости, и в результате сократилось

---

[1]) П. Маслов, Теория развития народного хозяйства, 1910 г., с. 238.

винокуренное производство. Мы нарочно выбрали такой пример, где сокращение спроса, вызывается социальными причинами идеологического, а не экономического характера. Тем не менее, очевидно, что сами-то успехи антиалкогольной пропаганды обусловливаются экономическим, бытовым, культурным и моральным уровнем различных групп населения, уровнем, который в свою очередь изменяется под влиянием сложного ряда окружающих социальных условий, объясняемых в последнем счете развитием производительной деятельности общества. Наконец, от причин экономических и социальных, изменяющих спрос, перейдем к явлениям естественным, которые также в некоторых случаях могут влиять на размеры спроса. Резкое и длительное изменение климатических условий могло бы усилить или ослабить потребность в теплой одежде и в результате вызвать расширение или сокращение суконного производства. Но, не говоря уже о редкости случаев изменения потребностей под влиянием причин чисто естественного характера и вне зависимости от причин социального характера, такие случаи не противоречат положению о примате производства над потреблением. Это положение не надо понимать в таком смысле, будто производство совершается «автоматически» в какой-то безвоздушной среде, вне общества живых людей с их различными потребностями, в основе которых лежит ряд потребностей биологического характера (в пище, в защите от холода и т. п.). Но как предметы, при помощи которых человек удовлетворяет свои потребности, так и способ их удовлетворения обусловливаются развитием производства и в свою очередь видоизменяют самый характер данной потребности и даже создают новые потребности. «Голод есть голод, однако голод, который удовлетворяется вареным мясом с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, который заставляет проглатывать сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов»[1]. Голод в этой определенной своей форме есть результат долгого исторического, социального развития. Точно так же изменение климатических условий вызвало потребность именно в данном предмете, в сукне, и притом в сукне определенного качества, определенной выработки, т. е. потребность, характер которой обусловлен предшествовавшим развитием общества и, в конечном счете, производительных сил. Количественное возрастание этого спроса на сукно различно для разных классов населения, в зависимости от их доходов. Если для данного периода производства определенное состояние потребности в одежде,—потребности, выросшей на биологической основе,—представляет заранее данный факт или предпосылку производства, то это состояние потребности в одежде в свою очередь является продуктом предшествовавшего социального развития. «В самом процессе производства они (предпосылки производства.—*И. Р.*) обращаются из естественных в исторические, и если для одного периода они являются естественными предпосылками производства, то для другого они представляли исторический результат» (там же, с. 20 или 3-е издание, с. 19).

[1]) Маркс, Введение к «Критике политической экономии». Сборник «Основные проблемы полит. экон.», 1922 г., стр. 15 (или 3-е издание, стр. 14).

Потребность в данном продукте, хотя бы имеющая в своей основе биологическую потребность, в своем характере и изменениях определяется развитием производительных сил, которое происходит либо в данной сфере производства, либо в других, которое либо имеет место в настоящее время, либо имело место в предшествовавший исторический период. Маркс не отрицает влияния потребления на производство и взаимодействия между ними (там же, с. 23 или 3-е издание, с. 22). Но он стремится в движении потребностей найти социальную закономерность, которая в последнем счете объясняется закономерностью развития производительных сил.

II. СТОИМОСТЬ И ПРОПОРЦИОНАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТРУДА.

Мы пришли к выводу, что, при данных потребностях и покупательных силах населения, размер спроса на данный продукт определяется стоимостью последнего и изменяется по мере изменения этой стоимости. Развитие производительных сил в данной отрасли изменяет стоимость продукта и тем самым размеры общественного спроса на него. Как видно из схемы спроса № 1, данной стоимости продукта соответствует определенное количество спроса, т. е. число единиц товара, спрашиваемых по данной цене. *Произведение стоимости единицы продукта, определяемой техническими условиями производства, на число единиц, находящее себе сбыт при данной стоимости,—и выражает платежеспособную общественную потребность в данном продукте*[1]. Это и есть то, что Маркс называет «количественно определенною общественною потребностью» в данном продукте (К., III², с. 142), «количеством общественной потребности» (К., III¹, с. 135), «определенным размером общественной потребности» (там же, с. 137). Этой общественной потребности соответствует «определенный размер общественного производства в различных отраслях» (там же, с. 137), «обычный масштаб воспроизводства» (там же). А этот обычный, нормальный размер производства определяет «количества всего общественного рабочего времени, приходящиеся на различные особые сферы производства», т. е. пропорциональное распределение труда между различными сферами производства (К., III², с. 142).

Итак, данная величина стоимости единицы товара определяет число единиц товара, находящее себе сбыт, а произведение обоих этих чисел выражает размер общественной потребности, под которою Маркс всегда

---

[1]) Маркс под общественною потребностью часто понимает количество продуктов, спрашиваемых на рынке. Но эти терминологические различия для нас здесь значения не имеют. Наша цель — не установить определенные термины, а провести различие между разными понятиями, каковы: 1) стоимость единицы товара; 2) количество единиц товара, спрашиваемых на рынке при данной стоимости, и 3) произведение стоимости единицы товара на число его единиц, спрашиваемых на рынке при данной стоимости. Для нас важно подчеркнуть, что размер общественной потребности в продуктах данного рода не устанавливается независимо от стоимости единицы продукта, а уже предполагает последнюю.

разумеет платежеспособную общественную потребность (К., III [1], с. 132, 138, 141). При стоимости метра в 2 р. 75 к. число спрашиваемых на рынке метров сукна равно 240 000. Размер общественной потребности выражается цифрою: 2 р. 75 к. × 240 000 = 660 000 руб. Если рубль представляет стоимость, созданную трудом одного часа, то, при пропорциональном распределении труда между отдельными сферами производства, на суконное производство затрачивается 660 000 часов среднего общественного труда. Эту цифру в капиталистическом обществе никто заранее не устанавливает, не проверяет и не заботится о ее поддержании. Она устанавливается только в результате рыночной конкуренции, в процессе, постоянно прерываемом отклонениями и нарушениями, «прихотливою игрою случая и произвола», о которой Маркс не уставал повторять в очень сильных выражениях (К., I, с. 268 и К., III[1], с. 137). Эта цифра выражает только средний уровень или устойчивый центр, вокруг которого колеблются фактические размеры спроса и предложения. Устойчивость этой цифры общественной потребности (660 000) объясняется исключительно тем, что она представляет собою комбинацию или произведение двух цифр, из которых одна, 2 р. 75 к., есть стоимость единицы товара, определяемая техникою производства и являющаяся устойчивым центром колебаний рыночных цен, а другая цифра, 240 000 метров, обусловливается первою. Размер общественной потребности и общественного производства в данной отрасли колеблется вокруг цифры 660 000 именно потому, что рыночные цены колеблются вокруг стоимости 2 р. 75 к. Устойчивость данного размера общественной потребности есть производное устойчивости данной величины стоимости как центра колебаний рыночных цен[1]).

Сторонники «экономического» понимания общественно-необходимого труда ставят весь процесс на голову, принимая его конечный результат—цифру 660 000 руб., стоимость всей массы товаров данной отрасли—за исходный пункт исследования. Они говорят: при данном состоянии производительных сил общество может затратить на суконное производство 660 000 часов труда, который создает стоимость, равную 660 000 руб. Стоимость товаров данной отрасли должна быть поэтому точно равна 660 000, она не может быть ни больше, ни меньше. Эта точно фиксированная цифра определяет стоимость отдельной единицы товара: последняя равняется частному от деления цифры 660 000 на число произведенных единиц. Если сукна произведено 240 000, то стоимость метра равна 2 р. 75 к.; если производство возрастет до 264 000 метров, то стоимость упадет до 2 р. 50 к.; если же производство упадет до 220 000 метров, то стоимость поднимется до 3 руб. Каждая из этих комбинаций (2 р. 75 к. × 240 000, 2 р. 50 к. × 264 000, 3 р. × 220 000) равна 660 000. Стоимость единицы продукта может изменяться (2 р. 75 к., 2 р. 50 к. или 3 р.) даже при неизменившейся технике производства. Постоянный, устойчивый характер имеет только общая стоимость всех продуктов данной отрасли (660 000 руб.) или

---

[1]) Здесь имеется в виду устойчивость при данных условиях, не исключающая изменчивости при изменении условий.

общее количество труда, приходящееся на данную сферу производства при пропорциональном распределении труда (660 000 часов труда). При данных условиях это—постоянная математическая величина, могущая самым различным образом комбинироваться из двух множителей: стоимости единицы продукта и числа изготовленных продуктов (2 р. 75 к. $\times$ $\times$ 240 000 = 2 р. 50 к. $\times$ 264 000 = 3 р. $\times$ 220 000 = 660 000). Таким образом, стоимость продукта определяется не количеством труда, необходимого для производства единицы продукта, а общим количеством труда, приходящимся на данную сферу производства[1]), деленным на число изготовленных продуктов.

Изложенная аргументация сторонников так называемой «экономической» версии общественно-необходимого труда представляется нам неправильною по следующим соображениям:

1) Принимая количество труда, приходящееся на данную сферу производства,—этот результат сложного процесса рыночной конкуренции—за исходный пункт исследования, экономическая версия представляет себе капиталистическое общество по образцу организованного, социалистического, с заранее рассчитанным пропорциональным распределением труда.

2) Она оставляет без исследования вопрос о том, чем определяется количество труда, приходящееся на данную сферу,—количество, которое в капиталистическом обществе никем не устанавливается и сознательно не поддерживается. Такое исследование показало бы, что указанное количество труда представляет производное или произведение стоимости единицы продукта на число продуктов, спрашиваемых на рынке при данной стоимости. Не стоимость определяется количеством труда, приходящимся на данную сферу, а последнее количество уже предполагает стоимость, как величину зависимую от техники производства.

3) Вместо того, чтобы устойчивый, постоянный (при данных условиях) размер труда, приходящегося на данную сферу (660 000 часов труда), выводить из устойчивой стоимости единицы продукта (2 р. 75 к. или 2¾ часа труда), экономическая версия из устойчивого характера первой цифры делает заключение о возможности комбинирования ее из двух самых различных и изменяющихся множителей; т. е. делает заключение о неустойчивой, изменяющейся величине стоимости единицы продукта (2 р. 75 к., 2 р. 50 к., 3 р.). Этим совершенно отрицается значение стоимости единицы продукта, как центра колебаний рыночных цен и основного регулятора капиталистического хозяйства.

4) Экономическая версия упускает из виду, что из всех возможных комбинаций, составляющих 660 000, при данном состоянии техники (а именно при затрате на производство метра сукна 2¾ часов общественно-необходимого труда) только одна комбинация, а именно

---

[1]) Под этим выражением мы здесь и в дальнейшем понимаем количество труда, приходящееся на данную сферу производства при пропорциональном распределении труда, т. е. в состоянии равновесия.

2 р. 75 к.×240 000=660 000, является устойчивою, постоянною комбинацией равновесия. Остальные же комбинации могут быть только кратковременными, преходящими комбинациями неравновесия. Экономическая версия смешивает состояние равновесия с состоянием нарушенного равновесия, стоимость с ценою.

В экономической версии необходимо отличать две стороны: она пытается, во-первых, констатировать определенные факты и, во-вторых, дать им теоретическое объяснение. Она утверждает, что всякое изменение размеров производства (при неизменившейся технике) вызывает обратно-пропорциональное изменение рыночной цены данного продукта; благодаря этой обратной пропорциональности изменений обеих величин произведение их представляет величину неизменную, постоянную. Так, при сокращении производства сукна с 240 000 до 220 000 метров, т. е. до $^{11}/_{12}$, цена метра сукна повысится с 2 р. 75 к. до 3 руб., т. е. до $^{12}/_{11}$. Произведение числа продуктов на цену единицы товара в обоих случаях равно 660 000. Переходя к объяснению этих фактов, экономическая версия утверждает, что количество труда, приходящееся на данную сферу производства (660 000 часов труда), есть величина постоянная, определяющая сумму стоимостей и рыночных цен всех продуктов данной сферы. Раз эта величина носит постоянный характер, то изменение числа изготовленных в данной сфере продуктов вызывает обратно-пропорциональное изменение как стоимости, так и рыночной цены единицы продукта. Количество труда, приходящееся на данную сферу производства, регулирует как стоимость, так и цену единицы продукта.

Если бы даже экономическая версия правильно констатировала факт обратно-пропорциональных изменений количества продуктов и цены единицы продукта, ее теоретическое объяснение не переставало бы быть ложным. Повышение цены метра сукна с 2 р. 75 к. до 3 р. в случае сокращения производства с 240 000 до 220 000 метров означало бы изменение рыночной цены сукна и отклонение ее от стоимости, которая оставалась бы попрежнему, в соответствии с изменившимися техническими условиями, равной 2 р. 75 к. Таким образом, количество труда, приходящееся на данную сферу производства, не являлось бы регулятором стоимости единицы продукта, но регулировало бы только ее рыночную цену. Рыночная цена продукта в любой момент была бы равна указанному количеству труда, деленному на число изготовленных продуктов. Так представляют себе дело некоторые сторонники «технической» версии, которые признают факт обратной пропорциональности изменений количества продуктов и их рыночных цен, но отвергают то объяснение, которое этому факту дается экономической версией[1]). Нет сомнения, что такой взгляд, согласно которому сумма рыночных цен продуктов данной сферы представляет, при всех колебаниях этих цен, величину постоянную, определяемую количеством труда, приходящимся на данную сферу,—находит опору в некоторых заме-

[1]) Л. Любимов, Курс политической экономии, 1923, стр. 244—245.

чаниях Маркса [1]). Тем не менее, мы полагаем, что и это положение об обратной пропорциональности изменений числа изготовленных продуктов и их рыночных цен также наталкивается на целый ряд очень серьезных возражений.

1) Это положение противоречит эмпирическим фактам, показывающим, что, например, при увеличении числа продуктов вдвое их рыночная цена падает не ровно вдвое, а больше или меньше, в различной степени для различных продуктов. Особенно резкая разница в этом отношении замечается между предметами первой необходимости и предметами роскоши. По некоторым расчетам, увеличение количества хлеба вдвое понизит его цену в четыре-пять раз.

2) Теоретически положение об обратной пропорциональности изменений количеств продуктов и цен на них не доказано. Почему при сокращении производства с 240 000 до 220 000, т. е. до $^{11}/_{12}$ прежнего размера, цена должна подняться с нормальной цены или стоимости 2 р. 75 к. ровно до 3 руб., т. е. до $^{12}/_{11}$ первоначального размера? Нельзя ли считать возможным, что в данном производстве, например суконном, цена 3 руб. соответствует размеру производства не в 220 000 метров, как предполагает тезис обратной пропорциональности, а в 150 000 метров, как показано в нашей схеме спроса № 1? Где в капиталистическом обществе тот механизм, который делает сумму рыночных цен сукна неизменно равною 660 000 руб.?

3) Последний вопрос вскрывает методологическую слабость разбираемого тезиса. В капиталистическом обществе законы экономических явлений действуют наподобие «закона тяготения, когда дом рушится на чью-нибудь голову» (К., I, с. 34), т. е. как тенденция, как центр колебаний и постоянных отклонений. Разбираемый же нами тезис превращает тенденцию или закон явлений в эмпирический факт: сумма рыночных цен,—не только при условии равновесия, т. е. как сумма рыночных стоимостей, но при любой рыночной конъюнктуре, в любой момент,—вполне точно совпадает с количеством труда, приходящимся на данную сферу. Предположение такой «предустановленной гармонии» не только не доказано, но и не соответствует общим методологическим основам марксовой теории капиталистического хозяйства.

Изложенные соображения заставляют нас отвергнуть тезис об обратной пропорциональности изменений количества продуктов и их рыночной цены или—что то же самое—об эмпирическом постоянстве суммы рыночных цен продуктов данной отрасли. Соответствующие выражения Маркса надо, по нашему мнению, понимать не в смысле точной обратной пропорциональности, но лишь в смысле обратного направления изменений количества продуктов и их рыночной цены. Всякое увеличение производства сверх его нормального размера вызывает падение цены ниже стоимости, сокращение производства—повышение цены. Оба эти фактора (количество продуктов и их рыночная цена) изменяются в обратном направлении, хотя и не обратно пропорционально.

---

[1]) Теории прибавочной стоимости, т. I, перевод Г. В. Плеханова, 1906, стр. 184—185, или перевод В. Железнова, стр. 150—151.

Благодаря этому количество труда, приходящееся на данную сферу, не только играет роль центра равновесия, среднего уровня колебаний, к которому тяготеет сумма рыночных цен, но и представляет в известной мере математическую среднюю этой повседневно изменяющейся суммы рыночных цен. Но этот характер математической средней никоим образом не означает точного совпадения обеих величин и, кроме того, не имеет особого теоретического значения. Именно такую более осторожную формулировку обратного изменения количества продуктов и их рыночных цен мы находим у Маркса наиболее часто (К., III[1], с. 130; Theorien, III, S. 341). Мы тем более вправе понимать Маркса именно в таком смысле, что у него самого мы иногда встречаем прямое отрицание обратной пропорциональности изменений количества продуктов и их цен. Маркс отмечает, что в случае неурожая «сумма цен уменьшившейся массы хлеба больше, чем была сумма цен большей массы хлеба» (Kritik, S. 95, русск. перев. с. 90). В этом выражается известный упомянутый выше закон, что уменьшение производства хлеба повышает цену центнера хлеба более чем вдвое, так что общая сумма цен хлеба увеличивается. В другом месте Маркс отвергает мнение Рамсея, согласно которому падение стоимости продукта вдвое, вследствие улучшений в его производстве, будет сопровождаться увеличением производства ровно вдвое же: «Стоимость (товара) упадет, но не пропорционально увеличению его количества. Например, количество его может удвоиться, стоимость же отдельного товара может упасть с 2 до 1¼, а не до 1» (Theorien, III, S. 407), как следовало бы по мнению Рамсея и по мнению сторонников разобранного нами взгляда. Если удешевление продукта, вследствие улучшений техники, с 2 р. до 1¼ р. может сопровождаться увеличением производства его вдвое, то, обратно, ненормальное увеличение производства вдвое могло бы сопровождаться падением цены с 2 р. до 1¼ руб., а не до 1 руб., как этого требует тезис обратной пропорциональности.

Итак, мы считаем неправильным утверждение, будто *количество труда*, приходящееся на данную *сферу производства* и разделенное на число *изготовленных в ней продуктов*, определяет *стоимость* единицы продукта (как думают сторонники экономической версии) или точно совпадает с *рыночною ценою* единицы продукта (как думают сторонники экономической версии и некоторые сторонники технической версии). *Стоимость* единицы продукта определяется количеством труда, общественно-необходимого для его *производства* и при данном состоянии техники представляет величину постоянную, не изменяющуюся в зависимости от количества изготовленных продуктов. Что касается *рыночной цены*, то она зависит от количества *изготовленных продуктов* и изменяется в *обратном направлении* (*но не обратно пропорционально*) с изменениями этого количества; однако она не совпадает точно с частным от деления количества труда, приходящегося на данную сферу, на число изготовленных продуктов. Не значит ли это, что мы совершенно игнорируем количество труда, приходящееся на данную сферу производства при пропорциональном распределении труда? Нисколько.

Тенденция к пропорциональному, точнее было бы сказать: определенному, устойчивому [1]) распределению труда между различными сферами производства, в зависимости от общего состояния производительных сил, представляет основное явление хозяйственной жизни, подлежащее нашему изучению. Но, как мы уже неоднократно подчеркивали, в капиталистическом обществе с его анархией производства эта тенденция представляет не исходный пункт экономического процесса, а его конечный результат, который не проявляется в точности в эмпирических фактах, но лишь служит центром их колебаний и отклонений. Мы признаем, что количество труда, приходящееся на данную сферу производства при пропорциональном распределении труда, играет в капиталистическом хозяйстве известную роль регулятора, но: 1) это—регулятор в смысле тенденции, уровня равновесия, центра колебаний, но отнюдь не в смысле точного выражения эмпирических явлений, а именно рыночных цен; и 2), что еще важнее, этот регулятор не является основным и самостоятельным, но принадлежит к целой системе регуляторов и является производным от основного регулятора этой системы,— стоимости, как центра колебаний рыночных цен.

Возьмем пример с наиболее простыми цифрами. Предположим, что: a) количество труда, общественно-необходимого для производства метра сукна при данной средней технике, равно 2 часам, или стоимость метра равна 2 рублям; b) при данной стоимости количество сукна, находящее себе сбыт на рынке, и, следовательно, нормальный размер производства составляет 100 метров сукна; отсюда вытекает, что: c) количество труда, приходящееся на данную сферу производства, составляет 2 часа $\times 100 = 200$ часов, или общая стоимость продуктов данной сферы равна 2 руб. $\times 100 = 200$ рублям. Перед нами три регулятора или три регулирующих величины, из которых каждая является центром колебания определенных эмпирических, фактических величин. Остановимся на первой величине: a_1) поскольку она выражает количество труда, необходимое для производства метра сукна (2 часа труда), она не может не оказывать влияния на фактические затраты труда в различных предприятиях суконной промышленности; если данная группа предприятий низшей производительности затрачивает на производство метра не 2 часа, а 3 часа труда, она будет постепенно вытесняться более производительными предприятиями, если не усвоит их высшую технику; если данная группа предприятий затрачивает не 2 часа, а 1½ часа, то она постепенно будет вытеснять более отсталые предприятия и с течением времени уменьшит общественно-необходимый труд до 1½ часов; словом, индивидуальный и общественно-необходимый труд хотя и не совпадают, но проявляют тенденцию к уравнению; a_2) поскольку та же величина показывает стоимость единицы продукта (2 рубля), она есть центр колебаний

[1]) Выражение «пропорциональное» не надо понимать в смысле разумного, целесознательного распределения труда, каковое в капиталистическом обществе отсутствует. Речь идет о закономерности, известном постоянстве и устойчивости — при всех повседневных колебаниях и отклонениях — распределения труда между отдельными отраслями в зависимости от общего состояния производительных сил.

рыночных цен; при понижении рыночных цен ниже 2 руб. происходит сокращение производства и даже отлив капиталов из данной сферы, при повышении цены выше стоимости—обратное явление; стоимость и рыночная цена не совпадают, но первая служит регулятором, центром колебаний последней.

Переходим теперь ко второй регулирующей величине, помещенной под буквою b: нормальный размер производства, 100 метров, есть центр колебаний фактического размера производства в данной сфере; если производится больше 100 метров, то цена падает ниже стоимости 2 руб. и начинается сокращение производства; обратное происходит в случае недопроизводства. Как видим, второй регулятор (b) зависит от первого (a_2) не только в том смысле, что величина стоимости определяет, при данном состоянии потребностей и покупательных сил населения, размер производства, но и в том смысле, что нарушения в размерах производства (перепроизводство или недопроизводство) исправляются посредством отклонения рыночных цен от стоимости. Нормальный размер производства, 100 метров (b), именно потому является центром колебаний фактических размеров производства, что стоимость 2 руб. (a_2) является центром колебаний рыночных цен.

Переходим, наконец, к третьей регулирующей величине с, представляющей произведение первых двух или производное от них, а именно $200=2\times100$, или $c=ab$. Но, как мы видели, а может иметь два значения: a_1 обозначает количество труда, затрачиваемое на производство метра сукна (2 часа), a_2 обозначает стоимость одного метра (2 рубля). Если мы возьмем $a_1b=2$ часа труда$\times100=200$ часов труда, то получаем количество труда, приходящееся, при пропорциональном распределении труда, на данную сферу производства, или центр колебаний фактических затрат труда на данную сферу. Если мы возьмем $a_2b=2$ руб.$\times100=200$ руб., то получаем сумму стоимостей продуктов данной сферы, или центр колебаний суммы рыночных цен продуктов данной сферы. Таким образом мы нисколько не отрицаем, что третья величина $c=200$ играет также роль регулирующей величины, центра колебаний, но мы выводим эту роль ее из регулирующей роли ее составных элементов а и b. Как мы видим, $c=ab$, и регулирующая роль с является производною от регулирующей роли а и b. 200 часов труда есть центр колебаний количества труда, затрачиваемого на данную сферу, именно потому, что 2 часа труда обозначают среднюю затрату труда на единицу продукта, а 100 метров есть центр колебаний размеров производства. Точно так же 200 руб. есть центр колебаний суммы рыночных цен продуктов данной отрасли именно потому, что 2 руб., или стоимость, есть центр колебаний рыночной цены единицы продукта, а 100 метров есть центр колебаний размеров производства. Все три регулирующих величины а, b и с представляют единую регулирующую систему, в которой с есть производное от а и b, а b в свою очередь изменяется в зависимости от изменений а. Последняя величина, т. е. количество труда, общественно-необходимого для производства единицы продукта (2 часа труда), или стоимость еди-

ницы продукта (2 руб.), является основною регулирующею величиною всей системы равновесия капиталистического хозяйства.

Мы видели, что c=ab; значит c может изменяться в зависимости либо от изменения a, либо от изменения b. Это значит, что количество труда, затрачиваемое на данную сферу, отклоняется от состояния равновесия (или от пропорционального распределения труда) либо потому, что, при нормальном количестве произведенных продуктов, на производство единицы продукта тратится труда больше или меньше, чем сколько общественно-необходимо; либо потому, что, при нормальной затрате труда на единицу продукта, этих единиц произведено слишком много или мало по сравнению с нормальным размером производства. В первом случае произведено 100 метров, но при технических условиях, например ниже среднего уровня, с затратою 3 часов труда на метр. Во втором случае затрата труда на метр равна нормальной величине, 2 часа труда, но произведено 150 метров. В обоих случаях общая затрата труда в данной сфере составляет 300 часов вместо нормальных 200 часов, и на этом основании сторонники экономической версии считают оба случая равнозначными. Они утверждают, что чрезмерное производство равносильно чрезмерной затрате труда на каждую единицу продукта. Это утверждение их объясняется тем, что все их внимание устремлено исключительно на производную регулирующую величину c; с этой точки зрения, в обоих случаях имеется одинаково чрезмерная затрата труда в данной сфере, 300 часов труда вместо 200 часов. Но если мы не остановимся на производной величине, а пойдем дальше к ее составным элементам, этим основным регулирующим величинам, то картина изменяется. В первом случае причина отклонений лежит в области a (затрата труда на единицу продукта), во втором случае в области b (количество произведенных продуктов). В первом случае нарушено равновесие между предприятиями различной производительности внутри данной сферы, во втором случае нарушено равновесие между размерами производства в данной сфере и в других, т. е. равновесие между различными сферами производства. Поэтому в первом случае равновесие будет восстановлено перераспределением производительных сил из технически отсталых предприятий в более производительные внутри данной сферы; во втором—равновесие будет восстановлено перераспределением производительных сил между разными сферами производства. Смешивать оба эти случая значило бы принести в жертву интересы научного изучения экономических явлений ради поверхностных аналогий и, как выражается часто Маркс, «насильственных абстракций», т. е. желания насильственно втиснуть в одно понятие общественно-необходимого труда явления различной экономической природы.

Таким образом, основная ошибка «экономической» версии заключается не в том, что она вообще признает регулирующую роль количества труда, приходящегося на данную сферу при пропорциональном распределении труда, но в том, что она: 1) неправильно понимает роль регулятора в капиталистическом хозяйстве, превращая его из уровня равновесия, из центра колебаний в выражение эмпирических

фактов, и 2) приписывает этому регулятору самостоятельный и основной характер, в то время как он принадлежит к целой системе регуляторов и носит производный характер. Нельзя выводить стоимость из количества труда, приходящегося на данную сферу, так как последнее количество само изменяется в зависимости от изменений стоимости, выражающих развитие производительности труда. «Экономическая версия», вопреки утверждению ее сторонников, не дополняет собою так называемую «техническую версию», но отбрасывает ее: утверждая, что стоимость изменяется—при неизменяющейся технике— в зависимости от числа произведенных продуктов, она устраняет понятие стоимости, как величины, зависящей от производительности труда. С другой стороны, «техническая версия» вполне в состоянии объяснить явления пропорционального распределения труда в обществе и регулирующую роль количества труда, приходящегося на данную сферу производства, т. е. те явления, объяснить которые призвана, по мнению ее сторонников, экономическая версия.

III. СТОИМОСТЬ И РАЗМЕРЫ ПРОИЗВОДСТВА.

Выше, в наших схемах спроса и предложения, мы принимали, что, при увеличении размеров производства, затраты труда, необходимые для производства единицы товара, остаются прежними. Сделаем теперь новое, усложняющее предположение, а именно, что новое, добавочное количество продуктов производится в менее благоприятных условиях, чем прежнее. Вспомним знаменитое учение Рикардо о дифференциальной ренте, согласно которому увеличение спроса на хлеб в результате роста народонаселения вызывает необходимость обработки менее плодородных или более удаленных от рынка участков земли. Благодаря этому количество труда, необходимое для производства центнера хлеба в наименее благоприятных условиях (или для перевозки его), возрастает. А так как именно это количество труда определяет стоимость всей массы производимого хлеба, то повышается и стоимость хлеба. То же самое наблюдается в горной промышленности, при переходе от более богатых рудников к менее обильным. Увеличение производства сопровождается повышением стоимости единицы продукта, в то время как выше мы принимали стоимость единицы продукта независимою от размеров производства. Аналогичное положение дел встречается в тех отраслях обрабатывающей промышленности, где производство ведется в предприятиях различной производительности, причем предполагается, что предприятия наивысшей производительности, которые могли бы выпускать товары по наиболее низкой цене, не в состоянии производить такое большое количество продуктов, на которое при такой низкой цене был бы предъявлен спрос на рынке. Ввиду этого производство должно вестись также на предприятиях средней или низшей производительности, и рыночная стоимость товара определяется стоимостью продуктов, производимых при средних или худших условиях (см. главу об общественно-необходимом труде). И здесь увеличение производства означает повышение стоимости и, следова-

тельно, цены единицы продукта. Мы получаем следующую схему предложения:

Схема № 3.

При размерах производства (в метрах)	Цена производства (или стоимость) равна (в рублях).
100 000	2 р. 75 к.
150 000	3 » — »
200 000	3 » 25 »

Мы принимаем, что при уровне цены ниже 2 р. 75 к. производители вообще не будут производить и прекратят производство (за исключением, быть может, незначительной группы производителей, которая в счет не идет). По мере повышения цены до уровня 3 р. 25 к. в производство будут втягиваться предприятия средней и низшей производительности. Цена же свыше 3 р. 25 к. давала бы такую большую прибыль предпринимателям, что размер производства при такой цене мы можем считать неограниченным,—по крайней мере практически, принимая во внимание ограниченность спроса. Итак, цены могут колебаться от 2 р. 75 к. до 3 р. 25 к., а размер производства от 100 000 до 200 000 метров. На каком же уровне установятся цена и размер производства?

Возвращаясь к схеме спроса № 1 и сопоставляя ее с данною схемою предложения, мы видим, что цена установится на уровне 3 руб., при размере производства 150 000 метров. В этом именно случае установится равновесие между спросом и предложением, и цена совпадет с трудовою стоимостью (или ценою производства), определяемою затратами труда в предприятиях средней производительности. Теперь предположим,—как мы это сделали и выше,—что по той или иной причине (вследствие увеличения покупательных сил населения или усилившейся настоятельности потребности) спрос на сукно возрос и выражается схемою № 2. Цена в 3 руб. не может удержаться, так как при такой цене предложение составляет 150 000 метров, а спрос 240 000. При таком преобладании спроса цена будет повышаться, пока не дойдет до уровня 3 р. 25 к. При такой цене как спрос, так и предложение равны 200 000 метрам и находятся в состоянии равновесия. Вместе с тем новая цена 3 р. 25 к. совпадает с новою, повысившеюся стоимостью (или ценой производства), которая в результате расширения производства с 150 000 до 200 000 метров регулируется теперь затратами труда в предприятиях низшей производительности.

Если выше мы говорили, что увеличение спроса влияет на размер производства, не влияя на величину стоимости (раньше при увеличении производства с 240 000 до 280 000 метров стоимость оставалась прежняя, 2 р. 75 к.), то в данном случае увеличение спроса вызывает расширение производства с 150 000 до 200 000 метров и сопровождающее его повышение стоимости с 3 р. до 3 р. 25 к. Спрос как будто определяет стоимость.

Таков вывод, которому придают решающее значение представители англо-американской и математической школ в политической экономии,

в том числе и Маршалл [1]). Некоторые из них утверждают, что своею теорией дифференциальной ренты Рикардо по существу опрокинул свою собственную теорию трудовой стоимости и открыл двери для отвергнутой им же теории спроса и предложения, а в конечном счете для теорий, которые определяют величину стоимости интенсивностью потребностей. Аргументация этих экономистов такова. Стоимость определяется затратами труда на худших землях или вообще в наименее благоприятных условиях. Значит, эта стоимость возрастает по мере того, как производство распространяется на худшие земли или вообще на менее производительные предприятия, т. е. по мере увеличения производства. А так как увеличение производства вызывается увеличением спроса, то следовательно не стоимость регулирует спрос и предложение, как думали Рикардо и Маркс, но сама стоимость определяется спросом и предложением.

Сторонники изложенной аргументации оставляют в тени одно очень существенное обстоятельство. В разбираемом нами примере изменение размера производства означает вместе с тем изменение технических условий производства в данной отрасли. Возьмем три примера.

В первом случае производство ведется только на лучших предприятиях, выбрасывающих на рынок 100 000 метров по цене в 2 р. 75 к.; во втором случае (из которого мы исходили в нашем примере) производство ведется на лучших и средних предприятиях, изготовляющих вместе 150 000 метров по цене в 3 руб.; в третьем случае производство ведется на лучших, средних и худших предприятиях и достигает 200 000 метров по цене 3 р. 25 к.; в этих трех случаях, соответствующих нашей схеме № 3, различны не только размеры производства, но и техническо-производственные условия данной отрасли. Стоимость изменилась именно потому, что изменились производственные условия данной отрасли. Из разобранного случая никак нельзя делать вывод, что изменения стоимости определяются не техническими условиями производства, а изменением спроса. Наоборот, вывод может быть только такой, что изменения спроса не могут влиять на величину стоимости иначе, как через посредство изменившихся технических условий производства в данной отрасли. Следовательно, остается в полной силе основное положение марксовой теории, что изменения стоимости определяются исключительно техническими условиями производства. Спрос может воздействовать на стоимость не непосредственно, но лишь косвенно, посредственно, видоизменяя размер производства и тем самым технические его условия. Противоречит ли марксовой теории такое косвенное влияние спроса на стоимость? Нисколько. Марксова теория утверждает причинную зависимость изменений стоимости от развития производительных сил, но последние в свою очередь подвергаются воз-

[1]) На русском языке сведения об этих школах можно найти в книгах: И. Блюмин, Субъективная школа в политической экономии, 1928 г.; Н. Шапошников, Теория ценности и распределения, М. 1912 г.; Л. Юровский, Очерки по теории цены, Саратов 1919 г.; А. Билимович, К вопросу о расценке хозяйственных благ, Киев 1914 г.

действию целого ряда условий социальных, политических и даже культурных (например, влияние грамотности и технического образования на производительность труда). Отрицал ли когда-нибудь марксизм, что таможенная политика или завоевания влияют на развитие производительных сил страны? Но, влияя на развитие производительных сил, они могут косвенно привести и к изменению стоимости продуктов. Запрещение ввоза дешевого заграничного сырья и необходимость добывать его внутри страны, с большими затратами труда, повышают стоимость фабриката, изготовляемого из этого сырья. Завоевание, которое имеет своим результатом оттеснение земледельческого населения на худшие или более удаленные от рынка земли, повышает стоимость хлеба. Значит ли это, что изменения стоимости вызваны завоеванием или таможенною политикою, а не изменением технических условий производства? Напротив, мы делаем отсюда тот вывод, что всякого рода экономические и социальные условия, в том числе и изменение спроса, могут воздействовать на стоимость не наряду с техническими условиями производства, но только через изменение самой техники производства, которая, таким образом, остается единственным определяющим фактором стоимости.

Такого рода косвенное воздействие спроса на стоимость, через изменение технических условий производства, Маркс считал вполне возможным. В одном месте он упоминает тот самый случай перехода к худшим условиям производства, который нами рассмотрен. «В отдельных отраслях производства это (возрастание спроса. *И. Р.*) может также вызвать тот результат, что сама рыночная стоимость по прошествии более или менее значительного времени возрастет, так как в течение этого времени часть требуемого на рынке продукта придется производить при худших условиях» (К., III¹, с. 140) [1]. С другой стороны, и падение спроса может оказать косвенное влияние на величину стоимости продукта. «Если, напр., падает спрос, а следовательно, и рыночная цена, то это может привести к тому, что капитал будет отвлекаться от данной отрасли и предложение уменьшится. Но это может иметь также и тот результат, что сама рыночная стоимость, благодаря изобретениям, сокращающим необходимое рабочее время, понизится и уравняется таким образом с рыночною ценою» (там же, с. 140). «В этом случае цена товара изменила бы его стоимость, благодаря воздействию на предложение, на издержки производства» («Теории прибавочной ценности», т. II, Пб. 1923, с. 132). Как известно, введение новых технических методов производства, понижающих стоимость продукта, происходит в широких размерах под влиянием кризисов и сокращения сбыта. Никто не станет утверждать, что в этих случаях пони-

---

[1] У Маркса в подлиннике сказано: «сама рыночная стоимость на более или менее продолжительное время возрастает» (Kapital, III¹, S. 170). Приведенный Марксом случай, когда увеличение спроса, через переход к худшим условиям производства, повышает стоимость единицы продукта, был известен и Рикардо (Начала политической экономии, перев. Д. Рязанова, 1908 г., стр. 71). Немало аналогичных примеров можно найти в главах «Капитала» и «Теорий», посвященных дифференциальной ренте.

жение стоимости явилось результатом падения спроса, а не улучшения технических условий производства. Так же мало оснований имеем мы утверждать, что в приведенном выше случае повышение стоимости явилось результатом возрастания спроса, а не ухудшения средних технических условий производства в данной отрасли.

Подойдем к тому же вопросу с другой стороны. Сторонники теории спроса и предложения утверждают, что только конкуренция, или пункт совпадения линий спроса и предложения, определяет уровень цен. Сторонники теории трудовой стоимости утверждают, что самый этот пункт совпадения и равновесия спроса и предложения изменяется не случайно, а колеблется вокруг известного уровня, закономерно определяемого техническими условиями производства. Посмотрим, как обстоит дело в разбираемом нами случае.

Схема спроса попрежнему показывает нам множество возможных комбинаций размеров спроса и цены, но не дает ни малейших указаний, какая же или какие же из этих комбинаций имеют шансы на реальное осуществление. Ни одна комбинация не имеет более шансов, чем другая. Но как только мы обратимся к схеме предложения, мы сейчас же можем с уверенностью сказать: техническая структура данной отрасли производства и уровень развития в ней производительности труда заранее ограничивают пределы колебаний стоимости между 2 р. 75 к. и 3 р. 25 к. Каковы бы ни были размеры спроса, падение цены ниже 2 р. 75 к. сделает при данных технических условиях невыгодным и невозможным дальнейшее производство, повышение же цены выше 3 р. 25 к. вызовет огромное увеличение предложения и обратное движение цен; значит, бесчисленному множеству комбинаций спроса заранее противопоставляются только три определенные комбинации предложения, обусловленные техническими условиями данной отрасли. Заранее установлены максимум и минимум возможных изменений стоимости, а ведь главная наша задача при изучении спроса и предложения заключается в «нахождении регулирующих пределов или предельных величин» (К., III[1], с. 281).

Пока мы знаем только пределы изменений стоимости, но еще не знаем, будет ли она равна 2 р. 75 к., 3 р. или 3 р. 25 к. Техническими условиями данной отрасли объясняется тот факт, что изменение размеров производства (100 000, 150 000 или 200 000 метров) и распространение его на худшие предприятия изменяют среднюю величину затрат общественно-необходимого труда на единицу продукта, т. е. изменяют стоимость (или цену производства).

Из трех возможных уравнений стоимости реально осуществится тот, при котором размер предложения совпадает с размером спроса (при схеме спроса № 1 стоимость равна 3 руб., при схеме спроса № 2—3 р. 25 к.). Но в обоих случаях стоимость вполне соответствует техническим условиям производства; в первом случае производство 150 000 метров ведется на лучших и средних предприятиях, во втором случае при производстве 200 000 метров работают также худшие предприятия, что повышает среднюю затрату общественно-необходимого труда и, следовательно, стоимость. Мы приходим, следовательно, к преж-

нему выводу, что спрос может непосредственно влиять только на размер производства. Но так как изменение размеров производства, при технических особенностях данной отрасли, равносильно изменению средних технических условий производства, то оно вызывает и повышение стоимости. В каждом данном случае как пределы возможных изменений стоимости, так и величина стоимости, устанавливающая реально (конечно, как центр колебаний рыночных цен), вполне обусловлены техническими условиями производства. Несмотря на ряд усложняющих условий и обходных путей, наш анализ, поскольку он ставит себе целью найти закономерность в кажущемся хаосе движения цен и конкуренции, в случайных на первый взгляд соотношениях спроса и предложения, неизменно приводит нас к развитию производительных сил, которое в товарно-капиталистическом хозяйстве выражается в специфической социальной форме стоимости и в изменениях величины стоимости [1]).

IV. УРАВНЕНИЕ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

После изложенного нам нетрудно будет определить наше отношение к известному «уравнению спроса и предложения», в котором математическая школа формулирует свою теорию цен. Эта школа воскрешает старую теорию спроса и предложения, с устранением ее внутренних логических противоречий и на новой методологической основе. Если прежняя теория утверждала, что цена определяется соотношением размеров спроса и предложения, то современная математическая школа твердо помнит, что сами-то размеры спроса и предложения зависят от цены. Таким образом утверждение причинной зависимости цены от спроса и предложения превращается в порочный круг. Теория трудовой стоимости выходит из этого порочного круга: она признает, что, хотя цена определяется спросом и предложением, но последние, в свою очередь, регулируются законом стоимости, изменяются в зависимости от развития производительных сил и изменения количества общественно-необходимого труда. Математическая школа избрала другой выход из порочного круга: она отказалась от самой постановки вопроса о причинной зависимости явлений цены, ограничиваясь математическою формулировкою функциональных зависимостей между ценою, с одной стороны, и размерами спроса и предложения, с другой. Она не спрашивает, **почему** изменяется цена, но лишь показывает, **как** происходят параллельные изменения цены, с одной стороны, и спроса и предложения,

---

[1]) Факт **повышения** издержек производства по мере увеличения размеров последнего (считая на единицу продукта) положен в основу теории ренты Рикардо и подчеркивается представителями англо-американской и математической школ. Мы сочли нужным уделить ему особое внимание ввиду теоретического интереса, который данный вопрос представляет для теории стоимости. Практически данный вопрос имеет большое значение в области земледелия и добывающей промышленности. В области же обрабатывающей промышленности мы чаще встречаемся со случаями **сокращения** издержек производства по мере увеличения размеров последнего (считая на единицу продукта).

с другой. Эту функциональную зависимость явлений она иллюстрирует в следующей диаграмме [1]:

Отрезки на горизонтальной прямой 1, 2, 3 и т. д. (так называемые абсциссы) показывают цену единицы товара: 1 руб., 2 руб., 3 руб. и т. д. Отрезки на вертикальной прямой I, II, III и т. д. (так называемые ординаты) показывают количество спроса или предложения, например, I обозначает 100 000 единиц товара, II—200 000 и т. д. Кривая спроса опускается вниз, она начинается высоко при низких ценах и падает по мере повышения цены; при цене, близкой к нулю, спрос превышает X, т. е. 1 000 000, при цене в 10 руб. спрос опускается до нуля. Каждой цене соответствует свой размер спроса. Чтобы узнать размер спроса, например, при цене в 2 руб., надо из цифры 2 восставить вертикальную прямую или ординату до пересечения ее с кривою спроса; эта ордината будет равна приблизительно IV, т. е. спрос при цене в 2 руб. равен 400 000. Кривая предложения движется в направлении обратной кривой спроса, повышаясь по мере повышения цены. Место встречи кривых спроса и предложения определяет цену товара. Опустив из пункта встречи ординату, мы видим, что она приходится против цифры 3, т. е. цена равна 3 руб. Сама ордината равна приблизительно III, т. е. при цене в 3 руб. спрос и предложение равны 300 000, т. е. спрос и предложение покрывают друг друга, находятся в равновесии. Это и есть уравнение спроса и предложения, происходящее в данном случае при цене 3 руб. При всякой другой цене равновесие невозможно, так как при цене ниже 3 руб. спрос будет превышать предложение, при цене выше 3 руб. предложение будет превышать спрос.

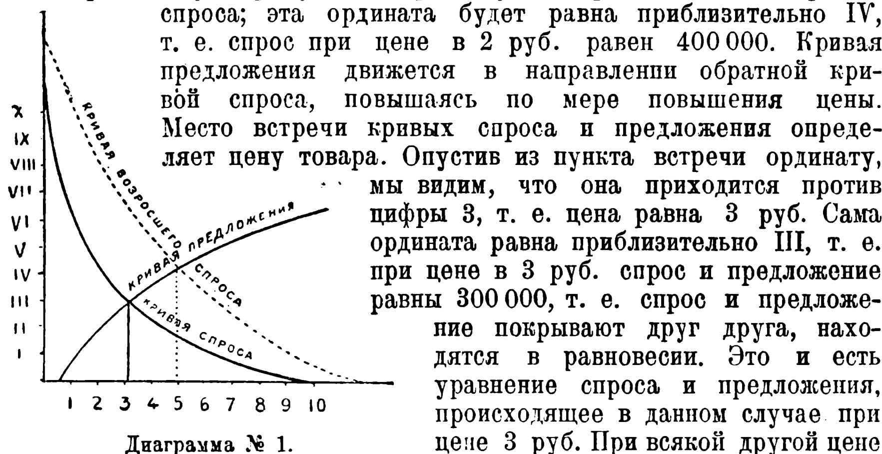

Диаграмма № 1.

Из диаграммы следует, что цена определяется исключительно местом встречи кривых спроса и предложения. А так как это место встречи передвигается при каждом изменении одной из кривых, например, кривой спроса, то на первый взгляд кажется, что изменение спроса изменяет цену, даже при отсутствии каких бы то ни было изменений в условиях производства. Например, в случае возрастания спроса (на диаграмме пунктирная кривая «возросшего спроса») кривая спроса встретится с тою же кривою предложения в другом пункте, который стоит против цифры 5. Это значит, что в случае указанного возрастания спроса равновесие между спросом и предложением наступит при цене, равной 5 руб. Цена как будто определяется не условиями производ-

[1] На русском языке диаграмму можно найти в книгах: Ш. Жид, Основы политической экономии, 1916 г., стр. 233; его же, История экономических учений, 1918 г., стр. 413; Н. Шапошников, Теория ценности и распределения, 1910 г., глава I.

ства, но исключительно кривыми спроса и предложения. Изменение спроса само по себе изменяет цену, отожествляемую со стоимостью.

Такой вывод является результатом неправильного построения кривой предложения. Она построена по образцу кривой спроса, но в обратном направлении, начинаясь с самой низкой цены. Правда, экономисты-математики понимают, что при цене, близкой к нулю, никакого предложения товаров не будет, поэтому они начинают кривую предложения не с нуля, а с цены, приближающейся к 1, на нашей диаграмме приблизительно с 2/3, т. е. с 66 2/3 коп. При цене в 66 2/3 коп. предложение доходит приблизительно до половины I, т. е. равно 50 000; при цене в 3 руб. оно равно III, т. е. 300 000, а при цене в 10 руб. оно поднимается приблизительно до уровня VI—VII, т. е. равно около 650 000 единиц товара. Такая кривая предложения возможна, если речь идет о рыночной конъюнктуре данного дня, о предложении *данного момента*. Возможно, что, предполагая нормальную цену в 3 руб. и нормальный размер предложения в 300 000, при катастрофическом падении цены до 66 2/3 коп. небольшая часть производителей все же вынуждена будет продавать товар даже по такой низкой цене, а именно 50 000 единиц товара. С другой стороны, необычайное повышение цены до 10 руб. заставит производителей выбросить на рынок все запасы и немедленно, поскольку это возможно, расширить производство. Может случиться, хотя и мало вероятно, что таким путем им удастся выбросить на рынок 650 000 единиц товара. Но от случайной цены сегодняшнего дня перейдем к постоянной, устойчивой, *средней цене*, определяющей постоянный, *средний, нормальный размер спроса и предложения*. Если мы в диаграмме пожелаем найти функциональную связь между средним уровнем цен и средними размерами спроса и предложения, то сразу заметим неправильное построение кривой предложения. Если средней цене в 3 руб. соответствует средний размер предложения в 300 000, то понижение средней цены до 66 2/3 коп., при прежней технике производства, будет иметь своим результатом не понижение среднего предложения до 50 000, а полное прекращение предложения и перелив капиталов из данной отрасли в другую. С другой стороны, если бы средняя цена—при неизменившихся условиях производства—поднялась с 3 руб. до 10 руб., это вызвало бы непрерывный прилив капиталов из других отраслей, и увеличение средних размеров предложения не остановилось бы на цифре 650 000, а пошло бы гораздо дальше. Теоретически предложение повышалось бы до полного поглощения данною отраслью промышленности всех остальных, на практике размеры предложения превысили бы любую величину спроса и могли бы быть приняты за величину неограниченную. Как видим, некоторые случаи равновесия между спросом и предложением, изображенные в диаграмме, неизбежно приводят к нарушению равновесия между различными отраслями промышленности, т. е. к переходу производительных сил из одной отрасли в другую. А так как такой переход изменяет размеры предложения, то тем самым нарушается и равновесие между спросом и предложением. Диаграмма, следовательно, дает нам только *моментальный снимок состояния рынка*, но не по-

казывает нам длительного, устойчивого равновесия между спросом и предложением, которое может быть теоретически понято только как результат равновесия между отдельными отраслями производства. С точки зрения равновесия в распределении общественного труда между различными отраслями производства, кривая предложения должна иметь совершенно иной вид, чем в диаграмме № 1.

Сперва сделаем, как в начале настоящей главы, предположение, что при данных технических условиях цена производства (или стоимость) единицы товара составляет определенную величину (напр. 3 руб.), независимо от размеров производства. Это значит, что при цене 3 руб. установится равновесие между данною отраслью производства и другими и прекратится перелив капиталов из одной в другую. Отсюда следует, что понижение цены ниже 3 руб. вызовет отлив капиталов из данной сферы и тенденцию к полному прекращению предложения данного товара; повышение же цены выше 3 руб. вызовет прилив капиталов из других сфер и тенденцию к неограниченному увеличению производства (напоминаем, что речь здесь, как и ниже, идет не о временном повышении или понижении цен, но о постоянном, длительном уровне их, как и о средних, длительных размерах предложения и спроса). Итак, при цене ниже 3 руб. предложение вообще отсутствует, при цене выше 3 руб. оно может быть принято, по сравнению с спросом, за неограниченную величину. Никакой кривой предложения у нас нет, а равновесие между спросом и предложением может установиться только при уровне цен, совпадающем со стоимостью (3 руб.). Величина стоимости (3 руб.) определяет размер платежеспособного спроса на данный товар и соответствующий ему размер предложения (300 000 единиц товара). Диаграмма имеет следующий вид:

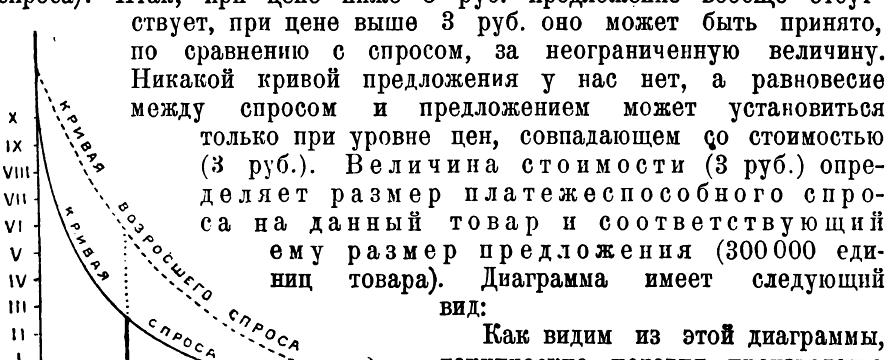

Диаграмма № 2.

Как видим из этой диаграммы, технические условия производства (или общественно - необходимый труд в так называемом техническом смысле) определяют стоимость или центр, вокруг которого колеблются средние цены (в капиталистическом хозяйстве таким центром будет не трудовая стоимость, а цена производства). Ордината может быть восстановлена только из цифры 3, обозначающей стоимость в 3 руб. Кривая же спроса определяет только тот пункт, до которого дойдет эта ордината, т. е. размер платежеспособного спроса и размер производства, достигающий в диаграмме приблизительно цифры III, т. е. 300 000. Изменение кривой спроса, например, увеличение по тем или иным причинам спроса, может только, как видно из пунктирных линий на диаграмме, увеличить размер предложения (в данном случае до VI, т. е. 600 000), но не повысить среднюю цену, которая остается

попрежнему 3 руб., будучи определена исключительно производительностью труда или техническими условиями производства.

Введем теперь, как мы это сделали выше, усложняющее условие. Примем, что в данной сфере предприятия высшей производительности могут выбросить на рынок только ограниченное количество продуктов, остальные же продукты должны производиться в предприятиях средних и худших. При цене 2 руб. 50 к., равной цене производства (или стоимости) в лучших предприятиях, размер предложения равен 200 000 единиц; при цене 3 руб.—300 000 единиц, а при цене 3 руб. 50 к.—400 000 единиц. При средней цене ниже 2 руб. 50 к. обнаружится тенденция к полному прекращению производства, при средней цене выше 3 р. 50 к.—тенденция к неограниченному его увеличению. Ввиду этого колебания средних цен заранее ограничены минимумом 2 р. 50 к. и максимумом 3 р. 50 к. В этих пределах возможны три уровня средних цен или стоимости: 2 р. 50 к., 3 р. и 3 р. 50 к., из которых каждый соответствует определенному размеру производства (200 000, 300 000 и 400 000) и, следовательно, определенному уровню производственной техники. Диаграмма принимает следующий вид: Если в диаграмме 2 предложение товаров со стороны производителей имело место только при цене 3 руб., то здесь предложение начинает действовать, как только цена достигает 2 р. 50 к.; предложение равно в этом случае II, т. е. 200 000 (ордината, доходящая от горизонтальной линии до буквы A). При цене в 3 руб. предложение доходит до буквы C, равняясь III, т. е. 300 000; при цене 3 руб. 50 коп. — до буквы B, равняясь IV, т. е. 400 000. Линия ACB и есть кривая предложения. Место встречи этой кривой предложения с кривою спроса (в букве C) определяет действительный размер предложения и соответствующую ему стоимость или центр колебаний цен. В данном случае цена установится 3 руб., а размер производства III, т. е. 300 000. Производство будет вестись на лучших и средних предприятиях, и этим техническим условиям производства соответствует стоимость и средняя цена 3 руб. Если бы кривая среднего спроса опустилась немного вниз вследствие длительного падения спроса, она могла бы встретиться с кривою предложения в букве A; в таком случае средний размер предложения был бы равен 200 000, производство велось бы только на лучших предприятиях, и стоимость упала бы до 2 руб. 50 к. Если бы кривая спроса немного поднялась вследствие увеличения спроса, она могла бы встретиться с кривою предложения в букве B; средний размер предложения был бы равен IV, т. е. 400 000, а стоимость 3 руб. 50 к. Таким образом, то соотношение кривых спроса и предложения, которое формулировано математическою

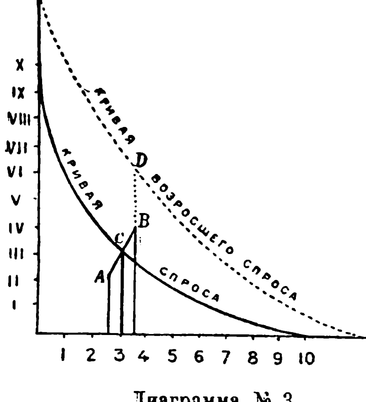

Диаграмма № 3.

школою и представлено ею в диаграмме № 1, на самом деле существует (поскольку речь идет о средней цене и средних размерах спроса и предложения), только в узких пределах колебания стоимости между 2 руб. 50 к. и 3 руб. 50 к.,—пределах, всецело устанавливаемых техникою производства в предприятиях различной производительности и количественным соотношением между этими предприятиями, т. е. среднею технической структурою данной отрасли. Только в этих узких пределах предложение имеет вид поднимающейся кривой, каждая точка которой показывает размер производства и соответствующую ему стоимость. Только в этих узких пределах изменение кривой спроса, передвигая пункт встречи ее с кривою предложения (в буквах А, С или В), тем самым изменяет размер производства и,—влияя таким образом на средние технические условия, в которых производится вся товарная масса,—величину стоимости (2 руб. 50 к., 3 руб., 3 руб. 50 к.). Но такое влияние спроса на стоимость происходит только через изменение технических условий производства и ограничено узкими пределами, в зависимости от технической структуры данной отрасли. Как только спрос выходит за эти пределы, косвенное влияние его, через технику производства, на стоимость прекращается. Пусть, например, спрос возрастает, как это показано пунктирною линией на диаграмме. В диаграмме № 1, составленной сторонниками математической школы, такое возрастание спроса приводит к тому, что кривая спроса пересечется с кривою предложения в точке, соответствующей цене 5 руб. Увеличение спроса будто бы непосредственно повышает стоимость товара. На диаграмме же № 3 средняя цена выше 3 руб. 50 к. подняться не может, так как эта повышенная цена вызвала бы тенденцию к неограниченному росту предложения, обгоняющему спрос. Кривая предложения дальше точки В не идет. Поэтому кривая возросшего спроса пересечется не с кривою предложения, а с продолжением ординаты, проходящей через букву В и соответствующей максимальной средней цене 3 руб. 50 к. Значит, при повысившемся спросе увеличится размер производства до VII, т. е. 700 000, но стоимость и средняя цена останутся попрежнему 3 руб. 50 к. (точнее, цена будет немного превышать 3 руб. 50 к. и тяготеть к ней сверху, так как при цене ровно 3 руб. 50 к. устанавливается, по нашему предположению, размер производства только в 400 000. Таким образом, различие между диаграммами № 1 и № 3 заключается в следующем:

В диаграмме № 1 перед нами две кривые (спроса и предложения), не регулируемые условиями производства. Встреча их может произойти в любом пункте, в зависимости только от направления обеих кривых; следовательно пункт встречи может быть установлен конкуренцией на любом уровне. Всякое изменение спроса непосредственно изменяет цену, отождествляемую со стоимостью.

В диаграмме № 3 предложение заранее имеет вид не кривой, допускающей бесчисленное множество мест встречи, но небольшого отрезка кривой АСВ, определяемого техническими условиями производства. Конкуренция заранее регулируется производственными условиями. Этими условиями устанавли-

ваются пределы изменений стоимости или средних цен. С другой стороны, стоимость, устанавливающаяся в каждом случае внутри этих пределов, точно соответствует производственным условиям, сопровождающим данный размер производства. Спрос может воздействовать на стоимость не непосредственно и неограниченно, но лишь косвенно, через изменение технических условий производства, и в узких пределах, обусловливаемых ими же. Таким образом, остается в силе основное положение марксовой теории, что стоимость и ее изменения определяются исключительно состоянием и развитием производительности труда или количеством общественного труда, необходимого для производства единицы товара при средних технических условиях.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

СТОИМОСТЬ И ЦЕНЫ ПРОИЗВОДСТВА.

Закончивши исследование производственных отношений между товаропроизводителями (теория стоимости) и между капиталистами и рабочими (теория капитала), Маркс в III томе «Капитала» переходит к изучению производственных отношений между промышленными капиталистами разных сфер производства (теория цен производства). Конкуренция капиталов между отдельными сферами производства приводит к образованию общей средней нормы прибыли и к продаже товаров по ценам производства, которые равны издержкам производства плюс средняя прибыль и количественно не совпадают с трудовою стоимостью товаров. Но как величина издержек производства и средней прибыли, так и их изменения объясняются изменениями в производительности труда и в трудовой стоимости товаров; это значит, что законы изменений цен производства могут быть поняты только исходя из закона трудовой стоимости. С другой стороны, средняя норма прибыли и цена производства, являясь регуляторами распределения капиталов между отдельными отраслями производства, косвенно—через распределение капиталов—регулируют и распределение общественного труда между разными сферами производства. Капиталистическое хозяйство есть система распределенных и находящихся в подвижном равновесии *капиталов*, но одновременно оно не перестает быть—как всякое хозяйство, построенное на разделении труда—системою распределенного и находящегося в подвижном равновесии *труда*. Надо только под видимым процессом распределения капиталов разглядеть невидимый процесс распределения общественного труда. Марксу удалось ясно показать связь между обоими этими процессами благодаря тому, что им было выяснено понятие, служащее связующим звеном между ними, а именно—понятие *органического состава* капитала. Зная деление данного капитала на постоянный и переменный и норму прибавочной стоимости, мы можем легко определить количество труда, приводимого им в движение, т. е. можем от распределения капиталов перейти к распределению труда.

Таким образом, если в III томе «Капитала» Маркс дает теорию *цен производства*, как регулятора *распределения капиталов*, то теория эта обоими своими звеньями связывается с теорией стоимости: с одной стороны, цены производства выводятся из трудовой стоимости,

а с другой стороны, распределение капиталов приводит к распределению общественного труда. Вместо схемы простого товарного хозяйства: производительность труда—абстрактный труд—стоимость—распределение общественного труда, для капиталистического хозяйства получается более сложная схема: производительность труда—абстрактный труд—стоимость—цены производства—распределение капиталов—распределение общественного труда. Марксова теория цен производства противоречит теории трудовой стоимости, она построена на ее основе и включает ее в себя, как одну из своих составных частей. Это и понятно, если вспомнить, что теория трудовой стоимости изучает только один тип производственных отношений между людьми (как между товаропроизводителями), теория же цен производства предполагает существование всех трех основных типов производственных отношений людей в капиталистическом обществе (отношения между товаропроизводителями, отношения между капиталистами и рабочими, отношения между отдельными группами промышленных капиталистов). Если ограничиться этими тремя типами производственных отношений, то капиталистическое хозяйство можно уподобить трехмерному пространству, ориентирование в котором возможно только при помощи трех измерений или трех плоскостей. Как трехмерное пространство не может быть сведено к одной плоскости, так теория капиталистического хозяйства не может быть сведена к одной теории трудовой стоимости. Но как для ориентирования в пространстве необходимо определить расстояние данной точки от каждой из трех исходных плоскостей, так теория капиталистического хозяйства уже предполагает учение о производственных отношениях между товаропроизводителями, т. е. теорию трудовой стоимости. Противники Маркса, усматривающие противоречие между теорией трудовой стоимости и теорией цен производства, не понимают метода Маркса, заключающегося в последовательном изучении разных типов производственных отношений людей или, так сказать, разных социальных измерений.

I. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И РАВНОВЕСИЕ КАПИТАЛОВ.

Как мы видели, изменения стоимости товаров изучаются Марксом в их тесной связи с трудовою деятельностью товаропроизводителей. Обмен двух продуктов труда по их трудовой стоимости означает, что между двумя данными отраслями производства существует равновесие. Изменения в трудовой стоимости продуктов нарушают это равновесие труда, вызывают перелив последнего из одной отрасли производства в другую, перераспределение производительных сил в народном хозяйстве. Изменения в производительной силе труда вызывают увеличение или уменьшение количества труда, необходимого для производства данного товара, а следовательно и соответственное увеличение или уменьшение его трудовой стоимости; изменения последней в свою очередь вызывают иное распределение труда между данною отраслью производства и другими. Производительность труда через трудовую стоимость воздействует на распределение общественного труда.

Такая более или менее непосредственная причинная связь между трудовою стоимостью продуктов и распределением общественного труда предполагает, что изменения трудовой стоимости продуктов непосредственно затрагивают производителей, организаторов производства, вызывая переход их из одной сферы производства в другую и, следовательно, перераспределение труда. Иными словами, предполагается, что организатором производства является непосредственный производитель-работник, одновременно владеющий средствами производства, например ремесленник или крестьянин. Этот мелкий производитель стремится направить труд свой в те сферы производства, где данное количество труда доставляет ему продукт, наиболее высоко расцениваемый на рынке. В результате распределение труда между различными сферами производства устанавливается таким образом, что определенное количество труда одинаковой интенсивности, квалификации и т. п. доставляет производителям во всех этих сферах приблизительно равную рыночную стоимость. Направляя в сапожное или портняжное дело свой живой труд, производитель-ремесленник одновременно направляет туда же необходимый для производства мертвый, накопленный труд, т. е. орудия и материалы труда или средства производства в широком смысле слова. Эти средства производства большею частью весьма несложны, стоимость их сравнительно незначительна и потому, естественно, не обнаруживает больших различий в отдельных сферах ремесленного производства. Распределение труда (живого труда) между отдельными сферами производства сопровождается распределением между ними же средств производства (мертвого труда). *Распределение труда*, регулируемое законом трудовой стоимости, носит первичный, *основной* характер, *распределение средств труда*—вторичный, *производный* характер.

Совершенно иначе происходит распределение труда в обществе капиталистическом. Так как организаторами производства здесь являются промышленные капиталисты, то от них именно зависит расширение или сокращение производства, т. е. распределение производительных сил. В зависимости от прибыльности той или иной сферы производства капиталист направляет туда свой капитал. Прилив капитала в данную сферу производства, вызывая в ней усиленный спрос на рабочие силы и тем самым повышение заработной платы, привлекает туда рабочие руки, живой труд [1]). Распределение производительных сил между отдельными сферами народного хозяйства происходит в форме распределения между ними капиталов, которое, в свою очередь, вызывает соответственное распределение живого труда или рабочих сил. Если, наблюдая в данной стране увеличение капиталов, вложенных в каменноугольную промышленность, и увеличение числа занятых в ней рабочих, мы спросим себя, какое из этих явлений послужило причиною другого, то, конечно, ответ не возбудит никаких сомнений: прилив капиталов

---

[1]) «Наемный труд, подчиненный капиталу... должен видоизменяться сообразн потребностям капитала и переходить из одной сферы производства в другую» (К., III[1], стр. 144).

вызвал прилив рабочих сил, а не наоборот. В капиталистическом обществе распределение труда регулируется распределением капиталов. Поэтому, ставя себе целью попрежнему изучение законов распределения общественного труда в народном хозяйстве, мы должны прибегнуть к обходному пути и приступить предварительно к изучению законов распределения капиталов.

Простой товаропроизводитель затрачивает на производство свой труд и стремится получить за свой продукт рыночную стоимость, пропорциональную его трудовым затратам и достаточную для существования его самого и его семьи и для продолжения производства в прежних или медленно расширяющихся размерах. Капиталист же затрачивает на производство свой капитал и стремится получить обратно капитал в увеличенном, приращенном размере. Это различие Маркс выразил в своих знаменитых формулах простого товарного хозяйства Т—Д—Т (товар—деньги—товар) и капиталистического хозяйства Д—Т—(Д+д) (деньги—товар—приращенные деньги). Если мы раскроем эту краткую формулу, то обнаружим между простым товарным и капиталистическим хозяйством и различие техническое (мелкое и крупное производство), и различие социальное (какой общественный класс организует производство), и—как следствие различного характера производства и различного социального положения производителей—различие мотивов производителей (стремление ремесленника к обеспеченному существованию и стремление капиталиста к возрастанию стоимости). «Объективное содержание этого обращения—возрастание стоимости—есть субъективная цель капиталиста» (К., I, с. 98). Капиталист направляет свой капитал в ту или иную сферу производства, в зависимости от степени возрастания капитала, приложенного в данной сфере. Распределение капиталов между различными сферами производства зависит от степени возрастания в них капитала.

Степень возрастания капитала определяется отношением между д, приращением капитала, и Д, авансированным капиталом. В простом товарном хозяйстве стоимость товаров выражалась формулою $T=c+(v+m)$ [1]. Ремесленник отсчитывает из стоимости готового продукта стоимость затраченных им средств производства, т. е. c, а остаток $(v+m)$, прибавленный его трудом, частью затрачивается на необходимые средства существования ремесленника и его семьи (v), частью же представляет собою фонд для расширенного потребления или расширенного производства (m). Для капиталиста та же самая стоимость продукта имеет вид $T=(c+v)+m$. Из стоимости товара капиталист отсчитывает $(c+v)=k$, авансированный капитал или издержки производства, безразлично затраченные на покупку средств производства (c) или рабочей силы (v). Остаток m он считает своею прибылью [2]. Таким образом, $c+v=k$, а $m=p$. Формула $T=(c+v)+m$ пре-

[1]) T означает стоимость товара, c — постоянный капитал, v — переменный k — весь капитал, m — прибавочная стоимость, m′ — норма прибавочной стоимости p — прибыль, p′ — норма прибыли. Категории c, v, m имеют полную силу лиш в применении к капиталистическому хозяйству. В применении к простому товарном хозяйству мы пользуемся этими категориями лишь в условном смысле.

[2]) Мы отожествляем здесь всю прибавочную стоимость m с прибылью.

вращается в формулу $T = k + p$, т. е. «товарная стоимость равна издержкам производства + прибыль» (К., III[1], с. 11). Капиталиста, однако, интересует не абсолютный размер прибыли, а отношение ее к авансированному капиталу, норма прибыли $p' = \frac{p}{k}$. Норма прибыли выражает «то числовое отношение, в котором самовозрастает стоимость всего капитала» (К., III[1], с. 19). Таким образом, установленная нами выше зависимость распределения капитала от степени возрастания его в различных сферах производства, означает, что регулятором распределения капиталов становится норма прибыли.

Переход капиталов из сфер производства с более низкою нормою прибыли в сферы производства с более высокою создает тенденцию к уравнению нормы прибыли во всех сферах производства, к установлению общей средней нормы прибыли. Конечно, полностью эта тенденция никогда не осуществляется в неорганизованном капиталистическом хозяйстве, как и не осуществляется в нем полное равновесие между различными сферами производства. Но это отсутствие равновесия, сопровождаемое различиями в норме прибыли, приводит к переливу капиталов, имеющему тенденцию уравнять норму прибыли и установить равновесие между отдельными сферами производства. Это «постоянное уравнение постоянно возникающих неравенств» (К., III[1], с. 144) вызывается стремлением капиталов к наивысшей норме прибыли. При капиталистическом производстве «дело идет о том, чтобы на капитал, авансированный на производство, извлечь ту же самую прибавочную стоимость или прибыль, какая приходится на всякий другой капитал такой же величины, или pro rata его величины, независимо от того, в какой отрасли производства он применяется... В этой форме капитал сам начинает сознавать себя как общественную силу, в которой каждый капиталист имеет свою долю, пропорциональную его участию во всем общественном капитале» (К., III[1], с. 143, 144). Для того, чтобы установилась такая общая средняя норма прибыли, необходима наличность конкуренции между капиталами, занятыми в различных сферах производства, возможность для них перехода из одной сферы в другую, так как в противном случае в различных сферах производства могут установиться различные нормы прибыли. При возможности указанной конкуренции капиталов, равновесие между различными сферами производства теоретически может установиться только в том случае, если доставляемые ими нормы прибыли приблизительно равны, если в каждой из этих сфер капиталисты, работающие при средних, общественно-необходимых условиях, выручают общую среднюю норму прибыли.

Итак, равновеликие капиталы, занятые в различных сферах производства, доставляют одинаковую прибыль. Капиталы, различные по величине, доставляют прибыли, пропорциональные их размерам. Если капиталы K и K_1 дают прибыли p и p_1, то $\frac{p}{K} = \frac{p_1}{K_1} = p'$, где p' есть общая средняя норма прибыли. Но откуда получает капиталист свою прибыль p. Из продажной цены товара. Прибыль капиталиста p есть избыток продажной цены товара над издержками его

производства. Следовательно, продажные цены различных товаров должны установиться на таком уровне, при котором капиталисты, производители этих товаров, за покрытием или—что то же самое—возмещением своих издержек производства получают остаток продажной цены или прибыль, пропорциональную величине авансированного капитала. Продажная цена товара, которая покрывает издержки производства и доставляет среднюю прибыль на весь авансированный капитал, называется ценою производства. Иначе говоря, ценою производства называется такая цена товара, при которой капиталист выручает среднюю прибыль на авансированный капитал. А так как равновесие различных сфер производства предполагает, как мы видели, получение капиталистами во всех этих сферах средней прибыли, то, следовательно, равновесие различных сфер производства предполагает продажу их продуктов по ценам производства. Цена производства соответствует равновесию капиталистического хозяйства; это теоретически-мыслимый средний уровень цен, при котором прекращаются переливы капиталов из одной отрасли в другую. Если трудовая стоимость соответствовала равновесию труда в различных сферах производства, то цена производства соответствует равновесию капиталов, занятых в различных сферах. «Цена производства является постоянным условием предложения и воспроизводства товаров в каждой отдельной сфере производства» (К., III[1], с. 146), т. е. условием равновесия между различными сферами капиталистического хозяйства.

Цену производства не надо смешивать с рыночными ценами, которые постоянно колеблются вверх и вниз, то превышая цену производства, то не достигая ее. Цена производства есть теоретически-мыслимый центр равновесия, регулятор постоянных колебаний рыночных цен. В условиях капиталистического хозяйства цена производства выполняет такую же социальную функцию, какую рыночная стоимость, определяемая затратами труда, выполняет в условиях простого товарного хозяйства. И первая и последняя суть «цены равновесия», но трудовая стоимость соответствует состоянию равновесия в распределении труда между различными сферами простого товарного хозяйства, а цена производства соответствует состоянию равновесия в распределении капиталов между различными сферами капиталистического хозяйства. Это распределение капиталов в свою очередь означает известное распределение труда. Мы видим, что при различных общественных формах хозяйства конкуренция приводит к установлению различного уровня цен товаров. Как метко выразился Гильфердинг, конкуренция может объяснить нам только «тенденцию к установлению равенства экономических отношений» для отдельных товаропроизводителей. Но в чем именно будет заключаться это равенство экономических отношений,—зависит от объективной социальной структуры народного хозяйства. В одном случае это будет равенство труда, в другом случае равенство капиталов.

Цена производства, как мы видели, равна издержкам производства плюс средняя прибыль на авансированный капитал. Если средняя норма прибыли дана, то вычислить цену производства нетрудно. Пусть аван-

сирован капитал 100, средняя норма прибыли 22%. Если весь авансированный капитал снашивается в течение года, то издержки производства равны всему капиталу. Цена производства равна 100 + 22 = 122. Сложнее расчет в том случае, когда из основной части авансированного капитала спрашивается в течение года только определенная часть. Если капитал 100 состоит из 20v и 80c, из которых в течение года снашиваются только 50c, то издержки производства равны 50c + 20v = 70. К этой сумме прибавляются 22%, но не только на сумму издержек производства 70, а на всю сумму авансированного капитала 100. Цена производства, таким образом, 70 + 22 = 92 (К., III[1], с. 110, 111). Если бы из того же постоянного капитала 80c снашивание в течение года составляло только 30c, то издержки производства равнялись бы 30c + 20v = 50, а к этой сумме попрежнему прибавлялась бы сумма прибыли 22. Цена производства товара равна издержкам его производства плюс средняя прибыль на весь авансированный капитал.

II. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КАПИТАЛОВ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТРУДА.

Для простоты наших расчетов примем, что весь авансированный капитал снашивается в течение года, т. е. издержки производства равны авансированному капиталу. Если два товара произведены при помощи капиталов К и $К_1$, то цена производства первого товара равна К+р'К, второго $К_1+р'К_1$ [1]). Цены производства двух товаров относятся друг к другу как

$$\frac{K + p'\,K}{K_1 + p'\,K_1} = \frac{K\,(1 + p')}{K_1\,(1 + p')} = \frac{K}{K_1}.$$

Цены производства товаров пропорциональны капиталам, при помощи которых эти товары произведены. Равную цену производства имеют товары, произведенные при помощи равных капита-

---

1) Маркс обычно пользуется формулою К+Кр', понимая под К издержки производства, а не капитал (К., III[1], стр. 119, 125). Но в другом месте он указывает, что равные капиталы производят товары, имеющие равную цену производства, «если отвлечься от того, что часть основного капитала входит в процесс труда, не входя в процесс возрастания стоимости» (Theorien, III, S. 76). Выведенная нами в тексте формула пропорциональности цен производства капиталам может быть сохранена даже при частичном потреблении основного капитала, если «стоимость непотребленной части основного капитала причислить к продукту» (там же, S. 74). Примем, что первый капитал 100 состоит из 80c+20v, снашивание основного капитала 50c. Второй капитал 100 состоит из 70c+30v, снашивание 20c. Средняя норма прибыли 20%. Цена производства первого продукта 90, второго 70, т. е. цены производства не равны, хотя капиталы равны. Если, однако, к цифре 90 прибавить непотребленную часть основного капитала, а именно 30 и точно так же к 70 прибавить 50, то в обоих случаях получим 120. Цены производства, включая непотребленную часть основного капитала, пропорциональны капиталам. См. подробный расчет в примечании Каутского в Theorien, III, S. 74, а также К., I, стр. 183 и примечание к ней.

лов. Приравнивание на рынке двух товаров, произведенных в различных отраслях, означает равенство двух капиталов.

Приравнивание на рынке товаров, на производство которых затрачены равные капиталы, означает приравнивание товаров, на производство которых затрачены неравные количества труда. Ибо равные капиталы, при различии их органического состава, приводят в движение неравные массы труда. Пусть один капитал в 100 состоит из 70c и 30v. Другой капитал в 100 состоит из 90c и 10v. При норме прибавочной стоимости в 100%, живой труд рабочего вдвое больше оплаченного труда, выраженного в переменном капитале (т. е. в его заработной плате). Таким образом, на производство первого товара затрачены 70 единиц мертвого труда и 60 живого труда, итого 130; на производство второго товара 90 единиц мертвого труда и 20 живого труда, итого 110. Но так как оба товара произведены равными капиталами, то они на рынке приравниваются друг другу, несмотря на то, что они произведены неравными количествами труда. Равенство капиталов означает неравенство труда.

Такое же расхождение между размерами капиталов и размерами труда получается вследствие различия в периодах оборота переменной части капитала. Примем органический состав обоих капиталов за одинаковый, а именно 80c + 20v. Но в первом капитале его переменная часть оборачивается один раз в течение года, а во втором капитале три раза, т. е. каждую треть года капиталист выплачивает рабочим 20v, а сумма заработной платы, выплаченной рабочим за весь год, составляет 60. Очевидно, что трудовые затраты на первый товар равны 80 + 40 = 120, а на второй товар 80 + 120 = 200. Но так как авансированные капиталы, при всем различии в периодах оборота, в обоих случаях равны 100, то товары приравниваются друг другу, хотя и произведены неравными массами труда. Необходимо отметить, что «разница в периоде оборота сама по себе имеет значение лишь постольку, поскольку она влияет на массу прибавочного труда, которая в течение данного времени может быть присвоена и реализована тем же самым капиталом» (К., III[1], с. 108), т. е. поскольку речь идет о разнице в периоде оборота переменного капитала. Оба указанных явления, а именно различие в органическом составе капиталов и различие периодов оборота, сводятся в конечном счете к тому, что размер капитала сам по себе не может служить показателем количества живого труда, приводимого им в движение, так как последнее количество зависит от: 1) размера переменного капитала и 2) числа его оборотов.

Мы приходим, следовательно, к выводам, которые на первый взгляд опрокидывают теорию трудовой стоимости. Исходя из основного закона равновесия капиталистического хозяйства, а именно из равной нормы прибыли во всех сферах производства, из продажи товаров по ценам производства, содержащим равную норму прибыли, мы получаем следующие результаты. Равные капиталы приводят в движение неравные количества труда. Равные цены производства соответствуют неравным трудовым стоимостям. В теории трудовой стоимости основными звеньями

наших рассуждений служили: трудовая стоимость товара, как функция производительности труда, и распределение труда между различными сферами производства, находящимися в состоянии равновесия. В теории капиталистического хозяйства основными звеньями наших рассуждений служат: цена производства товара и распределение капиталов между различными сферами производства, находящимися в состоянии равновесия. Но цена производства не совпадает с трудовою стоимостью, а распределение капиталов—с распределением труда. Не значит ли это, что основные элементы теории трудовой стоимости являются совершенно излишними для изучения капиталистического хозяйства, что мы должны выбросить этот ненужный теоретический балласт и сосредоточить наше внимание исключительно на ценах производства и распределении капиталов? Мы постараемся показать, что изучение цен производства и распределения капиталов в свою очередь предполагает трудовую стоимость, что эти центральные звенья теории капиталистического хозяйства не исключают указанных выше звеньев теории трудовой стоимости, а, напротив, при дальнейшем анализе неизбежно приводят к ним и вместе с ними включаются в общую теорию равновесия капиталистического хозяйства. От распределения капиталов мы должны перебросить мост к распределению труда, от цены производства—к трудовой стоимости. Сперва займемся первою половиною этой задачи.

Мы видели, что распределение капиталов не совпадает с распределением труда, что равенство капиталов означает неравенство труда. Если капитал в 100, затраченный в данной сфере производства, уравновешивает, через обмен товаров на рынке, капитал в 100, затраченный в любой другой сфере производства, то при различии органического состава этих капиталов это означает, что определенное количество труда, затраченное в первой сфере, уравновешивает другое, неравное ему количество труда, затраченное в другой сфере. Теперь нам остается определить, какие именно количества труда, затраченные в разных сферах производства, уравновешивают друг друга. Хотя размеры капиталов не совпадают точно в их количественном выражении с количествами приводимого ими в движение труда, тем не менее между обоими существует тесная связь. Связь эту мы можем обнаружить, зная органический состав капиталов. Если первый капитал составляет 80c + 20v, а второй 70c + 30v, то при норме прибавочной стоимости в 100% первый капитал приводит в движение 40 единиц живого труда, а второй 60. При данной норме прибавочной стоимости «определенное количество переменного капитала выражает определенное количество приведенной в движение рабочей силы, а следовательно, определенное количество овеществленного труда» (К., III[1], с. 101). «Переменный капитал служит здесь показателем массы труда, приводимого в движение всем капиталом определенной величины» (с. 101). Таким образом, мы узнаем, что в первой сфере производства общее количество затрат труда составляет 120 (80 мертвого и 40 живого), а во второй 130 (70 мертвого и 60 живого). Отправляясь от распределения капиталов между данными сферами производства (по 100 в каждой), мы пришли, через органиче-

ский состав капиталов, к распределению общественного труда между этими же сферами (120 в первой и 130 во второй). Мы узнаем, что масса труда в 120, затраченная в первой сфере, уравновешивает массу труда в 130, затраченную во второй сфере. Капиталистическое хозяйство устанавливает равновесие между неравными количествами труда, поскольку они приводятся в движение равными капиталами. Через законы **равновесия капиталов** мы пришли к **равновесию в распределении** труда. Правда, при условиях простого товарного хозяйства равновесие устанавливается между равными количествами труда, а при условиях капиталистического хозяйства между неравными. Но ведь задача научного исследования заключается только в том, чтобы точно формулировать законы равновесия и распределения труда, какой бы вид эта формула ни принимала. Если мы рассматриваем простую схему воздействия производительности труда через трудовую стоимость на распределение труда, то получаем формулу равновесия равных количеств труда. Если мы предполагаем, что распределение труда направляется распределением капиталов, которое получает значение промежуточного звена в цепи причинных связей, то формула равновесия труда становится зависимою от формулы равновесия капиталов: **уравновешиваются неравные массы труда, приводимые в движение равными капиталами.** Предметом нашего исследования остается попрежнему равновесие и распределение общественного труда. Но в капиталистическом хозяйстве это распределение труда устанавливается реально через распределение капиталов. Поэтому и формула равновесия труда получается более сложная, чем в простом товарном хозяйстве, а именно как производная из формулы равновесия капиталов.

Как видим, и в капиталистическом обществе уравнение вещей на рынке оказывается тесно связанным с уравнением труда. Если на рынке приравниваются продукты двух сфер, произведенные равными капиталами, но с затратами неравных масс труда, это означает, что в процессе распределения общественного труда между разными сферами уравновешиваются неравные массы труда, приводимые в движение равными капиталами. Маркс не ограничивается тем, что констатирует неравенство трудовых стоимостей двух товаров с одинаковыми ценами производства: он дает нам теоретическую формулу отклонения цен производства от трудовой стоимости. Точно так же не ограничивается он констатированием того, что в капиталистическом хозяйстве уравновешиваются неравные массы труда, затраченные в разных сферах: он дает нам теоретическую формулу отклонения распределения труда от распределения капиталов, т. е. устанавливает связь между обоими этими процессами через понятие органического состава капитала.

Для иллюстрации изложенного приведем первую половину таблицы Маркса в III томе «Капитала», с изменением заглавий отдельных рубрик. «Возьмем пять различных сфер производства с различным органическим составом вложенных в них капиталов» (К., III[1], с. 110). Общая сумма общественного капитала равна 500, норма прибавочной стоимости 100%.

Распределение капиталов	Органический состав капиталов	Распределение труда
I. 100	80c+20v	120
II. 100	70c+30v	130
III. 100	60c+40v	140
IV. 100	85c+15v	115
V. 100	95c+ 5v	105

Третья рубрика, названная у нас «Распределение труда» и показывающая количество затраченного в каждой сфере труда, носит у Маркса заглавие «Стоимость продукта», так как трудовая стоимость всего продукта каждой сферы производства определяется количеством затраченного в ней труда. Критики Маркса утверждают, что эта рубрика «Стоимость продукта» является фиктивною, искусственно придуманною и теоретически излишнею. Они упускают из виду, что эта рубрика показывает не только трудовую стоимость продуктов различных сфер производства, но и распределение общественного труда между различными сферами производства, т. е. явление, объективно существующее и имеющее центральное значение для экономической теории. Отказаться от этой рубрики было бы равносильно отказу от экономической теории, изучающей трудовую деятельность общества. Таблица наглядно показывает, каким образом Маркс от распределения капиталов через их органический состав перебрасывает мост к распределению общественного труда[1]. Таким образом, цепь причинных связей удлиняется и приобретает следующий вид: цены производства—распределение капиталов—распределение общественного труда. Теперь мы должны обратиться к анализу первого звена этой цепи, цен производства, и рассмотреть, не предполагает ли это звено других, более первичных звеньев.

III. ЦЕНЫ ПРОИЗВОДСТВА.

Мы пришли выше к следующей схеме причинной связи явлений: цены производства—распределение капиталов—распределение труда. Исходным пунктом в этой схеме является цена производства. Можем ли мы остановиться в нашем анализе на цене производства или должны вести его дальше? Что такое цена производства? Издержки производства плюс средняя прибыль. Но из чего составляются издержки производства? Из стоимости затраченных на производство постоянного и переменного

---

1) К сожалению, Марксу не удалось развить подробнее вопрос о связи между распределением капиталов и распределением труда, но, видимо, он предполагал к нему вернуться. Останавливаясь на вопросе о том, «пропорционально ли, в соответствии ли с этой общественной, количественно определенной потребностью распределен труд между различными сферами производства», Маркс делает к этим словам примечание в скобках: «остановиться на этом пункте в связи с распределением капитала между различными сферами производства» (К., III², стр. 173).

капиталов. Сделаем дальнейший шаг и спросим, чему равна стоимость постоянного и переменного капиталов. Очевидно, стоимости тех товаров (машин, сырья, средств существования и т. п.), которые входят в них. Таким образом, все наше рассуждение вращается в порочном круге: стоимость товаров объясняется ценами производства, т. е. издержками производства, или стоимостью капитала, а последняя в свою очередь сводится к стоимости товаров. «Определять стоимость товаров стоимостью капитала все равно, что определять стоимость товара стоимостью товара» (Theorien, III, S. 82).

Чтобы теория цен производства не превратилась в порочный круг, мы должны найти те условия, в зависимости от которых изменяются как издержки производства, так и средняя норма прибыли. Начнем с издержек производства.

Если средняя норма прибыли остается неизменною, то цена производства товара изменяется в зависимости от изменений издержек производства. Издержки же производства данного товара изменяются в следующих случаях: 1) если, при неизменившихся ценах на средства производства и рабочую силу, изменились их относительные количества, необходимые для производства, т. е. изменилась производительность труда в данной сфере производства; 2) если, при неизменности этих относительных количеств, изменились цены, например средств производства, что предполагает изменение производительности труда в отраслях, производящих последние. В обоих случаях издержки производства изменяются в зависимости от изменений производительности труда и, следовательно, трудовой стоимости данного товара. Итак, «общая норма прибыли остается неизменной. Тогда цена производства товара может измениться лишь при том условии, если изменилась его собственная стоимость, если теперь требуется больше или меньше труда, чем раньше, для воспроизводства его самого,—причем безразлично, изменяется ли производительность того труда, который производит данный товар в окончательной форме, или того труда, который производит товары, входящие в производство данного товара. Хлопчатобумажная пряжа может упасть в цене производства или потому, что дешевле производится сырой хлопок, или потому, что труд прядения стал производительнее вследствие улучшения машин» (К., III[1], с 151. То же на с. 119).

Необходимо отметить, что издержки производства в своем количественном выражении не совпадают точно с трудовою стоимостью товаров, входящих в их состав. «Так как цена производства товара может отклоняться от его стоимости, то и издержки производства товара, в которых включена эта цена производства другого товара, могут быть выше или ниже той части всей его стоимости, которая образуется стоимостью входящих в него средств производства» (К., III[1], с. 118). Как видим, это обстоятельство, которому придавал такое большое значение в своей критике марксовой теории М. Туган-Барановский, было отлично известно самому Марксу, который даже предостерегал, «что всегда возможна ошибка, если приравнять в какой-либо отдельной сфере производства издержки производства товаров к стоимости потребленных при их изготовлении средств производства» (К., III[1], с. 118. О том же на с. 115 и

152). Но это отклонение ни в малейшей степени не устраняет того факта, что изменения трудовой стоимости, вызываемые развитием производительности труда, вызывают изменения в издержках производства и, следовательно, в ценах производства, что и требовалось доказать. Несовпадение количественных выражений различных рядов явлений не устраняет наличия причинной связи между ними и зависимости изменений одного ряда от изменений другого. Если только мы можем установить законы этих зависимостей, задача наша выполнена.

Вторую часть цены производства, кроме издержек производства, составляет средняя прибыль, т. е. средняя норма прибыли, умноженная на капитал. Нам придется теперь рассмотреть подробнее как образование средней нормы прибыли и ее размер, так и ее изменения.

Теория прибыли изучает соотношение и законы изменения доходов отдельных промышленных капиталистов и целых групп их. Но производственные отношения между отдельными капиталистами и их группами не могут быть поняты без предварительного изучения основного производственного отношения между классом капиталистов и классом наемных рабочих. Понятно поэтому, что теория прибыли, изучающая соотношение доходов отдельных капиталистов и их групп, строится Марксом на основе теории прибавочной стоимости, изучающей соотношение доходов класса капиталистов и класса наемных рабочих.

Из теории прибавочной стоимости мы знаем, что в капиталистическом хозяйстве стоимость продукта разлагается на следующие три части. Одна часть (c) возмещает стоимость потребленного в производстве постоянного капитала, это—воспроизведенная, а не произведенная стоимость. Вычитая эту стоимость из стоимости всего продукта (T—c), получаем стоимость, произведенную живым трудом, «созданную» им, являющуюся результатом данного процесса производства. Эта стоимость в свою очередь делится на две части: одна (v) возмещает стоимость средств существования рабочих, их заработной платы или, что то же самое, переменного капитала. Остаток $m=T-c-v=T-(c+v)=T-k$, и есть прибавочная стоимость, достающаяся классу капиталистов и расходуемая им для целей личного потребления и для расширения производства (т. е. накопления). Таким образом, вся полученная стоимость делится на фонд воспроизводства постоянного капитала (c), фонд существования рабочих или воспроизводства рабочей силы (v) и фонд существования капиталистов и расширенного воспроизводства (m).

Последний фонд получается благодаря тому, что труд, затраченный рабочими в процессе производства, больше труда, необходимого для производства их фонда существования. Значит, прибавочная стоимость тем больше, чем больше первый труд и чем меньше последний, она определяется избытком первого над последним, т. е. величиною неоплаченного или прибавочного труда. Прибавочная стоимость «создается» прибавочным трудом. Однако, как мы уже выяснили выше, ошибочно представлять себе дело таким образом, будто прибавочный труд, как материальная деятельность, «создает» прибавочную стоимость, как свойство вещи. Прибавочный труд «выражается», «проявляется»,

«представляется» (sich darstellt) в прибавочной стоимости. Величина последней изменяется в зависимости от изменения количества первого.

Величина прибавочного труда зависит: 1) либо от отношения его к необходимому, оплаченному труду, т. е. от нормы прибавочного труда или прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$, 2) либо, принимая эту норму за данную, от числа рабочих [1]), т. е. от количества живого труда, приводимого в движение капиталом. При данной норме прибавочной стоимости общая сумма последней зависит от общего количества живого труда и, следовательно, прибавочного труда. Возьмем теперь два равных капитала по 100, которые, в силу тенденции нормы прибыли к уравнению, доставляют равную прибыль. Если капиталы затрачены исключительно на оплату рабочей силы (v), то они приводят в движение равные массы живого труда и, следовательно, прибавочного труда. Таким образом равные прибыли, соответствующие равным капиталам, одновременно соответствуют равным количествам прибавочного труда; прибыль совпадает с прибавочной стоимостью. Тот же результат получится, если оба капитала делятся в одинаковой пропорции на постоянный и переменный капиталы. Равенство переменных капиталов означает равенство живого труда, приводимого ими в движение. Но, если капитал 100 в одной сфере производства равен 70c+30v, а другой капитал 100 в другой сфере равен 90c+10v, то приводимые ими в движение массы живого и, следовательно, прибавочного труда неодинаковы. Несмотря на это, капиталы эти, как равные, в силу конкуренции капиталов между различными сферами производства приносят равную прибыль, например 20. Очевидно, прибыли, приносимые этими капиталами, не соответствуют массам приводимого ими в движение живого и, следовательно, прибавочного труда, не пропорциональны им. Иначе выражаясь, капиталисты получают иные суммы прибыли, чем они получали бы при том условии, если бы прибыли были пропорциональны прибавочному труду или прибавочной стоимости. Только в таком смысле и следует понимать слова Маркса, что капиталисты «реализуют не ту прибавочную стоимость, а, следовательно, и не ту прибыль, которые произведены в их собственной отрасли при изготовлении этих товаров» (К., III[1], с. 113). Некоторые критики Маркса понимали его в том смысле, что первый из указанных выше капиталов как бы «отдает» второму капиталу 10 единиц труда, приложенного первым; часть прибавочного труда и прибавочной стоимости, подобно материальной жидкости, «перетекает», «переливается» из одних сфер производства в другие, а именно, из сфер с низким органическим составом капитала в сферы, отличающиеся высоким органическим составом капитала. «Прибавочные стоимости, выжатые из рабочих в отдельных сферах производства, должны притекать из одной сферы в другую до тех пор, пока нормы прибыли не уравняются и все капиталисты не получат среднюю норму прибыли... Однако, такое предположение невозможно,

---

[1]) Длина рабочего дня и интенсивность труда принимаются за данные.

так как прибавочная стоимость представляет собою первоначально не денежную цену, а только кристаллизованное рабочее время и, как таковое, не может притекать из одной сферы в другую. И, что еще важнее, в действительности не прибавочная стоимость, а сами капиталы перетекают из одной сферы производства в другую до тех пор, пока не уравняются нормы прибыли»[1]). Само собой понятно,—и не требует доказательств здесь,—что и по Марксу процесс уравнения нормы прибыли происходит при помощи перехода капиталов, а не прибавочных стоимостей, из одной сферы производства в другую (К., III[1], с. 144, 145, 112, 113, 130, 131, 284, 285 и др.). Но этот переход капиталов, благодаря которому в различных сферах производства устанавливаются цены производства, содержащие равную норму прибыли, приводят к тому, что прибыли, получаемые капиталами, не пропорциональны количествам живого и, следовательно, прибавочного труда, приводимого ими в движение. Но если соотношение прибылей двух капиталов, занятых в различных сферах производства, не соответствует соотношению количеств занятого ими живого труда, то отсюда еще не следует, что часть прибавочного труда или прибавочной стоимости «передается», «переливается» из одной сферы производства в другую. Такое представление, основанное на буквальном толковании некоторых выражений Маркса и иногда проскальзывающее также у некоторых марксистов, вытекает из взгляда на стоимость, как на некоторое материальное вещество, обладающее свойством текучести. Но если стоимость есть не вещество, переходящее от одного человека к другому, а общественное отношение между людьми, фиксированное, «выраженное», «представленное» в вещи, то указанное представление о «переливании» стоимости из одной сферы производства в другую не только не вытекает из марксовой теории стоимости, но даже в корне противоречит учению Маркса о стоимости, как явлении общественном.

Если в капиталистическом обществе отсутствует непосредственная зависимость прибыли капиталиста от количества приводимого его капиталом в движение живого и, следовательно, прибавочного труда, не значит ли это, что мы вообще отказываемся найти законы образования средней нормы прибыли и причины, влияющие на ее уровень? Почему средний уровень прибыли в данной стране составляет 10%, а не 5% и не 25%? Мы не требуем от политической экономии точной формулы для вычисления в каждом случае средней нормы прибыли. Но мы вправе требовать, чтобы наука не принимала данную норму прибыли за исходный пункт исследования, не требующий в свою очередь никаких объяснений, а постаралась отыскать те основные причины, те ряды явлений, изменение которых вызывает повышение или понижение средней нормы прибыли, т. е. устанавливает уровень ее. Эту задачу имеет в виду Маркс в своих известных таблицах в 9-й главе третьего тома «Капитала». Так как вторая и третья таблицы Маркса принимают в

---

1) Budge, Der Kapitalprofit, 1920, S. 48. На этом же строит свою критику Heimann, Methodologisches zu den Problemen des Wertes. Archiv für Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik, 1913, B. 37, H. 3, S. 777.

расчет также частичное снашивание основного капитала, то мы, чтобы не усложнять расчетов, возьмем за основу первую его таблицу, соответственным образом дополнивши ее. Маркс берет пять различных сфер производства, с различным органическим составом вложенных в них капиталов. Норма прибавочной стоимости повсюду одна и та же, 100%.

Совокупный капитал общества составляет 500, из них 390c и 110v; он распределен между пятью сферами, по 100 в каждой. Органический состав капиталов показывает, сколько в каждой сфере приложено живого и, следовательно, прибавочного труда. Общая трудовая стоимость продуктов равна 610, совокупная прибавочная стоимость 110. Если бы товары каждой сферы продавались по их трудовой стоимости или—что то же самое—если бы прибыли в каждой сфере соответствовали количествам живого и, следовательно, прибавочного труда, прило-

Капиталы	Трудовая стоимость продуктов	Прибавочная стоимость	Средняя норма прибыли	Цена производства продуктов	Отклонение цены производства от стоимости (и прибыли от прибавочной стоимости)
I. 80c + 20v	120	20	22%	122	+ 2
II. 70c + 30v	130	30	22%	122	— 8
III. 60c + 40v	140	40	22%	122	— 18
IV. 85c + 15v	115	15	22%	122	+ 7
V. 95c + 5v	105	5	22%	122	+ 17
390c +110v	610	110	110	610	0
78c + 22v	—	22	—	—	—

женного в данной сфере, то прибыли отдельных сфер производства были бы равны: 20%, 30%, 40%, 15%, 5%. Наивысшую прибыль получали бы сферы с низким органическим составом капитала, а более низкую прибыль сферы с высоким органическим составом капитала. Но, как мы знаем, такое различие норм прибыли в капиталистическом обществе невозможно, так как оно вызвало бы переход капиталов из сфер с низкою нормою прибыли в сферы с высокою, пока во всех сферах не установилась бы одна и та же средняя норма прибыли, в данном случае 22%. Товары, произведенные равными капиталами по 100, продаются по равным ценам производства в 122, хотя они произведены неравными количествами труда. Каждый капитал в 100 получает прибыль 22%, хотя равные капиталы в различных сферах приводят в

движение неодинаковые количества прибавочного труда. «Каждый авансированный капитал, каков бы ни был его состав, приносит в течение года или иного промежутка времени столько прибыли на 100, сколько ее за этот же промежуток времени приходится на каждую сотню всего капитала. Поскольку дело касается прибыли, различные капиталисты относятся здесь друг к другу как простые акционеры одного акционерного предприятия, в котором прибыль, приходящаяся на долю отдельных членов, распределяется равномерно на каждую сотню капитала» (К., III[1], с. 113).

На каком же уровне устанавливается средняя норма прибыли, почему она в данном случае равна именно 22%? Представим себе, что все сферы производства расположены в нисходящий ряд, в зависимости от количества живого труда, приводимого в движение каждою сотнею капитала. Переменные части капиталов (взятые в процентном отношении) сверху вниз уменьшались бы (или, что то же самое, органический состав капиталов возрастал бы сверху вниз). Параллельно и в том же отношении уменьшались бы сверху вниз нормы прибыли, которые приходились бы на долю каждого капитала, если бы его прибыль определялась количеством приводимого им в движение живого труда или размерами его переменного капитала. Но, как мы знаем, такое различие норм прибыли невозможно. Конкуренция капиталов устанавливает общую для всех сфер производства среднюю норму прибыли, находящуюся где-то по середине нисходящего ряда различных норм прибыли. Эта средняя норма прибыли соответствует капиталу с средними размерами приводимого в движение живого труда или с средними размерами переменной части. Иначе говоря, «средняя норма прибыли есть не что иное, как вычисленная в процентах прибыль в сфере производства среднего состава, где, следовательно, прибыль совпадает с прибавочною стоимостью» (К., III[1], с. 125). В данном случае весь общественный капитал 500 состоит из 390c+110v, средний состав каждой его сотни 78c+22v; при норме прибавочной стоимости в 100%, на каждую сотню такого капитала среднего состава приходится 22% прибавочной стоимости. Размер этой прибавочной стоимости и определяет высоту средней нормы прибыли. Последняя, таким образом, определяется отношением *общей массы прибавочной стоимости* (m), произведенной в обществе, к *совокупному общественному капиталу* (K), или $p' = \frac{m}{k}$.

К тому же выводу Маркс приходит и другим путем. Он пользуется при этом методом сравнения, к которому часто прибегает для выяснения характерных особенностей капиталистического хозяйства. В данном случае, в вопросе о средней норме прибыли, он сравнивает развитое капиталистическое хозяйство с 1) *простым* товарным хозяйством и 2) *эмбриональным или гипотетическим* капиталистическим хозяйством, отличающимся от развитого капитализма *отсутствием конкуренции* между капиталами *разных* сфер производства, т. е. прикрепленностью каждого капитала к определенной сфере производства.

Итак, представим себе сперва общество простых товаропроизводи-

телей, обладающее средствами производства стоимостью в 390 трудовых единиц и живым трудом своих членов в сумме 220. Эти производительные силы общества, составляющие 610 единиц живого и мертвого труда, распределены между пятью сферами производства, причем комбинация живого и мертвого труда в разных сферах различна, в зависимости от их технических особенностей. Пусть комбинация их такова (первая цифра означает мертвый труд, вторая живой): I 80 + 40, II 70 + 60, III 60 + 80, IV 85 + 30, V 95 + 10. Предположим, что производительность труда достигла уже такой ступени развития, при которой мелкий производитель половиною своего труда воспроизводит стоимость необходимых для него средств существования. В таком случае общая стоимость продуктов 610 разлагается на фонд воспроизводства средств производства 390, фонд существования производителей 110 и прибавочную стоимость 110, которая остается в руках тех же мелких товаропроизводителей, и которую они могут затратить для целей расширенного потребления, либо для расширенного производства (или частично на то и на другое). Эта прибавочная стоимость 110 будет распределена между отдельными сферами производства и отдельными товаропроизводителями пропорционально затраченному труду; распределение ее между отдельными сферами будет: 20, 30, 40, 15, 5. Правда, эти массы прибавочной стоимости пропорциональны только массам живого труда, но не мертвого, приложенного в каждой сфере. При расчете на все количество труда в каждой сфере (ж и в о г о и м е р т в о г о), эти массы прибавочной стоимости дали бы неравные нормы прибыли[1]). Но в простом товарном обществе производители и не знают категории прибыли. На средства производства они смотрят не как на капитал, долженствующий приносить определенную норму прибыли, но как на условие приложения труда, дающее возможность каждому товаропроизводителю поставить свой труд в равные условия с другими производителями, т. е. в такие условия, при которых равные количества живого труда доставляют равные стоимости.

Теперь представим себе, что во главе хозяйств стоят не простые товаропроизводители, а капиталисты. Остальные условия остались все без изменений. Очевидно потому, что как стоимость всего продукта, так и стоимость отдельных фондов, на которые она разлагается, остались без изменения. Разница та, что фонд расширенного потребления и расширенного производства (или прибавочная стоимость) в 110 остается не в руках непосредственных производителей, а в руках капиталистов. Та же совокупная общественная стоимость иначе распределяется между общественными классами. Так как стоимость продуктов отдельных сфер производства не изменилась, то прибавочная стоимость распределяется между отдельными сферами и отдельными капиталистами в такой же пропорции, как раньше. Капиталисты каждой из пяти сфер получают: 20, 30, 40, 15, 5. Но они рассчитывают эти массы приба-

---

[1]) Разумеется, категории прибавочной стоимости и прибыли простому товарному хозяйству неизвестны. Речь идет здесь о той части товарной стоимости, производимой простыми товаропроизводителями, которая в условиях капиталистического хозяйства приняла бы форму прибавочной стоимости или прибыли.

вочной стоимости на весь авансированный капитал, который в каждой сфере составляет 100. Получаются различные нормы прибыли, которые могут быть таковыми лишь при условии отсутствия конкуренции между отдельными сферами производства.

Наконец, от гипотетического капитализма перейдем к действительному капитализму, при котором между различными сферами производства существует конкуренция капиталов. В таком случае различие норм прибыли невозможно, так как оно вызвало бы передвижение капиталов из одних сфер в другие до тех пор, пока во всех сферах не установилась бы равная норма прибыли. Иначе говоря, прежняя масса прибавочной стоимости будет теперь иначе распределяться между различными сферами и между отдельными капиталистами, а именно пропорционально авансированным ими капиталам. Но это видоизмененное распределение прибавочной стоимости происходит при условии неизменившейся общей стоимости фонда расширенного потребления и расширенного производства. Прежняя масса прибавочной стоимости распределяется между отдельными капиталистами сообразно величине их капиталов. Получается **средняя норма прибыли, определяемая отношением совокупной прибавочной стоимости к совокупному общественному капиталу.**

Сравнение между простым товарным, гипотетическим капиталистическим и развитым капиталистическим хозяйством изложено у Маркса не в таком связном виде, в каком мы изложили его здесь. О простом товарном хозяйстве Маркс говорит в 10-й главе (К., III[1], стр. 127, 128), гипотетическое капиталистическое хозяйство он берет за основу анализа в восьмой главе и в таблицах девятой главы, где предполагается отсутствие конкуренции между отдельными сферами и различные нормы прибыли. Изложенное нами сравнение трех различных типов хозяйств вызывает следующие сомнения. Что касается простого товарного хозяйства, то оно обычно предполагает преобладание живого труда над мертвым и приблизительно однородное соотношение между ними в различных сферах производства; в наших же схемах это соотношение предполагается различным в различных сферах. Это возражение, однако, не имеет большого значения, так как различное соотношение между живым и мертвым трудом, хотя исторически не было свойственно простому товарному хозяйству, но логически не противоречит этому типу хозяйства и может быть принято в качестве предположения в теоретической схеме. Более серьезные сомнения возбуждает схема эмбрионального или гипотетического капиталистического хозяйства. Если отсутствие в последнем конкуренции между капиталами разных сфер объясняет нам, почему товары не продаются по ценам производства, то оно же делает необъяснимым факт продажи товаров в соответствии с их трудовыми стоимостями. Ведь и в простом товарном хозяйстве продажа товаров по трудовым стоимостям может поддерживаться только при условии возможности переливов труда из одних сфер в другие, т. е. при наличии конкуренции между ними. В одном месте Маркс отмечает, что продажа товаров по трудовым стоимостям предполагает, как не-

обходимое условие, чтобы никакая естественная или искусственная монополия не давала возможности сторонам, совершающим сделку, продавать выше стоимости и не вынуждала уступать ниже ее (К., III[1], с. 129). Но если отсутствует конкуренция между капиталами, которые прикреплены каждый к своей сфере, то в результате получается состояние монополии. Продажа по ценам выше трудовой стоимости не вызовет прилива капиталов из других сфер, продажа по ценам ниже трудовой стоимости не вызовет отлива капиталов из данной сферы в другие. Закономерность в установлении меновых пропорций товаров в соответствии с их трудовою стоимостью исчезает. На каком же основании схема эмбрионального капиталистического хозяйства предполагает, при отсутствии конкуренции между капиталами разных сфер, продажу товаров по трудовым стоимостям?

Дать ответ на этот вопрос можно, по нашему мнению, только при том изложении схем, которое мы дали выше. Схема № 2 представляет не изображение исторически существовавшего эмбрионального капитализма, но гипотетическую теоретическую схему, полученную из схемы № 1 (простого товарного хозяйства) при помощи методологического приема, заключающегося в изменении только одного из условий схемы, с сохранением всех прочих ее условий. В схеме № 2, по сравнению со схемою № 1, изменено только одно условие: предположено, что во главе хозяйств стоят не мелкие товаропроизводители, а капиталисты. Остальные условия сохранены прежние: массы живого и мертвого труда в каждой сфере, стоимость всего продукта и масса прибавочной стоимости, а значит и цены продуктов; таким образом сохраняется попрежнему продажа товаров по трудовым стоимостям. Последняя представляет собою теоретическое условие, перенесенное во 2-ю схему из 1-й схемы и возможное только при наличности другого, дополнительного теоретического условия, а именно при отсутствии конкуренции между капиталистами разных сфер. Поэтому, как только при переходе от 2-й схемы к 3-й схеме (развитого капитализма) мы изменяем это единственное условие, т. е. вводим предположение конкуренции капиталов, то тем самым продажа товаров по трудовым стоимостям уступает место продаже по ценам производства, реализующим для капиталистов среднюю норму прибыли. Но, совершивши переход от 2-й схемы к 3-й схеме при помощи такого же методологического приема изменения одного из условий схемы, мы оставляем неизменными прочие ее условия, в частности прежнюю массу прибавочной стоимости. Таким-то образом мы и получаем вывод, что образование общей средней нормы прибыли представляет собою перераспределение между капиталистами прежней совокупной массы прибавочной стоимости, отношение которой к совокупному общественному капиталу и определяет высоту средней нормы прибыли. Повторяем, это «перераспределение» прибавочной стоимости должно быть, по нашему мнению, понимаемо не в смысле исторического процесса, который происходил во времени и которому предшествовало эмбриональное капиталистическое хозяйство с различными нормами прибыли

в различных сферах[1]). Это—теоретическая схема распределения прибыли в капиталистическом обществе, схема, полученная из схемы № 1 (простого товарного хозяйства) посредством двукратного изменения условий схемы. При переходе от схемы № 1 к схеме № 2 было предположено, что изменился общественный класс, получающий прибавочную стоимость. При переходе от схемы № 2 к схеме № 3 было предположено, что в пределах того же класса капиталистов произошло перераспределение прибылей между разными сферами. Оба эти перехода составляют в сущности два логических звена одного рассуждения, обособленных для наглядности, но не существующих раздельно. По нашему мнению, неправильно превращать среднее логическое звено, схему № 2, в исторически существовавший тип хозяйства, переходный от простого товарного к развитому капиталистическому.

Итак, средняя норма прибыли количественно определяется отношением между общею массою прибавочной стоимости и совокупным общественным капиталом. Мы полагаем, что в марксовой системе средняя норма прибыли определяется, как величина производная от массы совокупной прибавочной стоимости, а не от различных норм прибыли, как может показаться при первом чтении Маркса. Выведение средней нормы прибыли из различных норм ее вызывает возражения, основанные на том, что существование в разных сферах различных норм прибыли, поскольку оно вызывается продажею продуктов разных сфер по их трудовым стоимостям, исторически и логически не доказано. Но, как мы уже изложили выше, различие норм прибыли в разных сферах играет у Маркса только роль теоретической схемы, выясняющей при помощи сравнения образование и высоту средней нормы прибыли. Сам Маркс подчеркивает, что «общая норма прибыли определяется двумя факторами: 1) органическим составом капиталов в различных сферах производства, следовательно, различными нормами прибыли в отдельных сферах; 2) распределением всего общественного капитала между этими различными сферами, следовательно, относительною величиною капитала, вложенного в каждую отдельную сферу и имеющего особую норму прибыли» (К., III[1], с. 117). Очевидно, что различные нормы прибыли отдельных сфер служат для Маркса только числовыми выражениями, показателями органического состава капитала, т. е. массы живого и, следовательно, прибавочного труда, приводимого в движение каждою сотнею капитала в данной сфере. Этот факт комбинируется со вторым, т. е. количество прибавочного труда, приходящееся в каждой сфере на одну сотню капитала,

1) Разумеется, мы не отрицаем, что в реальной капиталистической действительности постоянно наблюдается различие нормы прибыли в разных сферах, которое вызывает тенденцию к переливу капиталов, в свою очередь устраняющему неравенства в норме прибыли. Точно так же не отрицаем мы, что в период неразвитого капитализма неравенства в норме прибыли были очень значительны. Но мы отвергаем теорию, утверждающую, что эти неравенства нормы прибыли вызывались именно тем, что, с одной стороны, товары продавались по их трудовым стоимостям, а с другой — между разными сферами отсутствовала конкуренция. Если мы предполагаем, что между разными сферами отсутствовала конкуренция, то становится непонятным, почему же товары продавались по трудовым стоимостям.

умножается на величину (т. е. число сотен) капитала, вложенного в данную сферу. В результате получаем массу прибавочного труда и прибавочной стоимости, сперва в отдельных сферах, а затем во всем общественном хозяйстве. Таким образом, средняя норма прибыли определяется в последнем счете не различными нормами прибыли в разных сферах, а совокупною массою прибавочной стоимости и отношением ее к совокупному общественному капиталу [1], т. е. величинами, теоретически не вызывающими сомнения,—конечно, с точки зрения теории трудовой стоимости,—и вместе с тем выражающими вполне реальные явления народного хозяйства, а именно массы живого общественного труда и общественного капитала. В том именно и состоит своеобразие марксовой теории цен производства, что весь вопрос о соотношении между прибавочною стоимостью и прибылью перенесен ею с единичного капитала на совокупный общественный капитал. Вот почему в нашем изложении марксовой теории различные нормы прибыли в разных сферах не служат необходимым промежуточным звеном учения о средней норме прибыли, которое вкратце может быть резюмировано следующим образом. В капиталистическом хозяйстве *распределение капиталов* не пропорционально *распределению живого труда*. На сотню капитала в различных сферах приходится *различное* количество живого и, следовательно, *прибавочного труда* (различные нормы прибыли представляют не более, как числовое выражение этого соотношения между прибавочным трудом и капиталом в каждой сфере). Этот *органический состав* капиталов в различных сферах и *величина капитала* в каждой из них определяют *общую массу прибавочного труда* и *прибавочной стоимости* как в отдельных сферах, так и во всем обществе. Так как в силу конкуренции капиталов разные капиталы в различных сферах получают *равную прибыль*, то прибыль, получаемая отдельными капиталами, не пропорциональна количествам приводимого ими в движение живого труда и, следовательно, *не пропорциональна прибавочной стоимости*, а определяется среднею нормою прибыли, т. е. отношением *совокупной прибавочной стоимости к совокупному общественному капиталу*.

Если чтение 8-й главы III тома «Капитала» может вызвать представление, будто различие норм прибыли, вызываемое продажею товаров по их трудовым стоимостям, играет у Маркса роль необходимого звена в его построениях, то объясняется это следующею особенностью изложения Маркса. Когда Маркс подходит к решающим местам своей системы, когда он должен перейти от общего определения к более

---

1) Если весь капитал общества составляет 1 000, а масса совокупной прибавочной стоимости 100, то общая средняя норма прибыли будет 10%, как бы ни распределялся совокупный живой труд общества между отдельными сферами и, следовательно, какие бы нормы прибыли ни складывались в отдельных сферах. Обратно, если при том же совокупном капитале в 1 000 масса совокупной прибавочной стоимости увеличится до 150, то, хотя бы нормы прибыли в отдельных отраслях производства остались неизменными (что возможно при ином распределении капиталов между ними), общая средняя норма прибыли поднимется с 10% до 15%.

частному, от общего понятия к его модификации, от одной «определенности формы» к другой, он прибегает к следующему способу изложения. Он с огромною силою мысли делает все логические выводы из первого развитого им определения, бесстрашно доводит до логического конца все следствия из него, обнаруживая перед читателем всю противоречивость этих следствий, логическую или реальную, т. е. несоответствие их действительности. Когда внимание читателя напряжено уже до последней степени, когда ему начинает уже казаться, что прежнее определение, как противоречивое, должно быть совершенно отброшено, Маркс приходит ему на помощь и предлагает свой выход, заключающийся в том, что прежнее определение не отбрасывается, но лишь «модифицируется», развивается и дополняется, чем устраняются обнаруживающиеся противоречия. Так поступает Маркс в 4-й главе I тома «Капитала», при переходе от стоимости товаров к стоимости рабочей силы. Из обмена товаров по их трудовой стоимости он выводит невозможность образования прибавочной стоимости, т. е. приходит к выводу, явно противоречащему действительности. В дальнейшем этот вывод устраняется теорией стоимости рабочей силы. Точь-в-точь таким же образом построена 8-я глава III тома «Капитала». Из продажи товаров по трудовым стоимостям Маркс выводит различие норм прибыли в различных сферах и, доведя свой вывод до конца, в самом заключении 8-й главы констатирует противоречие этого вывода действительности и необходимость разрешить это противоречие. Как в I томе «Капитала» Маркс ни на минуту не утверждает невозможности прибавочной стоимости, так здесь он не утверждает возможности различных норм прибыли. Невозможность прибавочной стоимости в 4-й главе I тома и возможность различных норм прибыли в 8-й главе III тома служат у Маркса не логически необходимыми звеньями его построений, но доказательствами от противного, доведением до логического абсурда, признаком того, что исследование еще не кончено и должно быть продолжено дальше. Маркс утверждает не существование различных норм прибыли, но, наоборот, недостаточность всякой теории, основанной на таком предположении.

Мы пришли к выводу, что средняя норма прибыли определяется отношением совокупной прибавочной стоимости к совокупному общественному капиталу. Отсюда следует, что изменения средней нормы прибыли могут вызываться как изменениями нормы прибавочной стоимости, так и изменившимся отношением всей прибавочной стоимости ко всему общественному капиталу. В первом случае «изменение это может иметь место вследствие того, что стоимость рабочей силы повысилась или понизилась; то и другое одинаково невозможно без изменения в производительности труда, создающего средства существования, следовательно, без изменения стоимости товаров, входящих в потребление рабочих» (К., III[1], с. 151). Теперь возьмем второй случай, когда изменения исходят от капитала, а именно от увеличения или от уменьшения его постоянной части. Но изменившееся отношение постоянного капитала к труду доказывает изменение в производительности труда, «следовательно, во всяком случае должно иметь место изме-

нение в производительности труда и должно произойти изменение стоимости известных товаров» (там же). Изменения средней нормы прибыли, исходят ли они от нормы прибавочной стоимости или от капитала, в обоих случаях вызываются в последнем счете изменениями в производительности труда и, следовательно, изменениями стоимости каких-нибудь товаров.

Из изложенного вытекает, что как изменения издержек производства, так изменения средней нормы прибыли вызываются изменениями в производительности труда. А так как цена производства состоит из издержек производства плюс средняя прибыль, то изменения цен производства вызываются в последнем счете изменениями в производительности труда и трудовой стоимости тех или других товаров. Если изменение цен производства вызывается изменением в издержках производства, то, значит, изменилась производительность труда в данной сфере производства и трудовая стоимость данного товара. «Если же изменяется цена производства известного товара вследствие изменения общей нормы прибыли, то, хотя собственная стоимость этого товара может остаться неизменной, тем не менее необходимо должно произойти изменение стоимости других товаров» (там же), т. е. изменение производительности труда в других сферах. Во всяком случае, цена производства изменяется в зависимости от изменений производительности труда и соответствующих изменений трудовой стоимости. Производительность труда—абстрактный труд—стоимость—издержки производства плюс средняя прибыль—цена производства; такова схема причинных связей между ценою производства, с одной стороны, и производительностью труда и трудовою стоимостью, с другой.

IV. ТРУДОВАЯ СТОИМОСТЬ И ЦЕНЫ ПРОИЗВОДСТВА.

Теперь, наконец, мы можем считать, что цепь логических звеньев, образующих марксову теорию цен производства, замкнулась. Цепь эта состоит из следующих основных звеньев: производительность труда—абстрактный труд—стоимость—цена производства—распределение капиталов—распределение труда. Если мы сравним эту шестичленную схему с четырехчленною схемою простого товарного хозяйства: производительность труда—абстрактный труд—стоимость—распределение труда, то увидим, что звенья схемы простого товарного хозяйства вошли в схему капиталистического хозяйства. Следовательно, теория трудовой стоимости представляет собою необходимый базис теории цен производства, а последняя—необходимое развитие первой.

Выход в свет III тома «Капитала» породил огромную литературу о так называемом «противоречии» между I и III томами «Капитала». Критики утверждали, что в III томе Маркс в сущности отказался от своей теории трудовой стоимости, а некоторые предполагали даже, что при составлении I тома «Капитала» Маркс еще не подозревал о тех трудностях и «противоречиях», к которым будто бы приводит теория тру-

довой стоимости при объяснении средней нормы прибыли. Предисловие К. Каутского к III тому «Теорий прибавочной стоимости» документально доказывает, что к моменту выхода в свет I тома «Капитала» теория цен производства, изложенная в III томе «Капитала», была уже выработана Марксом во всех ее деталях. Уже в I томе Маркс неоднократно отмечает, что в капиталистическом обществе средние рыночные цены отклоняются от трудовой стоимости. Содержание III тома «Теорий» убеждает нас также в другом, более существенном обстоятельстве. Вся послерикардовская политическая экономия вращалась вокруг вопроса об отношении между трудовою стоимостью и ценою производства, разрешение этого вопроса представляло историческую задачу экономической мысли, и в ее разрешении Маркс видел особую заслугу своей теории стоимости.

Критики, усматривавшие противоречие между обоими томами «Капитала», исходили из узкого взгляда на теорию стоимости исключительно как на формулу количественных пропорций обмена товаров. С этой точки зрения учение о трудовой стоимости и учение о цене производства представлялись им не двумя логическими этапами или ступенями абстракции одних и тех же экономических явлений, но двумя отдельными теориями, утверждения которых носят противоположный характер. Первая теория утверждает, что товары обмениваются не пропорционально затратам труда, необходимого для их производства, вторая теория утверждает, что они обмениваются не пропорционально этим затратам. Какой странный метод абстракции, говорили критики Маркса, сперва утверждать одно, а потом другое, противоположное ему. Но эти критики упускали из виду, что количественная формула обмена товаров представляет собою только последний вывод из весьма сложной теории, изучающей как социальную ф о р м у явлений стоимости, выражающую определенный тип общественных производственных отношений между людьми, так и с о д е р ж а н и е этих явлений, роль их в качестве регулятора распределения общественного труда.

Анархия общественного производства; отсутствие непосредственных общественных отношений между производителями; взаимодействие их трудовых деятельностей через вещи, продукты труда; связь между движением производственных отношений людей и движением вещей в процессе материального производства; «овеществление» первых, превращение их свойств в свойства «вещей»,—в с е э т и я в л е н и я т о в а р н о г о ф е т и ш и з м а о д и н а к о в о п р и с у щ и в с я к о м у т о в а р н о м у х о з я й с т в у, к а к п р о с т о м у, т а к и к а п и т а л и с т и ч е с к о м у, они одинаково характеризуют и трудовую стоимость и цену производства. Но всякое товарное хозяйство основано на разделении труда, т. е. представляет систему распределенного труда. Каким же образом происходит это распределение общественного труда между различными сферами производства? Оно направляется механизмом рыночных цен, вызывающих приливы и отливы труда. Колебания рыночных цен обнаруживают известную закономерность, вращаются вокруг некоторого среднего уровня, «стабилизатора» цен, как удачно назвал его Оппен-

геймер [1]). Этот «стабилизатор» цен, в свою очередь изменяющийся в зависимости от развития производительности труда, и служит регулятором распределения труда. Развитие производительности труда воздействует на распределение общественного труда через механизм рыночных цен, движение которых подчинено закону стоимости. Таков простейший, абстрактный механизм распределения труда в товарном хозяйстве. Этот механизм также одинаково присущ всякому товарному хозяйству, в том числе и капиталистическому. Другого механизма распределения труда, как через колебания рыночных цен, в капиталистическом обществе не существует. Но так как капиталистическое общество представляет собою более сложную систему общественных производственных отношений, в которой люди относятся друг к другу не только как товаровладельцы, но и как капиталисты и наемные рабочие,—то указанный механизм распределения труда действует здесь более сложным образом. Так как простые товаропроизводители затрачивают в производстве свой собственный труд, то развитие производительности труда, выражающееся в трудовой стоимости продукта, вызывает приливы и отливы труда, т. е. влияет на распределение общественного труда. Другими словами, простое товарное хозяйство характеризуется непосредственною причинною связью между производительностью труда, выражающейся в трудовой стоимости продуктов, и распределением труда [2]). В капиталистическом обществе эта причинная связь не может быть непосредственною, так как распределение труда совершается через посредство распределения капиталов. Развитие производительности труда, находящее свое выражение в трудовой стоимости продуктов, не может воздействовать на распределение труда иначе, как посредством воздействия на распределение капиталов. А такое воздействие на распределение капиталов в свою очередь возможно только при том условии, если изменения производительности труда и трудовой стоимости вызывают изменения в издержках производства или в средней норме прибыли, т. е. влияют на цену производства.

Итак, схема: производительность труда—абстрактный труд—стоимость—распределение труда, представляет, так сказать, *теоретическую модель непосредственной причинной связи между развитием производительности труда, выражающейся в трудовой стоимости и, распределением общественного труда*. Схема: производительность труда—абстрактный труд—стоимость—цена производства—распределение капиталов—распределение труда представляет *теоретическую модель той же самой причинной связи*, причем производительность труда воздействует на распределение труда не непосредственно, а через «промежуточные звенья» (выражение, часто употребляемое в этом случае Марксом): цену производства и распределение капиталов. В обеих

---

1) Oppenheimer, Wert und Kapitalprofit, 1922, S. 23.

2) Строго говоря, эта причинная связь также не является непосредственною, поскольку производительность труда воздействует на распределение труда только через изменение трудовой стоимости. Поэтому мы и говорим о «производительности труда, выражающейся в трудовой стоимости продуктов».

схемах исходное и конечное явления те же самые, и самый механизм причинной связи между ними один и тот же. Но в первой схеме мы предполагаем, что причинная связь носит более прямой, непосредственный характер. Во второй схеме мы вводим усложняющие моменты, промежуточные звенья. Это—обычный путь абстрактного исследования, путь, к которому Маркс прибегает во всех своих построениях. Первая схема представляет собою более абстрактную, упрощенную модель явления, но модель необходимую для понимания более сложной формы явления, как оно происходит в капиталистическом обществе. Если бы мы ограничились теми промежуточными звеньями, которые бросаются в глаза на поверхности явлений капиталистического хозяйства, а именно ценою производства и распределением капиталов, то исследование наше осталось бы незаконченным, и притом в обоих направлениях, в исходном и конечном пунктах. За исходный пункт мы приняли бы цену производства, т. е. издержки производства плюс средняя прибыль. Но, поскольку цену производства мы объясняем издержками производства, мы просто отсылаем от стоимости продукта к стоимости составных его элементов, т. е. не выходим из порочного круга. Что касается средней прибыли, то нам остаются непонятными как ее размер, так и ее изменения. Цена производства может быть, таким образом, объясняема только изменениями в производительности труда и трудовой стоимости продуктов. С другой стороны, мы не вправе останавливаться, как на конечном пункте нашего исследования, на распределении капиталов, а должны перейти к распределению общественного труда. Таким образом, теория цен производства должна непременно найти свой базис в теории трудовой стоимости. Но, с другой стороны, последняя должна найти свое дальнейшее развитие и завершение в первой. Маркс отвергал всякие попытки построить теорию капиталистического хозяйства непосредственно из теории трудовой стоимости, минуя промежуточные звенья средней прибыли и цены производства. Он характеризовал их, как «попытки насильственно и непосредственно приспособить конкретные отношения к простому отношению стоимости» (Theorien, III, S. 145), «попытки представить существующим то, что на деле не существует» (там же, S. 97).

Итак, теория трудовой стоимости и теория цен производства представляют собою не теории двух различных типов хозяйства, а теорию одного и того же капиталистического хозяйства, взятую на двух различных ступенях научной абстракции. Теория трудовой стоимости есть теория простого товарного хозяйства не в том смысле, что она описывает тип хозяйства, предшествовавший капиталистическому, а в том смысле, что она описывает только одну сторону капиталистического хозяйства, а именно производственные отношения между товаропроизводителями, характеризующие всякое товарное хозяйство.

V. ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ТЕОРИИ ТРУДОВОЙ СТОИМОСТИ.

После выхода в свет III тома «Капитала» у противников марксовой теории стоимости, а отчасти и у некоторых ее сторонников, создалось представление, будто выводы III тома доказывают неприменимость за-

кона трудовой стоимости к капиталистическому хозяйству. Благодаря этому у некоторых марксистов появилась склонность к так называемому «историческому» обоснованию марксовой теории стоимости. Они говорили, что, хотя закон трудовой стоимости в том виде, как он развит Марксом в I томе «Капитала», не применим к капиталистическому хозяйству, но зато он имел полную силу в исторический период, предшествовавший возникновению капитализма и характеризовавшийся мелким ремесленным и крестьянским хозяйством. Отдельные замечания, которые можно было истолковать в таком смысле, встречаются в III томе «Капитала», где Маркс говорит, что «безусловно правильно рассматривать стоимости товаров не только как теоретическое, но и как историческое «prius» по отношению к ценам производства» (К., III[1], с. 128). Эти беглые замечания Маркса были подробно развиты Энгельсом в его статье, напечатанной в 1895 году в «Neue Zeit» [1]). В ней Энгельс обосновал ту мысль, что закон трудовой стоимости Маркса имел силу в течение исторического периода, продолжавшегося от пяти до семи тысячелетий, а именно начиная с возникновения обмена и кончая XV веком, т. е. периодом возникновения капитализма. Статья Энгельса нашла как горячих сторонников, так и не менее горячих противников, отчасти из марксистского же лагеря. Последние указывали, что до возникновения капитализма обмен не охватывал всего народного хозяйства и распространялся преимущественно на излишки, остававшиеся за удовлетворением потребностей собственного натурального хозяйства, что отсутствовал механизм всеобщего выравнивания на рынке различий индивидуальных трудовых затрат в отдельных хозяйствах, что поэтому не приходится говорить об абстрактном и общественно-необходимом труде, который составляет основу теории стоимости. Мы не будем здесь заниматься историческим спором о том, обменивались ли товары до возникновения капитализма пропорционально израсходованным для их изготовления трудовым затратам, или нет. Мы из методологических соображений возражаем против того, чтобы этот вопрос соединялся с вопросом о теоретическом значении закона трудовой стоимости для объяснения капиталистического хозяйства.

Сперва вернемся к Марксу. Если некоторые замечания III тома «Капитала» могли быть использованы сторонниками исторического обоснования теории стоимости, то теперь, когда нам стали доступны и другие работы Маркса, мы доподлинно знаем, что Маркс самым резким образом отвергал взгляд, будто закон трудовой стоимости имел силу в период, предшествовавший развитию капитализма. Английскому экономисту Торренсу, стороннику этого взгляда, восходящего еще к Адаму Смиту, Маркс возражает указанием на то, что полное развитие товарного хозяйства и, следовательно, присущих ему законов возможно только при капитализме, а не до его возникновения. «Это означало бы, что закон товарного производства существует при таком производстве, которое не

---

[1]) Русский перевод под названием «Закон ценности и уровень прибыли» в «Новом слове», 1897 г., сентябрь, или в изложении III тома «Капитала», сделанном Э. Бернштейном, Киев 1905 г.

производит товаров (или производит их только частично), и не существует при таком производстве, базисом которого является бытие продукта как товара. Самый закон этот,—как и товар в качестве всеобщей формы продукта,—абстрагирован из капиталистического производства, и как раз к нему-то неприменим» (Theorien, III, S. 80). «Оказывается, что закон стоимости, абстрагированный из капиталистического производства, противоречит его явлениям» (там же, S. 78). Эти иронические замечания Маркса достаточно показывают его отношение к взгляду на теорию стоимости, как на закон, действительный для докапиталистического, а не для капиталистического хозяйства. Но как примирить их с некоторыми замечаниями III тома «Капитала»? Кажущееся расхождение между ними исчезает, если мы обратимся к «Введению к Критике политической экономии» [1]), которое дает нам ценные пояснения насчет абстрактного метода исследования Маркса. Маркс подчеркивает, что метод восхождения от абстрактного понятия к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, но не способ возникновения самого этого конкретного (с. 25 первого издания или с. 23—24 третьего издания). Значит, переход от трудовой стоимости или простого товарного хозяйства к ценам производства или капиталистическому хозяйству есть способ понять конкретное, т. е. капиталистическое хозяйство. Это—теоретическая абстракция, а не изображение исторического перехода от простого товарного к капиталистическому хозяйству. Этим подтверждается высказанный нами выше взгляд, что таблицы 9-й главы III тома «Капитала», иллюстрирующие образование из различных норм прибыли общей средней нормы прибыли, изображают теоретическую схему явления, а не историческое его развитие. «Простейшая экономическая категория, например меновая стоимость... не может существовать иначе, как абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного и живого целого» (там же), т. е. капиталистического хозяйства.

Выяснивши теоретический характер абстрактных категорий, Маркс ставит вопрос: «не имеют ли, однако, эти простые категории независимого исторического или естественного существования раньше более конкретных» (там же, с. 26 первого издания или с. 24 третьего издания). На это Маркс отвечает, что такие случаи возможны. Простая категория (напр., стоимость) может исторически существовать раньше более конкретной (напр., цены производства), но при этом первая носит еще зачаточный, эмбриональный характер, выражает отношения «неразвившейся конкретности». «Хотя простейшая категория может исторически существовать раньше конкретной, но в своем полном внутреннем и внешнем развитии она может встречаться только в сложных общественных формах» (там же, с. 27 первого издания или с. 26 третьего издания). Применяя этот вывод к интересующему нас вопросу, можно сказать: трудовая стоимость (или товар) представляет

[1]) Русский перевод в сборнике «Основные проблемы политической экономии», по которому и цитируем. Мы указываем страницы как по первому изданию 1922 г., так и по третьему изданию 1925 г.

историческое «prius» по отношению к цене производства (или капиталу), она существовала в зачаточном виде до капитализма, и только известное развитие товарного хозяйства подготовило почву для возникновения капиталистического хозяйства. Но трудовая стоимость в развитом виде существует только при капитализме, и теория трудовой стоимости, развивающая логически законченную систему категорий стоимости, абстрактного труда, общественно-необходимого труда и т. п., выражает «абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного и живого целого», т. е. абстракцию капиталистического хозяйства.

Исторический вопрос о том, обменивались ли товары до возникновения капитализма пропорционально трудовым затратам, должен быть отделен от вопроса о теоретическом значении учения о трудовой стоимости. Если бы первый вопрос был решен утвердительно, но вместе с тем объяснение капиталистического хозяйства не нуждалось бы в теории трудовой стоимости, мы могли бы смотреть на эту теорию как на историческое введение в политическую экономию, но уж, во всяком случае, не как на основной теоретический базис, на котором возведено здание марксовой политической экономии. Обратно, если бы исторический вопрос был решен в смысле отрицательном, но одновременно была бы доказана необходимость теории трудовой стоимости для теоретического осмысления и обобщения сложных явлений капиталистического хозяйства, она сохранила бы в теоретической экономии то почетное место, которое занимает ныне. Словом, как бы ни решался исторический вопрос о действии закона трудовой стоимости в периоды, предшествовавшие капитализму, это решение ни в малейшей мере не освобождает марксистов от обязанности принять бой с противниками по вопросу о теоретическом значении закона трудовой стоимости для понимания капиталистического хозяйства. Смешение в учении о стоимости теоретической и исторической постановки вопроса не только, как мы указали, бесцельно, но и вредно. Такая постановка выдвигает на первый план пропорции обмена, игнорируя социальную форму и социальную функцию стоимости, как регулятора распределения труда, функцию, которую она выполняет в широких размерах только в развитом товарном, т. е. капиталистическом хозяйстве. Если исследователь находит, что первобытные племена, живущие в условиях натурального хозяйства и изредка прибегающие к обмену, руководствуются при установлении меновых пропорций трудовыми затратами, он склонен усматривать здесь категорию стоимости. Стоимость превращается в надисторическую категорию, в трудовую затрату, независимую от социальной формы организации труда [1]). «Историческая» постановка вопроса приводит, таким образом, к игнорированию исторического характера категории стоимости. Другие исследователи, полагая, что «происхождение меновой стоимости нужно искать в натуральном хозяйстве, из которого развилось денежное», в конце концов определяют стоимость

[1]) См. А. Богданов и И. Степанов, Курс политической экономии, т. II, в. 4, стр. 21—22.

не тем трудом, который затрачивается на производство **продукта в хозяйстве производителя, но тем трудом, который должен был бы затратить потребитель** в случае отсутствия обмена и необходимости изготовить продукт собственными силами [1]).

Теория трудовой стоимости и теория цен производства отличаются одна от другой не как различные теории, имеющие силу в различные исторические периоды, не как абстрактная теория и конкретный факт, но как две ступени абстракции одной и той же теории капиталистического хозяйства. Первая теория предполагает только производственные отношения между товаропроизводителями, вторая теория предполагает также производственные отношения между капиталистами и рабочими, с одной стороны, и между разными группами промышленных капиталистов, с другой.

---

[1]) П. Маслов. Теория развития народного хозяйства, 1910 г., стр. 180, 182—183.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД.

Для правильной постановки проблемы производительного труда следует прежде всего выполнить одну предварительную работу: установить точный смысл учения Маркса о производительном труде. Ни в одной, пожалуй, части обширной критической литературы о Марксе не господствует такая путаница понятий, такая разноголосица и между марксистами и между их противниками, как в данном вопросе. Одна из причин этой путаницы—неясное представление о подлинных взглядах Маркса на производительный труд.

При изложении взглядов Маркса за исходный пункт необходимо взять последнюю главу первого тома «Теорий прибавочной стоимости», озаглавленную «Производительный и непроизводительный труд». Краткую формулировку мыслей, развитых в этой главе, Маркс дает уже в первом томе «Капитала», в гл. 14-й: «Капиталистическое производство есть не только производство товара, но по самому своему существу есть производство прибавочной стоимости. Рабочий производит не для себя, а для капитала. Поэтому недостаточно того, что он вообще производит. Он должен производить прибавочную стоимость. Только тот рабочий производителен, который производит для капиталиста прибавочную стоимость или служит самовозрастанию стоимости капитала. Так, напр., школьный учитель,—если позволительно взять иллюстрацию вне сферы материального производства,—является производительным рабочим, если он не только обрабатывает детские головы, но и обрабатывает самого себя для обогащения предпринимателя» (К., I, с. 395). Вслед за приведенными словами Маркс обещает подробнее рассмотреть этот вопрос в «четвертой книге» «Капитала», т. е. в «Теориях прибавочной стоимости». Действительно, в конце первого тома «Теорий» мы находим обширный экскурс, который, по существу, представляет подробное развитие мысли, формулированной уже в первом томе «Капитала».

Прежде всего Маркс отмечает, что «только буржуазная ограниченность, считающая капиталистические формы производства абсолютными формами его,—а потому и вечными, естественными формами производства,—может смешивать вопрос, что такое **производительный труд** с точки зрения **капитала**, с вопросом, какой труд вообще

производителен, или что такое производительный труд вообще» [1]. Маркс отбрасывает, как праздный, вопрос о том, какой труд является производительным вообще, во все исторические эпохи, независимо от данных общественных отношений. Каждая система производственных отношений, каждый экономический строй имеют свое понятие производительного труда. Маркс ограничивает свое исследование вопросом, какой труд производителен с точки зрения капитала или в капиталистической системе хозяйства. На этот вопрос он дает следующий ответ: «Производительным трудом—в системе капиталистического производства—будет такой труд, который производит прибавочную стоимость для того, кто его применяет, или который превращает объективные условия труда в капитал, а их владельца—в капиталиста; следовательно, труд, который производит свой собственный продукт, как капитал» («Теории», с. 269 или с. 323) [2]. «Только труд, который непосредственно превращается в капитал, производителен; следовательно, только труд, который предполагает переменный капитал, как переменный» (с. 267 или с. 320). Иначе говоря, производительным является труд, который «непосредственно обменивается на капитал» (с. 166 или с. 204), т. е. который покупается капиталистом на его переменный капитал с целью использования этого труда для создания меновых стоимостей и извлечения прибавочной стоимости. Непроизводительным является «труд, который обменивается не на капитал, а непосредственно на доход, т. е. на заработную плату или прибыль, а также, конечно, и на те различные рубрики, под которыми другие участвуют в прибыли капиталиста, напр. процент и ренту» (с. 166 или с. 204).

Из изложенного определения Маркса необходимо вытекают два вывода: 1) Всякий труд, покупаемый капиталистом на его переменный капитал с целью извлечения из него прибавочной стоимости, есть труд производительный, независимо от того, воплощается ли этот труд в материальных вещах или нет, является ли этот труд объективно необходимым или полезным для процесса общественного производства, или нет (напр., труд клоуна на службе у циркового антрепренера). 2) Всякий труд, который не покупается капиталистом на его переменный капитал, не есть—с точки зрения капиталистического хозяйства—труд производительный, хотя бы этот труд был объективно полезным и воплощался в материальных потребительных благах, удовлетворяющих насущные потребности человека. Эти два вывода, на первый взгляд столь парадоксальные и противоречащие общепринятому представлению о производительном труде, логически вытекают из определения Маркса. И Маркс смело их принимает. «Актер, напр., хотя бы и клоун, будет производительным рабочим, если он работает на службе у капиталиста (антрепренера), которому он отдает больше труда, чем получает от него в форме заработной платы, тогда как портной, который приходит

---

[1] «Теории», русск. перев. В. Железнова, 1906 г., стр. 267 или под ред. Г. Плеханова, стр. 320.

[2] Ниже ссылки на первый том «Теорий приб. стоимости» отмечены просто указанием страниц, причем первая цифра обозначает перевод под ред. В. Железнова, изд. 1906 г., а вторая — перевод под ред. Г. Плеханова, изд. 1906 г.

на дом к капиталисту и починяет ему брюки, производит для него лишь потребительную стоимость и является непроизводительным рабочим. Труд первого обменивается на капитал, труд второго—на доход. Первый производит прибавочную стоимость, при втором потребляется доход» (с. 167 или с. 205). На первый взгляд этот пример Маркса поражает своей парадоксальностью. Бесполезный труд клоуна считается производительным, а высоко полезный труд портного—непроизводительным. В чем же смысл того определения, которое дает Маркс?

В большинстве учебников политической экономии производительный труд трактуется с точки зрения объективной необходимости его для общественного производства вообще или для производства материальных благ. Решающим при этом является содержание труда, тот результат, чаще всего материальный, к которому он направлен и который им достигается. Марксова проблема не имеет с этим вопросом ничего общего, кроме названия. Для Маркса производительный труд означает: **труд, который входит в данную общественную систему производства.** Маркса интересует вопрос, что такое общественное производство, как отличать трудовые акты людей, входящие в систему общественного производства, от трудовых актов, не входящих в нее (напр., направленных на удовлетворение собственных потребностей, на обслуживание домашнего хозяйства). Где признак, включающий трудовую деятельность человека в систему общественного производства, делающий труд его трудом «производительным»?

На этот вопрос Маркс дает следующий ответ. Каждая система производства отличается данною совокупностью производственных отношений, определенною общественною формою организации труда. В капиталистическом обществе труд организован в форме наемного труда, т. е. хозяйство организовано в форме капиталистических предприятий, где под командою капиталиста работают наемные рабочие, создающие товары и доставляющие ему прибавочную стоимость. **Только тот труд, который организован в форме капиталистических предприятий,** который имеет форму наемного труда, нанимаемого капиталом для извлечения прибавочной стоимости, входит в **систему капиталистического производства, есть труд «производительный».** Производительным считается всякий труд, входящий в данную систему общественного производства, а таковым является всякий труд, организованный в той определенной общественной форме, которая свойственна данной системе производства. Иначе говоря, труд признается производительным или непроизводительным не с точки зрения его **содержания**, характера конкретной трудовой деятельности, а с точки зрения **общественной формы его организации**, его соответствия производственным отношениям, характеризующим данный экономический строй общества. Маркс неоднократно отмечает эту особенность, резко отличающую его учение о производительном труде от общепринятого, приписывающего решающую роль содержанию трудовой деятельности. «Эти определения (производительного труда. *И. Р.*) выведены, таким образом, не из материальных процессов труда, не из природы его продукта, не из приложения труда, как труда конкрет-

ного, а из определенных общественных форм, общественных производственных отношений, в которых осуществляется труд» (с. 166—167 или с. 205). «Это—действие труда, не вытекающее ни из его содержания, ни из его результата, а из его определенной общественной формы» (с. 167 или с. 206). «Материально-определенное отношение труда и, следовательно, его продукта само по себе не имеет никакого отношения к этому разграничению производительного и непроизводительного труда» (с. 168 или с. 206). «Содержание, конкретный характер, особенная полезность труда является безразличной» при решении вопроса об его производительности (с. 275 или с. 330). «Разграничение производительного и непроизводительного труда не имеет никакого отношения к особенной специальности труда, ни к особенной потребительной стоимости, в которой воплощается эта специальность» (с. 169 или с. 208).

Отсюда вытекает, что материально один и тот же труд является производительным или непроизводительным (т. е. входит в систему капиталистического производства или нет) в зависимости от того, организован ли он в форме капиталистического предприятия или нет. «Рабочий фабриканта фортепиан есть производительный рабочий. Его труд возмещает не только заработную плату, которую он потребляет, по кроме того в фортепиано, в товаре, который продает фабрикант фортепиан, содержится прибавочная стоимость сверх стоимости заработной платы. Предположим, напротив, что я покупаю весь материал, необходимый для фортепиано (или пусть его имел бы хоть сам рабочий) и, вместо того, чтобы купить фортепиано в магазине, поручаю сделать его в моем доме. Фортепианный рабочий окажется тогда непроизводительным рабочим, так как его труд непосредственно обменивается на мой доход (с. 169—170 или с. 208). В первом случае фортепианный рабочий входит в капиталистическое предприятие и тем самым в систему капиталистического производства, во втором случае этого нет. «Мильтон, написавший «Потерянный рай», был непроизводительным работником... а лейпцигский литературный пролетарий, фабрикующий книги (например, конспекты экономии) под руководством своего книгопродавца, есть производительный рабочий, потому что его производство с самого начала подчинено капиталу и совершается только для его увеличения. Певица, продающая на свой собственный страх свое пение, будет непроизводительным работником. Но та же самая певица, ангажированная антрепренером, который заставляет ее петь с целью нажить деньги, есть производительный работник, так как она производит капитал» (с. 272—273 или с. 327). Капиталистическая форма организации труда включает последний в систему капиталистического производства, делает его трудом «производительным». Все трудовые акты людей, протекающие не в форме предприятий, организованных на капиталистических началах, не входят в систему капиталистического производства, не относятся к труду «производительному». Таковы все трудовые акты людей, направленные на удовлетворение их собственных потребностей (остатки натурального домашнего хозяйства). Даже наемный труд, поскольку он употребляется не для извлечения прибавочной стоимости

(напр., труд домашней прислуги), не является производительным в указанном выше смысле. Но труд домашней прислуги непроизводителен не потому, что он якобы «бесполезен» или не производит вещественных благ. Как указал Маркс, труд повара производит «вещественные потребительные стоимости» (с. 169 или с. 207), и тем не менее не является производительным, поскольку повар нанимается для личных услуг. С другой стороны, труд лакея, хотя и не производит вещественных благ и многими признается за «бесполезный», может быть «трудом производительным», если он организован в форме капиталистического предприятия. «Повара и кельнеры в гостинице являются производительными рабочими, как menial servants, поскольку их труд превращается в капитал для владельца гостиницы. Но эти же лица оказываются непроизводительными рабочими, поскольку я не делаю капитала из их услуг, а трачу на них свой доход. Следовательно, в действительности те же самые лица в гостинице будут для меня, для потребителя, непроизводительными рабочими» (с. 168 или с. 206). «Сами производительные рабочие могут быть по отношению ко мне непроизводительными рабочими. Например, если я заставлю оклеить мой дом обоями, а эти обойщики будут наемными рабочими предпринимателя, продающего мне выполнение этой работы, то это было бы для меня тем же самым, как если бы я купил уже оклеенный обоями дом, т. е. издержал бы деньги на товар для моего потребления; но для предпринимателя, заставляющего работать этих обойщиков, последние оказываются производительными рабочими, так как они производят ему прибавочную стоимость» (с. 275—276 или с. 331). Надо ли понимать Маркса в том смысле, что он признает только субъективно-относительный, а не общественно-объективный критерий производительности труда? Нам кажется, что нет. Маркс только утверждает, что труд обойщиков, поскольку он входит в хозяйство потребителя-заказчика, тем самым еще не включается в систему капиталистического производства. Производительным он становится лишь потому, что включен в капиталистическое хозяйство предпринимателя.

Следовательно, производительным является только **труд, организованный на капиталистических началах и тем самым включенный в систему капиталистического производства**. Под последнею надо понимать не данную конкретную народно-хозяйственную систему, в которую входят не только предприятия капиталистического характера, но и остатки докапиталистических форм производства (напр., крестьянское и ремесленное хозяйство). Система капиталистического производства охватывает только хозяйства, построенные на капиталистических началах; это—научная абстракция, отвлеченная от конкретной экономической действительности и в этой абстрактной форме составляющая объект политической экономии, как науки о капиталистическом хозяйстве. В капиталистическом хозяйстве, как теоретической абстракции, труда крестьян и ремесленников не существует, и вопрос об его производительности не ставится. «Они (крестьяне и ремесленники. *И. Р.*) противостоят мне, как продавцы товаров, а не как продавцы труда, и таким образом это отношение вообще

не имеет ничего общего с обменом капитала, а следовательно, с разграничением производительного и непроизводительного труда, которое основывается единственно на том, обменивается ли труд на деньги, как деньги, или на деньги, как капитал. Поэтому они не принадлежат ни к категории производительных, ни к категории непроизводительных рабочих, хотя они и суть производители товаров. Но их производство не подчиняется капиталистическому способу производства» (с. 276 или с. 331).

С точки зрения данного Марксом определения производительного труда, труд чиновников, милиции, военных, духовенства не может быть отнесен к производительному. Но не потому, что он «бесполезен» или не воплощается в «вещах», а исключительно потому, что он организован на началах публично-правовых, а не в форме частных капиталистических предприятий. Почтовый чиновник не есть производительный работник. Но если бы почта была организована в форме частных капиталистических предприятий, берущих на себя за плату пересылку писем и посылок, наемные служащие этих предприятий были бы производительными работниками. Если бы задача охраны грузов и пассажиров в пути выполнялась не государственной милицией, а частными транспортными конторами, содержащими наемную вооруженную охрану, члены последней принадлежали бы к числу производительных работников. Труд их был бы включен в систему капиталистического производства, и эти частные конторы подчинялись бы законам капиталистического производства (напр., закону равной нормы прибыли для всех отраслей производства). Этого нельзя сказать о почте и милиции, организованных на началах публично-правовых. Труд служащих почты и милиции не входит в систему капиталистического производства, не есть труд производительный.

Как видим, Маркс в определении производительного труда совершенно отвлекается от его содержания, от конкретного, полезного характера и результата труда. Он рассматривает труд только со стороны его общественной формы. Труд, организованный в форме капиталистического предприятия, есть труд производительный. Понятие «производительный», как и все другие понятия марксовой политической экономии, носит характер исторический и социальный. Было бы поэтому крайне неправильно приписывать учению Маркса о производительном труде «материалистический» характер. Нельзя, с точки зрения Маркса, считать производительным только труд, служащий для удовлетворения материальных потребностей, а не так называемых духовных. На 1-й же странице «Капитала» Маркс пишет: «При этом совершенно безразлично, какова именно природа этой потребности,—порождается ли, напр., последняя желудком или фантазией». Различная природа потребностей не играет никакой роли. Также не придает Маркс решающего значения различию физического и интеллектуального труда. Об этом Маркс говорит в известном месте 14-й главы первого тома «Капитала» и во многих других местах. Отмечая труд «надзирателей, инженеров, директоров, конторских служащих и т. д.,—словом, труд всего персонала, который требуется в

данной сфере материального производства», он пишет: «Действительно, они прибавляют к постоянному капиталу всю сумму своего труда и повышают стоимость продукта на эту сумму (насколько это справедливо относительно банкиров и т. п.?)» («Теории», с. 173 или с. 212) [1]. Интеллектуальные работники не только «необходимы» для процесса производства, они не только «заслуживают» вознаграждения из продуктов, создаваемых физическими работниками. По Марксу, они создают новую стоимость и из нее получают свое вознаграждение, оставляя часть этой стоимости в руках капиталистов, как неоплаченную, прибавочную стоимость.

Интеллектуальный труд, необходимый для процесса материального производства, ничем не отличается от труда физического. Он «производителен» в том случае, если организован на капиталистических началах. При этом совершенно безразлично, организован ли интеллектуальный труд в одном предприятии с трудом физическим (техническое бюро, химическая лаборатория или расчетная контора при фабрике) или же он выделен в самостоятельное предприятие (самостоятельная химическая лаборатория для постановки опытов, имеющих целью улучшение производства и т. п.).

Большее значение для вопроса о производительном труде имеет различие между трудом, который «воплощается в материальных потребительных стоимостях» (с. 175 или с. 214), и трудом или услугами, «которые не имеют предметного вида, не существуют отдельно от лица, выполняющего услугу» (с. 175),—словом, где «производство неотделимо от акта производства, как, например, у всех художников-исполнителей, актеров, учителей, попов и т. д.» (с. 278 или с. 334) [2]. При предположении, что «весь мир товаров, все сферы материального производства—производства материального богатства (формально или реально)—подчинены капиталистическому способу производства» (с. 277 или с. 333), сфера материального производства целиком входит в сферу производительного, т. е. капиталистически организованного труда. С другой стороны, явления, относящиеся к нематериальному производству, «столь незначительны сравнительно со всем производством в его целом, что они могут быть оставлены совершенно без внимания» (с. 278 или с. 334). Итак, при двух предположениях, а именно: 1) что материальное производство организовано целиком на капиталистических началах, и 2) что нематериальное производство исключается из нашего исследования,—труд производительный может быть определен, как труд, производящий материальное богатство. «Таким образом, производительный труд получил бы, кроме

---

1) Оговорка о банкирах станет нам понятнее ниже.

2) Экономисты не всегда проводят достаточно ясное различие между трудом, имеющим материальный характер, трудом, направленным на удовлетворение материальных потребностей, и трудом, воплощающимся в материальных вещах. Например, на протяжении двух страниц С. Булгаков, говоря о труде производительном, имеет в виду то «труд, направленный на изготовление полезных для человека предметов», то «труд, направленный на удовлетворение материальных потребностей» (статья «О некоторых основных понятиях политической экономии», «Научное обозрение», 1898 г., № 2, стр. 335 и 336).

его решающей характеристики, которая не имеет никакого отношения к содержанию труда и независима от него, второе побочное определение» (с. 277 или с. 333). Но необходимо помнить, что это только «побочное» определение, сохраняющее силу лишь при указанных двух предпосылках, т. е. уже заранее молчаливо предполагающее капиталистическую организацию труда. На деле, как указывает многократно сам Маркс, труд производительный в развитом выше смысле и труд, производящий материальное богатство, не совпадают, и притом в двух направлениях. Труд производительный охватывает и труд, не воплощающийся в материальных вещах, если только он организован на капиталистических началах. С другой стороны, труд, производящий материальное богатство, но не организованный в форме капиталистического производства, с точки зрения последнего не является производительным (см. «Теории», с 175 или с. 214) [1]. Если взять не «побочное определение», а «решающую характеристику» производительного труда, который определяется Марксом, как труд, создающий прибавочную стоимость, то мы увидим, что в приведенном выше марксовом определении устранены всякие следы «материалистического» понимания труда. Это определение исходит из общественной (а именно, капиталистической) формы организации труда, оно носит социологический характер.

На первый взгляд, изложенное понимание производительного труда, развитое Марксом в «Теориях прибавочной стоимости», расходится со взглядами Маркса на труд рабочих и служащих, занятых в торговом и кредитном деле («Капитал», т. II, глава 6-я и т. III [1], главы 16—19). Этот труд Маркс не считает производительным. По мнению многих ученых, в том числе и марксистов, Маркс отказывается признать этот труд производительным по той причине, что он не производит никаких перемен в материальных вещах. Это, по их мнению, следы «материалистических» теорий производительного труда. Отметив положение «классической школы, что производительный или образующий ценность (с буржуазной точки зрения это—простая тавтология) труд непременно должен воплощаться в м а т е р и а л ь н ы х п р е д м е т а х», В. Базаров с удивлением спрашивает: «Каким образом мог впасть в подобную ошибку Маркс, с такою гениальною проницательностью раскрывший фетишистическую психологию товаропроизводителя» [2]. А. Богданов, критикуя теории, разделяющие «интеллектуальный» и «материальный» моменты труда, прибавляет: «Эти воззрения старой политической экономии не были Карлом Марксом подвергнуты той критике, которой они заслуживают: в общем он сам их поддерживал» [3].

Действительно ли II и III томы «Капитала» проникнуты «материалистическим» пониманием производительного труда, которое Маркс подверг такой подробной и уничтожающей критике в «Теориях прибавочной стоимости»? На самом деле такого вопиющего противоречия во взглядах Маркса нет. Маркс не отказывается от понимания производительного

1) Ср. Б. И. Горев, На идеологическом фронте, 1923 г., стр. 24—26.

2) Базаров, Труд производительный и труд, образующий ценность, Пб. 1899 г., стр. 23.

3) А. Богданов и И. Степанов, Курс полит. экон., т. II, вып. 4, стр. 12.

труда, как организованного на капиталистических началах, независимо от его конкретного полезного характера и результатов. Но если так, то почему же Маркс не считает производительным труд торговых приказчиков, организованный в форме капиталистического торгового предприятия? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить, что всюду, где Маркс говорит в «Теориях» о производительном труде, как труде, обмениваемом на капитал, он имеет в виду только *капитал производительный*. Приложение к I тому «Теорий», озаглавленное «Понятие производительного труда», начинается с вопроса о производительном капитале (с. 267 или 320); от него Маркс переходит к производительному труду. Кончается это приложение словами: «Здесь мы рассматриваем только производительный капитал, т. е. капитал, занятый в непосредственном процессе производства. Позднее мы перейдем к капиталу в процессе обращения, и только после этого, при рассмотрении особенной формы, которую принимает капитал, может быть решен вопрос, насколько занятые им рабочие производительны» (с. 279 или с. 335). Таким образом, вопрос о *производительном труде* упирается в вопрос о *производительном капитале*, т. е. в известную теорию II тома «Капитала» о «метаморфозах капитала». Согласно этой теории, капитал в процессе своего воспроизводства проходит три фазы: денежного капитала, производительного капитала и товарного капитала. Первая и третья фазы составляют «процесс обращения капитала», вторая фаза—«процесс производства капитала». «Производительный» капитал противопоставляется в этой схеме не непроизводительному, а капиталу, находящемуся в «процессе обращения». Первый организует непосредственно процесс создания потребительных благ в широком смысле, куда входит всякая работа, необходимая для приспособления благ к целям потребления, например хранение, перевозка, упаковка и т. п. Последний организует «чистое обращение», куплю-продажу, как переход права собственности, отвлеченный от реального перехода продукта; он, так сказать, преодолевает трение товарно-капиталистической системы, вытекающее из ее раздробленности на частные хозяйства. Он подготовляет и завершает процесс создания потребительных благ, будучи, однако, связан с ним более косвенным образом. «Производство капитала» и «обращение капитала» в системе Маркса обособляются и изучаются в отдельности, хотя, вместе с тем, Маркс не теряет из виду единство всего процесса воспроизводства капитала. Отсюда вытекает различение труда, занятого в производстве, и труда, занятого в обращении. Однако это разделение не имеет ничего общего с разделением труда, производящего перемену в материальных вещах, и не обладающего этим свойством. Маркс различает труд, занятый «производительным» капиталом, точнее, капиталом в *фазе производства*, и труд, занятый товарным или денежным капиталом, точнее, капиталом в его *фазах обращения*. Только первый является «производительным», но отнюдь не потому, что он производит материальные блага, а потому, что он занят «производительным» капиталом, т. е. капиталом в фазе производства. Участие труда в создании потребительных (но не непременно материальных) благ составляет, по Марксу, добавочное условие

производительного характера труда, но не его критерий, каковым остается капиталистическая форма организации труда. Производительный характер труда является отражением производительного характера капитала. Движение фаз капитала определяет характеристику нанимаемого им труда. Здесь Маркс остается верен своему взгляду, что в капиталистическом обществе движущая сила развития исходит от капитала: его движением определяется, как подчиненное, движение труда.

Таким образом, по Марксу *производительным* является всякий труд, организованный в *формах капиталистического процесса производства* или, точнее, нанятый «производительным» капиталом, т. е. *капиталом в фазе производства*. Труд торговых приказчиков не есть производительный, но не потому, что он не производит перемены в материальных благах, а исключительно по той причине, что он нанят капиталом, находящимся в фазе обращения. Труд клоуна на службе у циркового антрепренера производителен, хотя он не создает перемены в материальных благах и, с точки зрения потребностей народного хозяйства, менее полезен, чем труд торговых приказчиков; он производителен потому, что нанят капиталом, находящимся в фазе производства. (Результатом производства являются здесь нематериальные блага, шутки клоуна, но это не меняет дела. Шутки клоуна имеют потребительную и меновую стоимость. Их меновая стоимость превосходит стоимость воспроизводства рабочей силы клоуна, т. е. его заработной платы, и расходов на постоянный капитал. Антрепренер поэтому извлекает прибавочную стоимость.) Напротив, труд кассира при цирке, который продает билеты на представления клоуна, непроизводителен потому, что он нанят капиталом, находящимся в фазе обращения: он только содействует переходу от одного лица (антрепренера) к другим лицам (публике) «права на зрелища», права наслаждаться шутками клоуна [1]).

Для правильного понимания мысли Маркса необходимо твердо помнить, что фаза обращения капитала не означает «действительного», «реального» обращения и распределения продуктов, т. е. процесса действительного перехода их из рук производителя в руки потребителя, с необходимыми для этого процессами перевозки, хранения, упаковки и т. п. Функция обращения капитала—это только переход права собственности на продукт от одного лица к другому, превращение стоимости из товарной формы в денежную или обратно, реализация произведенной стоимости. Это—переход идеальный или формальный, а не реальный. Это—«издержки обращения, вытекающие из простого изменения формы стоимости, из обращения, рассматриваемого в идее» (К., II, с. 84). «Дело идет здесь лишь об общем характере издержек обращения, проистекающих только от формального метаморфоза» (с. 83).

---

[1]) Сказанное не означает, что Маркс вообще не видел никакого различия между материальным и нематериальным производством. Признавая производительным всякий труд, нанятый производительным капиталом, Маркс, повидимому, считал нужным *внутри* этого производительного труда отличать «производительный труд в более узком смысле», а именно — занятый в материальном производстве или воплощающийся в материальных вещах (Theorien, B. III, S. 496).

И Маркс устанавливает следующее положение: «Общий закон заключается в том, что все издержки обращения, вытекающие лишь из превращения формы товара, не прибавляют к нему никакой стоимости» (с. 93).

От этого «формального метаморфоза», составляющего сущность фазы обращения, как таковой, Маркс резко отличает «реальные функции» торгового капитала (К., III[1], с. 204, 205). К этим реальным функциям Маркс относит: транспортную промышленность, сохранение и распределение товаров, обладающих свойством делимости (К., III[1], с. 204), хранение товаров, отправку их, перевозку, разделение, разборку (с. 215, 221). Разумеется, формальная реализация стоимости, т. е. переход права собственности на продукт, «способствует в то же время действительному обмену товаров, их переходу из одних рук в другие, общественному обмену веществ» (с. 215). Но теоретически формальная реализация стоимости, эта подлинная функция капитала в обращении, совершенно отлична от указанных «реальных» функций, которые по существу чужды ему, носят «гетерогенный» характер (с. 215). В обычных торговых предприятиях эти формальные и реальные функции обыкновенно смешиваются и переплетаются. Труд приказчика в магазине служит и реальной функции хранения, раскладки, упаковки, переноски и т. п. и формальной функции купли-продажи. Но они могут быть территориально и персонально разделены. «Товары, которым предстоит быть купленными и проданными, могут лежать в доках и других общественных помещениях» (стр. 221), например, товарных и транспортных складах. А формальный момент реализации, купля-продажа, может происходить в другом месте, в особой «купеческой конторе». Формальные и реальные моменты обращения отделены друг от друга.

На все перечисленные реальные функции Маркс смотрит, как на процессы производства, продолжающиеся в «процессе обращения» (К., III[1], с. 204, 205, «процессы производства, которые могут продолжаться в течение акта обращения» (с 221). Это «процессы производства, которые только продолжаются в обращении, и производительный характер которых, следовательно, лишь затушевывается формой обращения» (К., II, с. 84). Поэтому труд, применяемый в этих «процессах производства», есть труд производительный, он создает стоимость и прибавочную стоимость. Поскольку труд торговых служащих служит реальным функциям хранения, перемещения, упаковки и т. п. товаров,—это труд производительный, но не потому, что он воплощается в материальных вещах (хранение не производит таких перемен), а потому, что он занят в «процессе производства», нанят, следовательно, производительным капиталом. Труд того же торгового служащего непроизводителен лишь постольку, поскольку он служит исключительно «формальному метаморфозу» стоимости, ее реализации, идеальному переходу права собственности на продукт от одного лица к другому. Этот «формальный метаморфоз», происходящий в «купеческой конторе» и обособленный от всех реальных функций, тоже требует известных издержек обращения и затраты труда, а именно на расчеты, ведение книг, расходы на корреспонденцию и т. п. (К., III[1], с. 221.) Этот

труд не производителен, но опять-таки не потому, что не создает материальных благ, а потому, что он обслуживает «формальный метаморфоз» стоимости, фазу «обращения» капитала в чистом виде.

В. Базаров, признавая правильным марксово различение «формальных» и «вещественных» функций (мы предпочитаем термин «реальный», встречающийся у Маркса; термин «вещественный» может подать повод к недоразумениям), отрицает, что первые могут потребовать «приложения хоть одного атома живого человеческого труда» [1]. «В действительности только «вещественные» стороны функции торгового капитала впитывают в себя живой человеческий труд, формальная же метаморфоза совершенно не требует никаких «издержек» со стороны купца» (там же). С этим положением В. Базарова невозможно согласиться. Пусть все реальные, «вещественные» функции выделены, и товары хранятся на особых складах, доках и т. п. Пусть в «купеческой конторе» происходит только формальный акт купли-продажи, перехода права собственности на товары. Но расходы на оборудование этой конторы, содержание при ней особых служащих, агентов по продаже, ведение бухгалтерских книг, поскольку оно вызывается этим переходом права собственности от одного лица к другому,—все это «чистые издержки обращения», связанные только с формальным метаморфозом стоимости. Как видим, и формальный метаморфоз стоимости требует «издержек» со стороны купца и приложения человеческого труда, который в этом случае является, по Марксу, непроизводительным.

Мы обращаем внимание читателя на вопрос о ведении бухгалтерских книг, потому что, как представляют себе некоторые авторы, Маркс будто бы отрицал производительный характер бухгалтерского труда во всех случаях [2]. Мы считаем такое мнение неправильным. Действительно, рассуждения Маркса о «ведении книг» (К., II, глава 6) отличаются крайнею неясностью и могут быть истолкованы в таком смысле. Но, с точки зрения марксова понимания производительного труда, вопрос о труде бухгалтеров не возбуждает особых сомнений. Поскольку бухгалтерия необходима для обслуживания реальных функций производства, хотя бы и продолжающихся в течение акта обращения (труд бухгалтера, связанный с производством, хранением, перевозкою продуктов), она относится к процессу производства. Труд бухгалтера непроизводителен лишь постольку, поскольку он обслуживает формальный метаморфоз стоимости,—переход права собственности на продукт, акт купли-продажи в его идеальном виде. Повторяем опять, что он в этом случае непроизводителен не потому, что не производит перемены в материальных благах (в этом отношении он не отличается от труда бухгалтера на фабрике), а потому, что он нанят капиталом, находящимся в фазе обращения (отвлеченного от всех реальных функций).

---

1) Цит. соч., стр. 35.

2) Такой взгляд можно встретить у В. Базарова (цит. соч., стр. 49) у И. Давыдова (статья «К вопросу о производительном и непроизводительном труде», «Научное обозрение», 1900 г., № 1, стр. 154), у С. Прокоповича («К критике Маркса», 1901 г., стр. 35), у Борхардта (Borchardt, Die volkswirtschaftlichen Grundbegriffe nach der Lehre von Marx», 1920, S. 72).

Указанное различие между формальными и реальными функциями торгового капитала или между обращением в чистом виде и «процессами производства, продолжающимися в процессе обращения», Маркс проводит и во II и в III томах «Капитала». Мы никак не можем согласиться с мнением, будто Маркс проводит это разделение только в III томе, во II же томе огульно признает непроизводительными все издержки обращения, в том числе затраченные на реальные функции обращения. Такое мнение о коренном противоречии между II и III томами «Капитала» высказано В. Базаровым [1]) и А. Богдановым [2]). На деле Маркс и во II томе «Капитала» относит к безусловно непроизводительным не все издержки обращения, а только «чистые издержки обращения» (К., II, с. 78, 79); и во II томе он говорит о «процессах производства», продолжающихся в обращении и имеющих производительный характер (с. 83, 84). Не считая второстепенных различий в оттенках мыслей и в их формулировке, принципиального противоречия между II и III томами «Капитала» мы не найдем. Этим мы отнюдь не отрицаем того, что и в 17-й главе III тома и особенно в 6-й главе II тома встречаются несогласованные места, терминологическая неясность и отдельные противоречия, но основная мысль о труде производительном, как нанятом капиталом производительным,—хотя бы в дополнительных процессах производства, продолжающихся в обращении,—и труде непроизводительном, обслуживающем капитал в фазе чистого обращения или «формального метаморфоза» стоимости, выступает как нельзя более ясно.

А. Богданов возражает против марксова деления функций торгового капитала на реальные (продолжение производственного процесса) и формальные (чистое обращение) на том основании, что при капитализме последние тоже «объективно-необходимы», служат для удовлетворения действительной потребности данной производственной системы [3]). Но Маркс и не думал отрицать необходимость фазы обращения в процессе воспроизводства капитала. «Он (торговый агент. *И. Р.*) исполняет необходимую функцию, потому что самый процесс воспроизводства заключает в себе и непроизводительные функции» (К., II, с. 80), т. е. функции чистого обращения. «Рабочее время, требующееся для этих операций (чистого обращения. *И. Р.*), употребляется на необходимые операции в процессе воспроизводства капитала, но не присоединяет никакой стоимости» (К., III[1], с. 222). По мнению Маркса, в процессе воспроизводства капитала одинаково необходимы и фаза производства и фаза обращения. Но этим не уничтожаются отличительные особенности этих двух фаз движения капитала. Необходимым является и труд, нанятый капиталом в фазе производства, и труд, нанятый капиталом в фазе обращения. Но производительным Маркс считает только первый из них. Взяв критерием производительности объективную необходимость труда для данной экономической системы, А. Богданов не только стирает разницу между

1) Цит. соч., стр. 39—40.
2) Курс полит. эконом., т. II, в. 4, стр. 12—13.
3) Цит. соч., стр. 13.

трудом, занятым в производстве, и трудом, занятым в обращении, но условно причисляет к производительным «функции, лежащие в области военного дела» [1]), хотя эти трудовые функции организованы на началах публично-правовых, а не частного капиталистического хозяйства. В отличие от Маркса, А. Богданов берет критерием производительности труда не общественную форму его организации, а «необходимость» труда в его конкретном полезном виде для данной экономической системы.

Итак, мнение авторов, которые сводят учение Маркса о производительном труде к различию труда, воплощающегося в материальных вещах, и труда, не обладающего этими свойствами, должно быть признано безусловно ошибочным. Ближе к постановке вопроса у Маркса подходит Гильфердинг, который считает производительным «всякий труд, необходимый для общественной цели производства, и притом независимо от той определенной исторической формы, которую производство принимает при данной определенной общественной форме». «Напротив того, труд, затраченный лишь для цели капиталистического обращения, т. е. вытекающий лишь из определенной исторической организации производства, не создает стоимости» [2]). Если в этом определении непроизводительного труда Гильфердинг может сослаться на аналогичные выражения, встречающиеся у Маркса (К., II, с. 83, 86), то, во всяком случае, его определение производительного труда, как «независимого от определенной общественной формы производства», расходится с определением Маркса. Резко противоречит всему построению Маркса утверждение Гильфердинга, что «признак производительности... один и тот же во всех общественных формациях» (там же). Марксово различение труда, нанятого капиталом в фазе производства, и труда, нанятого капиталом в фазе обращения, нашло в определении Гильфердинга свое отраженное и отчасти измененное выражение.

Во избежание недоразумений, считаем необходимым оговорить, что наш очерк о производительном труде у Маркса имеет единственною своей задачей восстановить точный смысл марксова учения. Мы не ставим вопроса о том, правильнее ли марксово определение производительного труда, построенное на анализе его общественной формы, или общепринятые в трактатах политической экономии определения, исходящие из «необходимости», «полезности», «материального» характера труда или роли его в личном и производительном потреблении. Мы не говорим, что марксово деление, отвлекающееся от содержания трудовых затрат, правильнее общепринятых, мы только утверждаем, что оно иное и ими не покрывается. Внимание Маркса было обращено на иные стороны явления, и можно даже сожалеть, что Маркс выбрал для своего исследования различий труда, нанятого капиталом в фазе производства и в фазе обращения, термин «производительный», имеющий в науке другой смысл (может быть, более подходящим был бы термин «производственный»).

---

1) Цит. соч., стр. 17.

2) Гильфердинг, Постановка проблемы теоретической экономии у Маркса, в сборнике «Основные проблемы полит. экономии», 1922 г., стр. 107, 108 (или 3-е издание 1925 г., стр. 65).

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ

К ТЕРМИНОЛОГИИ МАРКСА.

В предисловии к III тому «Капитала» Энгельс отметил, что напрасно было бы искать у Маркса «точных, готовых, раз навсегда составленных определений. Ведь само собою разумеется, что когда вещи и их взаимные отношения рассматриваются не как постоянные, а как находящиеся в процессе изменений, то и их умственные отражения, понятия, тоже подвержены изменению и преобразованию; что их не втискивают в окостенелое определение, а рассматривают в их историческом или логическом процессе образования» (К., III[1], с. XVII). Диалектический метод Маркса исключает для него возможность давать раз навсегда зафиксированные и неизменяющиеся понятия и соответствующие им термины. Ввиду этого терминологические изыскания над текстом Маркса, взятые сами по себе, вряд ли могут оказаться плодотворными и нередко могут повести к ошибочным выводам. Руководясь желанием вникнуть в ход идей Маркса и воспроизвести его, мы не можем ограничиваться разбором и сравнением терминов, а непременно должны брать встречающийся термин каждый раз в связи с данным контекстом, подмечая различные оттенки, которые придает ему Маркс. Тем не менее, внимательное изучение марксовой терминологии, как дополнительное к логическому и историческому исследованию, может оказаться полезным и ввести нас в некоторые уголки лаборатории мышления Маркса. Эта кропотливая работа ждет еще своих исследователей.

Настоящее приложение не имеет своею целью дать исчерпывающий разбор тех или иных терминов Маркса, а ставит себе более скромную задачу: на нескольких примерах показать, что внимательное изучение марксовой терминологии может подтвердить выводы, полученные нами иным путем и изложенные в тексте нашей книги.

1. Труд и стоимость.

В популярных изложениях марксовой теории обычно говорится, что труд «создает» стоимость. Нам в тексте также несколько раз приходилось пользоваться этим двусмысленным выражением, причем мы подчеркивали, что речь идет о социальном, а не материально-техническом процессе. «Овеществление» труда в стоимости означает не материальное накопление труда в его продуктах, а фетишизированное, «вещное» выражение производственных отношений людей (как товаропроизводителей) в социальной форме продукта труда (т. е. в стоимости). Наш вывод вполне подтверждается терминологией Маркса.

В «Критике политической экономии» Маркс, говоря об отношении между

трудом и стоимостью, употребляет наиболее часто следующие выражения [1]: 1) труд «представляется» (sich darstellen) в стоимости; 2) труд «овеществляется» (sich vergegenständlichen) в стоимости и 3) труд, «определяющий» меновую стоимость (tauschwertsetzende Arbeit). Первый термин встречается в «Kritik», на стр. 4, 5, 7, 8, 10, 16 и др., второй—на стр. 7, 8, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28 и др., третий—на стр. 4, 7, 10, 12, 13 и др. Первый термин (иногда употребляемый в форме: стоимость «представляет» или «выражает» труд) уже сам по себе показывает, что речь идет о стоимости, как вещном выражении производственных отношений людей. Нередко Маркс употребляет это выражение в применении именно к производственным отношениям людей, «представляющимся» или «выражающимся» в вещах (там же, S 2, 11, 29; Kl. III², S 349, T. III, S. 325 и др.). Перевод этого термина связан с большими трудностями, так как на русском языке слово «представляет» нередко обозначает «есть», и предложение: «стоимость представляет (darstellt) труд», не передает мысли Маркса. Поэтому переводчики часто переводят этот термин, как «выражается», «проявляется», иногда переводят ошибочно, как «воплощается».

Второй термин (sich vergegenständlichen), как и первый, находится в тесной связи с учением Маркса об «овеществлении» производственных отношений людей, т. е. с теорией товарного фетишизма. В том же смысле фетишизированного, «вещного» выражения Маркс употребляет иногда термины: материализуется, материализованный, материализация (Kr., S. 22, 24, 29; T. III, S. 329).

Наконец, третий термин (tauschwertsetzende Arbeit) большею частью переводится, как «труд, создающий стоимость», между тем как правильнее было бы говорить о труде, определяющем, обусловливающем или регулирующем стоимость. Термины «создавать» (hervorbringen, Kr., S. 4, 12, 13; schaffen, S. 19) и «производить» (produzieren, S. 13) Маркс чаще всего употребляет для характеристики отношений между конкретным трудом и продуктом труда, как потребительною стоимостью.

Там, где Марксу приходится в одной фразе говорить об отношении между конкретным трудом и потребительною стоимостью, с одной стороны, и трудом абстрактным и меновою стоимостью, с другой, он выбирает термины нейтрального характера, которые одинаково подходят и к техническому процессу «производства» продукта, и к социальному процессу «овеществления» в стоимости продукта отношений людей; например, термины: resultieren (Kr., S. 5), sich verwirklichen (S. 12), Quelle (S. 12). Особенно интересны те случаи, где Маркс в одной фразе противопоставляет труд конкретный и абстрактный: «Die spezifisch gesellschaftliche Arbeit, die sich im Tauschwert d a r s t e l l t, und die reale Arbeit, die Gebrauchswerte e r z i e l t» (Kr., S. 40—41), «die Tauschwert s e t z e n d e, also Waren p r o d u z i e r e n d e Arbeit» (S. 5). «Die konkrete, in den Produkten r e a l i s i e r t e Arbeit» противопоставляется «die gesellschaftliche Arbeit, m a t e r i a l i s i e r t e Arbeitszeit» (T. III, S. 328—329).

---

[1]) Ниже мы отмечаем цитируемые места следующими сокращенными обозначениями: Kr. — Kritik der polit. Oekonomie, 1907; Kl. I — Kapital, B. I, 1914; Kl. III — Kapital, B. III, 1894; T. III — Theorien über den Mehrwert, B. III, 1910.

2. «Кристаллизация».

Выражения Маркса о стоимости, как «кристалле» общественного труда, наиболее часто давали повод приписывать марксовой теории стоимости натуралистический характер. Критики, игнорировавшие теорию товарного фетишизма, не понимали, что «кристаллизация» труда в стоимости обозначает то же самое, что «овеществление», «оформление» производственных отношений людей в вещной форме. В таком смысле термин «кристаллизоваться» часто употребляется Марксом. «Перемена форм самих товаров одновременно кристаллизуется в определенных формах денег» (Kr., S. 74). «Определенность формы, в которой золото кристаллизуется, как деньги» (S. 52). «Деньги—кристаллизованная меновая стоимость» (S. 28). Сравнение товарных цен «кристаллизуется» в счетных деньгах (S. 54). «Определения, исходящие из процесса обращения, кристаллизуются как свойства определенных видов капитала, основного, оборотного и т. п., и кажутся данными свойствами, присущими материально определенным товарам» (Theorien, III, S. 558). «Прибавочная стоимость, в какой бы особенной форме она впоследствии ни кристаллизовалась, в виде ли прибыли, процента, ренты и т. п.» (Капитал, I, русск. пер., с. 416).

3. Вещь и социальная функция.

Различие между материально-техническою и социальною сторонами процесса труда и продукта труда проходит красною нитью через всю экономическую систему Маркса и выражается им при помощи целого ряда различных терминов. Отметим некоторые из них. Часто Маркс противопоставляет «содержание» «форме»: stofflicher Inhalt и gesellschaftliche Form (Kl., I, S. 104, 107; русс. перев., стр. 116, 117, 119), stoffliches Dasein и gesellschaftliche Form (Kl., III², S. 359, 360), stoffliche Elemente и gesellschaftliche Form (Kl., III², S. 351), dingliche Existenz и gesellschaftliches Verhältnis (Kl., III¹, S. 19), Inhalt и Form (Kr., S. 2, 121). В том же смысле противопоставляются: «субстанция» «функции» (Kr., S. 104), wirkliches Dasein и Funktion (S. 102), materielles Dasein и funktionelles Dasein (Kl., I, S. 87), wirkliches Dasein и ideelles Dasein (Kr., S. 100), stoffliche Substanz и gesellschaftliche Formbestimmtheit (Kl., III², S. 360). Из других обозначений отметим: 1) Для материально-технической стороны производства: stoffliches Dasein (T. III, S. 434), materielles Dasein (S. 292), unmittelbares Dasein (S. 193, 320), stoffiche или gegenständlihe Elemente (S. 318, 424, 326, 329; Kl., III¹, S. 20, 34, 36, 92); objektive или gegenständliche Momente (T. III, 329, 354, 424), gegenständliche, materielle, sachliche или stoffiche Bedingungen (T. III, S. 315, 316, 318; Kl., III¹, S. 20), stoffiche Bestandteile (T. III, 382; Kl., III¹, 35, 382) и др. 2) Для социальной стороны производства: gesellschaftliches Dasein (T. III, S. 314), Formdasein (S. 439), funktionelles или funktionierendes Dasein (Kr., S. 101, 94).

Во избежание недоразумений, считаем нужным еще раз подчеркнуть, что употребление Марксом в том или ином случае определенного термина само по себе еще не служит доказательством того, что Маркс и в данном случае придает этому термину именно то значение, в котором он употребляется им обычно. Нельзя утверждать, что всюду, где Маркс пользуется терминами «функция» или

«форма», он имеет в виду социальную форму процесса производства. Иногда Маркс употребляет эти же самые термины в применении к материально-технической стороне производства (К., I, русск. пер., стр. 124, 149, 327, 328, 464). Мы не вправе на основании одного только употребления термина делать вывод о смысле данного текста Маркса. Но, при всей гибкости употребляемой Марксом терминологии, мы все же замечаем в подборе им терминов определенную закономерность. Внимательное изучение терминологии Маркса могло бы, по нашему мнению, раскрыть некоторые трудно уловимые оттенки его мыслей.

ПРИЛОЖЕНИЕ ВТОРОЕ.

ОТВЕТ КРИТИКАМ.

1. Ответ И. Дашковскому.

§ 1. ЧТО ТАКОЕ АБСТРАКТНЫЙ ТРУД?

Является ли абстрактный труд в системе Маркса исторической или внеисторической категорией? Должны ли мы рассматривать его как социологическое или как физиологическое понятие? Таковы те два центральных вопроса, на которые И. Дашковский хочет ответить в своей статье «Абстрактный труд и экономические категории Маркса» (журнал «Под знаменем марксизма», 1926 г., № 6).

На оба вопроса автор дает эклектический ответ. По его мнению, абстрактный труд является категорией одновременно историческою и внеисторическою, социологическою и физиологическою. Как увидим, ничего, кроме эклектизма и путаницы, ответ И. Дашковского нам не дает.

Начнем с первого вопроса. Чтобы избежать прямого и ясного ответа на этот вопрос, И. Дашковский заменяет общепринятое в марксистской литературе двухчленное деление категорий на исторические и внеисторические трехчленным делением. Первую группу составляют «внеисторические» категории, которые дают нам «знание основ всякого экономического бытия, общих всем эпохам человеческой истории» (стр. 198), напр., понятие производства вообще, орудие труда, предмет труда и т. д. Эти категории и соответствующие им «внеисторические» законы «являются обязательным введением в изучение исторических хозяйственных форм», это—«всеобщие социологические определения, которые образуют фундамент экономического исследования, не входя в систему политической экономии в тесном смысле слова» (стр. 198). Вторую группу составляют «исторические категории в собственном смысле слова» (стр. 200). Однако эту группу И. Дашковский считает нужным подразделить на две группы. Некоторые категории относятся только к товарному хозяйству и потому образуют «внутреннюю структуру буржуазного общества», напр., категории «стоимость», «товар» и т. п. Другие же категории являются лишь «дальнейшим развитием элементов, заложенных уже в предшествующий период. При этом может случиться, что исторический смысл данной категории будет заключаться лишь в том, что соответствующее ей экономическое содержание, имеющее общий характер для разных или даже для всех эпох, смогло лишь наиболее полным образом проявиться в данной обстановке». «Категорию абстрактного труда Маркс относит

именно к этой группе. Абстрактный труд не является категорией, образующей внутреннюю структуру буржуазного общества. Он относится ко всем эпохам, поскольку речь идет о нем, как о понятии, но он становится «практически-истинным» только на определенной ступени исторического развития. Такие категории можно было бы назвать условно-историческими» (стр. 201. Курсив автора).

Благодаря разделению «исторических» категорий на две группы, Дашковский получает следующее трехчленное деление категорий:

I. Внеисторические категории.

II. Исторические категории в собственном смысле слова:

а) исторические категории в тесном смысле слова;

б) условно-исторические категории.

По мнению Дашковского, «абстрактный труд, труд вообще, труд как физиологическая затрата мускулов, нервов и пр.—есть понятие, выходящее далеко за пределы внутренней организации товарного хозяйства, понятие общее» (стр. 203). Именно по этой причине абстрактный труд не является категорией исторической в тесном смысле слова. Но, с другой стороны, он не может быть отнесен и к числу «внеисторических» категорий, так как только в товарном хозяйстве, где существует безразличное отношение индивидов к конкретным видам труда, и где индивиды с легкостью переходят от одного вида труда к другому, абстрактный труд получает «полное развитие» и проявляется в «развернутом виде» (стр. 201, 203). Запомним, что по этой причине И. Дашковский относит абстрактный труд не к первой группе «внеисторических» категорий, а к условно-историческим категориям, которые в свою очередь входят в группу «исторических категорий в собственном смысле слова».

Более того. Читатель вправе даже думать, что Дашковский, если бы захотел быть последовательным, должен был бы притти к признанию абстрактного труда категорией «исторической в тесном смысле слова». В самом деле, мы выше читали, что абстрактный труд относится ко всем эпохам лишь постольку, поскольку «речь идет о нем, как о понятии, но он становится «практически-истинным» только на определенной ступени исторического развития» (стр. 201). В другом месте Дашковский выражает свою мысль еще резче: «Абстрактный труд, существуя, так сказать, идеально в предшествующие товарному хозяйству эпохи, находит только в товарном мире почву для своего практического проявления» (стр. 204. Курсив наш). Но если так, если абстрактный труд «находит только в товарном хозяйстве почву для своего практического проявления», т. е. для своего реального (а не только идеального) существования, не обязаны ли мы признать категорию абстрактного труда «историческою в тесном смысле слова»? Не служат ли нам экономические категории именно для познания и объяснения тех исторических эпох, когда объекты, соответствующие данным категориям, находят почву для своего практического проявления, т. е. начинают реально существовать? И не является ли полнейшей бессмыслицей относить экономическую категорию к таким историческим эпохам, когда соответствующий ей объект еще не находит никакой почвы для своего практического проявления, т. е., попросту говоря, вовсе не существует?

Однако Дашковский не был бы в данном вопросе эклектиком, если бы он с последовательностью сделал выводы из своих собственных цитированных нами положений. Эти выводы неизбежно привели бы его к отказу от хитроумно построенной группы «условно-исторических» категорий и к признанию абстрактного труда

категорией исторической в тесном смысле слова, т. е. органически связанной с товарным хозяйством. Но именно против этого вывода И. Дашковский и ополчается со всею силою. Ему поэтому не остается ничего другого, как в дальнейшем ходе изложения отказаться от своих собственных цитированных нами положений. Дашковский смутно чувствует, что читатель вряд ли согласится относить категорию абстрактного труда к таким историческим эпохам, когда отсутствовала почва для «практического проявления» или реального существования абстрактного труда. Он вынужден поэтому отказаться от своих собственных положений и искать доказательств реального существования абстрактного труда при других формах хозяйства, отличающихся от товарного хозяйства. В этих поисках он направляет свой взор как к будущему, социалистическому хозяйству, так и к формам хозяйства предшествовавших исторических эпох.

Реальное существование абстрактного труда в социалистическом хозяйстве И. Дашковский доказывает как нельзя легче. Каковы условия, при которых абстрактный труд может практически проявиться? Этими условиями являются: безразличное отношение индивидов к конкретным видам труда и легкость перехода их от одного вида труда к другому (стр. 203). Но при социализме эти условия будут осуществлены в еще более полной мере, чем в товарном хозяйстве. «В социалистическом обществе они получают дальнейшее развитие. Отсутствие каких-либо специфических господствующих видов труда, легкий переход от одного вида труда к другому, утрата связи трудового процесса с определенным индивидом,—все это получает при социализме свое высшее развитие» (стр. 204). А отсюда Дашковский делает вывод, что и абстрактный труд получит при социализме свое высшее развитие.

Этою аргументацией И. Дашковский в сущности опрокидывает свое положение об «условно-историческом» характере абстрактного труда. Раньше он признавал, что абстрактный труд связан с товарным хозяйством хотя бы слабыми «условно-историческими» узами. Теперь мы вправе сделать вывод, что если уж признавать категорию абстрактного труда «условно-историческою», то эта категория должна быть отнесена нами скорее к социалистическому, чем к товарному хозяйству. Но в таком случае нельзя понять, почему Маркс придавал этой категории такое центральное значение для понимания именно товарного хозяйства. Также нельзя понять, почему сам Дашковский относил абстрактный труд к числу «условно-исторических» категорий товарного хозяйства. Повидимому, термин «исторический» употребляется им совсем в другом смысле, чем это обычно принято: категория абстрактного труда признается им условно-историческою не потому, что она «практически проявляется» только в определенную историческую эпоху, а потому, что она «практически проявляется» только *начиная* с определенной исторической эпохи (с эпохи товарного хозяйства).

Если даже мы признаем за И. Дашковским право на столь необычное употребление термина «исторический», мы все равно не спасем его от дальнейших, вопиющих противоречий. Не успел еще Дашковский признать абстрактный труд «условно-исторической» категорией товарного хозяйства; не успел он после этого объявить, что категория абстрактного труда получает свое «высшее развитие» в социалистическом хозяйстве,—как мы узнаем нечто совершенно новое: абстрактный труд существует в «любом обществе» (стр. 208), точнее, в любом хозяйстве, основанном на общественном разделении труда. Чтобы доказать это свое новое утверждение, Дашковский забывает только что перечисленные им условия «прак-

тического проявления» абстрактного труда (т. е. безразличие к конкретным видам труда и легкость перехода индивидов от одного вида труда к другому) и берет за основу другой признак, а именно необходимость социального учета и уравнения труда в любом хозяйстве, основанном на общественном разделении труда. Всякий «социально-уравненный» труд Дашковский ошибочно принимает за «абстрактный» труд.

Чтобы читатель не заподозрил нас в желании приписать И. Дашковскому мысли, им не высказываемые, приведем несколько цитат: «Даже в тех исторических формациях, где конкретный труд выступает непосредственно в качестве общественного, где он не нуждается в кривом зеркале вещных отношений и абстрактных категорий, функция абстрактного труда абсолютно необходима, поскольку речь идет об учете общественной трудовой энергии. Учет может производиться только в отвлеченных, т. е. абстрактных, счетных единицах» (стр. 205). «Абстракция в отношении к труду необходима не только для того, чтобы частные виды труда превратить в качественно отличную категорию общественного труда. Она необходима также и для суммирования и для учета трудового процесса в любом обществе, которое, как подчеркивает Маркс, всегда интересуется количеством затрачиваемого рабочего времени» (стр. 208. Курсив наш). «Если регулирование труда—экономическая необходимость при социализме (и при всякой другой форме хозяйства, поскольку люди всегда интересовались количеством затрачиваемого на производство средств существования труда), то в такой же мере необходимо постоянное отвлечение от конкретного труда. Абстракция в этих условиях не роскошь, не пустая игра фантазии, а жизненная потребность. В товарном обществе она совершается стихийно и через посредство вещей, в организованном—сознательно. Но от этого ее качественная природа не меняется» (стр. 210. Курсив наш).

Что действительно в хозяйстве, основанном на общественном разделении труда (хотя бы и не на основе товарного хозяйства), происходит процесс социального уравнения труда,—было нами отмечено уже в 1-м издании «Очерков по теории стоимости Маркса» (стр. 52; во втором издании—стр. 73). Но этот социально-уравненный труд не надо смешивать с абстрактным трудом, который представляет особую форму социально-уравненного труда. Безнадежное смешение обоих понятий мы встречаем у И. Дашковского. Но сейчас нас интересует не эта сторона. В данный момент мы ставим себе целью вскрыть не неправильность концепции Дашковского, а ее внутреннюю противоречивость. Всякому мало-мальски внимательному читателю эта противоречивость не может не бросаться в глаза. Если «практическое проявление» абстрактного труда возможно лишь при известных условиях, осуществленных в товарном и социалистическом хозяйствах (стр. 203), можно ли утверждать, что абстрактный труд существует «в любом обществе» (стр. 208)? Если при «всякой форме хозяйства» «необходимо постоянное отвлечение от конкретного труда» (стр. 210), можно ли утверждать, что абстрактный труд «находит только в товарном мире почву для своего практического проявления» (стр. 204)? Если при любой форме хозяйства абстракция от конкретного труда «не роскошь, не пустая игра фантазии, а жизненная потребность» (стр. 210) и, следовательно, реальный факт, на каком основании Дашковский утверждает, что в «предшествующие товарному хозяйству эпохи» абстрактный труд существовал только «идеально» (стр. 204)? Дашковский запутался в этих безвыходных противоречиях именно потому, что он отказался ясно и недвусмысленно признать

исторический характер категории абстрактного труда, в отличие от более широкой социологической категории социально-уравненного труда вообще. Смешение обеих этих категорий и привело И. Дашковского к противоречивым суждениям: то он готов признать, что абстрактный труд находит только в товарном хозяйстве почву для своего практического проявления (и это верно, поскольку речь идет об абстрактном труде, фигурирующем в теории Маркса), то он утверждает его реальное существование в любом хозяйстве, основанном на общественном разделении труда (а это верно, поскольку речь идет о социально-уравненном труде вообще).

Мы следили до сих пор за волшебными превращениями категории абстрактного труда под пером И. Дашковского. Сперва эта категория была признана условно-историческою; потом мы узнали, что она действительна для товарного и социалистического хозяйств, причем именно в последнем получает свое «высшее развитие»; наконец, нам объявили, что эта категория относится—не только «идеально», но и «практически»—к любой форме хозяйства, основанного на общественном разделении труда. Отсюда уже небольшой шаг до объявления этой категории «внеисторическою». Казалось бы, что от этого последнего и решительного шага Дашковский должен был бы уклониться. Ведь он сам в начале своей статьи, разделив экономические категории на внеисторические и исторические, отнес категорию абстрактного труда к последним, хотя и в «условном» смысле. Но наш автор, как мы уже убедились, не боится противоречий. Не приходится поэтому удивляться, что, начав за здравие, он кончает за упокой. В начале статьи он отнес абстрактный труд к историческим категориям, а в конце статьи решительно объявляет эту категорию внеисторическою. Критикуя мое положение о том, что абстрактный труд, который, по учению Маркса, образует стоимость и составляет ее содержание, должен иметь исторический характер, Дашковский пишет: «Совершенно ничем не обоснован довод, что историческая категория (т. е. стоимость. *И. Р.*) должна возникать только из другой исторической категории (т. е. абстрактного труда. *И. Р.*). Ведь в конце концов каждая исторически обусловленная форма производства имеет своим фундаментом вечное отношение между человеком и природой, производительные силы, данные природой, и труд, «который сам есть проявление одной из сил природы, человеческой рабочей силы» (Критика Готской программы). Этот труд и эта рабочая сила являются источниками всякого развития и, следовательно, всех исторических категорий. Те, кто утверждают, что исторические категории могут порождаться только другими историческими же категориями, упускают из виду, что категория есть вообще только ф о р м а п р о я в л е н и я внеисторических законов, как напоминал Маркс в цитированном нами письме к Кугельману» (стр. 212—213). Из этого общего положения Дашковский делает следующий вывод в применении к абстрактному труду: «Абстрактный труд создает стоимость в том смысле, что он принимает форму стоимости продукта труда... Ясно, что способ выражения может и должен носить исторический характер, тогда как то, что служит предметом выражения, не зависит от эволюции общественных форм» (стр. 213). Иначе говоря, историческая категория стоимости служит формою проявления внеисторической категории абстрактного труда.

Ниже мы подвергнем это положение критическому разбору по существу и постараемся показать всю его ложность. Пока же ограничимся констатированием того факта, что весь мыслимый круг противоречивых суждений об абстрактном

труде усердно пройден И. Дашковским до конца. В начале статьи он разделил экономические категории на внеисторические и «исторические в собственном смысле слова» (стр. 200), включающие в себя также «условно-исторические» категории. В начале статьи абстрактный труд был признан условно-историческою категорией, а в конце статьи—внеисторическою категорией. В итоге мы получили четыре понятия абстрактного труда:

1) Абстрактный труд как условно-историческая категория, которая только в товарном хозяйстве находит почву для своего практического проявления.

2) Абстрактный труд как категория, действительная для товарного и социалистического хозяйства, где индивиды с легкостью переходят от одного конкретного вида труда к другому.

3) Абстрактный труд как социально-уравненный труд вообще, т. е. как категория, действительная для любой формы хозяйства, основанного на общественном разделении труда.

4) Абстрактный труд как внеисторическая категория, т. е. рассматриваемый как материально-техническая и биологическая предпосылка общественного процесса производства.

Как видим, И. Дашковский смешивает в одну кучу столь разнородные понятия, как труд физиологический, труд социально-уравненный вообще и труд абстрактный, характерный для товарного хозяйства. Объединяя все эти разнородные понятия термином «абстрактный труд», он вносит полнейшую путаницу в свое изложение. Только при помощи тщательного анализа читатель, к своему удивлению, находит, что на одной странице наш автор под именем абстрактного труда трактует о физиологическом труде, на другой странице—о социально-уравненном труде вообще, вместо того, чтобы обозначить этим термином именно тот труд, который Маркс имел в виду в своей теории стоимости, а именно труд, образующий стоимость и характерный для товарного хозяйства. Отмеченная путаница лишает Дашковского возможности дать не то что правильный, но хотя бы более или менее ясный ответ на вопрос о том, имеет ли категория абстрактного труда исторический или внеисторический характер. По той же причине не найдем мы у него ясного ответа на вопрос о физиологической или социальной природе абстрактного труда.

С одной стороны, Дашковский во многих местах приравнивает абстрактный труд физиологическому труду. «Абстрактный труд, труд вообще, труд как физиологическая затрата мускулов, нервов и пр.,—есть понятие, выходящее далеко за пределы внутренней организации товарного хозяйства» (стр. 203). На стр. 204 абстрактным признается «труд, как затрата физиологической энергии в безразличной форме». На стр. 218 автор предостерегает нас против ошибочных выводов, к которым мы придем, если признаем, что «абстрактный труд не труд в физиологическом смысле».

На основании этих выражений многие читатели отнесли И. Дашковского к числу сторонников физиологического понимания абстрактного труда. Но, с другой стороны, мы найдем у него и следы социологического понимания абстрактного труда: «Вместе с тем разрешается также и вопрос о социальном характере абстрактного труда. Абстрактный труд есть общественный труд, взятый не в разнообразии его функций, проявлений и результатов, а в однообразии его физиологического процесса... Сведение абстрактного труда к простой, безличной, хотя и осуществляемой отдельными лицами затрате физиологической энергии—это есть

высшее выражение социального характера труда, несмотря на то, что по видимости оно представляет собою натуралистическую категорию. «Физиология» в данном случае есть псевдоним обезличения, абсолютного равенства всех видов человеческого труда, равенства всех производителей, взятых как таковых, т. е. в простом качестве проводников общественной энергии. Какое же еще социальное содержание можно требовать от экономической категории?» (стр. 211—212. Курсив наш). Теперь мы узнали нечто совершенно новое. Оказывается, что категория абстрактного труда лишь «по видимости» представляет собою натуралистическую, а следовательно, и физиологическую категорию. Но если так, зачем же повторять на каждом шагу, что абстрактный труд есть «труд в физиологическом смысле»? Сам Дашковский признает, что в данном случае «физиология» служит лишь «псевдонимом» социального процесса обезличения и уравнения труда. Но с каких это пор наука мыслит и выражается при помощи «псевдонимов»? Не составляет ли первейшую обязанность науки именно решительное разоблачение всякого рода псевдонимов, которые лишь вводят читателя в заблуждение? И не является ли с этой точки зрения полезным делом критика физиологического понимания абстрактного труда, этого, по ценному признанию самого И. Дашковского, научного «псевдонима»?

§ 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И. ДАШКОВСКОГО.

Читателя не может не удивлять, каким образом наш автор на протяжении небольшой статьи, к тому же посвященной одному специальному вопросу и ставящей себе целью дать критический разбор воззрений другого автора, умудрился высказать столько противоречивых суждений об абстрактном труде. Источником этих обильных противоречий у И. Дашковского является неясность методологической постановки вопроса. С одной стороны, И. Дашковский правильно полагает, что «политическая экономия есть наука о специфических общественных формах, в которых осуществляется обмен веществ между человеком и природою» (стр. 198); «марксистская теория поставила науку в правильные рамки, сделав форму экономических отношений центром исследования» (стр. 199. Курсив автора). С другой стороны, мы у него же встречаем ряд формулировок совершенно другого характера: «Задача экономической науки должна состоять в том, чтобы свести специфические капиталистические формы проявления законов общественного «производства жизни» к самим этим законам, чтобы «проявить» путем отвлеченного анализа внутреннее строение экономической ткани, затуманенное, замаскированное противоречивыми формами капиталистического хозяйства» (стр. 218. Курсив наш). «Сведение особых форм к их общим основам в теоретической форме и есть задача всякой науки» (стр. 197. Курсив наш).

И. Дашковский не замечает, что обе приведенные формулировки никоим образом не совпадают. Одно дело—ограничить задачу теоретической экономии аналитическим сведением исторически-обусловленных социальных форм капиталистического хозяйства к внеисторическим, материально-техническим основам производственного процесса. И совсем другое дело—изучить происхождение и функционирование этих специфических исторически-обусловленных социальных форм хозяйства, явившихся результатом определенного развития материально-технического процесса производства. В первом случае исследователь рассма-

тривает социальную форму хозяйства (т. е. производственные отношения людей), как внешнюю и случайную оболочку, которую необходимо удалить при помощи научного анализа, чтобы вскрыть под нею «внутреннее строение экономической ткани» (т. е. материально-технический процесс производства). Во втором случае предметом нашего исследования признаются именно определенные производственные отношения людей, как необходимая, исторически-обусловленная и закономерно развивающаяся форма производственного процесса. Излишне добавлять, что именно первый метод характеризует буржуазную политическую экономию, а второй метод—учение Маркса. Между обоими методами необходимо сделать выбор, и попытка Дашковского усесться между двумя стульями привела его к многочисленным противоречиям.

И. Дашковский подчеркивает, что законы товарно-капиталистического хозяйства суть лишь «формы проявления законов общественного производства жизни» (стр. 218) или «основ всякого экономического бытия, общих всем эпохам человеческой истории» (стр. 198). Именно поэтому «сведение особенных форм к их общим основам» составляет, по мнению автора, задачу политической экономии. При помощи термина «формы проявления» наш автор надеется, повидимому, приблизить свою терминологию к терминологии Маркса, который упрекал вульгарных экономистов в том, что они ограничиваются изучением «формы проявления» экономических отношений. Но под тем же термином «формы проявления» Дашковский понимает нечто совершенно иное, чем Маркс. Маркс в 48-й главе III тома «Капитала» противопоставляет «отчужденную форму экономических отношений» самим этим отношениям (Kapital, III[2], 1894, S. 352. Русск. перев. 1908 г., стр. 288—289). Он призывает экономистов вскрыть под вещными экономическими категориями стоимости, капитала и т. п. «экономические отношения» людей или «внутреннюю связь буржуазных производственных отношений» (Капитал, т. I, гл. 1. примечание 32). Дашковский же, который рассматривает буржуазные производственные отношения лишь как формы проявления «основ всякого экономического бытия, общих всем эпохам человеческой истории», призывает нас обратить наше внимание на «внутреннее строение экономической ткани», под которым он понимает законы материально-технического процесса производства. Достаточно сопоставить «внутреннюю связь буржуазных производственных отношений» у Маркса с «внутренним строением экономической ткани» у Дашковского, чтобы понять все глубокое отличие методологической постановки вопроса у того и другого.

На словах И. Дашковский воздает должное методу Маркса, который сделал «форму экономических отношений центром исследования» (стр. 199). Но, как мы видели, он тут же себе противоречит, ограничивая задачу политической экономии аналитическим «сведением особенных форм к их общим основам». Уже эта формулировка обнаруживает непонимание наиболее характерных и ценных сторон марксова метода исследования. Но еще яснее, чем на словах, Дашковский на деле обнаруживает свою неспособность оперировать при помощи этого метода. Перед нашим автором стояла благодарная задача: показать своеобразие марксова метода исследования на конкретном примере учения об абстрактном труде. Если своеобразие метода Маркса заключается, по словам самого Дашковского, в том, что он сделал «форму экономических отношений центром исследования», то, казалось бы, это своеобразие метода исследования не может не отразиться и на учении об абстрактном труде,—этой центральной части марксовой теории стоимости. Но Дашковский думает иначе: по его мнению, абстракт-

ный труд представляет собою категорию, которая—по крайней мере «идеально»—относится ко всем историческим эпохам, независимо от характеризующей их «формы экономических отношений». Правда, наш автор отлично понимает, что абстракция от конкретных особенностей труда совершается в товарном хозяйстве в присущей ему особой, специфической форме, а именно через посредство обмена продуктов труда как стоимостей. Но именно эту специфическую форму, характеризующую социальное уравнение труда в товарном обществе, автор игнорирует в своем определении абстрактного труда: «В товарном обществе она (абстракция. *И. Р.*) совершается стихийно и через посредство вещей, в организованном—сознательно. Но от этого ее качественная природа не меняется» (стр. 210. Курсив наш). Подчеркнутые нами слова ярко обнаруживают ошибочность всего метода Дашковского. У Маркса «качественная природа» экономических категорий определяется социальною формою хозяйства или характером производственных отношений людей, у Дашковского экономические категории обладают неподвижною (по крайней мере, на протяжении нескольких исторических эпох) «качественною природою», которая, правда, в различные исторические эпохи облекается в различные внешние формы, но по существу от этого нисколько не меняется. В условиях товарного хозяйства внеисторическая категория абстрактного труда облекается в форму стоимости, но эта форма стоимости остается чем-то внешним и чуждым природе самого абстрактного труда. Резкий разрыв между содержанием и формою экономических категорий, резкий разрыв между абстрактным трудом и стоимостью,—таков логический вывод, к которому приводит построение Дашковского.

В каком бы смысле ни понимали мы абстрактный труд И. Дашковского,—идет ли речь о физиологическом труде, или о социально уравненном труде вообще, или, наконец, о каком-то «абстрактном» труде, характеризующем одинаково товарное и социалистическое хозяйство,—во всех этих случаях абстрактный труд не является трудом, образующим стоимость. Ведь стоимость появляется только в товарном хозяйстве, между тем как абстрактный труд, по мнению Дашковского, существует и вне товарного хозяйства. Разрыв между абстрактным трудом и стоимостью составляет основной порок всего построения Дашковского и центральный пункт расхождения его с Марксом. Чтобы несколько смягчить свое расхождение с Марксом, Дашковский поучительным тоном разъясняет нам, что, согласно учению Маркса, абстрактный труд не создает стоимости «в буквальном физическом смысле», а лишь «принимает форму стоимости продукта труда» (стр. 213). Поучительный тон Дашковского тем менее уместен, что в данном пункте он лишь повторяет положение, подробно обоснованное мною в первых двух изданиях моей работы «Очерки по теории стоимости Маркса». Нет сомнения, что, по мнению Маркса, труд создает или образует (bildet) стоимость в том смысле, что он принимает форму стоимости продуктов труда. Абстрактный труд представляет собою содержание стоимости, или стоимость является формою, в которой выражается абстрактный труд. Но можно ли отсюда делать тот вывод, который делает И. Дашковский, а именно, что «способ выражения может и должен носить исторический характер, тогда как то, что служит предметом выражения, не зависит от эволюции общественных форм» (стр. 213)?

И. Дашковский полагает, что стоимость как историческая категория является способом выражения внеисторической категории абстрактного труда. Это поло-

жение Дашковского в корне ложно как с методологической стороны, так и по существу. С методологической точки зрения оно грешит полнейшим непониманием соотношения между содержанием и формою экономических категорий. В изложении Дашковского форма (т. е. стоимость) выступает как нечто внешнее по отношению к содержанию (т. е. труду) и извне присоединяющееся к нему на известном этапе исторического развития (т. е. в товарном хозяйстве). Абстрактный труд, остающийся по своей «качественной природе» неизменным на протяжении нескольких или даже всех исторических эпох, принимает в товарном хозяйстве форму стоимости, которая не меняет природы самого абстрактного труда и, следовательно, представляет собою нечто внешнее по отношению к нему. Абстрактный труд выступает здесь в роли неподвижного манекена, на который надевается то тот, то другой костюм. Форма не связана органически с содержанием.

Излишне доказывать, что такое представление о соотношении между содержанием и формою разделялось Кантом, но не Гегелем и Марксом. Маркс, как и Гегель, считал форму неразрывно связанною с содержанием: само содержание, развиваясь, создает данную форму. Только развитие самого общественного труда создает стоимость, как специфическую форму, в которой выражается труд. Противоположное утверждение не только противоречило бы учению Маркса о соотношении между содержанием и формою, но и сделало бы непонятным возникновение стоимости. Каким образом возникает стоимость, как особая социальная форма продуктов труда? Труд принимает форму стоимости,—отвечает И. Дашковский. Но ведь труд при этом, по мнению Дашковского, не изменил своей качественной природы, он остался таким же, каким он был до того момента, когда получил свое выражение в стоимости. Но в таком случае почему же он принимает форму стоимости? Очевидно, только потому, что изменилась качественная природа самого труда. Общественный труд на данной ступени исторического развития принимает определенную социальную форму, и только возникновение этой новой «формы труда» объясняет нам возникновение соответствующей формы продуктов труда, т. е. стоимости. Если абстрактный труд принимает форму стоимости,—а это признает сам Дашковский,—то необходимо притти к выводу, что в понятие абстрактного труда уже включается определенная социальная организация труда в товарном хозяйстве и, следовательно, категория абстрактного труда должна быть признана историческою в тесном смысле этого слова.

И. Дашковский бросает нам следующий упрек: «Если придерживаться определений Рубина, то надо неизбежно притти к заключению, что не абстрактный труд создает стоимость, а, наоборот, категория стоимости создает категорию абстрактного труда» (стр. 13). После изложенного выше читателю должно быть ясно, что не я, а именно Дашковский передвигает центр исследования от категории абстрактного труда к категории стоимости. Действительно, я утверждаю, что возникновение стоимости, как особой социальной формы продуктов труда, является лишь следствием исторического процесса изменений, совершающихся в самом общественном труде: по мере того, как общественный труд принимает социальную форму абстрактного труда, продукты его принимают социальную форму стоимости. По мнению же Дашковского, качественная природа абстрактного труда с переходом к товарному хозяйству ни в малейшей мере не изменяется: товарное хозяйство отличается от других форм хозяйства лишь тем, что в нем абстрактный труд выражается в вещной форме стоимости. «Не в абстрактном труде, который составляет «содержание определенной стоимости», надо искать

особенностей товарного хозяйства... а исключительно в том, что все эти определения (труда. *И. Р.*) получают вещное выражение» (стр. 206) в стоимости продуктов труда. Не значит ли это превращать стоимость, которая, по учению Маркса, представляет лишь выражение общественного труда, в самодеятельную категорию, определяющую особенности товарного хозяйства? Эта преувеличенная оценка роли стоимости неизбежно вытекает из всей концепции И. Дашковского. Действительно, если, с одной стороны, абстрактный труд не признается характерною особенностью товарного хозяйства, а с другой стороны—стоимость присоединяется к абстрактному труду извне, не порождаемая развитием самого общественного труда, то вывод может быть только один: характерные особенности товарного хозяйства коренятся не в особой социальной форме организации труда, а в социальной форме стоимости, рассматриваемой как нечто самостоятельное по отношению к общественному труду.

Как видим, И. Дашковский отрывает категорию стоимости от категории абстрактного труда. По его мнению, категория стоимости присуща только товарному хозяйству, категория же абстрактного труда присуща также и другим формам хозяйства. Абстрактный труд может принять форму стоимости (это имеет место в товарном хозяйстве), но может и не принять этой формы (это имеет место, напр., в социалистическом хозяйстве). Абстрактный труд и стоимость не связаны внутреннею, органическою связью. Связь между ними чисто внешняя: на известной ступени исторического развития к абстрактному труду присоединяется стоимость, как самостоятельная форма, внешняя по отношению к самому абстрактному труду.

Изложенная концепция И. Дашковского так резко расходится с учением Маркса, что у читателя не может не явиться вопрос: что подало нашему автору повод утверждать, что категория абстрактного труда, в отличие от категории стоимости, отличается «внеисторическим» (или «условно-историческим») характером. В доказательство этого своего утверждения И. Дашковский не может привести ничего, кроме одной ложно понятой цитаты из Маркса. Речь идет об известных рассуждениях Маркса об абстрактном труде в «Введении к Критике политической экономии». Маркс рисует нам эволюцию понятия «труд» в политической экономии. Меркантилисты и физиократы видели источник богатства в определенном конкретном труде (торговле или земледелии). Только Смит увидел источник богатства в труде вообще, в «абстрактном всеобщем понятии деятельности, создающей богатство»[1]). Маркс после этого ставит вопрос: применимо ли это абстрактное понятие труда вообще ко всем историческим эпохам, или же оно является выражением современного буржуазного хозяйства? На первый взгляд представляется как будто бесспорным, что мы должны ответить в первом смысле. Казалось бы, что о «труде вообще» можно говорить и в применении к первобытному охотнику или средневековому крестьянину. «Может показаться, что этим самым найдено выражение для простейшего и древнейшего отношения, в котором человек, при каких бы то ни было общественных формах, выступает как производитель. Это верно с одной стороны, но неверно—с другой»[2]).

После этого Маркс подробнейшим образом объясняет нам, почему это «неверно—с другой» стороны. Он отмечает, что «безразличное отношение к какому-

---

1) Маркс, Введение к Критике политической экономии. См. «Основные проблемы политической экономии», 2-е изд., стр. 26.

2) Там же, стр. 27.

нибудь определенному виду труда соответствует общественной форме, при которой индивиды с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой какой-либо определенный труд является для них случайным и потому безразличным. Здесь труд вообще, не только в категории, но и в действительности, стал средством создания богатства вообще и утратил свою связь с определенным индивидом. Такое состояние достигло наибольшего развития в современнейшей из форм бытия буржуазного общества, в Соединенных штатах. Здесь таким образом абстрактная категория «труда», «труда вообще», труда sans phrase, этот исходный пункт современной экономической науки, становится впервые практической истиной. Следовательно, простейшая абстракция, которую современная экономия ставит во главу угла и которая выражает древнейшее, для всех общественных форм значимое отношение, становится в этой абстракции практически истинною только как категория современнейшего общества... Этот пример труда убедительно доказывает, что даже самые простейшие категории, несмотря на то, что именно благодаря своей отвлеченности они применимы ко всем эпохам, в самой определенности этой абстракции являются не в меньшей мере продуктом исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри них» [1]).

Мы вынуждены были привести эту длинную выдержку, так как только ложное понимание цитированных слов Маркса могло подать повод И. Дашковскому говорить об «условно-историческом» или «внеисторическом» характере абстрактного труда. Всякий непредубежденный читатель, прочтя полностью цитированные места из Маркса, убедится, что Маркс в данном случае хочет доказать как раз противоположное тому, что утверждает Дашковский. Маркс показывает нам всю поверхностность ходячего представления о том, что понятие «труда вообще» является «выражением для простейшего и древнейшего отношения, в котором человек, при каких бы то ни было общественных формах, выступает как производитель». Маркс подчеркивает, что категория абстрактного труда становится «практически истинною» и обладает «полною значимостью» только в условиях буржуазного хозяйства. Правда, И. Дашковский, ссылаясь на эти слова Маркса, пытается доказать, что абстрактный труд, «поскольку речь идет о нем, как о понятии» (стр. 201), относится ко всем историческим эпохам. Но здесь мы должны повторить вопрос, поставленный нами в начале настоящей статьи: не должны ли мы относить экономические категории именно к тем историческим эпохам, когда соответствующие им реальные явления существуют «в действительности», т. е. когда данные категории становятся «практически истинными» и обладают «полною значимостью»? Поступать иначе значило бы приносить конкретное знание в жертву бесплодной игре отвлеченными понятиями, которые, по выражению Маркса, «именно благодаря своей отвлеченности применимы ко всем эпохам». Это значило бы забыть, что указанные отвлеченные понятия «в самой определенности этой абстракции являются не в меньшей мере продуктом исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри них».

Как видим, цитированные слова Маркса доказывают как раз противоположное тому, что утверждает И. Дашковский.

---

1) Маркс, Введение к Критике полит. эконом, стр. 27—28. Курсив наш.

при наиболее развитых общественных отношениях»[1]. Наконец, как мы видели уже выше, то же двойственное отношение к капиталистическому хозяйству обнаруживает категория абстрактного труда.

Изложенное дает нам, во всяком случае, право сделать следующий бесспорный вывод: Маркс ставит категорию абстрактного труда в один ряд с другими категориями простого товарного хозяйства, а именно стоимостью и деньгами. Тем самым доказана полная ошибочность попытки Дашковского провести резкую грань между «внеисторической» (или «условно-исторической») категорией абстрактного труда и «историческою» категорией стоимости. И. Дашковский должен сделать следующий выбор. Если он поддерживает свое положение о «внеисторическом» (или «условно-историческом») характере абстрактного труда, то он необходимо должен признать такой же характер и за категорией стоимости. Если же он, в согласии с самим Марксом и с подавляющим большинством экономистов-марксистов, признает исторический характер категории стоимости, то он должен признать такой же характер и за абстрактным трудом. И в том и в другом случае хитроумное построение Дашковского распадается как карточный домик.

Все построение И. Дашковского основано на следующей ошибке: наш автор просто-напросто забыл о различии между категориями простого товарного хозяйства и категориями капиталистического хозяйства. На том основании, что понятие абстрактного труда не выражает «внутренней структуры» капиталистического хозяйства, он делает вывод о «внеисторическом» характере этой категории. Он забывает, что между категориями капиталистического хозяйства и категориями «внеисторическими» существуют еще категории простого товарного хозяйства, к числу которых и принадлежат категории абстрактного труда, стоимости и денег. В какой мере И. Дашковский повинен в грубом смешении категорий простого товарного хозяйства и капиталистического хозяйства, видно из следующих двух примеров. На стр. 202 Дашковский говорит, что «абстрактный труд, по мнению Рубина, является категорией товарного хозяйства в том же смысле, как деньги, стоимость, товар, капитал и т. д.». Наш автор как будто не догадывается, что категория капитала не может быть поставлена в один ряд со стоимостью и деньгами. Что здесь у Дашковского не случайная обмолвка, видно из аналогичных слов его на стр. 218: и здесь он упрекает меня за мнимое желание поставить абстрактный труд «в один ряд с остальными категориями буржуазного хозяйства, как прибыль, процент, капитал, классы и т. д.». Неосновательность этих упреков бросается в глаза. Я никогда не предлагал ставить категорию абстрактного труда в один ряд с категориями капиталистического хозяйства, капиталом, прибылью и тому подобное. Но я предлагал поставить категорию абстрактного труда в один ряд с другими категориями простого товарного хозяйства, то есть стоимостью и деньгами.

---

[1]) Цит. соч., стр. 25—26. Ср. «Капитал», т. I, изд. 1923 г., стр. 111, 112, где Маркс повторяет ту же мысль о двойственном отношении категорий простого товарного хозяйства (стоимости и денег) к капиталистическому хозяйству. С одной стороны, превращение продукта в товар «встречается в исторически весьма различных общественно-экономических формациях». С другой стороны, превращение большинства продуктов в товары «совершается лишь на основе вполне определенного, а именно капиталистического способа производства».

Еще более убедимся мы в этом, если, не ограничиваясь цитированными местами, рассмотрим их в том контексте, в каком они даны у Маркса. Цитированные места относятся к разделу, озаглавленному «Метод политической экономии». В начале этого раздела мы узнаем, что экономисты XVII века «путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные общие отношения, как разделение труда, деньги, стоимость и т. п.» [1]. Вскрыть логическую структуру и методологическое значение этих абстрактных категорий,—такова задача, которую ставит себе Маркс в данном месте. Общий вывод, им предвосхищаемый, сводится к тому, что абстрактная категория «не может существовать иначе, как абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного и живого целого» [2]. Обоснованию этого вывода Маркс и посвящает дальнейшие страницы (стр. 24—28).

Уже перечень абстрактных категорий, данный Марксом (а именно разделение труда, деньги, стоимость), показывает, что в данном месте внимание Маркса обращено прежде всего на категории, характеризующие простое товарное хозяйство. Дальнейшие рассуждения Маркса убеждают нас в этом окончательно. На стр. 24—28 Маркс обосновывает указанный свой общий вывод на примере анализа отдельных абстрактных категорий. Какие же категории выбирает для этой цели Маркс? Внимательное чтение стр. 24—28 убедит читателя, что Маркс выбирает для этой цели подряд три «простейшие экономические категории»: стоимость (которую он здесь, как и в «Критике политической экономии», называет еще Tauschwert, т. е. меновою стоимостью), деньги и абстрактный труд [3]. У Маркса, следовательно, речь идет о категориях простого товарного хозяйства. В каком отношении находятся абстрактные категории простого товарного хозяйства (стоимость, деньги, абстрактный труд) к подлинному объекту политической экономии, а именно к капиталистическому хозяйству,—таков вопрос, занимающий в данном месте мысль Маркса. Отношение это двойственное,—отвечает Маркс на этот вопрос. С одной стороны, перечисленные категории применимы и к историческим эпохам, предшествовавшим капиталистическому хозяйству; с другой стороны, только в последнем они проявляются с полною силою.

В своих рассуждениях на стр. 24—28 Маркс ставит в один ряд категории стоимости, денег и абстрактного труда. Все эти категории, по его мнению, находятся в двойственном отношении к капиталистическому хозяйству. Так, напр., «меновая стоимость, как категория, имеет додилювиальное существование [4], т. е. существует до появления капиталистического хозяйства. Но, с другой стороны, она «не может существовать иначе, как абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного и живого целого» [5].

То же самое относится к деньгам. С одной стороны, «деньги могут существовать и существовали исторически раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т. д.». С другой стороны, «эта совершенно простая категория (т. е. деньги. *И. Р.*) выявляется исторически в своей полной силе только

---

1) Цит. соч., стр. 23.

2) Там же, стр. 24.

3) Анализ стоимости дан на стр. 24—25, денег — на стр. 25—26 и абстрактного труда — на стр. 26—28.

4) Там же, стр. 24.

5) Там же, стр. 24.

Число встречающихся в статье И. Дашковского ошибок и противоречивых формулировок можно было бы при желании умножить, но мы можем ограничиться сделанным разбором основных положений Дашковского, оставляя в стороне побочные ошибки и противоречия. Отметим только некоторые из них. На стр. 214 И. Дашковский упрекает меня за то, что я будто бы совершенно не признаю существования абстрактного труда в процессе производства, до совершения акта рыночного обмена (подробный разбор этих упреков будет дан нами ниже, при разборе книжки Шабса). К нашему удивлению, на стр. 207 у Дашковского мы читаем: «В товарном хозяйстве частный труд самостоятельных производителей превращается в общественный на рынке, во-первых, потому, что его продукты принимают форму товаров, и, во-вторых, потому, что благодаря этому взаимному *приравниванию товаров* и только через это приравнивание происходит отвлечение от конкретных особенностей труда, *превращение конкретного труда в абстрактный*» (курсив наш). Не повторяет ли здесь И. Дашковский, как и во многих других местах своей статьи, формулировки, данные мною в «Очерках»?

Приведем другой пример. На стр. 205 и 207 Дашковский целиком соглашается с отстаиваемым мною взглядом, что в товарном хозяйстве труд в своей конкретной форме еще не является непосредственно общественным трудом. Неожиданно на стр. 210 все эти длинные рассуждения автора сводятся к нулю его заявлением: «Впрочем, с *объективной* точки зрения конкретный труд и в условиях товарного хозяйства также является общественным трудом» (курсив наш). Отсюда следует, что все различие между характером общественного труда в организованном и неорганизованном хозяйстве,—различие, признаваемое самим И. Дашковским на стр. 205—206—имеет силу только с субъективной точки зрения. Действительно, на стр. 211 наш автор заявляет: «Но и в товарном хозяйстве конкретный труд только по видимости, только субъективно для производителя есть естественно-техническая категория, частный труд» (курсив наш). Не буду останавливаться на ошибке Дашковского, рассматривающего «частный» труд как «естественно-техническую» категорию: с этою же ошибкою мы встретимся ниже, при разборе взглядов другого нашего критика, Шабса. Отметим только, что характеристика труда как «частного»,—эта основная социальная характеристика его в товарном хозяйстве,—рассматривается И. Дашковским как нечто чисто субъективное. Повидимому, И. Дашковский не знает, что Маркс давно уже высказался против подобного же взгляда Адама Смита, который «хочет уверить нас, что такое общественное разделение труда отличается от мануфактурного лишь субъективно, лишь для наблюдателя, который в мануфактуре одним взглядом охватывает различные частичные работы, объединенные пространственно, тогда как в общественном производстве связь эта затемняется благодаря разбросанности его отдельных отраслей на значительном пространстве и благодаря большому числу рабочих, занятых в каждой отрасли» (Капитал, т. I, 1923 г., стр. 267).

Мы отметили мимоходом некоторые бросающиеся в глаза противоречия И. Дашковского. Остановиться подробнее на затронутых им вопросах о характере общественного труда в товарном хозяйстве и о связи между обменом и абстрактным трудом мы считаем здесь излишним, так как с этими же вопросами в более развернутом виде нам придется встретиться ниже при разборе книжки другого нашего критика, Шабса. Там же мы подвергнем эти вопросы более подробному рассмотрению.

В заключение необходимо указать, что, хотя положительное решение спорных вопросов, предлагаемое И. Дашковским, представляется нам совершенно ошибочным, мы должны признать, что его статья представляет собою добросовестную и серьезную попытку постановки этих спорных вопросов.

2. Ответ С. Шабсу.

В начале 1928 г. вышла в свет книжка С. Шабса «Проблема общественного труда в экономической системе Маркса», посвященная критике моей работы «Очерки по теории стоимости Маркса». Невысокий теоретический уровень своей работы Шабс постарался, по мере возможности, восполнить самонадеянностью тона. И в этом направлении, надо сказать, все возможности использованы им в полной мере. Шабс отзывается пренебрежительно и о сторонниках и о противниках «господствовавшей ранее интерпретации» абстрактного труда, взгляды которых лишены всякого «научного основания»; он заявляет, что споры между ними имели своим источником «невероятное почти недоразумение», рассеять которое призван он, Шабс; он не может не выразить своего изумления по поводу того, с «какими доспехами Рубин решается открывать новые горизонты в марксистской экономии» и т. д.

Появление книжки, специально посвященной вопросу об общественном труде в системе Маркса, не может не привлечь внимания читателей и не вызвать с их стороны естественного желания разобраться в спорных вопросах. Ввиду того, что эти вопросы имеют первостепенное значение для правильного понимания экономической системы Маркса, мы вынуждены уделить книжке Шабса большее внимание, чем она того заслуживает по своему теоретическому содержанию.

§ 1. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРУД И ОБМЕН.

Главный упрек, направляемый Шабсом против меня, заключается в следующем. По мнению Шабса, я отрицаю общественный характер производства в товарном хозяйстве и рассматриваю производство исключительно как «сферу господства частного отношения производителя к материальной производственной среде, без всякого отношения к общественным условиям процесса» (стр. 25). С другой стороны, обмен я рассматриваю как ту сферу, в которой экономические явления приобретают общественную форму. Следовательно, «мы имеем здесь налицо отрицание частного момента в обмене, как и общественного—в производстве, короче говоря,—отрицание двойственного, противоречивого характера всего процесса. Отсюда, в свою очередь, проистекает основной недостаток трактовки определений труда: двойственный характер труда получает такое же одностороннее выражение—в одной форме, частной (конкретной)—в производстве, в другой форме, общественной (абстрактной)—в обмене» (стр. 24). Этим резким разрывом между частным и общественным трудом я, по мнению Шабса, погрешаю против диалектики. «По Рубину, частный труд исключает общественный, как и наоборот: в его представлении—это две полярности труда, распределяющиеся по двум полюсам общественного процесса, по различным моментам производства. Отсюда полярность превращается в односторонность» (стр. 62).

Из отрицания общественного характера производства, приписываемого мне Шабсом, вытекают следующие ложные положения. Раз производство рассматривается исключительно как материально-технический процесс, без всякого отношения

к его общественной форме, то оно тем самым выпадает из круга исследования политической экономии (стр. 25); единственным объектом последней остается только сфера обмена. Далее, мы приходим к ложному выводу, что труд приобретает характер общественного и абстрактного труда в сфере обмена, в сфере же производства он является исключительно материально-техническим (конкретным) трудом. «Радикально ставит вопрос Рубин, отвергающий самую возможность возникновения абстрактного труда в производстве» (стр. 27). Наконец, мы приходим к нелепому представлению о соотношении между трудом и стоимостью: первый возникает в процессе обмена, стоимость же берет свое начало в сфере производства (стр. 76—77).

Последние выводы, приписываемые мне Шабсом, действительно являются нелепыми: нельзя относить абстрактный труд и стоимость к двум различным фазам общественного процесса воспроизводства, как и нелепо отрицать общественный характер производства. Но все эти нелепые выводы являются исключительно плодом фантазии моего критика и никак не могут быть приписаны мне.

Действительно, начнем с первого, центрального, пункта обвинения. Верно ли, что я рассматриваю процесс производства без всякого отношения к его общественной форме? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы ответить на него отрицательно. В своей книге я на каждой странице подчеркиваю, что все явления производства изучаются Марксом в той специфической общественной форме, которую они принимают в товарном хозяйстве. Но, не ограничиваясь этим общим положением, я даю анализ специфической общественной формы, отличающей товарное хозяйство от других форм хозяйства. Этот анализ обнаруживает, что товарное хозяйство не является непосредственно общественным в том смысле, что оно не регулируется непосредственно общественным органом. «Связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда» [1]). С этой точки зрения обмен выступает как определенная социальная форма самого процесса производства (понимаемого в широком смысле слова), включенная в процесс производства и сообщающая ему характер товарного производства. Вне обмена, понимаемого в этом смысле, т. е. в смысле определенной социальной формы производства, не существует ни одна категория марксовой политической экономии, в том числе категорий абстрактного труда и стоимости.

Такая характеристика обмена является общепринятой в марксистской литературе. Не говоря уже о самом Марксе, мы найдем такую же характеристику обмена у большинства авторитетных представителей марксизма. Плеханов, например, высказывается следующим образом: «При буржуазном порядке вещей производители совершенно независимы один от другого. Средства производства составляют частную собственность производителей, точно так же как и изготовляемые с их помощью продукты. При таком положении дел обмен является единственной общественной связью между производителями» [2]). В таких же выражениях характеризуют роль обмена Роза Люксембург и Гильфердинг [3]).

---

[1]) Маркс, Письма к Кугельману, 1907 г., стр. 44.

[2]) Плеханов, Собрание сочинений, том 6, стр. 80 (курсив наш).

[3]) Р. Люксембург, Введение в политическую экономию, Госиздат, 1926 г., стр. 251. Гильфердинг («Финансовый капитал», 1923 г., стр. 6) говорит, что товарное общество «становится обществом только посредством процесса обмена, единственного общественного процесса, который знает экономика этого общества».

Впрочем, зачем нам обращаться к перечисленным авторитетам марксизма, когда мы можем сослаться на лицо, вероятно, еще более авторитетное для Шабса. Речь идет о самом Шабсе, который неоднократно вынужден признать, что «общественное отношение производства в товарном обществе осуществляется посредством обмена товарами» (стр. 82. Курсив наш). Если общественное отношение производства осуществляется посредством обмена, то, следовательно, производство именно посредством обмена приобретает общественный характер.

Если производство, как вынужден признать и сам Шабс, становится в товарном хозяйстве общественным посредством обмена, то очевидно, что и труд становится общественным и абстрактным посредством обмена. Так как пока мы рассматриваем обмен лишь как социальную форму самого процесса воспроизводства, а не как отдельную фазу, перемежающуюся с фазой непосредственного производства, то приведенное нами положение означает лишь, что при отсутствии обмена как особой социальной формы хозяйства нельзя говорить о наличии того общественного и абстрактного труда, который, по учению Маркса, образует стоимость. Именно это положение я и подчеркивал с особой силой в своих «Очерках», в противовес экономистам, которые характеризовали абстрактный труд исключительно с физиологической стороны, игнорируя его социальный и исторический характер.

До сих пор мы говорили, что труд не может приобрести характера абстрактного труда при отсутствии обмена, но мы еще не ответили на следующий вопрос: приобретает ли труд, предполагая наличие обмена, т. е. товарного хозяйства, характер общественного и абстрактного труда уже в фазе непосредственного производства или только в следующей за ним фазе обмена? Раз мы рассматриваем обмен как социальную форму самого процесса воспроизводства, то тем самым мы уже устранили непроходимую пропасть между фазой непосредственного производства и фазой обмена. С одной стороны, явления обмена направляются и регулируются ходом процесса производства, с другой стороны, уже в фазе непосредственного производства принимается во внимание характер продуктов труда как стоимостей, подлежащих реализации в фазе обмена, а тем самым труд приобретает черты общественного и абстрактного труда. Однако взаимосвязанность и взаимовлияние фазы непосредственного производства и фазы обмена, создавая известные черты сходства между ними, в то же время не уничтожают их различия. В фазе непосредственного производства характеристика труда как общественного и абстрактного является лишь предварительной, «идеальной», «скрытой», потенциальной характеристикой, которая должна быть еще «осуществлена» или «реализована» в фазе обмена. Если бы труд уже в фазе непосредственного производства окончательно приобрел характер труда общественного, это значило бы, что он является непосредственно общественным трудом, т. е. перестает быть трудом частных товаропроизводителей. На деле, однако, труд товаропроизводителей в фазе непосредственного производства является в первую очередь или непосредственно частным трудом, получая в то же время «идеальную» общественную характеристику, которая окончательно закрепляется за ним лишь в фазе обмена. В фазе непосредственного производства труд отличается и частным и общественным характером, но частным трудом он является непосредственно, в то время как характер общественного труда приобретается им лишь косвенным образом, поскольку продукт его заранее произведен для обмена

и идеально приравнен известной сумме денег. Только движение воспроизведенного процесса от фазы непосредственного производства к фазе обмена превращает товар в деньги и «идеальный» общественный труд—в реальный. Только в процессе движения разрешаются диалектические противоречия труда, характеризуемого одновременно как частный и общественный труд.

Шабс, который столь любит щеголять диалектикой и упрекает других в непонимании ее, именно в данном пункте сделал грубый и решающий промах. Противоречие между общественным и частным трудом разрешается им в высшей степени просто. По его мнению, труд безразлично—и в процессе производства и в процессе обмена—отличается одним и тем же двойственным характером частного и общественного труда. «Тот же двойственный характер труда обоснован как явление, возникающее в двойственном процессе производства и проявляющееся в том же двойственном выражении в противоречивом двойственном процессе обмена» (стр. 42). В простоте душевной Шабс полагает, что высшая диалектическая премудрость заключается в бесконечном повторении слова «двойственный». Труд обладает «двойственным» характером частного и общественного труда как в сфере производства, так и в сфере обмена,—дальше этого положения Шабс не идет. Его мнимая диалектика ограничивается приписыванием объекту обоих противоречащих друг другу признаков, вместо того, чтобы изобразить нам движение процесса, видоизменяющее характер каждого из этих признаков, а тем самым и характер объекта в целом. У Маркса противоречие частного и общественного труда, как и прочие диалектические противоречия, разрешается только в процессе движения. Шабс же разрешает их словесным образом, соединяя оба противоречащих друг другу признака и игнорируя их изменяющийся характер и меняющееся отношение их друг к другу.

Как видим, диалектика сыграла с Шабсом плохую шутку. В его неумелых руках она перестала быть орудием для познания полного противоречий движения процесса товарного производства. Ограничиваясь бесконечным повторением утверждения, что процесс производства и труд носят одновременно частный и общественный характер, Шабс отказался от более точного анализа общественной формы производства в товарном хозяйстве. Он заучил, не вникнув в его смысл, положение Маркса о том, что стоимость возникает в процессе производства, а не обмена. На этом основании он считает себя вправе игнорировать двойную роль обмена в процессе образования абстрактного труда и стоимости, а именно: 1) роль обмена как социальной формы процесса производства, при отсутствии которой нет ни абстрактного труда, ни стоимости, и 2) роль обмена как фазы процесса воспроизводства, в которой окончательно реализуется общественный и абстрактный характер труда. Игнорируя это двойное и важное значение обмена в товарном хозяйстве, Шабс совершенно не в состоянии понять природу последнего. В его изображении товарное производство выступает как непосредственно общественное производство и труд товаропроизводителя—как непосредственно общественный труд. Достаточно Шабсу прочесть в какой-нибудь книге указание на роль обмена, чтобы, потеряв всякую способность к практическому анализу, бросить ее автору упрек в неомеркантилизме, в игнорировании роли производства, в преувеличении роли обмена и прочих смертных грехах. А если подобная фраза встречается у самого Маркса, Шабс не останавливается ни перед какими кривотолкованиями и искажениями, чтобы ослабить значение слов Маркса. Приведем несколько примеров.

Шабс бесконечное число раз приводит мою фразу: «Абстрактный труд создается обменом» (см. мои «Очерки», 2-е издание, стр. 103). На этом основании он обвиняет меня в том, что я рассматриваю труд в процессе производства исключительно как конкретный, т. е. материально-технический, труд. Но если бы Шабс привел фразу, которая следует за цитированною и с нею неразрывно связана, все его обвинения разлетелись бы, как карточный домик. Следующая фраза гласит: «Поэтому по мере расширения рынка и сферы обмена, по мере втягивания в него отдельных хозяйств и превращения их в единое народное, а впоследствии и мировое хозяйство, происходит усиление тех характерных особенностей труда, которые мы обозначаем как абстрактный труд». Рекомендуем читателю прочесть еще дальнейшие фразы на той же стр. 103 2-го издания наших «Очерков», чтобы убедиться, что в данном случае у нас речь идет об обмене исключительно как о социальной форме процесса производства. Мы утверждаем, что абстрактный труд существует только при наличии обмена, иначе говоря, менового хозяйства или производства, рассчитанного на обмен. Даже это бесспорное для каждого марксиста положение,—игнорируемое, однако, последовательными сторонниками физиологического понимания абстрактного труда,—Шабс умудрился сделать исходным пунктом обвинений против меня.

Я в своих «Очерках» (стр. 96—97 2-го издания) цитировал известную фразу Маркса: «Так как производители вступают в общественный контакт между собою лишь в обмене продуктами своего труда, то и специфический общественный характер их частных работ проявляется только в рамках этого обмена». Казалось бы, что можно возразить против этого бесспорного утверждения Маркса? Казалось бы, что и сам Шабс соглашается с этим положением в своей цитированной выше фразе: «Общественное отношение производства в товарном обществе осуществляется посредством обмена товарами». Но так как эта цитата Маркса подтверждает высказанную мною мысль о роли обмена, то Шабс считает нужным выступить против положения Маркса. Претендуя на роль наиболее ортодоксального марксиста, он делает это, конечно, не прямо, а при помощи следующего хитроумного способа. Он заявляет, что я неправильно понял цитированную фразу Маркса, которая может смущать «разве только ум незатейливого метафизика да еще крайне непроницательного марксистского писателя» (стр. 58). Чтобы избавить нас от смущающего соблазна, Шабс великодушно обещает сам заняться разъяснением этого поучительного отрывка из «Капитала» (стр. 58).

После того, как Шабс с такой неподражаемой развязностью,—не покидающей его на всем протяжении его книжки, от первой строчки до последней,—включил себя в число «проницательных» марксистских писателей, мы с нетерпением ожидаем обещанного им «разъяснения». В чем же оно заключается? Оказывается не былее и не менее, что в приведенной фразе Маркс имел в виду не развитое товарное хозяйство, а первобытную форму неразвитого товарного хозяйства, когда люди в виде общего правила производили для собственного потребления и обменивались лишь излишками своих продуктов (стр. 59—60). Только это первобытное хозяйство Маркс, по мнению Шабса, имел в виду, когда говорил, что общественный характер частных работ проявляется только в рамках обмена. «Иное дело—в развитом товарно-капиталистическом обществе» (слова Шабса на стр. 60), где, по мнению Шабса, труд является общественным независимо от обмена.

Мы настоятельно просим читателя прочесть соответствующие страницы Маркса (стр. 32, 33 «Капитала», изд. 1928 г.), чтобы убедиться, к каким неслыханным искажениям мысли Маркса вынужден прибегать Шабс для защиты своей явно ложной позиции. Приведенная цитата Маркса взята из раздела о товарном фетишизме, в котором Маркс дает глубокий анализ товарного хозяйства, а Шабс хочет нас уверить, что выводы Маркса относятся не к товарному хозяйству, а к первобытному периоду неразвитого обмена. Какое дело Шабсу, что Маркс в этом же абзаце говорит о вещных отношениях лиц и общественных отношениях вещей, т. е. о фетишизации общественных отношений производителей, которая имеет место только в развитом товарном хозяйстве.

Мы полагаем, что одного приведенного примера достаточного для характеристики всей работы Шабса. Но наш автор решил пойти еще дальше. Предположим, что в толковании приведенной фразы Шабс, «рассудку вопреки, наперекор стихиям», оказался прав. Предположим, что в данном абзаце Маркс действительно имеет в виду первобытный период неразвитого обмена и лишь в следующем абзаце, как это утверждает Шабс, переходит к развитому товарному хозяйству. Но если мы не ограничимся этим вторым абзацом, а перейдем к третьему абзацу, то в начале его найдем фразу Маркса, цитированную мною в «Очерках»: «Люди сопоставляют друг с другом продукты своего труда как стоимости не потому, что эти вещи являются для них лишь вещественными оболочками однородного человеческого труда. Наоборот. Приравнивая друг другу в обмене разнородные продукты как стоимости, они тем самым приравнивают друг другу свои различные работы как человеческий труд вообще. Они не сознают этого, но они это делают» («Капитал», том I, стр. 33). Как видим, Маркс повторяет здесь опять ту же мысль, которую он высказал раньше, а именно, что труд становится «равным», а тем самым и общественным трудом лишь через посредство приравнивания продуктов труда как стоимостей. Маркс здесь опять опровергает Шабса. Но наш критик не унывает. Он уже нашел способ отделываться от неприятных для него утверждений Маркса: он объявляет их относящимися к первобытному периоду неразвитого обмена. Ничто же сумняшеся, Шабс применяет этот способ и к данной цитате из Маркса. «Загадка разрешается просто, если предположить, что Маркс и здесь имел в виду первобытный период неразвитого обмена» (стр. 154—155).

Шабс довел свой способ толкования Маркса до абсурда и поставил себя поистине в смешное положение. Мы должны поверить ему на слово, что в первом абзаце Маркс имеет в виду первобытный период неразвитого обмена, во втором абзаце переходит к развитому товарному хозяйству, а в третьем абзаце почему-то опять возвращается к первобытному периоду неразвитого обмена. И все эти шатания Маркс проделывает только для того, чтобы дать возможность Шабсу как-нибудь выбраться из тех противоречий, в которых он беспомощно путается.

Нелепость приведенного толкования Шабса бросается в глаза. В пользу своего утверждения Шабс не может привести никаких доказательств, он насилует мысль Маркса и беспощадно режет его живой текст на отдельные фразы, в которые вкладывает произвольный смысл вопреки их прямому значению. И после этого он еще имеет смелость бросать своим противникам упрек в том, что они будто бы вырывают из текста Маркса отдельные фразы, на которых строят целые теории.

Приведенное толкование Шабса не находит себе никакой опоры в тексте Маркса. Но помимо этого, мы можем привести прямое доказательство его ложности. Последняя цитированная фраза имела в первом издании «Капитала» совершенно противоположный смысл и гласила так: «Если люди относят свои продукты друг к другу как стоимости постольку, поскольку эти вещи являются для них лишь вещественными оболочками однородного человеческого труда», и т. д. («Kapital», B. I, 1867, S. 38). Во втором издании «Капитала» Маркс совершенно изменил смысл этой фразы, с очевидным намерением подчеркнуть, что приравнивание труда происходит в товарном хозяйстве только через приравнение вещей. Как же теперь выпутается Шабс из своего затруднительного положения? Неужели он решится утверждать, что в первом издании Маркс в приведенной фразе имел в виду развитое товарное хозяйство, а во втором издании говорит в той же фразе о первобытном периоде неразвитого обмена?

Мы уже убедились, в какой мере легкомысленным является утверждение Шабса, согласно которому «нигде мы не находим у Маркса той мысли, что абстрактный труд возникает из таинства акта приравнивания вещей» [1]) (стр. 85). Попытка Шабса отнести приведенные выше слова Маркса к первобытному периоду неразвитого обмена не удалась. Читатель, мало-мальски знакомый с Марксом, знает, что приведенные фразы Маркса являются в высшей степени характерными для всей его концепции и могут быть подтверждены обильным числом других цитат. К счастью для Маркса, Шабс об этом не догадывается: в противном случае он, пожалуй, объявил бы, что вся марксова теория стоимости относится только к первобытному периоду неразвитого обмена. Но, к счастью для Шабса, дело обстоит именно так, как я указывал в своих «Очерках»: Маркс не устает повторять,—и можно только удивляться, что такой проницательный марксистский писатель», как Шабс, этого не заметил,—что только обмен превращает «скрытый» общественный труд в действительный общественный труд. В фазе непосредственного производства труд еще не является непосредственно общественным. Он является в первую очередь или непосредственно трудом частным и должен еще проделать длинный и трудный «обходный путь» (auf

---

[1]) Конечно, труд приобретает (предварительно и идеально) характер абстрактного труда до акта обмена, но лишь через посредство обмена, т. е. поскольку уже в фазе производства предвосхищается обмен и продукт приравнивается известной сумме денег. Против своей воли Шабс вынужден признать, что приравнение труда происходит через приравнение продуктов труда как стоимостей. «Посредством продуктов труда сопоставляется здесь и самый труд» (стр. 94). «В цене товара дано приравнение труда, затраченного на производство товара, к труду, овеществленному в золоте. Поскольку приравнивание различных работ совпадает с приравниванием стоимостей, постольку появление абстрактного труда уже предшествует обмену, так как цена товара... появляется еще до вступления товара в сферу обращения» (стр. 152. Курсив наш). Наш проницательный критик не догадывается, что он жестоко бьет самого себя. Приравнение труда происходит, по его собственным словам, через посредство приравнения продуктов как стоимостей, т. е. предполагает обмен как социальную форму процесса производства. После этого можно судить о проницательности нашего критика, который единым духом говорит, что «в цене товара дано приравнение труда», и тут же заявляет, что это «абстрагирование труда» происходит «помимо актов рыночного обмена» (стр. 152, примечание).

Umwege—как выражается Маркс в «Критике Готской программы»), чтобы превратиться в действительный общественный труд.

Это положение, отстаиваемое нами в «Очерках», вызвало наиболее резкие нападки со стороны Шабса. Но, как мы видели, это положение необходимо вытекает из всего учения Маркса о неорганизованном характере товарного хозяйства и подтверждается множеством цитат из Маркса. Более того, это положение стало уже своего рода трюизмом в марксистской литературе, и только полным незнакомством с последней можно было бы объяснить тот странный факт, что Шабс счел нужным именно это положение избрать главной мишенью для своих нападок. Для подтверждения сказанного приведем несколько цитат из работ известных марксистов. Роза Люксембург пишет: «Раньше (в организованном хозяйстве. *И. Р.*) каждая пара сапог, которую изготовлял наш сапожник, уже заранее на колодке представляла собой непосредственно общественный труд. Теперь его сапоги представляют, в первую голову, частный труд, который никого не касается. Затем лишь эти сапоги на товарном рынке просеиваются, и лишь поскольку их берут в обмен, затраченный на них труд сапожника признается общественным трудом» [1]. «В качестве частного лица он (сапожник) не является членом общества, и его труд как частный труд еще не является общественным... Каждая вымененная пара сапог делает его членом общества и каждая непроданная пара сапог снова исключает его из рядов общества... Это не постоянная связь, а непрерывно возобновляемая и вновь распадающаяся» [2]. Точно так же Р. Гильфердинг указывает, что товарное хозяйство «распадается на независимых друг от друга индивидуумов, производство которых является уже не общественным, а их частным делом» [3]. В товарном хозяйстве «труд отдельного индивидуума есть прежде всего просто его индивидуальная работа, вытекающая из его индивидуальной воли,—частный труд, не общественный труд [4]. Если Шабс так жестоко нападает на мое утверждение, что в товарном хозяйстве, в отличие от организованного хозяйства, труд не является непосредственно общественным трудом, то ему следовало бы направить свои стрелы прежде всего против Маркса, Гильфердинга, Розы Люксембург и прочих марксистов, отстаивавших тот же взгляд. Если я утверждаю, что в фазе непосредственного производства труд является непосредственно частным и лишь «потенциально» общественным, то из этого никоим образом не следует, что я рассматриваю процесс производства исключительно с материально-технической стороны, вне его общественной формы. Это нелепое обвинение Шабса объясняется тем, что он совершенно не понял, что означает слово «частный» у Маркса. Шабс допускает грубую ошибку, отождествляя частный труд с материально-техническим, конкретным трудом. На стр. 63 он пишет: «Утверждение, что «пока товаропроизводитель занят своим конкретным трудом, последний представляет труд **частный**», означает не что иное, как то, что в процессе труда, в производстве, проявляется лишь **отношение человека к вещи**» (курсив наш всюду, где не оговорено обратное). Это отождествление частного труда с материально-техническим проходит красной нитью через все рассуждения Шабса. На стр. 25 он приписывает мне «превращение производства в сферу господства **частного** отношения производителя

[1]) Р. Люксембург, цит. соч., стр. 256.
[2]) Там же, стр. 259—260.
[3]) Гильфердинг, цит. соч., стр. 4.
[4]) Там же, стр. 8—9.

к материальной производственной среде, без всякого отношения к общественным условиям процесса». На стр. 77 говорится о производстве, понимаемом «односторонне, как сфера господства частного отношения человека к его производительной функции» (курсив наш).

Если частный труд отождествляется с материально-техническим, то утверждение, что труд в фазе непосредственного производства является непосредственно частным трудом, может быть истолковано в том смысле, что труд рассматривается исключительно с материально-технической стороны, вне отношения к его общественной форме. Но мало-мальски подготовленному читателю должно быть известно, что у Маркса термин «частный» (private) труд не имеет ничего общего с материально-техническим трудом и уже заключает в себе указание на общественную форму труда, организованного в виде товарного хозяйства. Если я говорю, что труд является «частным», то я уже утверждаю, что он организован в определенной общественной форме. Но эта общественная форма труда в товарном хозяйстве, в отличие от общественной формы его в социалистическом хозяйстве, заключается как раз в том, что труд в своей конкретной форме еще не включен заранее в совокупность общественного труда и в этом смысле еще не является «общественным» трудом. Труд имеет определенную общественную форму, но еще не является непосредственно общественным трудом [1]).

Только благодаря грубой путанице понятий и терминов Шабс мог притти к утверждению, что я рассматриваю процесс производства вне его общественной формы. В связи с этим он выставляет против меня целый ряд упреков, которые достаточно только процитировать: в опровержениях они не нуждаются. На стр. 77 Шабс пишет: «Ближайшее ознакомление с пониманием марксовых положений Рубиным показало, что, по мнению последнего, процесс труда рассматри-

---

[1]) Подобно тому, как Шабс отождествил частный труд с материально-техническим, так он отождествил общественный труд с общественной формой труда. В других местах (стр. 54—55) он отождествляет «общественный» труд с «общественно-детерминированным» трудом. Здесь он понимает под общественным всякий труд индивида, определяемый условиями жизни всего общества. С этой точки зрения общественным будет не только труд товаропроизводителя, но и труд крестьянина, производящего для собственного потребления. Очевидно, что у Маркса общественный труд, противопоставляемый частному, означает что-то другое, чем общественную форму труда, или общественно-детерминированный труд. Это—труд, рассматриваемый как доля совокупного однородного труда всего общества.

Чтобы тем легче приписать мне взгляд на производство как на процесс, имеющий исключительно технический характер, Шабс не останавливается перед легким «исправлением» моего текста. На стр. 101 «Очерков» я писал: «Пока товаропроизводитель занят своим конкретным, специальным трудом, последний представляет труд частный». Шабс передает мою мысль следующим образом: «По Рубину, товаропроизводитель в производстве «занят своим специальным конкретным трудом», т. е. производством потребительных стоимостей,—и только» (стр. 64). «И сколь наивным, вульгарным и нелепым под углом зрения политической экономии является утверждение, что в производстве производитель «занят своим специальным конкретным трудом», без всякого отношения его деятельности к труду общества, к потребности его» (стр. 75). Как назвать подобный метод полемики, с исправлением текста противника? Если назвать его наивным нельзя, то, во всяком случае, другие перечисленные Шабсом эпитеты приложимы к нему в полной мере.

вается якобы Марксом только лишь как технический процесс». На стр. 127—128 мы читаем: «В итоге мы можем констатировать извращение теории стоимости Маркса в двух основных пунктах: 1) ложно истолковано марксово понимание стоимости допущением существования последней как логической категории, наряду с ее историческим прототипом. 2) Общественное содержание стоимости сплошь и рядом отождествляется с вещественным, материальным носителем этого содержания—стоимость идентифицирована с потребительной стоимостью». Как видим, меня обвиняют как раз в тех ошибках, против которых я вел решительную борьбу в своих «Очерках». Я доказывал, что Маркс изучает производственные отношения людей, а не материально-технический процесс производства. Именно на этом основании некоторые критики несправедливо упрекали меня в игнорировании последнего; теперь Шабс бросает мне упрек противоположного характера. Я в своей книге, в полном согласии с текстом Маркса, проводил резкую грань между стоимостью и потребительной стоимостью; я подчеркивал исторический характер категории стоимости и отвергал, как ненужное, так называемое логическое понятие стоимости. Теперь же Шабс патетически восклицает: «Что же верно в утверждениях Рубина, что существует стоимость в двух разновидностях—стоимость физиологическая, например, и стоимость социологическая, т. е. как логическая и историческая категории» (стр. 121—122)? Уже заранее можно предположить, что подобные обвинения являются, выражаясь изысканным стилем Шабса, «наивными, вульгарными и нелепыми».

Действительно, на чем зиждется упрек в признании логической категории стоимости? Автор цитирует мои слова, что без «формы стоимости стоимость превращается в логическую категорию» (стр. 121 книжки Шабса). Достаточно прочесть полностью соответствующее место из моих «Очерков», чтобы убедиться, в какой мере наш критик искажает мысль своего противника. На стр. 86 «Очерков» (2-е издание) читаем: «Без «формы стоимости» сама «стоимость» превращается просто в трудовую затрату, в логическую категорию. А между тем Маркс постоянно напоминает, что стоимость—категория историческая, и трудовая затрата вне определенной общественной «товарной формы» или что, как мы видели, то же—«формы стоимости», никакой стоимости не создает. Все эти противоречия исчезают, если мы признаем, что по Марксу стоимость создается только единством ее содержания и формы, т. е. трудовых затрат и товарной формы хозяйства, что и при анализе труда он постоянно предполагает определенную «общественную форму труда». На предыдущей стр.—85—я писал: «Без «формы стоимости» не существует и «стоимости» в подлинном смысле слова, а остается только «стоимость» в условном смысле трудовой затраты, лишенной всякой общественной формы и свойственной всем историческим эпохам».

Достаточно прочесть эти цитаты, чтобы убедиться, что я являюсь не сторонником, а именно противником так называемого «логического» понимания стоимости. Я указываю, что отождествление стоимости с трудовой затратой, взятой вне ее общественной формы, превращает стоимость из исторической категории в логическую, и именно поэтому должно быть признано неправильным.

Полная необоснованность выдвинутых Шабсом обвинений обнаруживает одну характерную особенность нашего критика. Вместо того, чтобы вникнуть в смысл критикуемых им положений и разобрать их во всей их совокупности и в их внутренней связи, он предпочитает вырывать из текста критикуемого автора

даже не отдельные фразы, а кусочки фраз и отдельные словечки. Этим вырванным из текста словам и фразам наш критик приписывает совершенно произвольный смысл, часто совершенно противоположный тому смыслу, в котором они употребляются у автора, при помощи этого произвольного толкования он строит нелепое положение, а из последнего с достойной лучшего применения последовательностью выводит целый ряд нелепых выводов. И вместо того, чтобы во всей этой совокупности нелепостей увидеть крушение своего «критического» метода, он приписывает эти нелепости критикуемому автору. Достаточно Шабсу встретить у своего противника указание на роль обмена, чтобы обвинить его в игнорировании общественной формы процесса производства. Достаточно ему прочесть указание на зависимость процесса движения стоимостей от материально-технического процесса производства, чтобы бросить обвинение в смешении стоимости с потребительной стоимостью. Повидимому, Шабс думает, что материально-техническая и социальная стороны процесса производства представляют собою не более, как два одновременно и параллельно протекающих ряда явлений, между которыми отсутствует причинная связь. Повидимому, такого рода параллелизм он приписывает Марксу, прибавляя: «Рубин же, наоборот, устанавливает «тесную связь» между «процессом производства материальных благ **как таковым**» и «общественной формой», определяет материально-техническое содержание как таковое — в качестве социального содержания товарной формы, отождествляет потребительную стоимость со стоимостью, смешивает техническое с социальным, физическое с историческим» (стр. 66). Насколько неправильно утверждение, что я отождествляю материальный процесс производства с его общественной формой, настолько верно, что я признаю между ними «тесную связь». Шабс склонен отрицать наличие этой «тесной связи» и в подтверждение своего взгляда ссылается на Маркса: «Маркс здесь ни на йоту не отступает от своего основного взгляда, что «какова бы ни была общественная форма богатства, потребительные ценности обладают всегда своей собственной сущностью, **совершенно независимой от этой формы**» (стр. 66. Курсив Шабса). Эту фразу Маркса, взятую из русского перевода «Критики политической экономии», Шабс противопоставляет моему утверждению о существовании «тесной связи» между материальным процессом производства и его общественной формой.

Из этой фразы Шабс, повидимому, хочет сделать вывод, что материальный процесс производства и его общественная форма «совершенно независимы» друг от друга. Но казалось бы, что это положение прямо противоречит основному положению Маркса о теснейшей связи между развитием производительных сил и изменением производственных отношений людей. Казалось бы, что Шабс, прежде чем выставить положение, резко противоречащее азбуке марксизма, обязан был проверить, правильно ли переведена на русский язык цитированная фраза Маркса. И тогда Шабс убедился бы, что он просто-напросто сделался жертвой неточного перевода. Приведенная фраза имеет у Маркса в подлиннике следующий вид: «Какова бы ни была общественная форма богатства, потребительные стоимости образуют всегда его содержание, **первоначально** (zunächst) безразличное к этой форме» («Kritik der politischen Oekonomie», 1907, S. 2). Фраза Маркса означает, что «первоначально», на первой ступени анализа, мы рассматриваем общественную форму богатства отдельно от его материального содержания. Материально-технический процесс производства не составляет подлинного объекта экономического исследования, но является всегда предпосылкой последнего. Ко-

нечная цель нашей науки заключается именно в том, чтобы открыть тесную «причинную связь» между материальным процессом производства и его общественной формою.

Как видим, Шабс склонен отрицать тесную связь между материальным процессом производства и его общественной формой. Только этим, вероятно, можно объяснить один пункт его критики, который ничего кроме удивления вызвать не может. Шабс критикует мое утверждение о зависимости величины стоимости от уровня развития производительности труда. Цитируя мое утверждение, что «величина стоимости определяется трудом, процессом производства, развитием производительных сил» («Очерки», 2-е издание, стр. 88), Шабс приходит к выводу, что я отождествляю производительную силу труда с самим трудом, образующим стоимость. А так как Маркс относит производительную силу к конкретному труду, то очевидно, что я смешиваю конкретный труд с абстрактным и т. д. (стр. 69—74). Вместо того, чтобы, по своему обыкновению, нагромождать одну нелепость на другую, Шабс должен был бы обратиться к XVI главе моих «Очерков», где я выясняю зависимость изменений величины стоимости от роста производительной силы труда. На стр. 130—131 «Очерков» Шабс мог бы прочесть: «Рост производительной силы труда в данной отрасли производства, изменяя условия равновесия ее с прочими отраслями, изменяет величину общественно-необходимого труда и рыночной стоимости. «Рабочее время изменяется с каждым изменением производительной силы труда» («Капитал», том I, стр. 5). «Чем больше производительная сила труда, тем меньше рабочее время, необходимое для изготовления известного товара, тем меньше кристаллизованная в нем масса труда, тем меньше его стоимость. Наоборот, чем меньше производительная сила труда, тем больше рабочее время, необходимое для изготовления товара, тем больше его стоимость» («Капитал», том I, стр. 5, 6). В марксовой теории понятие общественно-необходимого труда тесно связано с понятием производительности труда. В товарном хозяйстве развитие производительных сил находит свое экономическое выражение в изменении общественно-необходимого труда и определяемой им рыночной стоимости» («Очерки», стр. 130—131). Что, казалось бы, можно выразить против этого утверждения, точно повторяющего мысли Маркса и разделяемого всеми без исключения марксистами? Но наш критик умудряется спорить и против этого положения.

Возражения Шабса сводятся к следующему. Согласно учению Маркса, *данное количество* труда (например, восьмичасовой труд) производит всегда одну и ту же сумму стоимостей, независимо от степени развития производительности этого труда. Рост производительности труда не сопровождается ростом суммы стоимостей, производимых *данным количеством* труда. «В этом несоответствии движения обоих факторов, в *отставании роста* величины стоимости от развития производительных сил находит свое наиболее общее выражение то основное противоречие, которое присуще товарно-капиталистической системе» (стр. 72. Курсив наш). А так как я признаю, что величина стоимости изменяется в соответствии с изменениями производительной силы труда, то очевидно, что я повинен в смертном грехе игнорирования противоречий товарно-капиталистического хозяйства. «Свое окончательное грехопадение Рубин совершает в своем отождествлении производительной силы с трудом по их отношению к образованию стоимости» (стр. 175).

Здесь что ни слово, то путаница, и притом путаница столь элементарная

и грубая, какой мы не могли ожидать даже от нашего критика. Если бы я утверждал, что с увеличением производительной силы труда вдвое общая сумма стоимостей, произведенных данным количеством труда (например восьмичасовым трудом), тоже увеличилась вдвое, я погрешил бы против теории стоимости Маркса. Но ведь я, в полном согласии с Марксом и со всеми без исключения марксистами, утверждаю нечто совершенно другое,—я говорю, что с увеличением производительной силы труда вдвое стоимость каждой единицы продукта, произведенного данным количеством труда, понижается вдвое. Последнее утверждение прямо противоположно первому, ибо наш вывод о понижении стоимости каждой единицы продукта, очевидно, предполагает, что общая сумма стоимостей, произведенных данным количеством труда, осталась без изменения. Положение Маркса о том, что данное количество труда производит всегда одну и ту же общую сумму стоимостей, и его же положение о том, что стоимость каждой единицы продукта изменяется обратно-пропорционально изменению производительной силы труда, не только не противоречат друг другу, как думает Шабс, но неразрывно между собою связаны. Второе положение является выводом из первого. Нужно, действительно, обладать полнейшею невинностью насчет азбуки марксизма, чтобы открыть «окончательное грехопадение» в признании зависимости изменений величины стоимости от изменений производительности труда.

§ 2. ЮРИДИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕСТВА.

Шабс любит глядеть в корень вещей. Он не ограничивается тем, что вскрывает мою «методологическую ошибку», заключающуюся в мнимом игнорировании общественной формы процесса производства и общественного характера труда в сфере производства. Он хочет найти корень этой ошибки. «Корень этой ошибки кроется, нам кажется, в том, что исходным пунктом для интерпретации проблемы автору (Рубину) служит не экономическая, а юридическая концепция общества» (стр. 45).

Различие между обеими этими концепциями Шабс формулирует следующим образом: «Правовая наука, как известно, строит понятие общества как механической совокупности лично и материально независимых субъектов и выдвигает волю индивида в качестве единственной и универсальной основы отношений в буржуазном обществе» (стр. 46). В противоположность этому, с экономической точки зрения «товарно-капиталистическое общество рассматривается как сложное органическое единство, в котором отдельные индивиды являются «органами труда» взаимосвязанного производственного организма» (стр. 47). Шабс упрекает меня в том, что я будто бы исхожу именно из юридической, а не из экономической концепции общества. Прежде чем перейти к этому вопросу по существу, мы должны остановиться на приведенной характеристике обеих концепций общества.

Наш автор охотно упрекает своих противников в непонимании диалектики. Но в решающих пунктах он сам грешит против элементарных правил диалектического метода. Почему Шабс совершенно разорвал связь между юридической и экономической концепциями общества и наделил их столь противоположными чертами? Не являются ли правовые отношения выражением экономических (производственных) отношений людей? В частности, не определяется ли характер буржуазного права, которое исходит из «лично и материально независимых субъектов», характером самого буржуазного производства, раздробленного между отдельными

товаропроизводителями? Отрицать это—значило бы отрицать элементарные положения исторического материализма. С другой стороны, нам известно, что в тех общественных формациях, где хозяйство представляло собою полное «органическое единство» (например, в патриархальной общине), правовые нормы также не признавали «лично и материально независимых субъектов». Вместо того, чтобы ссылаться на абстрактную противоположность права и экономики. Шабс должен был бы ближе разобрать, о каком именно праве и какой именно экономике идет в данном случае речь. Тогда он нашел бы, что характер буржуазного права определяется характером буржуазного производства, что противоположность между «органическим единством» и «независимыми субъектами» заложена в самой основе товарного хозяйства. Он открыл бы двойственную природу самого товарного хозяйства. Шабс, однако, не пошел по этому пути. Он предпочел отправить «независимых субъектов» в область права, благодаря чему сфера экономики выступает у него в одностороннем виде,—в виде «органического единства». Шабс правильно подчеркивает материальную связанность членов товарного хозяйства, но он недооценивает значения того факта, что хозяйство раздроблено между частными товаропроизводителями, между которыми связь устанавливается лишь косвенным путем—через обмен продуктов их труда. Поэтому Шабс нередко характеризует товарное хозяйство при помощи таких терминов, которыми марксисты не пользуются. Он говорит, что в товарном хозяйстве «учет потребностей общества лежит в самой основе производства» (стр. 49. Курсив наш), между тем как марксисты утверждают как раз противоположное. Далее мы узнаем от Шабса, что «товаропроизводитель заранее подчиняет свою производительную деятельность общественной потребности» (стр. 49), что «его труд a priori отнесен к труду общества» (стр. 99), что он «определяет свою функцию в обществе a priori, ориентируясь на потребности общества, следовательно, как функцию общественную» [1]) (стр. 61, то же на стр. 48—49). Маркс же любил повторять, что труд представляет непосредственно «общественную функцию» лишь в обществах с организованным хозяйством.

Преувеличивая значение «органического единства» товарного хозяйства и недооценивая все значение моментов неорганизованности и раздробленности в этом хозяйстве, Шабс склонен обвинять в «юридической» постановке вопроса тех экономистов, которые подчеркивают последние моменты. Доказательство того, что я исхожу из юридической, а не экономической концепции общества, он видит в следующих моих словах, помещенных на стр. 12 второго издания «Очерков»: «В своем предприятии каждый товаропроизводитель волен по своему произволу производить какой угодно продукт и при помощи каких угодно средств производства. Но когда он выносит готовый продукт своего труда на рынок для обмена, он не волен устанавливать пропорции обмена, а вынужден подчиняться условиям (конъюнктуре) рынка, общим для всех производителей данного продукта». Процити-

[1]) Выше мы уже отметили, что наш критик лишен чувства смешного. Иначе он не решился бы сказать, что товаропроизводитель должен быть рассматриваем как «индивидуум, действующий сообразно познаваемой им общественной необходимости» (стр. 53; ср. на стр. 51 об «осознанной общественной необходимости»). До этого открытия Шабса марксисты были уверены вместе с Марксом, что в товарном хозяйстве закон общественной необходимости действует как «слепая сила природы», а Энгельс видел в нем «закон природы, покоящийся на бессознательности затрагиваемых его действием людей» («Капитал», том I, гл. 1, примечание 28).

ровав эти слова, Шабс с торжеством восклицает: «Эта формулировка позаимствована из правовой науки» (стр. 42). Повторяя бесконечное число раз мои слова, что каждый «волен по своему произволу» производить какой угодно продукт, Шабс на основании этих слов приписывает мне мысль, что «в производстве капиталисту, вернее его произволу, отведен полный и неограниченный простор; конкуренция лежит вне его кругозора, она для него не существует». «Подчинение самого производства законам конкуренции, сурово диктующим условия производства,—а это означает прежде всего подчинение общественным условиям в выборе средств производства, как и определенного вида товара, соответственно общественной потребности,—вовсе не укладывается в поверхностных представлениях, развиваемых в «Очерках» (стр. 43).

Мы выше уже видели, как беспомощно путается Шабс в самых элементарных вопросах политической экономии. Не приходится поэтому удивляться, что Шабс готов заподозрить своего противника в забвении азбучных истин. В данном случае он обвиняет меня в том, что я не понимаю значения конкуренции, что, по моему мнению, капиталист может производить какие угодно продукты независимо от требований рынка и т. д. Все эти детски наивные обвинения сами по себе не нуждаются в опровержении, но мы подробнее остановимся на них, чтобы еще раз охарактеризовать теоретический уровень работы Шабса, сочетающей азбучные истины с элементарными ошибками. Ведь всякому марксисту известно, что, когда мы говорим о «независимом» товаропроизводителе, который организует производство по своему «произволу» или «усмотрению», мы имеем в виду независимость товаропроизводителя от общественного органа, планомерно направляющего производство. Но никому в голову не придет видеть в наших словах признание независимости товаропроизводителя от условий рыночной конкуренции. Наоборот. Маркс многократно указывал, что именно «независимость» товаропроизводителей от сознательно действующего общественного органа создает их «зависимость» от стихийных законов рынка. «Наши товаровладельцы открывают, таким образом, что то самое разделение труда, которое делает их самих независимыми частными производителями, делает в то же время независимым от них процесс общественного производства и их собственные отношения в этом процессе, так что независимость лиц друг от друга дополняется системой всесторонней вещной зависимости» («Капитал», том I, стр. 60). Из наших слов о «произволе» товаропроизводителя делать вывод об отрицании нами зависимости товаропроизводителя от условий рынка,—значит обнаружить полное незнакомство с общепринятой в марксистской литературе терминологией.

Мы извиняемся перед читателем за то, что держим его все время в кругу элементарных вопросов. Мы с благодарностью встретили бы критику наших взглядов, которая побудила бы к более углубленному обсуждению спорных проблем. Но, к сожалению, критика Шабса в большей своей части вращается вокруг элементарных вопросов, случайно выхваченных слов и произвольно толкуемых фраз. Хотя вопрос о «произволе» товаропроизводителя уже достаточно выяснен предыдущими нашими замечаниями, тем не менее мы должны на нем еще задержаться, чтобы окончательно разоблачить «критические» приемы Шабса. Мы уже показали, что ни один грамотный марксист не будет толковать наши слова о «произволе» товаропроизводителя так, как толкует Шабс. Но теперь мы пойдем дальше и докажем, что Шабс не только обязан был знать, что́ именно разумеют марксисты, когда говорят о «произволе» товаропроизводителя, но мог прочесть

об этом у нас на той же странице, которую он цитировал. Если бы Шабс не оборвал нашу цитату, а продолжил ее дальше, то он прочел бы у нас сейчас же вслед за приведенными им словами следующие слова: «Зависимость производителя от рынка означает зависимость его производительной деятельности от производительной деятельности всех других членов общества. Если суконщики выбросили на рынок слишком много сукна, то суконщик Иванов, который не расширял своего производства, тем не менее также страдает от понижения цен на сукно и вынужден сократить производство. Если другие суконщики ввели усовершенствованные средства производства (например, машины), удешевляющие стоимость сукна, то и наш суконщик вынужден улучшить технику производства. И в направлении, и в размерах, и в способах своего производства отдельный товаропроизводитель, формально независимый от других, на самом деле тесно связан с ними через рынок, через обмен» («Очерки», 2-е издание, стр. 12). Можно ли после этого, при мало-мальски добросовестном отношении к своим обязанностям критика, упрекать меня в игнорировании роли конкуренции и в признании независимости товаропроизводителя от условий рынка?

Но если Шабс впал в данном случае в грубую ошибку, не подал ли я ему повод к ней неосторожным употреблением слова «произвол»? Если бы Шабс был знаком с марксистской литературою, он знал бы, что в ней очень часто говорится о «произволе» или «усмотрении» товаропроизводителя в разъясненном выше смысле. Так, например, Плеханов пишет: «В буржуазном обществе производители работают независимо один от другого, каждый из них трудится как хочет, как может и как умеет, на свой собственный риск и по своему собственному усмотрению» [1]. В тех же словах выражается Роза Люксембург: «Каждый трудится на свой риск и страх, каждый производит на свой счет по собственному усмотрению» [2]. Наконец, у Маркса мы найдем неоднократные указания на «прихотливую игру случая и произвола» и на «беспорядочный произвол товаропроизводителей» («Капитал», том I, стр. 268). Правда, Маркс указывает, что стихийный закон подчиняет себе этот «беспорядочный произвол товаропроизводителей», но именно об этом и шла речь в нашей книге.

Мы можем подвести итоги. Упреки Шабса, что я будто бы исхожу из юридической концепции общества, ни на чем не основаны. Речь идет не о противоположности права и хозяйства, а о двойственной природе самого товарного хозяйства. Я в своих «Очерках» все время старался подчеркивать эту двойственную сторону товарного хозяйства, отличающегося одновременно единством и раздробленностью. Шабс же, преувеличивая значение первого момента и недооценивая значения последнего, рассматривает товарное хозяйство с односторонней, а потому и неправильной точки зрения. Этим объясняется одна характерная особенность в изложении Шабса, резко отличающая его от большинства марксистов. Обычно марксисты, по примеру самого Маркса, противопоставляют товарное хозяйство организованному хозяйству и при помощи такого противопоставления выделяют характерные особенности товарного хозяйства. Для Шабса такой путь закрыт, ибо он и товарное хозяйство рассматривает прежде всего со стороны «органического единства», недооценивая его стихийного, неорганизованного характера. Шабс поэтому вынужден прибегать к другому приему, а именно к про-

---

[1] Плеханов, цит. соч., стр. 83 (курсив наш).
[2] Р. Люксембург, цит. соч., стр. 251 (курсив наш).

тивопоставлению товарного хозяйства принудительному хозяйству, основанному на рабстве или на феодальной зависимости производителя (стр. 30, 35, 94, 98, 134—135 и др.). В принудительном хозяйстве «общественное отношение производства носит односторонний характер» (стр. 94), так как производитель (например, раб) низведен до роли простого орудия. В товарном же хозяйстве общественное отношение производства реализуется «в двусторонних актах обмена между лично независимыми производителями. Здесь общественный индивид выступает не как res vocale [1]) рабовладельческого общества, не как орудие для добывания продуктов, а в полном значении социального субъекта, формально, т. е. абстрактно неограниченный в своей самостоятельности» (стр. 30).

Исходя из противопоставления товарного хозяйства рабскому, Шабс приходит к выводу, что основная особенность товарного хозяйства заключается в юридической свободе индивида, в «формально-юридическом понятии самостоятельного индивида» (стр. 98). Такой чисто юридический критерий пригоден, однако, лишь для противопоставления товарного хозяйства рабскому, но не выясняет нам основных экономических особенностей товарного хозяйства, в отличие, например, от социалистического хозяйства. В политической экономии юридическая независимость индивида должна быть рассматриваема лишь как выражение экономической независимости товаропроизводителя в качестве владельца средств производства и автономного организатора производственного процесса. Но, как мы видели, Шабс, преувеличивая моменты «органического единства» в товарном хозяйстве, склонен отрицать экономическую «независимость» товаропроизводителя на том основании, что последний подчинен условиям рынка. Эта позиция приводит его к ошибочному выводу, что характерной особенностью производителя в товарном хозяйстве является его юридическая свобода. Как видим, Шабс попал совсем не в ту комнату, куда хотел пойти. Он приписывает мне юридическую концепцию общества, а между тем сам видит основную особенность товарного хозяйства в чисто юридических признаках. Он недооценивает атомистический характер товарного хозяйства и именно в силу этого вынужден признать отличительной чертой последнего чисто юридический атомизм. Такие диалектические превращения встречаются в работе Шабса довольно часто. В большинстве случаев Шабсу приходится играть не роль субъекта, сознательно применяющего правила диалектического мышления, а роль объекта, претерпевающего, помимо своей воли, ряд странных и весьма неприятных диалектических превращений.

Пусть читатель не думает, что обвинение в формально-юридическом подходе выдвинуто нами против Шабса в целях полемических, из желания найти в работе Шабса тот самый порок, который он без всяких оснований приписывает нам. По нашему глубокому убеждению, Шабс неизбежно толкается в эту сторону всей своей позицией игнорирования моментов раздробленности в товарном хозяйстве. Рассматривая товарное общество как «органическое единство», как совокупность «индивидов, действующих сообразно познаваемой ими общественной необходимости» и «заранее подчиняющих свою производительную деятельность общественной потребности», Шабс не может дать правильную характеристику экономических особенностей товарного хозяйства. Ему не остается ничего дру-

---

[1]) У Шабса, питающего «влечение, род недуга» к латинским терминам и поговоркам, раб на стр. 30 и 35 фигурирует как «res vocale». Повидимому, наш столь же ученый, как и проницательный критик хотел сказать «res vocalis».

того, как искать отличительные признаки товарного хозяйства в юридической личной независимости производителей и в двустороннем, т. е. договорном характере отношений, связывающих этих лично независимых производителей (стр. 30, 35, 42, 94, 98, 134—135 и др.). И—о, ирония судьбы!—обмен, против которого раньше Шабс воздвигал гонения, празднует здесь свою полную победу. Ибо что такое означает личная независимость производителя? Правда, Шабс для характеристики ее не жалеет привлекательных красок: «Здесь (в товарном обществе) общественный индивид выступает не как res vocale рабовладельческого общества, не как орудие для добывания продуктов, а в полном значении социального субъекта, формально, т. е. абстрактно неограниченный в своей самостоятельности» (стр. 30. Курсив наш). Но в сущности под привлекательной фигурой «социального субъекта в полном значении» скрывается хорошо всем знакомая и прозаическая фигура формально-независимого товаропроизводителя. А вместе с тем и двусторонние отношения между людьми представляют собою не что иное, как «двусторонние акты обмена между лично независимыми производителями» (стр. 30. Курсив наш), «отношения обмена в их двустороннем характере» (стр. 42). Поистине, гони обмен в дверь, он влетит в окно! Правда, зная строго «производственную» точку зрения Шабса, обмен счел нужным слегка замаскировать свои черты и явиться в опоэтизированной форме. Но зато при помощи этой легкой маскировки он добился полной победы и выступает теперь в качестве единственного признака товарного хозяйства. В то время как у меня в «Очерках» обмен выступает как момент самого процесса воспроизводства, неразрывно связанный с материально-техническим процессом производства и распределением общественного труда, у Шабса он выступает теперь с односторонней, формально-юридической стороны, как акт договора между формально-независимыми субъектами. Разумеется, я менее кого бы то ни было склонен отрицать, что и формальная независимость товаропроизводителей является существенным признаком товарного хозяйства и накладывает свою печать на акт приравнивания продуктов труда (см. главу X моих «Очерков»). Но формально-юридическая характеристика товаропроизводителей является лишь производной от их экономической характеристики, а формальные особенности обмена должны быть изучаемы лишь на фоне материальной связи с процессом производства и в частности с процессом уравнения и распределения труда. Под предлогом защиты ложно понятой «производственной» точки зрения Шабс отказался итти по пути исследования материальной роли обмена в товарном обществе и за это был жестоко наказан, попав во власть меновой концепции в ее наиболее вульгарном, формально-юридическом виде.

Более того. Шабс не только пленен юридическим фетишизмом, но и не освободился от давно отживших и устарелых представлений о «естественном состоянии» человека. Он не только наивно верит, что буржуазное общество характеризуется признанием «социального субъекта в полном значении», но проникнут еще более наивной верой, что это формально-юридическое признание соответствует «специфической природе (человека. *И. Р.*) в его естественном состоянии» (стр. 98). Прочтем внимательно следующий отрывок: «Понятие «самостоятельного индивида» обнимает два обозначения человека: с одной стороны, формально-юридическое, социальное и, как таковое, историческое; а с другой стороны, адэкватное первому определению естественное состояние, но состояние, в своей практической значимости свойственное

лишь особой исторической форме и ею обусловленное. Тут мы вновь наталкиваемся на «различие, не отделимое от тождества». С одной стороны, субъект общества, человек как таковой—понятие естественно-научное и, следовательно, логическое, внеисторическое. С другой, общественную значимость человека, соответственно специфической его природе в его естественном состоянии, он получает лишь при определенных исторических условиях, утверждающих его в адэкватной юридической форме. Лишь формально-юридическое понятие самостоятельного индивида определяет в действительности значение человека как такового в качестве субъекта общества и потому являет эту природу человека в историческом свете. Напротив, социальная форма раба, как нам уже известно, определяет его значение в обществе как вещи,—и это его значение остается практически значимым, хотя по своей естественной природе раб есть человек» (стр. 98. Курсив наш).

Приведенная цитата ярко вскрывает всю основу построения Шабса. Социальное и историческое отождествляется с формально-юридическим. Характерным признаком товарного хозяйства признается «формально-юридическое понятие самостоятельного индивида», а это понятие рассматривается как адэкватное «специфической природе (человека) в его естественном состоянии». Смысл сей философии ясен. Существует от века «специфическая природа (человека) в его естественном состоянии». В обществах, основанных на юридическом неравенстве лиц (например, в рабском, феодальном), это «естественное состояние» человека не является «практически значимым». Практическую значимость оно получает лишь в товарном хозяйстве, в «адэкватной» юридической форме самостоятельного индивида. Здесь человек выступает уже «не как орудие для добывания продуктов, а в полном значении социального субъекта, формально, т. е. абстрактно неограниченный в своей самостоятельности, освобожденный от «естественных связей» и противопоставляемый с этой точки зрения всей остальной природе» (стр. 30). В то время как Маркс рассматривает понятие самостоятельного индивида как «предвосхищение» и выражение буржуазного общества, Шабс рассматривает буржуазное общество как реализацию или практическое осуществление естественной природы индивида.

Мы так подробно остановились на взглядах Шабса не только для того, чтобы показать, какую мешанину идей преподносит наш автор, претендующий на звание наиболее ортодоксального марксиста. Для нас изложенные взгляды Шабса представляют особую важность как социально-философская основа его учения об абстрактном труде. Шабс достаточно последователен, чтобы провести полную аналогию между характером индивида и характером его труда (стр. 98—99). Подобно тому, как существует «естественная природа» индивида, точно так же существует естественная природа или «физиологическая сущность абстрактного труда как такового» (стр. 95). «Человеку как таковому» соответствует человеческий труд как таковой или абстрактный труд как таковой. Но в обществах, основанных на неравенстве лиц, естественная природа труда, как и естественная природа индивида, не получает еще «практической» или «общественной значимости». Последнюю она приобретает лишь в товарном хозяйстве: здесь естественная природа индивида получает адэкватную форму осуществления в формально-независимом товаропроизводителе; тем самым «чисто человеческий» или абстрактный труд как таковой приобретает общественную значимость и становится общественным (или экономическим) трудом.

Представление о «естественном индивиде» является тем фундаментом, на котором воздвигается учение Шабса об абстрактном труде. Наивная социальная философия «естественного индивида» лежит в основе не только построения Шабса, но и представлений Дашковского и многих других «умеренных» физиологистов. Но у Шабса эта связь выступает в более неприкрытом и ясном виде. Для нас было бы достаточно констатировать эту связь, чтобы заранее отвергнуть, как методологически ложное, все учение Шабса об абстрактном труде. Но чтобы не оставить у читателя сомнений насчет ложности тех выводов, к которым вынужден притти Шабс в своем учении об абстрактном труде, мы подвергнем последнее особому разбору.

§ 3. АБСТРАКТНЫЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ТРУД.

В споре между сторонниками физиологического и социологического понимания абстрактного труда Шабс занял своеобразную позицию. С одной стороны, он называет «нелепым» утверждение Дашковского, что исторические категории суть проявления внеисторических законов (стр. 68, примечание). Отсюда следует, что историческая категория стоимости не может служить выражением внеисторической категории труда, понимаемого в физиологическом смысле. Но, с другой стороны, Шабс не согласен и с моим пониманием абстрактного труда, так как я, по его мнению, «недиалектически» отрываю социальную форму труда от его физиологической сущности. Шабс поэтому предлагает свое собственное решение проблемы. Он различает две категории: «абстрактный» труд и «экономический» труд. В игнорировании этого различия Шабс упрекает не только меня и прочих экономистов-марксистов, но отчасти и самого Маркса.

Изложить более или менее понятным образом мысли Шабса об абстрактном и экономическом труде представляется довольно затруднительным. Если в других частях своей работы Шабс создает величайшую путаницу в изложении мыслей своих противников, то в данном вопросе он создает не меньшую путаницу в изложении своих собственных мыслей. Ввиду этого мы приведем дословно несколько цитат, в которых Шабс пытается выяснить значение обоих терминов. «Подобно тому как в социальном индивиде в специфическом его значении, как он выступает в общественном отношении к другому (например, в отношении рабочего к капиталисту), погашается его естественная природа, но не устраняется вообще в качестве естественного носителя социальной формы, так и экономический труд, т. е. общественный труд в товарном обществе, погашает в этой функциональной своей форме физиологическую сущность абстрактного труда как такового, но отнюдь не устраняет его имманентную субстанциональную сущность в качестве естественного же носителя социальной модальности; вне существования человеческого труда как такового не существует ни его конкретно-технического проявления в материальном процессе, ни его экономического проявления в общественном процессе. Абстрактный труд как таковой, как физиологическое явление, связан с экономическим трудом диалектической связью, как «различия», неотделимые от «тождества». Лишь метафизикам... такое понимание проблемы оставляет поле для сомнений и возражений» (стр. 95). В другом месте мы узнаем, что абстрактный труд «определяется как физиологическое явление в непосредственном объективном своем характере; при этом в данном выражении он приобретает общественную значимость лишь при определенной исторической форме органи-

зации общественного труда, которая находит в абстрактном определении труда основу общественной связи и тем самым определяет его как историческую общественную форму труда, как экономическую категорию. В пределах последнего функционального выражения субстанциональная сущность абстрактного труда погашается, выдвигая в данном экономическом аспекте социальное существо своего бытия, безразличное к естественной природе его» (стр. 116).

Нельзя сказать, чтобы приведенные формулировки отличались достаточной ясностью и давали отчетливое представление о том, что именно понимает Шабс под «абстрактным» трудом и «экономическим» трудом. Попытаемся, однако, путем сопоставления приведенных формулировок с целым рядом других мест из его работы, представить себе ход его мыслей, поскольку это возможно при запутанности изложения.

Повидимому, Шабс представляет себе дело следующим образом: «Абстрактный» труд «определяется как физиологическое явление в непосредственном объективном своем характере» (стр. 116). В этом заключается его «имманентная субстанциональная сущность», или «естественная природа» (стр. 95, 116). Этот «абстрактный труд в его непосредственном физиологическом характере» представляет собою категорию внеисторическую, независимую от общественной формы хозяйства (стр. 128). Но значит ли это, что абстрактный труд есть «явление общественно значимое при любой общественной форме хозяйства» (стр. 35)? Нет, отвечает Шабс. Хотя человеческий труд как таковой существовал всегда, но он не всегда обладал общественной значимостью [1]). «И вполне понятно почему. То обстоятельство, что раб, например, осознает свой труд как труд человеческий, так же точно не делает этого труда общественно-значимым, как и не затрагивает основы рабства то, что раб осознает себя как человек, а не как res vocale. До тех пор, пока раб не освобождается от условий рабства, он не становится в социальном значении человеком (хотя он и представляется таковым по своей естественной природе), и его труд в обществе рабовладельцев будет рассматриваться как фактор материально-технический и только как энергия машины, обладающей даром речи,—а не иначе» (стр. 35. Курсив наш).

Из приведенной цитаты нам уже понятно, что именно требуется для того, чтобы абстрактный труд, т. е. человеческий труд как таковой, приобрел «общественную значимость». Для этого требуется, чтобы производитель был освобожден от личной зависимости и признан «человеком в социальном значении». Это имеет место в товарном хозяйстве: «отношение человека к человеку складывается здесь на основе двустороннего волеизъявления, как между равноправными сторонами» (стр. 94. Курсив наш); здесь человеческий труд как таковой становится основой общественной связи между людьми. Абстрактный труд приобре-

[1]) Какую же роль играл этот труд до возникновения товарного хозяйства? На этот вопрос от Шабса нелегко добиться ответа. На стр. 132 читаем: «Для всех прочих предшествующих эпох это определение («труда как такового») вообще «применимо», но в то же время общественно незначимо, неактуально». Если читатель, призвав на помощь тень И. Дашковского, подумает, что речь идет о существовании абстрактного труда «в понятии», то на следующей странице его ждет опять загадка. Оказывается, что в предшествовавшие исторические эпохи «общего между существующими формами труда нет ни в действительности, **ни в понятии**, хотя объективно физиологическая общность трудовых затрат «применима», разумеется, и к данной эпохе» (стр. 133).

тает в обществе равноправных товаропроизводителей особую «общественно-значимую функциональную форму» (стр. 128) и тем самым превращается в труд «экономический» (который Шабс называет также «общественным»). Если абстрактный труд является категорией внеисторической, то экономический труд является категорией исторической, специфически присущей товарному хозяйству (стр. 99. 128). Стоимость продуктов труда является выражением именно экономического труда, а не абстрактного труда, как такового (стр. 98 и др.).

Теперь мы можем отметить основные черты сходства и различия в построениях Шабса и Дашковского [1]). Оба они—Дашковский не столь последовательно, как Шабс—признают абстрактный труд как таковой категорией физиологической и внеисторической. Оба они признают,—и здесь опять-таки Дашковский менее последователен,—что только в товарном хозяйстве этот абстрактный труд приобретает на деле «общественную значимость». Но в то время как Дашковский полагает, что эта перемена ни в малейшей мере не изменила «качественной природы» самого абстрактного труда, Шабс считает, что благодаря своей новой социальной функции абстрактный труд приобрел и новую качественную природу, превратившись в труд «экономический» (или «общественный»). Если у Дашковского абстрактный труд на всем протяжении исторического развития остается «тождественным» самому себе, то у Шабса абстрактный труд и экономический труд связаны диалектической связью «тождества» и «различия». Экономический труд, с одной стороны, есть тот же абстрактный труд в определенной общественной форме; с другой стороны, он отличается от абстрактного труда в физиологическом смысле. В то время как у Дашковского имеется одна категория абстрактного труда, Шабс строит две категории: абстрактного труда и экономического труда. Поэтому стоимость рассматривается Дашковским как выражение абстрактного труда, Шабсом же—как выражение экономического, а не абстрактного труда.

Прежде чем рассмотреть, в какой мере сложное построение Шабса соответствует учению Маркса, необходимо отметить, что у самого Шабса в высшей степени путано изложен центральный пункт его построения: вопрос об отношении между абстрактным трудом и экономическим трудом. Экономический труд «погашает», но не «устраняет» физиологическую сущность абстрактного труда. Что это значит? Не хочет ли Шабс сказать, что физиологический труд является лишь предпосылкой экономического труда, представляющего собою чисто общественную величину, в которой «погашен» физиологический характер труда. С одной стороны, такое понимание как будто противоречит построениям Шабса, который резко критикует мои «Очерки по теории стоимости Маркса» именно за то, что физиологическому труду отведена лишь роль предпосылки по отношению к абстрактному труду (который в моем понимании соответствует приблизительно тому, что Шабс называет «экономическим» трудом). Но, с другой стороны, мы находим у Шабса немало выражений, как будто подтверждающих изложенное понимание. Так, в приведенной выше цитате Шабс говорит, что «социальное существо» бытия абстрактного труда (т. е. его бытия в качестве экономического труда) «безразлично к естественной природе его» (стр. 116), т. е. к его физиологической природе. Так же на стр. 99 читаем: «Физиологический характер труда в этом случае не устраняется, но он становится безразличным в этом своем имманентном естественном существовании для данного общественного

---

[2]) См. статью Дашковского в «Под знаменем марксизма», 1927 г., № 6.

существования» (курсив наш). Мимоходом отметим, что утверждение о «безразличии» физиологического характера труда «для данного общественного существования» его как будто плохо вяжется с основным положением Шабса о том, что физиологический характер труда приобретает «социальную реальность» или «общественную значимость» только в виде «данного общественного существования» его (как труда экономического).

Оставим, однако, в стороне эти неясности и противоречия в построениях Шабса. Возможно, что путем чрезвычайных усилий ему удастся как-нибудь устранить их и объяснить нам понятным языком, как именно представляет он себе связь между трудом абстрактным и экономическим. Но что ему никоим образом не удастся, это—привести свои построения в согласие с учением Маркса. Шабс резко расходится с Марксом в двух пунктах: 1) на место категории абстрактного труда он ставит две категории: абстрактного и экономического труда; 2) он утверждает, что стоимость является выражением экономического труда, а не абстрактного труда.

Шабс утверждает, не имея для этого никаких оснований, что я вношу в теорию стоимости «новеллы», не соответствующие учению Маркса. Но я утверждаю, что каждая из предлагаемых мною «новелл» не только находится в полном соответствии с учением Маркса, но и подкрепляется мною многочисленными прямыми высказываниями Маркса. Я сознательно избегаю пользоваться такого рода цитатами из Маркса, которые не находят себе опоры и подтверждения в многочисленных других высказываниях Маркса, выражающих ту же мысль. А наш строгий критик с легким сердцем создает «новеллы», не имеющие ни малейшей опоры в тексте Маркса и резко противоречащие его теории стоимости. Разберем по порядку обе его «новеллы».

Верно ли, что Маркс видит в стоимости выражение экономического труда, а не абстрактного труда? Верно ли, что Маркс строит наряду с категорией абстрактного труда еще одну категорию экономического труда? Ни одного доказательства в пользу этих своих утверждений Шабс привести не может. Чтобы создать хотя бы тень оправдания для употребления нового термина «экономического» труда, Шабс цитирует следующие слова Маркса из «Введения к критике политической экономии»: «Труд—это наиболее простая категория. Столь же древним является представление о нем в этой всеобщности—как труда вообще. Однако экономический труд, взятый в этой простейшей форме, есть столь же современная категория, как и отношения, которые порождают эту простейшую абстракцию» (стр. 14, 100). Опираясь на эту цитату, Шабс на первых же страницах своей книги возвещает о сделанном им открытии—об отличии «абстрактного» труда от «экономического». Этому открытию наш автор приписывает чрезвычайно важное значение, оно должно раз навсегда положить конец спорам между сторонниками социологической и физиологической версий абстрактного труда. Споры эти имеют своим источником не более и не менее, как «невероятное почти недоразумение» (стр. 14), рассеять которое призван наш проницательный автор: сторонники обеих версий просто-напросто не заметили, что у Маркса наряду с понятием абстрактного труда имеется еще понятие экономического труда. «Как это на первый взгляд ни покажется парадоксальным, основным источником неразрешенного до сего времени спора является невероятное почти недоразумение, объединяющее оба направления на одной и той же исходной ошибке. И сторонники и противники господствовавшей ранее интерпретации, опираясь одинаково на труды Маркса,

непосредственно отождествляют без всякого на то научного основания далеко не покрывающие друг друга,—родственные, но тем не менее не идентичные,—понятия «абстрактного» и «экономического» труда» (стр. 14). «Отмеченная исходная ошибка—непосредственное отождествление экономического труда с абстрактным—приводит сторонников разных точек зрения различными путями к ложному истолкованию проблемы, и марксово учение о труде не находит правильного отражения ни в одной из них» (стр. 15).

Казалось бы, Шабс, выступая с открытием, которое до сих пор не было известно ни одному марксисту, должен был привести в его пользу веские доказательства. Ведь недаром наш автор так пренебрежительно отзывается о всех марксистах—«сторонниках и противниках господствовавшей ранее интерпретации», которые высказывали свои мнения «без всякого на то научного основания». Какие же «научные основания» приводит наш проницательный автор в пользу своего открытия? Маркс сотни раз говорит об абстрактном труде и ни разу при этом не упоминает о каком-то «экономическом» труде, якобы отличном от абстрактного труда. Если бы Шабс не обнаруживал «невероятного почти» легкомыслия насчет «научных оснований», долженствующих подкрепить его утверждения, он не решился бы строить свое открытие на приведенной цитате из Маркса. Во всяком случае, он счел бы нужным обратиться к самому подлиннику и тогда он убедился бы, что и на этот раз, как и раньше, все его открытие имеет своим источником «невероятное почти недоразумение»: и на этот раз Шабс сделался жертвой неточного перевода слов Маркса. Ни о каком «экономическом» труде у Маркса нет речи, как в этом может убедиться всякий, кто заглянет в «Kritik der politischen Oekonomie» (1907, стр. 39). Здесь он прочтет: «Однако, экономически рассматриваемый в этой простейшей форме, «труд» есть столь же современная категория, как и отношения, которые порождают эту простую абстракцию» [1]).

Мысль Маркса вполне ясна: поскольку понятие «труда вообще», «труда в простейшей форме» рассматривается с экономической точки зрения (а не с точки зрения физиологической, психологической и т. д.), оно представляет собою «современную категорию», характеризующую товарно-капиталистическое хозяйство, а именно категорию абстрактного труда, образующего стоимость. Тот абстрактный труд, на котором Маркс строит свою теорию стоимости, и есть труд, рассматриваемый с экономической точки зрения. Категория абстрактного труда и есть основная экономическая категория марксовой теории стоимости. Ни о каком «экономическом труде» у Маркса нет речи [2]).

---

[1]) В подлиннике сказано: «Dennoch, oekonomisch in dieser Einfachheit gefasst, ist «Arbeit» eine ebenso moderne Kategorie» и т. д. Во 2-м издании сборника «Основные проблемы политической экономии» (1924 г., стр. 26), где перевод «Введения к критике политической экономии» дан в исправленном виде, Шабс мог бы прочесть: «Однако экономически труд, взятый в этой простейшей форме, есть столь же современная категория» и т. д.

[2]) Чтобы несколько смягчить свое расхождение с терминологией Маркса, Шабс иногда вместо названия «экономический» труд употребляет термин «общественный» труд. Но и это не спасает Шабса. Различие между абстрактным и общественным трудом имеет у Маркса и у Шабса совершенно различный смысл. У Маркса абстрактный труд есть разновидность общественного труда, а именно общественный труд в той специфической форме, которую он имеет в товарном хозяйстве. У Шабса же дело обстоит как раз наоборот: общественный (т. е. экономический) труд есть разновидность абстрактного труда, а именно абстрактный труд в той специфической форме, которую он имеет в товарном хозяйстве.

Хотя Шабс не подозревает, что он и на этот раз сделался жертвой неточного перевода, однако он не мог не обратить внимания на то странное обстоятельство, что Маркс нигде не проводит различия между абстрактным трудом и экономическим трудом. Шабс и ставит этот вопрос: «Почему Маркс многократно допускает в «Капитале» неточности в словоупотреблении, определяя стоимость то как выражение абстрактного труда, то общественного, тогда как стоимость как социальная категория может лишь являться выражением последнего, но не первого» (стр. 98. Курсив наш). Шабс приводит две причины для объяснения того, почему Маркс допускает «неточности в словоупотреблении». «Если при этом у Маркса в «Капитале» это соотношение (между абстрактным и экономическим трудом. *И. Р.*) не нашло, однако, достаточно отчетливого и исчерпывающего выяснения, то мы этому факту видим объяснение отчасти в том, что внимание Маркса было несравненно более поглощено разграничением противоположных понятий конкретного и абстрактного труда; а эти последние в своем существе отделены такой глубокой и непроходимой пропастью... что в его глазах это уничтожило, так сказать, теоретическую дистанцию между абстрактным трудом и экономическим... Отчасти это объясняется также тем, что Маркс рассматривает абстрактный труд не в его качестве функции человека вообще в их непосредственной связи друг с другом (как это имеет место в физиологии), а как функцию социального человека, товаропроизводителя... так что сближение этих понятий достигает практически того предела, при котором остается лишь одно условное теоретическое их разграничение» (стр. 100).

Итак, первое объяснение Шабса сводится к тому, что вопрос о противоположности абстрактного и конкретного труда «заслонил перед Марксом необходимость разграничения этих двух сродных, но не идентичных понятий— абстрактного и экономического труда» (стр. 100. Курсив наш). Страшно слышать такое объяснение из уст Шабса, претендующего на роль наиболее правоверного комментатора Маркса. Шабс обвиняет других в том, что они вносят в учение Маркса «новеллы», а между тем сам он вносит совершенно неизвестное Марксу разграничение между абстрактным и экономическим трудом. Шабс упрекает меня в том, что я будто бы «критикую» Маркса и обвиняю его в «противоречиях», а между тем сам он утверждает, что Маркс просто-напросто не заметил «необходимости разграничения» тех понятий, которым он, Шабс, придает решающее значение для понимания марксовой теории. Шабс с легким сердцем бросает и «сторонникам и противникам господствовавшей ранее интерпретации» упрек в том, что они высказывали свои мнения «без всякого на то научного основания», а между тем сам он считает достаточным «научным основанием» апелляцию к мнимой рассеянности Маркса.

Если в своем первом объяснении Шабс просто-напросто обвиняет Маркса в том, что он «проглядел» различие между абстрактным и экономическим трудом, то во втором своем объяснении он вынужден сам признать, что Маркс имел весьма серьезные основания для того, чтобы рассматривать абстрактный труд как экономический труд, т. е. как социальную и историческую категорию. По признанию самого Шабса, «Маркс рассматривает абстрактный труд не в его качестве функции человека вообще... а как функцию социального человека,

---

В данном вопросе, как и во многих других, Шабс пишет карикатуру на Маркса и заявляет, что это и есть настоящий Маркс.

товаропроизводителя» (стр. 100). Вспомним теперь, что, согласно терминологии Шабса, абстрактный труд, рассматриваемый как функция товаропроизводителя, означает не абстрактный труд «как таковой», а «абстрактный труд в его экономическом значении», иначе говоря, «экономический труд». Следовательно, из слов самого Шабса мы вправе сделать следующий вывод: Маркс рассматривает труд не в качестве абстрактного труда как такового, а в качестве экономического труда. Иначе говоря, под трудом Маркс понимает не физиологический труд как таковой, а труд, организованный в определенной социальной форме. Но ведь именно в этом и заключается центр спора между сторонниками социологической и физиологической версий труда. Именно в этом решающем пункте Шабс вынужден признать банкротство того наивного представления, согласно которому Маркс под трудом понимает «функцию человека вообще» или затрату человеческой энергии в физиологическом смысле.

Итак, сам Шабс вынужден признать, что предметом своего исследования Маркс берет труд как функцию товаропроизводителя, а не как функцию человека вообще. Но вместе с тем мы знаем, что Маркс постоянно называет этот труд абстрактным. Не очевидно ли после этого, что у Маркса абстрактный труд означает труд как функцию товаропроизводителя, а не труд как функцию «человека вообще»? Не очевидно ли, что Шабс вносит только величайшую путаницу, прилагая термин «абстрактный», в противоположность Марксу, именно к последнему труду, а не к первому (для которого он изобрел термин «экономический»)? То, что Шабс называет экономическим трудом, носит у Маркса название абстрактного труда [1]) и составляет непосредственный объект его изучения, а то, что Шабс называет абстрактным трудом, есть не что иное, как физиологический труд, составляющий предпосылку, но не объект марксова исследования. Каждому марксисту известно, что в марксовой теории стоимости труд называется абстрактным трудом и нигде не называется экономическим трудом. А между тем Шабс, благодаря созданной им терминологической путанице, должен притти к выводу, что объектом исследования у Маркса является экономический труд, а не абстрактный труд как таковой. Зачем же новыми терминами запутывать и без того сложный и запутанный вопрос? Не лучше ли последовать примеру Маркса и применять термин «абстрактный» к труду товаропроизводителя, а не «человека вообще»?

Под терминологической путаницей, созданной Шабсом, мы нашли у него ценное признание, что объектом исследования у Маркса не является «абстрактный труд как таковой», т. е. физиологический труд как таковой. Более того, Шабс вынужден признать, что этот труд вообще не является объектом исследования политической экономии. «Абстрактный труд рассматривается в политической экономии не в качестве функции человека как такового (в его естественном значении), а как функция общественного человека-товаропроизводителя» (стр. 99, также на стр. 135). Из этого второго ценного признания Шабса мы можем сделать вывод: труд, являющийся объектом исследования политической экономии и в частности марксовой теории стоимости, представляет собою не физиологическую и внеисторическую категорию, а категорию, социальную и историческую.

[1]) Поэтому мы очень охотно принимаем упрек Шабса, который говорит, что «Рубин везде употребляет «абстрактный труд» в полном значении экономического» (стр. 19, примечание). Именно в этом смысле термин «абстрактный труд» употребляется Марксом.

Наконец, третье и еще более важное признание Шабс делает тогда, когда утверждает, что «абстрактный труд как таковой» не образует стоимости и не находит своего выражения в стоимости. По мнению Шабса, «Маркс многократно допускает в «Капитале» неточности в словоупотреблении, определяя стоимость то как выражение абстрактного труда, то общественного (т. е. «экономического». *И. Р.*), тогда как стоимость как социальная категория может лишь являться выражением последнего, но не первого» (стр. 98. Курсив наш). Здесь Шабс оказывается более последовательным и смелым, чем И. Дашковский. Последний утверждает, что «внеисторическая» категория абстрактного труда находит свое выражение в «исторической» категории стоимости. Шабс же называет нелепым утверждение Дашковского, что «исторические категории суть проявления внеисторических законов» (стр. 68, примечание). Но ведь стоимость является исторической категорией, абстрактный же труд как таковой признается Шабсом категорией внеисторической. Таким образом, Шабсу не остается другого выхода, как признать, что стоимость не является выражением абстрактного труда.

Этот вывод Шабса представляет для нас двойную важность. Во-первых, он ясно показывает, что тот абстрактный труд, который, по учению Маркса, образует стоимость и находит свое выражение в стоимости, представляет собою категорию социальную и историческую. Во-вторых, своим выводом Шабс приводит к абсурду не только свое собственное построение, но физиологическую версию абстрактного труда вообще. Все запутанные рассуждения и терминологические новшества Шабса привели его к выводу, что абстрактный труд: 1) не составляет объекта исследования политической экономии и в частности марксовой теории стоимости и 2) не находит своего выражения в стоимости. Но ведь оба эти положения резко противоречат учению Маркса. Именно абстрактный труд Маркс делает предметом своего исследования. Именно абстрактный труд, по учению Маркса, образует стоимость и находит свое выражение в стоимости. Понятие абстрактного труда введено Марксом в науку именно для того, чтобы объяснить явления стоимости. А Шабс утверждает, что стоимость не является выражением абстрактного труда. Этим выводом Шабс благополучно довел свое построение до абсурда.

Мы можем быть благодарны Шабсу. Он не только сам проделал за нас работу доведения до абсурда своего собственного построения. Его пример также ярко освещает тот путь, на который, повидимому, вынуждены будут ступить все «физиологисты». После критики физиологического понимания абстрактного труда, данной мной в «Очерках по теории стоимости Маркса», Шабс не может не признать, что физиологический труд как таковой не образует стоимости. А так как Шабсу не хочется отказаться от физиологического понимания абстрактного труда, то ему не остается другого выхода, как признать, что абстрактный труд не образует стоимости и не находит своего выражения в стоимости. Отрицание за абстрактным трудом способности образовать стоимость, или разрыв между абстрактным трудом и стоимостью,—таков тот вывод, к которому необходимо приводит физиологическое понимание абстрактного труда. Признаки такого разрыва встречаются и у И. Дашковского. Но Дашковский сохранил еще слабую пуповину, связывающую стоимость с абстрактным трудом, при помощи допущения, что внеисторическая категория абстрактного труда находит свое выражение в исторической категории стоимости. Шабс, от внимания которого не

ускользнула методологическая ложность подобного допущения, вынужден был окончательно разрезать эту пуповину и заявить, что абстрактный труд не находит своего выражения в стоимости,—утверждение, резко противоречащее марксовой теории стоимости. К этому же утверждению приближался А. Кон в прениях по поводу моего доклада «Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса» [1]). Чем скорее сторонники физиологической версии абстрактного труда последуют в данном вопросе примеру Шабса, тем яснее читатель увидит, в какой мере эта версия противоречит основам теории стоимости Маркса.

3. Ответ А. Кону [2]).

В своем «Курсе политической экономии», появившемся в начале 1928 года, А. Кон критикует (на стр. 47—56) мои «Очерки» по вопросам об абстрактном и общественно-необходимом труде. Равным образом в своей статье, помещенной в «Вестнике Коммунистической академии» (1928 г., № 25), он уделяет немало внимания «школе Рубина» (к которой, мимоходом сказать, он причисляет также своих критиков Г. Абезгауза, Г. Дукора и А. Ноткина, которые в ряде существенных пунктов расходятся со мною и за взгляды которых я ни в малейшей мере не могу брать на себя ответственность). То обстоятельство, что книга А. Кона предназначена служить учебным пособием для вузов, побуждает меня заняться разбором взглядов Кона на спорные вопросы, а также рассмотреть те критические аргументы, которые выдвинуты им против моей трактовки этих же вопросов.

§ 1. Абстрактный труд.

В полном согласии со всеми марксистами, А. Кон заявляет, что абстрактный труд является субстанцией стоимости. «Основой стоимости, ее субстанцией, является труд абстрактный и общественно-необходимый» («Курс», стр. 55). Но это положение носит еще слишком общий характер, чтобы им ограничиться. Это положение должно быть еще расшифровано, а для этого необходимо ответить на три следующие вопроса:

1) что такое стоимость;

2) что такое субстанция;

3) что такое абстрактный труд.

Ложное понимание хотя бы одной из этих трех категорий представляет уже большую опасность для правильного понимания марксовой теории стоимости. Кон же, как мы увидим, умудрился внести немало путаницы в понимание всех трех перечисленных категорий.

Начнем с первого вопроса: что такое стоимость по Кону? Запомним, что, по мнению Кона, труд является субстанцией стоимости. Когда же мы спрашиваем, что он называет стоимостью, мы получаем ответ: «Этот труд затраченный на производство товара, называется стоимостью товара» («Курс», стр. 37); «именно эти-то трудовые затраты и представляют собою стоимость товаров» (стр. 38). Читатель видит, какое получается у А. Кона странное положение:

---

[1]) И. Рубин, Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса, издание Раниона, 1928 г.

[2]) Эта статья была написана после выхода 1-го издания „Курса“ Кона. Во II издании Кон изменил некоторые формулировки.

«труд является субстанцией стоимости». А что такое стоимость? «Это есть труд». Таким образом все положение А. Кона сводится к следующему выводу: «труд является субстанцией труда», или «стоимость является субстанцией стоимости». В обоих случаях получается тавтология, и тавтология получается потому, что Кон не захотел серьезно остановиться на вопросе о том, что такое стоимость, а предпочел в некоторых пунктах отождествить стоимость с трудом. То же отождествление встречается в более ранней работе Кона «Теория промышленного капитализма» (1923 г., стр. 11), где он писал: «Количество труда, затраченного обществом на производство данного товара, служит основой его меновой стоимости и называется стоимостью» (курсив наш).

Правда, Кон в свое оправдание ссылается на тесную связь между трудом и стоимостью, которая, по его словам, делает «непозволительными всякие попытки строго их разграничить друг от друга» (статья Кона в «Вестн. Комм. акад.», 1928 г., № 25, стр. 264). Кон приписывает мне попытку «разложить марксовы термины по ящикам и полочкам, строго разграничив скрытые за ними понятия друг от друга» (там же, стр. 266). Этот упрек неоснователен. Я в «Очерках» (2-е изд., стр. 209) писал, что «диалектический метод Маркса исключает для него возможность давать раз навсегда зафиксированные и неизменяющиеся понятия и соответствующие им термины». Но отсюда никак нельзя делать вывод, что «внимание основоположников марксизма никогда не было направлено на строгое уточнение этих понятий» (Кон в «В. К. А.», стр. 264). В частности, у Маркса труд и стоимость должны быть различаемы друг от друга. В своей последней статье («В. К. А.», стр. 266) Кон сам вынужден был признать, что труд и стоимость у Маркса «гораздо строже» отличаются друг от друга, и напрасно Кон не ввел этого различения в своем «Курсе». Теперь он исправил отчасти эту ошибку, и в своей статье (стр. 264) проводит различие между трудом и стоимостью. Будем поэтому надеяться, что он и дальше будет исправлять свои ошибки, и оставим сейчас вопрос о стоимости в стороне.

Переходим к следующему вопросу: что такое субстанция по Кону? Прежде всего читателю не может не броситься в глаза, что А. Кон предпочитает заменять термин «субстанция», часто употребляемый Марксом, термином «основа». В этом не было бы беды, если бы Кон употреблял последний термин в строго определенном смысле. Но, к сожалению, А. Кон произвольным применением термина «основа» к самым различным явлениям создает величайшую путаницу и лишает понятие субстанции всякой определенности. Приведем наудачу несколько примеров. На стр. 55 «Курса» мы уже читали, что труд является «основой стоимости, ее субстанцией». К нашему удивлению, на стр. 37 мы узнаем, что труд «является основой меновой стоимости и образует ее субстанцию». Если мы вздумаем сделать отсюда вывод, что стоимость и меновая стоимость одно и то же, то на стр. 38 нас ждет разочарование: оказывается, что стоимость есть «основа (субстанция) меновой стоимости». Если сюда прибавить, что «трудовые затраты производителей являются основой меновых пропорций» (стр. 21), то, надеемся, читатель согласится с нами, что понятие «субстанции (основы)» имеет у А. Кона весьма неопределенный смысл.

После сделанных нами кратких замечаний об употреблении у Кона терминов «стоимость» и «субстанция» мы переходим к центральному вопросу о том, что такое абстрактный труд. На этот вопрос у Кона находим следующее определение: «Всякий труд выступит в качестве целесообразной затраты физиологи-

ческой энергии—и только» («Курс», стр. 23). «Абстрактный труд представляет собою целесообразную затрату физиологической энергии человека» (там же, стр. 52). Кон, конечно, понимает, что от этого понятия физиологического труда мы никоим образом не можем перейти к стоимости. Для того, чтобы физиологический труд мог найти свое выражение в стоимости, как общественной форме продукта, он сам должен стать еще общественным трудом. Поэтому Кон делает следующее заявление: «Стоимости создаются абстрактным трудом (конечно, в физиологическом смысле этого слова). Однако для того, чтобы труд создавал стоимости, он должен быть не только абстрактным, но и общественным трудом» («Курс», стр. 54). Если расшифровать эту фразу, то получим следующий ход мысли. Абстрактным трудом мы называем труд в физиологическом смысле слова, но этот абстрактный труд сам по себе стоимости не создает. Только тогда, когда этот абстрактный труд принимает определенную общественную форму и становится трудом общественным (а именно трудом, направленным на производство товаров), он образует стоимость. В данном вопросе Кон приходит к такому же выводу, к какому приходит и Шабс. По мнению Кона, мы должны отказаться от понимания абстрактного труда, как труда, образующего стоимость. Это два различных понятия. Труд, образующий стоимость, имеет различные признаки, а именно он, с одной стороны, является трудом абстрактным или физиологическим, а с другой стороны,—трудом общественным или организованным в определенной общественной форме. Только тогда, когда абстрактный труд становится общественным, он превращается в труд, образующий стоимость. Пока он является только трудом абстрактным или физиологическим, он не является трудом, образующим стоимость. Еще резче пошел по этому пути Шабс, который прямо заявляет, что стоимость не является выражением абстрактного труда, и абстрактный труд как таковой не образует стоимости.

Необходимо указать, что это новое положение Кона и Шабса можно рассматривать как скрытый отказ от обычной точки зрения «физиологистов». Действительно, в чем состоял центральный предмет спора? Предмет спора был в том, какими признаками должен быть характеризован труд, образующий стоимость. Именно об этом мы спорили. Я возражал именно против того, что труд, образующий стоимость, определяется обычно кратко и поверхностно, как «затрата физиологической энергии,—и только». Я указывал, что физиологический труд не является тем трудом, который образует стоимость; а так как у Маркса абстрактный труд рассматривается как та сторона труда, которая образует стоимость, то мы должны сказать «физиологистам»: не смешивайте ваше понятие физиологического труда с понятием абстрактного труда.

Мы можем теперь констатировать следующий прогресс: даже «физиологисты» признают, что труд, образующий стоимость, не может быть охарактеризован как «затрата физиологической энергии,—и только». Эта характеристика труда, по мнению самих «физиологистов», недостаточна для того, чтобы получить понятие труда, образующего стоимость. Труд, образующий стоимость, должен быть трудом общественным, обладающим общественной формой, присущей товарному хозяйству.

Теперь разберем по существу попытку оторвать понятие абстрактного труда от понятия труда, образующего стоимость. Как согласовать утверждения Кона и Шабса, что абстрактный труд как таковой не образует стоимости, с постоянными указаниями Маркса, что труд именно в качестве абстрактного образует

стоимость? Как согласовать эти взгляды с многочисленными указаниями Маркса, что труд, образующий стоимость, характеризуется прежде всего как абстрактный труд, что абстрактный труд есть специфическая общественная форма труда, что стоимость образуется только трудом абстрактно-всеобщим, возникающим из отчуждения индивидуального труда.

Кон пришел к выводу, что понятие абстрактного труда, который является трудом физиологическим и не является еще трудом, образующим стоимость, само по себе есть «логическая» категория, а не «экономическая» и не «историческая» категория («В. К. А.», стр. 270). Значит, категория абстрактного труда является не экономической и не исторической категорией, между тем как Маркс на этой именно категории строит свое понимание стоимости и постоянно указывает, что стоимость должна быть выведена из общественной формы труда.

Теперь поставим нашим критикам следующий вопрос: когда Маркс вменял себе в заслугу, что он открыл двойственную природу труда, как конкретного и абстрактного, что же именно он вменял себе в заслугу,—то ли, что он правильно понял физиологическую природу труда, или же что он понял, что стоимость может быть выведена только из общественного труда? Чтобы не оставить никакого сомнения в том, что именно Маркс действительно имел в виду, когда говорил о своей заслуге в данном вопросе, мы советуем читателям прочесть в «Критике политической экономии» после первой главы краткий очерк: «История анализа товара». В этом очерке Маркс ставит себе целью показать происхождение учения о двойственной природе труда. Здесь мы вправе ждать от Маркса ясных указаний насчет того, в чем именно заключался прогресс экономической мысли, поскольку речь идет о проблеме абстрактного труда: в понимании ли своеобразия физиологической природы труда, или формы его социальной организации. Ответ Маркса не оставляет никаких сомнений на этот счет.

В указанном очерке Маркс вскрывает ошибки своих предшественников, которые понимали, что труд образует стоимость, но не знали, какой именно труд образует стоимость. Здесь Маркс критикует взгляды Петти, Буагильбера, Смита, Стюарта и других. И разве Маркс порицает здесь своих предшественников за то, что они не рассматривали труд, как затрату физиологической энергии? Нет, он говорит совсем не об этом. Он упрекает своих предшественников в непонимании того, что, когда мы говорим о труде, образующем стоимость, мы говорим об общественной форме труда, о буржуазной форме труда. О Петти Маркс говорит, что он не понимал «определенной общественной формы, в которой труд является источником меновой стоимости». О Буагильбере Маркс говорит, что он смешивал труд, образующий стоимость, с «непосредственной естественной деятельностью индивидов». Франклин, по словам Маркса, ошибочно рассматривал абстрактный труд в смысле физиологическом, но не как «общественный труд, проистекающий из всестороннего отчуждения индивидуального труда». Джемса Стюарта Маркс хвалит за то, что он отличает не только «общественную форму труда» от «реального» или материального труда, но отличает также «буржуазную» форму труда от других общественных форм труда. Смита Маркс порицает за то, что он не сумел перейти от реального труда к «буржуазному труду в его основной форме». Противопоставление «реального» труда общественной, а именно «буржуазной форме труда»,—вот что Маркс считает центром, зерном всего своего учения о двойственной природе труда.

Теперь мы поставим А. Кону следующий вопрос: если абстрактный труд сам по себе не образует стоимости, что же означает утверждение, что он является субстанцией стоимости? Что это за странная субстанция, которая не образует формы, в которой она выражается? Ведь Маркс понимал субстанцию в смысле, в котором это понятие употреблялось у Гегеля, а не у Канта. Маркс не думал, что субстанция и форма суть чуждые друг другу явления, которые путем их механического соединения образуют целое. С точки зрения Маркса, субстанцией стоимости можно назвать только то явление, которое своим развитием создает стоимость.

Основной установкой Маркса был анализ труда, образующего стоимость. Исходя из этого анализа, он показал нам различие определений и моментов этого труда, как общественного, абстрактного, простого и общественно-необходимого, причем все эти моменты неразрывно связаны между собою и являются определениями одного и того же труда, образующего стоимость. Иначе поступает Кон. Сперва он берет понятие физиологического труда; это понятие, по его собственным словам, не «историческое» и даже не «экономическое». Потом он прибавляет к нему признаки общественного, простого и общественно-необходимого. В результате такого механического сложения отдельных признаков Кон получает понятие труда, образующего стоимость, в то время как Маркс исходит из этого труда, как единого целого, и находит отдельные определения в качестве моментов этого единого труда. В то время как у Маркса речь идет о двойственной природе труда, Кону следовало бы говорить о тройственной природе труда как конкретного, абстрактного и общественного. Действительно, у Кона труд существует прежде всего как конкретный, далее труд существует как абстрактный или физиологический и, наконец, как общественный.

Кон ссылается на то, что нельзя отрывать общественную сторону труда или общественный труд от материального производства. Поэтому труд, образующий стоимость, должен, по его мнению, обладать двумя признаками: он должен быть общественным трудом, но он должен также быть физиологическим трудом, и именно последний составляет «материальную основу стоимости» («Курс», стр. 55). Но при этом Кон не замечает, что он делает следующую ошибку. В то время как Маркс говорит о двойственной природе труда, создающего т о в а р (а именно: как труда, образующего п о т р е б и т е л ь н у ю с т о и м о с т ь, и как труда, образующего с т о и м о с т ь), А. Кон переносит двойственную природу в самое понятие труда, образующего с т о и м о с т ь. Кон упускает из вида, что мы, связывая стоимость с общественным трудом, отнюдь не отрываем ее от материальной основы производства, ибо общественная сторона труда есть только одна сторона единого труда, который является одновременно трудом материальным и общественным, конкретным и абстрактным, источником потребительной стоимости и источником стоимости. А. Кон игнорирует все учение Маркса о двойственной природе труда,—учение, которое тесно связывает движение абстрактного, общественного труда с движением материально-технического процесса производства. Не понимая, что у Маркса существует самая тесная связь абстрактного труда с материальной основой производства, Кон считает нужным в самое понятие труда, образующего стоимость, ввести эту материальную основу. Двойственную характеристику труда Кон переносит с труда, образующего т о в а р (как единство потребительной стоимости и стоимости), на труд, образующий с т о и м о с т ь. Но если Кон приписывает двойственную природу труду, образующему стоимость, то что же сказать о труде, создающем товар? Повидимому, необходимо будет признать,

что он отличается тройственною природою,—и этот вывод вытекает из концепции Кона.

Концепция Кона извращает также отношение между общественным и абстрактным трудом. В этом пункте, как и во многих других, он близко подходит к трактовке Шабса. У последнего получается такого рода построение: абстрактный труд сам по себе не образует стоимости, но этот абстрактный труд превращается в товарном хозяйстве в труд общественный и тогда он становится трудом, образующим стоимость. Иначе говоря, по Шабсу, общественный труд есть абстрактный труд в той специфической форме, которую он приобретает в товарном хозяйстве, а у Маркса дело обстоит как раз наоборот: абстрактный труд есть общественный труд в той специфической форме, которую он приобретает в товарном хозяйстве. Ошибка Шабса повторяется в концепции Кона.

Кон в последней статье делает еще одну уступку. Если раньше он объявлял, что абстрактный труд сам по себе не образует стоимости, но является субстанцией стоимости, то в своей последней статье («В.К.А.», стр. 264) он счел необходимым решительно подчеркнуть, что субстанцией стоимости является «общественный (и общественно-необходимый) абстрактный простой труд в его специфически меновой форме». Теперь мы спрашиваем Кона: что же является субстанцией стоимости? «Абстрактный» ли труд («Курс», стр. 51), или «абстрактный и общественно-необходимый труд» («Курс», стр. 55), или наконец «общественный (и общественно-необходимый) абстрактный простой труд в его специфически меновой форме» («В.К.А.», стр. 264)?

Если принять последнюю формулировку, которую А. Кон дает в своей статье, то необходимо признать, что абстрактный труд не только не образует стоимости, но и не является субстанцией стоимости. Кон сам черным по белому написал это, когда заявил, что субстанцией стоимости является труд общественный в его «специфически меновой форме». Таким образом Кон, начавши с физиологического определения абстрактного труда, вынужден, для того чтобы притти к труду, образующему стоимость, постепенно усложнять свое понимание труда и в конце концов сводит на-нет свое первоначальное понятие абстрактного труда. Вначале он говорил, что абстрактный труд не образует стоимости, но составляет субстанцию стоимости; дальше нам говорят, что этот абстрактный труд не является и субстанцией стоимости, а в дальнейшем мы узнаем, что абстрактный труд вообще не существует нигде, кроме товарного хозяйства. Так, например, Кон пишет: «Только в условиях менового общества приравнение одних видов конкретного труда другим приобретает экономическое значение и совершается не только в голове исследователя, но и в реальном процессе обмена» («Курс», стр. 53). А в новой статье («В.К.А.», стр. 268) Кона мы находим такую формулировку: «В условиях менового общества то сведение конкретного труда к абстрактному, которое вначале было произведено Марксом лишь мысленно, происходит *и в объективной действительности*» (курсив наш). Сведение конкретного труда к абстрактному происходит реально или в объективной действительности только в товарном хозяйстве, вне товарного хозяйства оно может происходить только в голове исследователя, а в объективной действительности не происходит. И после этого нам заявляют, что категория абстрактного труда не имеет исторического характера и не связана с товарным хозяйством, что «определенная организация производства» не должна «быть введена в качестве определяющего момента в понятие абстрактного труда» («Курс», стр. 53).

Чем объясняются все эти противоречия А. Кона?

Мы постараемся вскрыть источник этих противоречий. С одной стороны, А. Кон хочет сохранить понятие абстрактного труда как физиологического; ему кажется, что без этого мы порываем связь явлений стоимости с материальным процессом производства, хотя, как мы уже указывали, эта связь сохраняется благодаря учению Маркса о двойственной природе труда. Вместе с тем Кон отлично знает, что Маркс рассматривал стоимость, как выражение производственных отношений людей, что стоимость существует только при определенной форме организации хозяйства, при определенных производственных отношениях людей. И тут А. Кон стоит перед следующим затруднением: стоимость, с одной стороны, является выражением производственных отношений людей, значит, имеет характер социальный; с другой же стороны,—стоимость является порождением или выражением абстрактного труда, который Кон понимает в физиологическом смысле.

Как выйти из этого затруднения? Как примирить определение стоимости как выражения «абстрактного труда» с определением стоимости как выражения «производственных отношений людей»?

С нашей точки зрения, это затруднение разрешается очень просто. Стоимость является прежде всего и непосредственно выражением общественного или абстрактного труда, и каждое изменение количества этого труда отражается на величине стоимости (количество общественного или абстрактного труда находит свое точное выражение в величине стоимости, количество же материального труда находит в величине стоимости лишь косвенное выражение, а именно через посредство количества общественного труда, которое не всегда равно количеству фактически затраченного материального труда). Именно поэтому Маркс считает субстанцией стоимости общественный или абстрактный труд. Но общественный или абстрактный труд, который является общественной стороной материального трудового процесса, предполагает наличие определенных производственных отношений между людьми. Поэтому мы можем сказать с одинаковым правом, что стоимость является выражением абстрактного труда, или что она является выражением производственных отношений людей.

А. Кон выходит из указанного затруднения с помощью особого приема, который заключается в следующем. Кон вынужден притти к странному выводу, что стоимость имеет особое социальное «содержание» и наряду с этим особую материальную «субстанцию». Термины «содержание» стоимости и «субстанция» стоимости у Маркса имеют совершенно одинаковый смысл. У Кона же эти понятия разрываются. С его точки зрения необходимо притти к выводу, что стоимость имеет социальное «содержание» и материальную «субстанцию». Прочтем слова Кона в его работе «Лекции по методологии политической экономии» (стр. 85—86): «Социальные свойства вещей становятся единственной формой проявления меновых отношений, производственные же отношения менового общества—единственным содержанием социальных свойств вещей. Например, меновая ценность товаров является единственной формой проявления меновых отношений, а самые отношения обмена являются единственным содержанием меновой ценности». И в других местах в своем «Курсе» А. Кон несколько раз говорит, что стоимость имеет общественное «содержание», а именно «представляет собою не более, как овеществление в товаре производственных отношений обмена» («Курс», стр. 37). «Закон стоимости имеет глубоко-социальное содержание, и содержанием этим является процесс стихийного регулирования общественного

производства. Однако наряду с этим содержанием закон стоимости имеет материальную основу, субстанцию стоимости» (стр. 55. Курсив наш), а именно абстрактный и общественно-необходимый труд.

Повидимому, ход мысли А. Кона таков. Стоимость есть социальное свойство продукта,—этого Кон не может отрицать,—и поэтому имеет своим «единственным содержанием» общественные отношения людей, или, как выражается Кон, «меновые отношения» людей. Материальною же «субстанцией» стоимости является абстрактный труд, «конечно, в физиологическом смысле этого слова». Таким образом тот разрыв социальных и материальных элементов стоимости, в котором меня обвиняет А. Кон, как нельзя более ярко представлен у него. У него стоимость разорвана по двум источникам. Она имеет своим «единственным содержанием» меновые отношения людей, а своей «субстанцией»—физиологический труд. В то время как Маркс нигде не отличает субстанцию стоимости от ее содержания, Кон сводит стоимость к двум источникам и рассматривает каждый раз с односторонней точки зрения: с одной стороны, единственным содержанием стоимости объявляются «меновые отношения» людей, т. е. социальные элементы стоимости рассматриваются с формальной стороны и вне зависимости от материального процесса производства; а с другой стороны, абстрактный труд,—эта субстанция стоимости,—понимается как физиологический труд, лишенный определенной общественной формы. Материальные и социальные элементы стоимости у Кона оторваны друг от друга. Каждая из этих сторон лишена дополнительных признаков, связывающих ее с другой стороной. Этот разрыв и нашел свое выражение в отмеченном нами выше разрыве между характеристикой труда как общественного и характеристикой его как абстрактного.

А. Кон, конечно, понимает, что тот абстрактный труд, который не образует стоимости, не является субстанцией стоимости и для объяснения стоимости не годится. Он понимает, что у нас не может не возникнуть вопрос, зачем введено Марксом это понятие абстрактного труда в теорию стоимости. И Кон в своей последней статье в «Вестнике Ком. академии» ставит точку над i. Он говорит: понятие абстрактного труда нужно было Марксу тогда, когда он вел свое исследование аналитическим путем от стоимости, как готовой социальной формы продукта, к ее источнику, к субстанции, лежащей в ее основе. Маркс рассматривает стоимость как выражение общественного труда, но ему нужно было это понятие общественного труда упростить; ему нужно было взять такое простое понятие труда, которое не заключает в себе стоимости, и поэтому Маркс «мысленно сводит» общественный труд к абстрактному или физиологическому труду. Когда же Маркс хочет отправиться «в обратный путь», путь диалектического выведения стоимости из труда, он должен это понятие абстрактного труда «осложнить» («В. К. А.», стр. 268) включением в него определенной социальной формы, которая превращает его в общественный труд, образующий стоимость. Итак, категория абстрактного труда нужна была Марксу, оказывается, не для объяснения стоимости, а лишь для того, чтобы вскрыть ту материальную основу стоимости, которая свойственна «всем общественным формам» («В. К. А.», стр. 270) и потому имеет внеисторический характер.

Само собой понятно, что мы должны свести стоимость к более простым явлениям, лежащим в ее основе, в конечном счете к пропорциональному распределению труда в процессе материального производства. Но для этого тре-

буется несколько ступеней анализа. На первой ступени анализа стоимость прежде всего сводится к абстрактному труду, т. е. общественному труду в той специфической его форме, которая имеется в товарном хозяйстве. Но так как абстрактный труд является специфической формой общественного или социально-уравненного труда, то на второй ступени анализа стоимость сводится к общественному труду. Далее, общественный труд в свою очередь является лишь одной стороной труда как единого целого, который, с одной стороны, выступает как общественный труд, а с другой стороны, как материальный или конкретный труд,—эта «вечная естественная необходимость» в «обмене веществ между человеком и природой». Таким образом, в нашем анализе мы должны притти в конечном счете к наиболее простому понятию труда, который является трудом материально-техническим и вместе с тем представляет собою затрату физиологической энергии. Но это понятие труда, «свойственное всем общественным формам», является лишь предпосылкой в теории стоимости Маркса; это—та основа, на которой возведено все здание, которая постоянно предполагается, но никоим образом не должна быть смешиваема с тем абстрактным трудом, который непосредственно составляет субстанцию стоимости и связан с данной общественной формой труда, как часто повторяет Маркс. А. Кон в сущности против своей воли признал то, о чем нам уже приходилось несколько раз говорить. К простому понятию труда, лишенному определенной общественной формы, мы можем притти лишь в том случае, когда наша задача ограничивается аналитическим сведением стоимости к труду. Когда же мы ставим себе целью путем диалектического исследования показать, как простейшие явления превращаются в более сложные, мы должны притти к понятию труда, как сложного общественного явления, присущего товарному хозяйству, мы должны притти к понятию общественного труда в той форме, которую он имеет в товарном хозяйстве, т. е. к понятию абстрактного труда, который образует стоимость.

Всякая попытка исключить из понятия абстрактного труда его общественную сторону и представить его как труд, свойственный «всем общественным формам», как категорию не историческую и даже не экономическую,—всякая такая попытка сводится к недопустимому упрощению учения Маркса и к отказу от тех богатых и сложных понятий, которые Маркс нам оставил.

После разбора взглядов А. Кона на абстрактный труд я должен еще остановиться на тех обвинениях, которые выдвинуты Коном против моего понимания абстрактного труда.

А. Кон обвиняет меня не более и не менее как в том, что я «сознательно или бессознательно взялся «выполнить завет П. Струве» (стр. 52). Что и говорить, обвинение очень тяжкое для марксиста! К счастью, оно принадлежит к числу тех обвинений, мнимой тяжести которых в полной мере соответствует их действительная легковесность.

На стр. 52 «Курса» Кона мы читаем следующую длинную цитату из предисловия Струве к «Капиталу» Маркса: «В экономической системе Маркса,—писал Струве,—переплетаются и сплетаются, как мы уже указали, два основных мотива: 1) механически-натуралистический, под влиянием которого Маркс создал свое «объективное» учение о трудовой затрате, как субстанции и мериле ценности, и 2) социологический, за вещной оболочкой экономических явлений видящий в качестве их основного содержания—исторически изменчивые отношения между людьми в процессе производства. Дело критики разъединить и критически взвесить

каждый из этих мотивов в отдельности и затем исследовать, в какой мере они совместимы друг с другом».

Приведя длинную цитату из Струве, А. Кон даже не потрудился объяснить читателю, о чем собственно у Струве идет речь. Струве находит резкое противоречие между социологическим методом Маркса и его же теорией трудовой стоимости. Струве в свое время признавал великую заслугу Маркса, который в экономических категориях видел выражение общественных производственных отношений людей. Но этому социологическому учению Маркса резко противоречит, по мнению Струве, марксово «учение о труде, как субстанции ценности»,—учение, исходящее из «механически-натуралистической точки зрения».

А. Кон, возможно, не догадывается о том, что Струве в данном пункте лишь выражает мнение, широко распространенное до сих пор среди критиков Маркса, мнение о разнородном методологическом характере марксовой теории стоимости, с одной стороны, и остальных частей марксовой экономической системы, с другой. Штольцман, например, видит глубокое противоречие между «социальною» теорией распределения Маркса и его же «натуралистической» теорией стоимости[1]). Противопоставление «натуралистической» теории стоимости Маркса его «социологической» теории капитала можно встретить сплошь и рядом у критиков Маркса[2]). И именно такого рода противопоставление имел в виду Струве, когда писал о двух «основных мотивах» в мышлении Маркса.

Итак, «завет» Струве в данном вопросе сводится к констатированию непримиримого противоречия между учением Маркса о том, что экономические категории суть выражение общественных производственных отношений людей, и его же «натуралистическим» учением о трудовой стоимости. Я же в своих «Очерках» отстаиваю как раз противоположную мысль. Можно сказать, что «Очерки» написаны специально для того, чтобы окончательно разоблачить легенду о «натуралистическом» характере марксовой теории стоимости,—легенду, «сознательно» поддерживаемую Струве и прочими критиками марксизма и «бессознательно» разделяемую такими последователями Маркса, как А. Кон. На каждой странице «Очерков» я стараюсь доказать, что теория стоимости Маркса не только не противоречит его социологическому методу, а является одним из высших достижений, к которому Маркс мог притти только при помощи этого метода. Я стараюсь доказать, что предположение о натуралистическом характере марксовой теории стоимости лишено малейшего основания, что основные категории, на которых эта теория построена (напр. стоимость, абстрактный труд и т. д.), имеют глубоко-социальный характер и являются выражением общественных производственных отношений людей.

Если бы А. Кон не ограничился тем, что доставил себе удовольствие сопоставлением моего имени с именем Струве, а разобрал по существу взгляды последнего, читатель его «Курса политической экономии» (а может быть и сам автор) легко убедился бы, что мои «Очерки» отнюдь не выполняют «сознательно или бессознательно» завета Струве, а ставят себе целью,—и притом весьма «сознательно»,—опровергнуть взгляды критиков Маркса. Возможно даже, что у более или менее догадливого читателя появилась бы мысль следующего рода: Рубин опровергает Струве; Кон опровергает Рубина; не возвращается ли Кон

---

1) См. И. Рубин, Современные экономисты на Западе, 1927, стр. 150.
2) Там же, стр. 147.

в данном пункте к взглядам Струве? И догадливый читатель не был бы совсем не прав. Действительно А. Кон в сущности не оспаривает мнения Струве о натуралистическом характере марксовой теории стоимости и ее основных категорий (стоимости, абстрактного труда и т. д.). В сущности он полностью разделяет это мнение Струве. Разница между ними только та, что Струве видит в этом главный недостаток марксовой теории, Кон же склонен считать это достоинством. Там, где Струве ставит знак минус, Кон ставит знак плюс. Ограничившись этою переменою знака, А. Кон по существу оставляет нетронутым то грубое, упрощенное понимание основных категорий марксовой теории, которое разделяется критиками Маркса.

Чтобы не быть голословными, остановимся на примере абстрактного труда. Прочтем следующие слова: «Абстрактный труд отличается от конкретного только в том отношении, что конкретный труд есть труд в определенной отрасли производства, направленный на производство совершенно определенной потребительной стоимости, абстрактный же труд есть труд, взятый с точки зрения его общих свойств и очищенный от особенностей, свойственных отдельным конкретным видам труда». Если читатель согласится с этими словами, он, конечно, не станет спорить также против утверждения, что Маркс рассматривал абстрактный труд как «абстрактную затрату нервной и мышечной энергии, независимо от конкретного целесообразного содержания этой затраты, отличающегося бесконечным разнообразием». Читатель подумает, что последняя фраза представляет собою не что иное, как более ясное и краткое резюме мыслей, изложенных в первой фразе. Он подумает, что обе фразы написаны одним автором. А между тем одна из них принадлежит А. Кону, другая—П. Струве. Так как и теперь читатель, несомненно, затруднится сказать, какая фраза принадлежит какому автору, мы придем ему на помощь и укажем, что первая фраза взята из «Курса политической экономии» А. Кона (стр. 51—52), а вторая фраза—из предисловия Струве к «Капиталу» Маркса (изд. 1906 г., стр. XXVIII). «Абстрактный труд Маркса есть физиологическое понятие, идеально, по крайней мере, подлежащее сведению к механической работе», писал там же в 1899 г. критик марксизма Струве. «Абстрактный труд представляет собою целесообразную затрату физиологической энергии человека»,—как эхо повторяет за ним в 1928 г. марксист Кон. После этого можно ли отрицать правильность утверждения Кона, что имеются марксисты, которые «сознательно или бессознательно» взялись выполнить завет Струве?

Теперь перехожу к главному пункту обвинения, выставленному против меня А. Коном. Кон говорит, что мое понимание абстрактного труда отрывает общественную сторону производства от материальной стороны, превращает труд в какую-то фикцию, в «нематериальное», следовательно, «объективно» не существующее явление, как выражается Кон («Курс», стр. 52).

Кон так усердно ищет у меня отрыва от материи, что обвиняет меня не больше и не меньше, как в подлоге. Он пишет в своем «Курсе» (стр. 52), что я в одной цитате из Маркса «подставил» вместо слов «природное вещество» слово «материя». У Маркса сказано, что «ни один атом природного вещества не входит в субстанцию их стоимости» («Капитал», т. I, 1928, стр. 11). Я же написал, что «ни один атом материи» не входит в «бытие стоимости» («Очерки по теории стоимости Маркса», 2 изд., стр. 99). Если бы А. Кон был знаком с подлинным текстом Маркса, он этого упрека мне не бросил бы. Прежде всего

отмечу, что я в своих «Очерках» нигде не давал собственного перевода цитат из Маркса, во избежание обвинений в неточном переводе. Я всюду брал цитаты по существующему переводу В. Базарова и И. Степанова, а в тех местах, где он казался мне неправильным,—по переводу Струве. Кон должен был бы проверить, из какого именно перевода я взял данную цитату. Данное место я не мог взять по переводу Базарова и Степанова, потому что у них эта фраза неверно переведена. У них сказано, что «ни один атом природного вещества не входит в субстанцию их стоимости»; у Маркса же здесь говорится не о субстанции стоимости, а о «Wertgegenständlichkeit», что на самом деле означает стоимость, а не субстанцию стоимости (т. е. труд). Струве перевел этот термин «бытие стоимости», что ближе подходит к мысли Маркса. Поэтому я взял в данном месте перевод Струве, в котором сказано, что в бытие стоимости не входит «ни один атом материи». Следует заметить, что во французском переводе «Капитала», редактированном Марксом, в этом месте сказано просто «материя», и вообще никакой разницы между «материей» и природным веществом в данном случае нет.

Ошибка тех, которые обвиняют меня в отрыве стоимости от материального содержания, заключается просто-напросто в том, что они ложно понимают самый процесс овеществления труда в стоимости. Им кажется, что, если общественный труд овеществляется в стоимости, то этот процесс еще не является «объективно существующим»; для этого, по их мнению, требуется еще овеществление самого материального труда в этой стоимости. На это можно ответить словами Маркса, сказанными о Смите. Маркс говорит: «Однако нельзя так по-шотландски понимать овеществление труда, как понимал его Смит. Если мы говорим о товаре как об овеществлении труда,—в смысле его меновой стоимости,—то речь идет у нас только о воображаемой, т. е. только о социальной, форме существования товара, не имеющей ничего общего с его вещественным существованием; мы представляем его себе в виде определенного количества общественного труда или денег» («Теории приб. стоим.», т. I, 1906 г., стр. 218).

Для сведения читателя мы должны пояснить, что означают у Маркса слова: «понимать по-шотландски». Дело в том, что англичане считали шотландцев умственно неповоротливыми и глупыми. И когда говорили кому-нибудь: «ты понимаешь по-шотландски», он этого не принимал за комплимент. Следовало бы, пожалуй, обратиться ко всем «физиологистам» с приглашением последовать в данном вопросе примеру Маркса, а не Смита, и не понимать овеществление труда по-шотландски.

Значит ли сказанное, что мы отрываем процесс образования стоимости от материального процесса производства? Никоим образом. Стоимость является точным выражением общественного или абстрактного труда, в котором нет ни атома «материи». Но абстрактный труд есть только одна сторона труда как единого целого; это—общественная сторона того самого труда, который нам представляется, с одной стороны, как общественный или абстрактный труд, а с другой стороны,—как материально-технический, конкретный труд. Между этими двумя сторонами существует самая тесная связь: количество абстрактного труда определяется количеством действительно затраченного в материальном процессе производства конкретного труда. Хотя общественный труд и материально-технический труд по своей субстанции различны и по своему количеству не равны (для отдельного товара или для продуктов одной отрасли производства), но последней

причиной всех изменений стоимости являются изменения в материально-техническом процессе производства или в конкретном труде. Мы об этом много говорили и в своих «Очерках», когда писали, что стоимость изменяется в зависимости от изменения производительности труда.

Чтобы устранить всякие обвинения в отрыве стоимости от материального производства, мы повторяем еще раз, что основа всех изменений стоимости лежит в материальном процессе производства, в развитии материального труда и производительных сил этого труда. Если, вследствие изменения техники в материальном процессе производства, тратится меньше конкретного труда на производство стола, то благодаря этому изменяется и количество общественного или абстрактного труда, затрачиваемого обществом на производство стола, т. е. изменяется общественная характеристика (конечно, количественная) того самого труда, который в материальном процессе производства тратится на изготовление стола. А раз изменилось количество абстрактного труда, то и стоимость стола изменилась. Движущие толчки, приводящие в движение всю систему стоимостей, исходят в конечном счете от материального процесса производства, от производительности конкретного труда, но этот же труд имеет также общественную характеристику (в качестве труда абстрактного), и эта общественная характеристика труда находит свое точное отражение в стоимости, как общественной характеристике продукта труда.

§ 2. Общественно-необходимый труд.

А. Кон спорит против моего понимания общественно-необходимого труда. Он исходит из упрощенного представления, что величина общественно-необходимого труда во всех случаях представляет собою не что иное, как частное от деления суммы всех индивидуальных трудовых затрат (в данной отрасли производства) на число произведенных продуктов. Исходя из этого упрощенного, механически-арифметического представления, Кон отвергает мое мнение о том, что общественно-необходимым должен быть признан труд, являющийся наиболее распространенным в данной отрасли производства.

Кон находит сходство между моим пониманием и пониманием Шрамма. «По мнению Шрамма, общественно-необходимое рабочее время определяется таким образом не всею общественною техникою, а индивидуальной техникой наиболее передовых предприятий. За последнее время у нас приобретает права гражданства теория, весьма схожая со шраммовской. Она учит, будто общественно-необходимое время определяется не средней общественной техникой, а техникой преобладающих предприятий» (Кон, цит. соч., стр. 47).

Прежде всего читатель не может не выразить своего изумления: даже в изложении Кона мое понимание ничего общего с пониманием Шрамма не имеет. Шрамм говорит, что общественно-необходимым является всегда труд высшей производительности, применяемый в наиболее передовых предприятиях. Я же решительно возражал против этого взгляда, в свое время широко распространенного в марксистской литературе [1]) (см. мои «Очерки», 2 изд., стр. 127—128, прим.).

[1]) А. Кон, повидимому, не догадывается, что этот взгляд разделялся в молодые годы и Марксом, который писал в «Нищете философии» (русск. пер. 1928 г., стр. 64): «Стоимость вещи определяется не временем, в продолжение которого она была произведена, а минимумом времени, в которое она может быть произ-

Почему же Кон утверждает, что мои взгляды «весьма схожи» со взглядами Шрамма? Мы советуем читателю не ломать себе голову над этим вопросом. Ларчик открывается весьма просто: А. Кон употребил здесь прием, «весьма схожий» с приемом, употребленным им выше, при сравнении взглядов моих и Струве. Так как Шрамм в других вопросах ревизовал учение Маркса (он является, как известно, одним из первых авторов так называемой «экономической» версии общественно-необходимого труда), то А. Кон не мог отказать себе в удовольствии сопоставить его взгляды с моими, чтобы найти в них мнимое сходство. Предоставим ему это невинное удовольствие и обратимся к рассмотрению вопроса по существу.

Сходство между взглядами моими и Шрамма А. Кон находит в следующем пункте: «Эта теория подобна шраммовской в том смысле, что и здесь, как и там, общественно-необходимое время определяется не всею общественной техникой, а техникой определенной группы предприятий» (стр. 48). Этому ошибочному взгляду А. Кон противопоставляет следующие рассуждения: «Состояние общественной техники и общий уровень развития производительных сил данного общества характеризуются не высшими техническими достижениями этого общества, но структурой его производственного аппарата, соотношением различного типа техники в этом производственном аппарате. Только принимая во внимание все виды и типы техники, которые применяются в производстве данной страны, мы можем судить о степени развития ее производительных сил» (стр. 49).

Легко видеть, что упреки А. Кона могут быть направлены только против Шрамма, но не против меня. Действительно, Шрамм говорит, что общественно-необходимое время определяется «техникой определенной группы предприятий», а именно предприятий наиболее производительных. Но ведь я отвергаю подобный взгляд. Я доказываю, что не существует определенной группы предприятий (высшей, средней или низшей производительности), которая регулировала бы

ведена». Этот взгляд у Маркса и у многих марксистов являлся здоровой реакцией против учения Рикардо (воспринятого в настоящее время почти всеми буржуазными экономическими школами, например, англо-американскою, австрийскою и другими), согласно которому стоимость продуктов определяется максимумом труда, затрачиваемого на их производство, т. е. трудом низшей производительности. Помимо того, отмеченный взгляд, выраженный Марксом в «Нищете философии», при всей своей теоретической неправильности, имел реальные основания в капиталистической действительности. В период, когда фабричная техника в более или менее широких размерах впервые проникала в известную отрасль промышленности, она вызывала в очень короткое время резкое падение средних цен на продукты данной отрасли. Средние цены быстро низводились до уровня, соответствующего технике наиболее передовых, т. е. фабричных предприятий, которые в смысле производительности неизмеримо превосходили отсталые ремесленные или кустарные предприятия, преобладавшие до того времени. Именно поэтому Маркс на первых страницах «Капитала» говорит о разорении английских ручных ткачей после введения парового ткацкого станка, сразу понизившего количество общественно-необходимого труда, содержащегося в ткани. С точки зрения А. Кона, и в этом случае общественно-необходимое время должно было бы определяться путем арифметического сложения времени, затрачиваемого на крупных фабриках, с временем, затрачиваемым ручными ткачами.

общественное-необходимое время независимо от общей «структуры производственного аппарата» в данной отрасли. Я утверждаю, что каждая из этих групп предприятий может быть регулирующею общественно-необходимое время, если она является «преобладающею». Но не очевидно ли для каждого, что признание данной группы предприятий «преобладающею» возможно лишь на основе анализа численного соотношения данной группы предприятий с другими группами, т. е. на основе анализа всей «структуры производственного аппарата» данной отрасли производства? Вправе ли после этого А. Кон упрекать меня в игнорировании «соотношения различного типа техники в этом производственном аппарате»? Вправе ли он поучать меня насчет необходимости принять во внимание «все виды и типы техники», существующие в данной отрасли производства? Ведь я в «Очерках» (2 изд., стр. 129) черным по белому писал: «Какой именно труд является общественно-необходимым,—зависит от состояния производительных сил в данной отрасли производства, и прежде всего от численного преобладания предприятий различной производительности». Именно та постановка вопроса, которую я дал в «Очерках» в противовес взглядам, нередко встречавшимся в марксистской литературе, исходила из мысли, что общественно-необходимое время определяется «всею общественной техникой» данной отрасли промышленности. Но разница между А. Коном и мною заключается в следующем. Кон предполагает, что состояние этой общественной техники определяется путем механически-арифметического сложения всех индивидуальных трудовых затрат в данной отрасли и деления полученной суммы на число произведенных продуктов. Я же утверждаю, что состояние общественной техники определяется более сложным путем, а не путем арифметических действий—умножения, сложения и деления.

Против моей точки зрения А. Кон выдвигает два по его мнению «убедительных» аргумента. Первый аргумент, иллюстрированный им на стр. 50 цифровою таблицею, сводится к следующему. Предположим, что данная группа предприятий (напр., низшей производительности) изготовляет 70% всей продукции данной отрасли, т. е. является в ней преобладающею. С течением времени доля ее в общей продукции понижается, сперва до 67%, потом до 65%, 63% и т. д., наконец, до 51%. Но так как эта группа предприятий все еще дает 51% всей продукции, то она все еще является, с точки зрения Рубина, «преобладающею» и, следовательно, регулирующею общественно-необходимое время. Таким образом весь описанный процесс постепенного понижения удельного веса данной группы предприятий и повышения удельного веса других предприятий (более высокой производительности) не оказывает, по мнению Рубина, никакого влияния на величину общественно-необходимого труда и стоимости продуктов.

«Убедительность» изложенного аргумента А. Кона покоится на двух весьма непрочных основаниях. Кон приписывает мне два нелепых предположения, а именно: 1) что вопрос о «преобладании» той или иной группы предприятий решается мною упрощенным, арифметическим путем; 2) что количество общественно-необходимого труда с арифметическою точностью совпадает с количеством труда, затрачиваемого на производство продукта в «преобладающей» группе предприятий. А. Кон хочет свалить с больной головы на здоровую, приписывая мне чисто арифметический подход к сложному социальному явлению.

Действительно, А. Кон приписывает мне мысль, что группа предприятий, доставляющая 49% всей продукции данной отрасли, не является «преобладающею» и не оказывает ни малейшего влияния на образование рыночной стоимости;

группа же предприятий, доставляющая 51% продукции, будто бы признается мною «преобладающею» и самодержавно регулирующею рыночную стоимость. Возможно, что подобного рода предположения вполне соответствуют чисто-арифметическому методу, которым оперирует сам А. Кон. Но где нашел он у меня подобного рода нелепые предположения? Где нашел он у меня утверждение, что влияние данной группы предприятий на образование рыночной стоимости будет совершенно одинаковым в том случае, когда эта группа доставляет 70% продукции, и в том случае, когда доля ее участия понижается до 51%? Ведь очевидно, что в этом случае изменится «состояние производительных сил в данной отрасли производства» и, в частности, «численное преобладание предприятий различной производительности», которому я, вслед за Марксом, придаю решающее значение (см. стр. 129 «Очерков», 2 изд.). А это значит, что необходимо изменится, с моей точки зрения, величина общественно-необходимого рабочего времени и величина рыночной стоимости. Но в то время как А. Кон считает возможным определить размер происшедших изменений в удельном весе различных групп предприятий при помощи чисто арифметических действий сложения и деления, я не считаю возможным пользоваться этим грубо-механическим приемом.

Итак, признак «преобладания» той или иной группы предприятий никоим образом не понимается мною в арифметическом смысле. Самый характер «преобладания» данной группы предприятий будет иной, в зависимости от того, доставляет ли она 99%, 70% или 51%. В первом случае общественно-необходимый труд будет проявлять тенденцию к полному совпадению с количеством труда, затрачиваемого на производство продукта в данной группе предприятий; в остальных случаях первая величина будет только приближаться к последней, причем разница между ними будет тем больше, чем большую долю продукции данной отрасли доставляют другие группы предприятий и чем более сильное влияние они оказывают на образование рыночной стоимости. Только критик, слепо увлеченный арифметическими манипуляциями, может приписывать мне нелепую мысль, что во всех случаях чисто-арифметического преобладания данной группы предприятий,—независимо от того, доставляет ли она 99%, 70% или 51% всей продукции,—общественно-необходимый труд с арифметическою точностью совпадает с количеством труда, затрачиваемого на производство продукта в данной группе предприятий. На самом деле я имею в виду не тенденцию к полному **совпадению** этих двух величин (что было бы возможно лишь при отсутствии предприятий, отличающихся по своей технике от данной группы предприятий), а лишь тенденцию, проявляющуюся в большем или меньшем **приближении** первой величины к последней. Именно в этом смысле я, в точности повторяя терминологию Маркса, писал, что преобладающая группа предприятий «регулирует» или «определяет» рыночную стоимость,—определяет отнюдь не в смысле точного арифметического совпадения, а в том смысле, что она оказывает решающее влияние на образование рыночной стоимости. В некоторых случаях я прямо указывал, что речь не идет о полном совпадении обеих величин. На стр. 130 («Очерки», 2 изд.) я писал, что рыночная стоимость «приближается» к затратам в той или иной группе предприятий. На той же странице я прямо предусматривал случаи, когда «рыночная стоимость определяется не индивидуальными издержками производства в данной группе предприятий, а среднею цифрою между издержками производства данной группы и ближайшей к ней другой группы». Для данных случаев я не считал возможным говорить даже о каком бы то ни было приближе-

нии величины общественно-необходимого труда к количеству труда, затрачиваемого в определенной группе предприятий.

Перейдем теперь ко второму аргументу, который А. Кон находит «не менее убедительным» (стр. 50) и который сводится к следующему. Предположим, что в отрасли производства А преобладают предприятия с среднею техникою, а в отрасли Б—предприятия с высокою техникою. При таких условиях рыночная стоимость будет регулироваться в отрасли А средними предприятиями, а в отрасли Б—передовыми предприятиями. Следовательно, в отрасли А среднюю норму прибыли будут получать предприятия с среднею техникою, в то время как предприятия с высокою техникою будут получать прибыль выше средней. В отрасли же Б среднюю норму прибыли будут получать лишь предприятия с высокою техникою, в то время как предприятия с среднею техникою будут получать прибыль ниже средней. А это значит, по словам А. Кона, что «производство в различных отраслях оказалось бы неодинаково выгодным. Нетрудно видеть, что действие закона стоимости при таких условиях оказалось бы невозможным» (стр. 51).

А. Кон прежде всего умудрился не заметить, что приведенный им аргумент, если бы он действительно оказался «убедительным», направлен в полной мере против его же собственного понимания общественно-необходимого труда. Действительно, если общественно-необходимое рабочее время равно частному от деления суммы всех трудовых затрат в данной отрасли на число произведенных в ней продуктов; если в одной отрасли производства преобладают предприятия с среднею техникою, а в другой—предприятия с высокою техникою,—то и при арифметическом методе Кона общественно-необходимое рабочее время будет приближаться в первой отрасли к трудовым затратам в средних предприятиях, а в последней отрасли—к трудовым затратам в лучших предприятиях. Результат получается у А. Кона точь-в-точь тот же самый, что и у меня. Возражая против меня, А. Кон попал в самого себя.

На этот раз мы должны взять Кона под защиту от его же собственного критического рвения. Аргумент Кона о том, что, при предположенных нами (и им же) условиях, производство в разных отраслях оказывается неодинаково выгодным, основан на следующем недоразумении. «Средние» предприятия в отрасли А и «средние» предприятия в отрасли Б отнюдь не одинаковы по абсолютным размерам своего капитала и по своей хозяйственной мощи. Очевидно для каждого, что «среднее» предприятие в металлургической промышленности далеко превосходит по размерам вложенного в него капитала и по своей хозяйственной мощи «среднее» предприятие в отрасли промышленности, изготовляющей пищевые продукты. А если дело обстоит так, то нет ничего удивительного в том, что «средние» предприятия в разных отраслях получают неодинаковую норму прибыли. Это различие нормы прибыли ни в малейшей мере не делает «невозможным» действие закона стоимости, как думает А. Кон. Наоборот, действие закона стоимости оказалось бы невозможным, если бы «средним» предприятиям во всех отраслях,—при всей огромной разнице в размерах их капитала и их хозяйственной мощи,—была гарантирована одинаковая норма прибыли только на том основании, что они занимают «среднее» место между лучшими и худшими предприятиями данной отрасли производства.

Мы достаточно, может быть даже чрезмерно подробно, останавливались на «убедительных» критических аргументах А. Кона против наших «Очерков». Теперь

мы должны вкратце объяснить, почему мы считаем ложным предлагаемое Коном решение проблемы общественно-необходимого труда.

Трактовка Кона отличается резко выраженным атомистическим и механическим характером. Атомистический характер ее сказывается в том, что каждая отрасль промышленности рассматривается Коном, как механическая сумма отдельных атомов—предприятий с различною техникою. Кон упускает из виду, что каждая отрасль промышленности,—хотя входящие в ее состав предприятия отличаются неодинаковою техникою,—обладает вполне определенною техническою физиономией, которая зависит от численного соотношения различных групп предприятий и от уровня техники в каждой из них. Именно потому, что Маркс рассматривал каждую отрасль промышленности как органическое единство различных групп предприятий с различным уровнем техники, он придавал такое большое значение вопросу о преобладании той или иной группы, оказывающей большее или меньшее (в зависимости от ее удельного веса) влияние на техническую физиономию всей данной отрасли промышленности. И именно потому, что Кон рассматривает каждую отрасль промышленности как механическую сумму атомов—предприятий, он игнорирует весь ход мысли Маркса и критикует мои «Очерки» за то, что я, следуя за Марксом, уделяю большое внимание вопросу о техническом уровне различных групп предприятий и о преобладающем влиянии той или иной группы на техническую физиономию всей отрасли. Если отрасль промышленности, это органическое целое разных групп предприятий, превращается А. Коном в механическую сумму отдельных атомов—предприятий, то и рыночная стоимость, этот результат сложного общественного процесса, превращается им в результат арифметического сложения индивидуальных трудовых затрат в отдельных предприятиях. Органическая связь явлений подменяется их арифметическим суммированием. К исследованию сложного общественного явления Кон применяет упрощенный механически-арифметический прием,—и в этом основной порок его метода. Даже от поверхностного читателя не может ускользнуть бросающаяся в глаза разница между ходом мысли Кона в данном вопросе и ходом мысли Маркса в 10-й главе III тома «Капитала».

От метода А. Кона перейдем к результатам, полученным им при помощи этого метода. Результат этот сводится, как мы уже знаем, к следующей арифметической формуле: величина общественно-необходимого труда равняется частному от деления суммы всех индивидуальных трудовых затрат в данной отрасли на число произведенных в ней же продуктов. Эту же формулу можно выразить также следующими словами: величина рыночной стоимости продукта равняется частному от деления суммы всех индивидуальных стоимостей продуктов данной отрасли на число этих продуктов.

На первый взгляд формула А. Кона отличается двумя достоинствами: математическою точностью и «всеобъемлющим» характером. Она дает математически точный ответ на вопрос о величине общественно-необходимого труда (или рыночной стоимости). С другой стороны, она отличается всеобъемлющим характером, будучи одинаково приложима к самым различным случаям, напр. к случаям, когда все экземпляры данного продукта произведены при помощи одинаковых затрат труда, равно как и к случаям, когда различные экземпляры произведены при помощи неодинаковых затрат труда.

Но если формула Кона отличается такими достоинствами, то у читателя не может не появиться следующий вопрос: почему же Маркс не счел возможным

разрубить гордиев узел трудного вопроса о величине общественно-необходимого труда (и рыночной стоимости) при помощи простой арифметической формулы?

С точки зрения Кона совершенно необъяснимым является тот странный факт, что Маркс в 10-й главе III тома «Капитала» посвящает так много внимания образованию рыночной стоимости, исследуя этот процесс с самых различных сторон и детально рассматривая отдельные его случаи (напр., случаи преобладания средних предприятий или лучших и т. п.). Ведь с точки зрения Кона, эти различные случаи ничем не отличаются друг от друга и одинаково подчиняются приведенной арифметической формуле. Больше того, они даже ничем не отличаются от того простейшего случая, когда все экземпляры данного товара произведены в совершенно одинаковых технических условиях, т. е. с затратой одинакового количества труда. Почему же Маркс, которому арифметическая формула сложения и деления была хорошо известна, не счел возможным при ее помощи решить всю проблему общественно-необходимого труда? Почему он так «усложняет» вопрос, который Кону представляется столь простым, что его можно решить при помощи одной арифметической формулы?

Ответ на этот вопрос заключается в различии методов Маркса и Кона. Мысленное воспроизведение действительности достигается у Кона при помощи насильственного упрощения самой действительности, у Маркса—при помощи постепенного усложнения мысли. Кон настолько упрощает сложное общественное явление, что его можно выразить в застывшей, раз навсегда готовой механически-арифметической формуле, пригодной на все случаи жизни, не требующей и не допускающей никакого дальнейшего развития. Маркс же, ставя себе целью «воспроизведение конкретного» сложного общественного явления, приближается к этой цели путем постепенного усложнения своей мысли, проходящей через целый ряд ступеней анализа. На каждой ступени анализа Маркс дает формулу, являющуюся усложнением предыдущей и в свою очередь необходимо требующую дальнейшего развития. Только таким путем мысли удается освоить различные стороны действительности, не стирая насильственно их различий во «всеобъемлющих» и пустых формулах.

В вопросе об общественно-необходимом труде мысль Маркса проходит по трем ступеням анализа. На первой ступени анализа Маркс предполагает, что все экземпляры данного товара произведены при одинаковых технических условиях, т. е. с затратою одинакового количества труда. В таком случае количество общественно-необходимого труда совпадает с количеством индивидуального труда и величина рыночной стоимости—с величиною индивидуальной стоимости. Вернее будет сказать, что в этом случае вообще нельзя еще говорить о различии между общественно-необходимым и индивидуальным трудом, между рыночною и индивидуальною стоимостью. При описанных условиях производитель любого экземпляра продукта реализует (т. е. получает от общества взамен за свой продукт) точь-в-точь такое же количество труда, какое фактически затрачено им самим.

На второй ступени анализа Маркс предполагает, что различные экземпляры данного товара произведены при различных технических условиях, т. е. с затратою неодинаковых количеств труда. При таких условиях необходимо появляется различие между общественно-необходимым и индивидуальным трудом, между рыночною и индивидуальною стоимостью. Совпадение между общественно-необходимым и индивидуальным трудом уже не имеет места в применении к отдельному производителю (за исключением работающего в средних технических

условиях), но мы можем предположить, что это совпадение сохраняется еще для всей совокупности производителей данной отрасли. Иначе говоря, мы предполагаем, что данная отрасль в целом реализует такое же количество труда, какое в ней фактически затрачено (хотя отдельные производители, в зависимости от технической производительности своих предприятий, реализуют большее или меньшее количество труда, чем фактически затрачено ими, т. е. присваивают себе часть труда, затраченного другими производителями той же отрасли). При таких условиях общая сумма рыночных стоимостей товаров данной отрасли равна сумме их индивидуальных стоимостей; рыночная же стоимость единицы товара равняется частному от деления суммы всех индивидуальных стоимостей на число единиц товара.

В случаях, рассмотренных Марксом на первых двух ступенях анализа, приведенная выше арифметическая формула имеет силу. Но в то время как у Маркса действие этой формулы предполагает точно перечисленные упрощающие условия, Коном эти условия игнорируются. В то время как у Маркса вся проблема рассматривается на фоне основного вопроса об условиях распределения и «обмена» труда между отдельными производителями и целыми отраслями производства, у Кона арифметическая формула висит в воздухе и не имеет никакого прочного основания. Наконец, у Маркса сохраняется резкое различие между первою и второю ступенями анализа (т. е. между случаями, когда совпадение рыночной и индивидуальной стоимости имеет место для каждого экземпляра товара, и случаями, когда оно имеет место только для всей отрасли производства), в то время как у Кона их различия совершенно стерты во всеобъемлющей арифметической формуле. Поэтому у Кона получается застывшая формула, не допускающая и не требующая дальнейшего развития, в то время как у Маркса подобная формула играет лишь роль промежуточного звена в исследовании, которое необходимо должно быть продолжено дальше.

Действительно, с точки зрения марксовой теории, формула, согласно которой рыночная стоимость равняется частному от деления суммы всех индивидуальных стоимостей в данной отрасли на число произведенных в ней продуктов, имеет силу лишь при определенном предположении, а именно, что данная отрасль реализует путем продажи своих продуктов ровно такое же количество труда, какое фактически в ней затрачено. Иначе говоря, мы предполагаем, что расхождение между количеством фактически затраченного и количеством реализованного труда имеет место лишь в применении к отдельному производителю, но не в применении к целой отрасли производства (точнее, к совокупности всех производителей данного товара). Мы предполагаем, что в пределах целой отрасли все плюсы, получаемые лучшими производителями и равняющиеся разнице между рыночною стоимостью продукта и индивидуальными трудовыми затратами данных производителей, в точности уравновешиваются минусами, которые достаются на долю более отсталых производителей и равняются разнице между их индивидуальными трудовыми затратами и рыночной стоимостью продукта.

Сделанное нами предположение являлось вполне законным средством упрощения действительности в целях ее лучшего исследования. Но можем ли мы остановиться на этом предположении и не вести наше исследование дальше той «второй ступени» анализа, на которой мы задерживались до сих пор? Мы не вправе так поступать, так как процесс образования рыночной стоимости включает в себя также такие случаи, когда расхождение между фактически затраченным

и реализованным трудом (или, что то же самое, между суммою индивидуальных стоимостей и суммою рыночных стоимостей) необходимо имеет место в применении к целой отрасли производства. Такою отраслью производства является, напр., сельское хозяйство, и только расхождением между суммою индивидуальных стоимостей и суммою рыночных стоимостей объясняется факт образования дифференциальной ренты.

Как известно, стоимость земледельческих продуктов определяется средними общественно-необходимыми затратами труда на худшем из обрабатываемых участков земли. Предположим, что для удовлетворения платежеспособного спроса требуются в данной стране ежегодно 300 центнеров хлеба, из которых 100 производится на лучшей земле с затратою одного часа труда на центнер, 100—на средней земле с затратою 2 часов труда и 100—на худшей земле с затратою 3 часов труда. Рыночная стоимость центнера хлеба равна 3 руб. (предполагая, что 1 час труда образует стоимость в 1 рубль). Сумма рыночных стоимостей хлеба равна 900 руб., в то время как сумма индивидуальных стоимостей достигает только 600 рублей. Рыночная стоимость не равна частному от деления суммы индивидуальных стоимостей на число продуктов. Арифметическая формула А. Кона в применении к процессу образования рыночной стоимости земледельческих продуктов терпит крушение. Точнее будет сказать, что она обнаруживает свою недостаточность и необходимость перехода исследования на третью, более высокую ступень анализа. На этой ступени анализа мы должны уже отказаться от предположения о совпадении суммы индивидуальных стоимостей и суммы рыночных стоимостей для каждой отрасли производства (сохраняя это предположение в силе только в применении к народному хозяйству в его целом, т. е. к совокупности всех отраслей производства). А отсюда вытекает необходимость дать для рыночной стоимости более гибкую формулу, допускающую возможность отклонения от строгой арифметической формулы. Именно этим объясняется отмеченный нами выше факт, что Маркс, в отличие от Кона, не захотел успокоиться на упрощенной арифметической формуле. Он дал более гибкое определение рыночной стоимости и предвидел также возможность приближения ее к величине трудовых затрат в лучших или худших предприятиях данной отрасли производства.

Если бы А. Кон захотел сделать все выводы из своей арифметической формулы, он необходимо пришел бы к заключению, что закон трудовой стоимости не имеет силы в применении к земледельческим продуктам. А. Кон стоит перед следующею дилеммою. Если он поддерживает свой взгляд, что рыночная стоимость всегда равняется частному от деления суммы всех индивидуальных стоимостей на число продуктов, то, очевидно, он должен признать, что земледельческие продукты продаются, в виде общего правила, выше своей рыночной стоимости. Если же он признает, что и земледельческие продукты продаются по своей рыночной стоимости, то, очевидно, последняя не всегда равняется частному от деления суммы индивидуальных стоимостей на число продуктов.

Из этой дилеммы А. Кон не может выйти указанием на то, что его арифметическая формула имеет в виду только продукты промышленности, а не сельского хозяйства. Ведь это значило бы признать одно из двух: или что формула трудовой стоимости не распространяется на земледельческие продукты, или же что арифметическая формула, пригодная только для промышленности, не является окончательною формулою образования рыночной стоимости.

Для каждого марксиста очевидно, что первое предположение не выдерживает критики. Великая заслуга Маркса в теории дифференциальной ренты заключается именно в том, что он, продолжая дальше дело, начатое Рикардо, построил учение о дифференциальной ренте на прочной основе закона трудовой стоимости. С точки зрения Кона, возникновение дифференциальной ренты, предполагающее расхождение между суммою рыночных стоимостей и суммою индивидуальных стоимостей, должно было бы рассматриваться как нарушение формулированного им закона образования рыночной стоимости. С точки же зрения Маркса, именно из закона образования рыночной стоимости вытекает возможность возникновения дифференциальной ренты (см. «Капитал», т. III, ч. 2, 1908 г., стр. 162). Уже одно это различие неопровержимо доказывает, к каким ложным выводам должна привести Кона его арифметическая формула.

Если же А. Кон не решится сделать эти выводы и признает, что закон образования рыночной стоимости не может не распространяться и на земледельческие продукты, он вынужден будет отказаться от своей единоспасающей арифметической формулы. Он может сохранить ее лишь в скромной роли предварительной формулы, имеющей силу на «второй ступени» анализа при наличии ряда упрощающих предположений. Но он должен будет признать, что в курсе, предназначенном служить учебным пособием не для школ «второй ступени», а для вузов, нельзя ограничиться этой упрощенною формулою для объяснения столь сложного общественного процесса, каким является процесс образования рыночной стоимости.

IV. Ответ С. Бессонову.

В №№ 1 и 2 журнала «Проблемы экономики» за 1929 год напечатана статья С. Бессонова «Против выхолащиванья марксизма», посвященная критике 3-го издания моей работы «Очерки по теории стоимости Маркса». В качестве прелюдии к своей статье Бессонов,—повидимому, чтобы дать читателю на первых же страницах полное представление о стиле и приемах своей полемики,—счел нужным сообщить следующие сведения: «Выступая в собраниях, он (Рубин), под нажимом критики, одновременно признавался и не признавался в своих ошибках, сегодня отказывался от того, что утверждал вчера, с тем чтобы на завтра вновь вернуться к исходным позициям» («Пробл. экон.», № 1, с. 127. В дальнейшем указываем только страницы).

В какой мере эти сведения соответствуют (или не соответствуют) действительности, читатель может судить хотя бы на основании того факта, что я неизменно проявлял готовность напечатать полностью материалы устных дискуссий, в которых мне приходилось принимать участие. Материалы дискуссии в Ранионе (июнь 1927) полностью изданы [1]. Бóльшая часть моего доклада на диспуте в Институте народного хозяйства (апрель 1928) включена в 3-е издание моих «Очерков», в виде ответа А. Кону. Материалы диспута в Ленинградском научно-исследовательском институте марксизма (декабрь 1928) печатаются полностью во 2-м номере сборника того же Института «Проблемы марксизма». Наконец и материалы моего диспута с Бессоновым, имевшего место в Институте красной профессуры больше года тому назад (февраль 1928), были бы, как то первоначально предполагалось, напечатаны в журнале, если бы со стороны Бессонова было проявлено малейшее желание. Все это Бессонову отлично известно. Не менее хорошо известно ему и то, что в моих выступлениях не было ни одного слова, под которым я не подписался бы сейчас. Надеемся, что когда соответствующие материалы будут напечатаны, читатель воочию увидит, кто «сегодня отказывался от того, что утверждал вчера».

1. ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Ввиду того, что в настоящее время одним из центральных пунктов нашего спора с Бессоновым является вопрос о предмете политической экономии, я считаю полезным перепечатать здесь первый пункт тезисов,

---

[1] См. И. Рубин, Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса. 1928 г.

выдвинутых мною в дискуссии с Бессоновым в феврале 1928 г. Этот пункт тезисов гласил:

«Товарно-капиталистическое хозяйство есть единство определенного состояния производительных сил и определенной совокупности производственных отношений людей. Наука не может изучать это единство иначе, как путем выделения его различных и противоположных сторон. Каждая сторона этого единства изучается как часть единого целого, т. е. имея своей предпосылкою другую его сторону. Наука об общественной технике имеет предметом своего изучения производительные силы общества в их взаимодействии с производственными отношениями людей. Политическая же экономия изучает производственные отношения капиталистического общества в их взаимодействии с процессом развития производительных сил.

Определение теоретической экономии как науки о производственных отношениях людей составляет краеугольный камень всей марксовой системы. Правильность его подтверждается действительным содержанием экономической системы Маркса, в которой каждая экономическая категория рассматривается как выражение производственных отношений людей. Указанное определение послужило Марксу орудием для преодоления фетишизма товарного хозяйства. Оно является общепринятым в марксистской литературе и разделяется всеми авторитетными представителями марксизма (Плеханов, Ленин, Каутский, Гильфердинг и др.). Всякий, кто отвергает определение теоретической экономии как науки о производственных отношениях людей, 1) порывает с общепринятым положением марксизма, 2) отбрасывает наиболее характерную особенность экономического учения Маркса, отличающую его от буржуазной экономии, 3) вносит снова неясность и путаницу в вопрос, выясненный благодаря усилиям Маркса, и 4) открывает двери для возрождения всякого рода вульгарно-фетишистических теорий.

Мы требуем от С. Бессонова прямого и недвусмысленного ответа на вопрос: признает ли он определение теоретической экономии как науки о производственных отношениях людей, или же он его отвергает?»

Формулировка, изложенная в первом пункте тезисов, полностью внесена мною в третье издание «Очерков». И тем не менее Бессонов, который на диспуте в феврале 1928 г. говорил, что «в тезисах я правильно определил предмет политической экономии, как производственные отношения людей в их взаимодействии с производительными силами, и что если бы я раньше так определил, то мы бы не спорили» (цитирую по стенограмме моего содоклада на упомянутом диспуте),—сейчас спорит против этого определения.

Процитировав мои слова, что предметом изучения политической экономии является «изменение производственных отношений людей в зависимости от развития производительных сил», Бессонов вынужден признать, что «с неподдающейся сомнению ясностью и точностью Рубин присоединяется здесь к бесспорному марксистскому положению» (с. 128). Казалось бы, все обстоит у меня как нельзя лучше. Однако Бессонов недоволен. Он находит, что, «присоединившись целиком и полностью к этому бесспорному положению, Рубин, со свойственной ему манерой, не-

медленно же начинает осторожное и недвусмысленное его разъяснение» (с. 128).

В чем же заключается мое «разъяснение»? Оно заключается в признании мною существования двух наук: 1) науки об общественной технике, которая должна изучать производительные силы общества в их взаимодействии с производственными отношениями людей, и 2) политической экономии, которая имеет предметом своего изучения свойственные капиталистическому хозяйству производственные отношения людей в их взаимодействии с производительными силами общества.

Казалось бы, что неправильного в моем утверждении, что политическая экономия изучает производственные отношения людей? Ведь до появления статьи Бессонова это утверждение считалось общепризнанным среди марксистов. Что, далее, неправильного в моем утверждении, что наряду с политической экономией должна существовать наука об общественной технике? Ведь и это утверждение, которое в сущности сводится к тому, что политическая экономия не ставит себе целью заменять науку об общественной технике, принадлежит к числу элементарных, азбучных истин для каждого марксиста.

Однако Бессонов, который во что бы то ни стало должен открыть у меня «ошибки», умудряется спорить и против выставленных положений. По его мнению, моя ошибка заключается в том, что я признаю существование двух наук о хозяйстве вместо одной науки. «Вместо единой науки, изучающей связь и противоречие между производительными силами и производственными отношениями... получаются уже две науки, отличающиеся друг от друга, как это ни странно, одной лишь расстановкой слов «производительные силы» и «производственные отношения», одной лишь словесной формулировкой и, повидимому, отнюдь не существом дела» (с. 129).

«Как это ни странно», но Бессонов не понял следующей простой вещи. Капиталистическое хозяйство есть единство производительных сил и производственных отношений людей. Мы ставим себе целью изучить, выражаясь словами Бессонова, «связь и противоречия между производительными силами и производственными отношениями». Но изучить эту связь мы можем с двух сторон: и со стороны производственных отношений и со стороны производительных сил. В политической экономии мы берем непосредственным предметом своего изучения производственные отношения капиталистического общества и должны вскрыть все закономерности явлений в этой области. Но производственные отношения, во-первых, обусловлены в своем движении изменением производительных сил, а с другой стороны, в известных пределах оказывают обратное влияние на движение производительных сил. Ввиду этого мы должны изучать, как указано в моих «Очерках» (с. 10), «производственные отношения людей в их взаимодействии с производительными силами общества». Иначе говоря, в изменении производительных сил мы должны искать конечную причину изменения производственных отношений, составляющих предмет нашего исследования.

Но значит ли это, что мы тем самым делаем производительные силы непосредственным предметом нашего изучения в политической

экономии? Никоим образом,—и всякий человек, знакомый с элементарными принципами классификации наук, без труда поймет это. Различные науки изучают различные стороны единой реальной действительности. Различные общественные науки изучают различные стороны жизни общества. При неразрывной связи и взаимодействии различных сторон жизни общества, различные общественные науки для объяснения изучаемых ими явлений вынуждены апеллировать к другим явлениям, находящимся в тесной связи с первыми явлениями в качестве их причин и следствий. Но этим нисколько не отрицается возможность существования отдельных, более или менее самостоятельных наук, изучающих различные стороны жизни общества (хозяйство, право, государство, идеологию и т. д.). Точно так же то обстоятельство, что в политической экономии мы для объяснения изменения производственных отношений апеллируем к изменению производительных сил, ни в малейшей мере не означает, что мы делаем последние непосредственным предметом нашего исследования в этой науке. Мы отнюдь не ставим себе целью вскрыть все закономерности, присущие сфере производительных сил, а рассматриваем последние лишь постольку, поскольку это необходимо для объяснения непосредственного предмета нашего изучения, т. е. производственных отношений людей. И даже в этом случае мы не столько вскрываем все закономерности, присущие сфере производительных сил, сколько пользуемся по возможности готовыми уже данными, которые должны быть добыты и анализированы в специальной науке об общественной технике, имеющей предметом своего изучения производительные силы общества.

Итак, совершенно напрасно Бессонов думает, что, если в политической экономии мы изучили производственные отношения людей в их взаимодействии с производительными силами общества, то уже не осталось места для другой науки, имеющей специальным предметом своего изучения производительные силы. Такая наука об общественной технике (и в частности наука, изучающая производительные силы капиталистического общества во всем своеобразии присущих им закономерностей) должна быть создана и создается, так как, во-первых, мы в политической экономии останавливаем наше внимание лишь на тех изменениях производительных сил, которые имеют для нас наибольший интерес, и, вовторых, даже для объяснения этих явлений мы должны получить возможно большее число готовых фактов и теоретических положений, добытых наукою об общественной технике. Поэтому сами экономисты заинтересованы в том, чтобы, наряду с политической экономией, была разработана наука об общественной технике. Последняя наука имеет непосредственным предметом своего изучения производительные силы общества и должна вскрыть все закономерности явлений в этой области. Что же касается производственных отношений людей, то они специально этой наукою не изучаются и привлекаются ею лишь постольку, поскольку это необходимо для объяснения движения производительных сил.

Прибегнем к примеру для иллюстрации изложенных мыслей. Всем известно, что существует неразрывная связь между ростом технического состава капитала и ростом органического состава капитала. Но эта связь

ни в малейшей мере не уничтожает того обстоятельства, что первое явление относится к сфере производительных сил, а второе явление—к сфере производственных отношений капиталистического общества. Поэтому Маркс в «Капитале» делает непосредственным предметом своего исследования рост органического состава капитала, со всеми вытекающими из него последствиями в виде создания резервной армии, концентрации капитала и т. д. Что же касается роста технического состава капитала, то Маркс привлекает его в свое исследование лишь постольку, поскольку это необходимо для объяснения закона повышения органического состава капитала. Можем ли мы сказать, что Маркс сделал предметом своего исследования рост технического состава капитала? Конечно, нет. Для этого Марксу пришлось бы собрать и анализировать громадное количество фактов, относящихся к самым различным отраслям производства и иллюстрирующих рост применения машин и прочих мертвых средств производства по сравнению с живым трудом рабочих. Маркс должен был бы вскрыть все закономерности этого процесса возрастания технического удельного веса средств производства по сравнению с живым трудом, он должен был бы вскрыть особенности, характеризующие этот процесс в различных отраслях производства, и его взаимодействие с производственными отношениями людей. Этот огромный материал не может быть изучен мимоходом в политической экономии, он должен составить предмет особой науки об общественной технике,—и чем скорее это будет сделано, тем лучше для самой политической экономии.

Какие доводы выдвигает Бессонов против существования двух наук, посвященных изучению различных сторон хозяйственной жизни? Собственно говоря, никаких. Повидимому, он опасается, что существование этих двух наук создает «разрыв» между производительными силами и производственными отношениями. Но такой взгляд объясняется полнейшим непониманием закона разделения труда между отдельными науками. Наивно думать, что для сохранения тесной связи между двумя явлениями мы должны их изучать непременно в пределах одной науки. И столь же наивно думать, что если два тесно связанных между собою явления изучаются нами в двух соседних науках, что этим самым между ними и создается «разрыв». Никакого разрыва между физическими и химическими явлениями мы не создаем тем, что изучаем первые в физике, а последние—в химии. И если бы мы при современном состоянии наших знаний попробовали соединить их в одной науке, мы ничего кроме путаницы не получили бы. Чтобы предупредить разрыв между политической экономией и наукою об общественной технике, мы должны предмет каждой из этих двух наук определить таким образом, чтобы он был неразрывно связан с предметом другой науки. Но устранить существование этих двух наук мы не можем и не должны.

Как видим, политическая экономия изучает производственные отношения людей в их взаимодействии с производительными силами общества. Наука же об общественной технике изучает производительные силы общества в их взаимодействии с производственными отношениями людей. Бессонов думает, что эти две науки отличаются одна от другой «лишь расстановкой слов «производительные силы» и «производствен-

ные отношения» (с. 129). Конечно, если бы речь шла о пустых словах, под которыми не скрываются определенные понятия,—а с такими словами мы действительно часто встречаемся и в устной и в литературной полемике,—расстановка слов не изменила бы содержания фразы. Но если речь идет о словах, выражающих определенные понятия, то другая расстановка слов изменяет весь смысл фразы. Одно дело сказать, что мы изучаем производственные отношения в их взаимодействии с производительными силами, и другое дело сказать, что мы изучаем производительные силы в их взаимодействии с производственными отношениями людей.

Бессонов утверждает, что я «выдумываю новые науки» (с. 129). Дело обстоит как раз наоборот. Бессонов хочет «выдумать» единую науку, изучающую одновременно и производительные силы и производственные отношения. Я же только констатирую всем давно известный факт, что производительные силы и производственные отношения, в силу глубокого различия их природы, стали предметом изучения двух отдельных наук (что не исключает для теории исторического материализма необходимости изучения всех сторон жизни общества в их взаимодействии). Правда, наука об общественной технике развилась с большим опозданием, но тем не менее она все же существует как наука, которая ставит себе целью вскрыть закономерность движения производительных сил. Что же касается политической экономии, то для всякого, имеющего хотя бы слабое представление о ней, не подлежит сомнению, что она развилась именно как наука о производственных отношениях капиталистического общества. Уже споры меркантилистов XVII века о заработной плате, прибыли, ренте и т. д. показывают, что политическая экономия была вызвана к жизни интересами различных общественных классов, которые боролись за увеличение своей доли в совокупной стоимости, произведенной трудом общества. Политическая экономия, особенно в трудах классиков, окончательно приняла форму науки о стоимости и распределении (заработной плате, прибыли и ренте), т. е. науки о производственных отношениях людей. Если самим классикам этот характер политической экономии еще не был вполне ясен (в силу того, что они смешивали социальные функции вещей с их техническими функциями), то в лице Маркса политическая экономия достигла своего полного самопознания. Маркс поставил вопрос об изменении самой системы производственных отношений в ее целом, о замене капитализма социализмом. И именно потому он не уставал повторять, что все категории политической экономии представляют собою выражение производственных отношений людей.

С точки зрения Бессонова мы должны были бы совершенно отбросить ставшее уже традиционным в марксистской литературе определение политической экономии как науки о производственных отношениях капиталистического общества. А между тем это определение является наиболее острым орудием, при помощи которого Маркс нанес сокрушительные удары буржуазной политической экономии. Революционный переворот в политической экономии, совершенный Марксом, заключался именно в том, что он рассматривал все экономические явления, в кото-

рых буржуазные экономисты видели неизменные свойства вещей, как результат исторически-изменчивых производственных отношений людей. Всякий, кто отвергает определение политической экономии, как науки о производственных отношениях людей,—а Бессонов это делает, хотя у него нехватает мужества открыто в этом признаться,—легкомысленно отказывается от наиболее острого оружия, которое Маркс дал нам в руки для критики буржуазной политической экономии. Он легкомысленно отказывается от многолетней традиции марксистской литературы, нашедшей свое яркое выражение в трудах Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина, Гильфердинга, Розы Люксембург и многих других.

Ленин писал о предмете политической экономии: «Ее предмет вовсе не «производство материальных ценностей», как часто говорят (это — предмет технологии), а общественные отношения людей по производству» (Ленин, К характеристике экономического романтизма, глава XI. Разрядка наша). Это определение почти в тех же словах Ленин повторял неоднократно: и в брошюре о Сисмонди, и в книге «Развитие капитализма в России», и в рецензии на книгу Богданова. Политическая экономия изучает «общественные отношения производства»,—часто повторяет Ленин (Сочинения, т. II, 1927, с. 371). Мы требуем от Бессонова прямого и недвусмысленного ответа: согласен ли он с этим определением политической экономии, или нет? Если он не согласен, он должен заявить, что отказывается от взгляда, разделяемого всеми авторитетными марксистами без исключения. Если же он с этим определением согласен, почему он спорит против моего определения, которое отличается только тем, что я резче подчеркиваю теснейшую связь и взаимодействие между изучаемыми нами производственными отношениями людей и материальными производительными силами общества?

Как видим, первый аргумент Бессонова, который возражает против существования двух наук, изучающих различные стороны процесса производства, не имеет ни малейших оснований. Второй аргумент его сводится к тому, что «Рубин с необычайной ловкостью производит подмену слова «взаимодействие» словом «предпосылка» (с. 129). Раньше Рубин говорил, что политическая экономия изучает производственные отношения людей в их взаимодействии с производительными силами; теперь он говорит, что политическая экономия имеет предпосылкой своего исследования определенное состояние и процесс развития материальных производительных сил.

Это возражение основано на полнейшем непонимании смысла слова «предпосылка». Нередко приходится слышать мнение, что, если мы рассматриваем производительные силы как предпосылку нашего исследования, то, следовательно, мы приписываем им второстепенное значение в процессе общественного развития. Это мнение основано на недоразумении. Предпосылка предпосылке рознь. Мы признаем развитие производительных сил «движущею причиною» всего общественного развития, в том числе и развития производственных отношений людей. «Предпосылка» отнюдь не противопоставляется нами «движущей силе». Мы употребляем слово «предпосылка» в отличие от «предмета» данной науки. Политическая экономия имеет непосредственным «предметом» сво-

его изучения производственные отношения людей. Но так как движение последних находится в теснейшей связи с движением производительных сил, изучаемых другою наукою, то мы пользуемся выводами последней науки и привлекаем их в наше исследование постольку, поскольку это нам необходимо для понимания нашего «предмета». А это и значит, что для политической экономии производительные силы представляют не непосредственный «предмет», а «предпосылку» исследования, как, наоборот, для науки об общественной технике «предметом» исследования являются производительные силы, а производственные отношения играют роль «предпосылки».

Для доказательства своего мнения о том, что производительные силы являются непосредственным объектом изучения политической экономии, Бессонов приводит следующие доводы:

1. «Технология раскрывает процесс производства общественных отношений человеческой жизни» (с. 139), и потому изучение ее необходимо для понимания последних.

2. Маркс включил в «Капитал» целый ряд исследований, относящихся, по мнению Бессонова, к «тайнам технологических процессов» (с. 140).

Остановимся на первом аргументе. Разумеется, мы не можем понять происхождение и развитие данной системы производственных отношений людей, если не исследуем состояние и развитие производительных сил в данную историческую эпоху. Но отсюда следует только, что необходимо разработать особую науку, которую Маркс называет «критическою историей технологии» (Капитал, т. I, с. 281), и в политической экономии необходимо широко пользоваться данными и выводами этой науки. Но ведь Бессонов именно против разработки этой специальной науки и возражает. Он отрицает необходимость существования двух наук для исследования капиталистического хозяйства с двух сторон (материально-технического производства и его общественной формы). Он настаивает на том, что Маркс «не относил результатов своих исследований (над «тайнами технологических процессов».—*И. Р.*) в какую-нибудь особую науку». При этом остается непонятным, почему Бессонов пишет, что «Маркс, конечно, не смешивал технологии с политической экономией» (с. 140). Конечно, Бессонов вынужден сделать эту оговорку, потому что у самого Маркса многократно встречается указание, что «политическая экономия не есть технология» (см. «Введение к критике политической экономии»). Но ведь указанная оговорка опрокидывает все построение Бессонова. Если верны слова Бессонова,—а на этот раз они действительно верны,—что «Маркс не смешивал технологии с политической экономией», то отсюда для человека, хоть мало-мальски последовательно мыслящего, обязателен следующий вывод: исследования над «тайнами технологических процессов» входят в сферу «особой науки», а именно технологии, которую просят не смешивать с политической экономией.

Иногда приходится слышать мнение, что технология изучает производительные силы лишь с естественно-технической точки зрения, политическая же экономия должна включить в свою сферу исследование производительных сил с общественно-исторической точки зрения. В от-

вет на это соображение следует указать, что Маркс как раз имел в виду необходимость разработки «критической истории технологии», как науки исторической и общественной. Эта наука должна, по словам Маркса, исследовать «историю образования производительных органов общественного человека, историю этого материального базиса каждой особой общественной организации» (Капитал, т. I, с. 281). Именно потому я в «Очерках» называл эту науку «наукою об общественной технике», причем в первую очередь я имел в виду науку о специфических законах развития производительных сил в капиталистическом хозяйстве. Вопреки прямым указаниям Маркса, Бессонов отрицает необходимость существования такой «особой науки». Объявляя себя верным рыцарем производительных сил, он на деле, сам того не желая, мог бы только затормозить успешное развитие науки об общественной технике. Он ограничил бы все исследование производительных сил теми немногочисленными главами, которые могли бы быть им отведены мимоходом в политической экономии.

Повторяем еще раз, что мы ни в малейшей мере не разделяем приписываемого нам Бессоновым мнения, будто «техника не имеет никакого отношения к социальной стороне экономических явлений» (с. 139. Разрядка наша). Всякий марксист отвергнет подобное положение, как разко расходящееся с учением Маркса. Экономист-марксист обязан искать причину изменений производственных отношений людей в развитии производительных сил. Но значит ли это, что он включает последние в непосредственный объект исследования политической экономии? Конечно, нет, ибо в противном случае мы стерли бы все грани между отдельными науками. Представим себе положение марксиста, изучающего историю религии. Историю религии нельзя понять без истории социально-политических взаимоотношений разных классов общества, а для понимания последних необходимо изучить развитие производственных отношений и производительных сил данного общества. Поэтому Маркс и писал, что «даже всякая история религии, абстрагирующаяся от этого материального базиса, некритична» (Капитал, т. I, с. 281). Бессонов на с. 139—140 своей статьи приводит эти слова Маркса, не подозревая, что они, вместо того чтобы подкреплять его точку зрения, прямо ее опрокидывают. Ведь с точки зрения Бессонова, если провести ее последовательно, надо притти к выводу, что в предмет исследования истории религии входят на «равноправных» началах: 1) религия, 2) производственные отношения, 3) производительные силы. На том же основании Бессонов будет требовать включения «материального базиса», т. е. производительных сил, в предмет исследования науки о государстве, науки о праве, науки о литературе и т. д. Словом, производительные силы будут изучаться всеми науками в мире, за исключением... той науки, которая действительно должна изучать их, т. е. «критической истории технологии», или, употребляя более широкий термин, науки об общественной технике.

Нам остается еще рассмотреть последний довод Бессонова, указывающего, что Маркс включил в «Капитал» целый ряд глав, относящихся к области технологии: «Спрашивается, куда денутся в политической

экономии Рубина, оставляющей «технические приемы» за бортом политической экономии, главы I тома «Капитала» о кооперации, мануфактуре, разделении труда, машине, фабрике, концентрации капитала, росте его органического состава, т. е. о тех самых «технических приемах», которые специфически характеризуют капиталистический способ производства в отличие от предшествующих общественных структур?» (с. 143).

Прежде всего отметим, что в высшей степени странно относить к числу «технических приемов» концентрацию капитала (не смешал ли Бессонов, в силу своей неприязни к проведению «точных» и «строгих» различий, концентрацию капитала с концентрацией производства?) и рост органического состава капитала. Но обратимся к главам «Капитала», в которых мы действительно найдем гениальные замечания Маркса об особенностях техники, присущей капиталистическому хозяйству. Внимательное чтение этих глав убедит нас, что Маркс привлекает в свое исследование технологический материал лишь постольку, поскольку это необходимо для понимания законов функционирования и развития производственных отношений, образующих данную общественную формацию.

В главе 13-й первого тома «Капитала», носящей заголовок «Машины и крупная промышленность» и занимающей 112 страниц, только первый параграф в 12 страниц посвящен «развитию машин»,—этому важнейшему техническому перевороту, создавшему основу для широкого развития капиталистического хозяйства. Уже в самом начале этого параграфа Маркс четко формулирует ту точку зрения, исходя из которой он привлекает машины в круг своего исследования. «Машины должны удешевлять товары, сокращать ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на самого себя, и таким образом удлинять другую часть его рабочего дня, которую он даром отдает капиталисту. Машины—средство производства прибавочной стоимости» (Капитал, т. I, с. 280. Разрядка наша), и именно с этой точки зрения они изучаются Марксом. Действительно, за первым параграфом, посвященным развитию машин, следуют восемь параграфов, в которых Маркс всесторонне рассматривает действие, оказываемое введением машин на систему классовых (т. е. производственных) отношений между капиталистами и рабочими. Здесь Марксом изучаются следующие вопросы: перенос стоимости машины на продукт, женский и детский труд, удлинение рабочего дня и интенсификация труда, вытеснение машиною рабочих и борьба последних против машины, теория компенсации, влияние машины на ремесло и домашнее производство, фабричное законодательство.

Такого же рода соотношение между технологическим и социально-экономическим материалом мы найдем и в других главах, на которые указывает Бессонов. В главе о кооперации Маркс ставит себе главной целью рассмотреть значение кооперации, как средства производства относительной прибавочной стоимости. «Если, с одной стороны, капиталистический способ производства исторически необходим для превращения процесса труда в общественный процесс, то, с другой стороны, эта общественная форма процесса труда представляется мето-

дом, который применяется капиталом с целью выгоднее эксплоатировать труд путем повышения его производительной силы» (Капитал, т. I, с. 251). Эти слова достаточно убедительно показывают, что привлечение технологического материала имело для Маркса вспомогательное значение.

Бессонов (с. 140) ссылается также на главы II тома «Капитала» о времени производства и рабочем периоде. Эти главы дают нам особенно яркое представление о том месте, которое Маркс отводил технологическому материалу в своих исследованиях. В начале главы 12-й второго тома «Капитала» Маркс менее одной страницы посвящает выяснению технических причин различной продолжительности рабочего периода в разных отраслях производства, чтобы на той же странице перейти к вытекающим отсюда различиям в скорости оборота капитала: «Различие в продолжительности производственных актов очевидно должно при равной величине вложенных в дело капиталов вызвать различие в скорости оборота капитала» (Капитал, т. II, 1928, с. 155). Точно так же в 13-й главе того же II тома Маркс полстраницы посвящает техническим причинам, вызывающим удлинение времени производства, чтобы немедленно перейти к исследованию вызванных этим изменений в периоде оборота капитала.

Как видим, ссылки Бессонова на «Капитал» ни в малейшей мере не подтверждают его тезиса, согласно которому производственные отношения и производительные силы «равноправно входят в предмет политической экономии» (тезисы Бессонова к диспуту в Институте красной профессуры 30 марта 1929 г., с. 5). Наоборот, внимательное чтение глав, указанных Бессоновым, убедит читателя, что непосредственным предметом исследования Маркса в «Капитале» являются производственные отношения капиталистического общества; производительные же силы привлекаются Марксом в сферу исследования политической экономии лишь постольку, поскольку они необходимы для понимания законов функционирования и развития производственных отношений людей.

Бессонов не решается довести до конца свои мысли о необходимости слияния политической экономии с технологией. С одной стороны, он вынужден признать, что «Маркс, конечно, не смешивал технологии с политической экономией» (с. 140). Но, с другой стороны, он решительно возражает против существования двух наук, изучающих различные стороны процесса капиталистического производства. А ведь это и значит включить технологию в политическую экономию.

В начале Бессонов подчеркивает, что он рекомендует включение в политическую экономию исследования «тайн технологических процессов», но не изучение самих вещей или потребительных стоимостей. Но в конце статьи он не выдерживает своей роли и становится красноречивым защитником включения в политическую экономию изучения «многообразного, красочного и реального мира материальных вещей» (с. 141). «Иначе, как известно, подходил к вещам Маркс. Он прежде всего не рассматривал их огулом, как это делает Рубин. Он различал в них целый ряд делений и притом по разным признакам» (с. 141),

например, он отличал продукты труда, предметы труда, орудия труда; далее, механические орудия, хранилища и т. п. (с. 141).

Все эти примеры взяты Бессоновым из первого параграфа 5-й главы первого тома «Капитала», озаглавленного «Процесс труда или производство потребительной стоимости». Сам Маркс подчеркивает, что в этом параграфе «процесс труда» рассматривается «в простых абстрактных его моментах», «независимо от какой бы то ни было общественной формы» (Капитал, т. I, с. 119, 125). Иначе говоря, Маркс дает здесь предварительные сведения о техническом процессе труда, имеющие вспомогательное значение для дальнейшего изучения капиталистического хозяйства. А Бессонов эти краткие предварительные сведения превращает в одну из главных составных частей политической экономии. С точки зрения Бессонова большой похвалы заслуживают буржуазные ученые, которые много места посвящают рассуждениям о «производстве вообще» и дают подробную классификацию продуктов труда, орудий труда и т. д. Но ведь именно над этими рассуждениями буржуазных ученых Маркс зло смеялся. В «Введении к критике политической экономии» Маркс прямо писал, что предварительные сведения о производстве вообще «сводятся к немногим, весьма простым определениям, которые, будучи пространно изложены, превращаются в плоские тавтологии» [1]. Не питает ли чрезмерную страсть к этим «плоским тавтологиям» Бессонов? Правда, Бессонов возразит нам, что он рекомендует не только изучение этих «немногих, простых определений», но и специальное исследование техники капиталистического хозяйства. Это, действительно, задача весьма насущная, но, как мы уже выяснили выше, она может быть удовлетворительно выполнена только в специальной науке об общественной технике.

Бессонов не говорит прямо, что рекомендуемое им изучение «многообразного, красочного и реального мира материальных вещей» равносильно изучению мира потребительных стоимостей. Более откровенно он выражался на этот счет в своей ранней работе «Развитие машин» (с. 41), в которой жаловался на «невнимание к проблемам потребительной ценности, столь характерное для после-марксовой литературы» (под последнею Бессонов имел в виду марксистскую, а не буржуазную литературу). Если мы примем во внимание, что «материальные вещи» у Бессонова означают потребительные стоимости, то особую пикантность приобретают слова Бессонова: «Рубин досмерти боится материальных вещей. Маркс спокойно продолжает дальнейшее их изучение» (с. 141). Хорошо еще, что Бессонов не написал, что Маркс «с любовью» занимается их изучением. В таком случае нельзя было бы не вспомнить слова Маркса на второй странице «Критики политической экономии», что «немецкие компиляторы с любовью занимаются изучением потребительной стоимости». Эти слова лучше всего опровергают рассуждения Бессонова о включении в теоретическую экономию изучения «многообразного, красочного и реального мира материальных вещей».

Мы резюмируем. В своих рассуждениях о предмете политической

---

[1] См. «Основные проблемы политической экономии», 3 изд., с. 8.

экономии Бессонов отступает от взглядов, общепринятых в марксистской литературе. Его возражение против существования двух наук, изучающих различные стороны процесса производства, может быть направлено по адресу всех без исключения марксистов, которые, в отличие от буржуазных экономистов, всегда начинали свое исследование с выделения двух сторон хозяйства, а именно отношений людей к природе и отношений между людьми в процессе производства. Бессонов, хотя и не высказывая этого прямо, отвергает определение политической экономии как науки о производственных отношениях людей.

2. МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА И ЕГО ОБЩЕСТВЕННАЯ ФОРМА

Прежде чем перейти к существу спора, необходимо исправить некоторые «неточности», без которых наш критик никак не может обойтись.

Первая неточность. Я всюду пишу о проведенном Марксом различии между материально-техническим процессом производства и его общественною формою. Бессонов же приписывает мне «мысль о противопоставлении социального материальному» (с. 135). Это далеко не одно и то же, ибо и материально-технический процесс производства признается нами за явление социальное и историческое. На первой же странице «Очерков» я писал: «Процесс изменения и развития трудовой деятельности людей включает в себя изменения двоякого рода: во-первых, изменяются средства производства и технические приемы, при помощи которых человек воздействует на природу, иначе говоря, изменяется состояние производительных сил общества; во-вторых, в соответствии с этим изменением производительных сил изменяется и совокупность производственных отношений между людьми». Все утверждения Бессонова, что я рассматриваю материально-технический процесс производства (и производительные силы) как явление «натуралистическое» и «внеисторическое», ни на чем не основаны. Напротив, именно против такого понимания производительных сил, встречающегося у буржуазных экономистов социального направления, я решительно возражал в своей работе «Современные экономисты на Западе» (с. 112), в которой писал: «Производительные силы не принадлежат к сфере природы, противополагаемой обществу, они являются «общественными», исторически изменчивыми производительными силами».

Чтобы у читателей не осталось ни малейших сомнений на этот счет, я позволю себе привести выдержку из стенограммы доклада, прочитанного мною в Ленинградском научно-исследовательском институте марксизма в декабре 1928 г.: «Когда мы говорим, что производственные отношения социальны, мы как будто подразумеваем, что производительные силы не социальны. Но ведь мы говорим не о производительных силах Робинзона, а о тех производительных силах, которые принадлежат обществу, которые изменяются в ходе исторического развития и имеют различный характер на каждой ступени развития. Поэтому производительные силы—такое же социальное понятие, как

и производственные отношения. Нелепо говорить, что производительные силы менее носят социальный характер, чем производственные отношения. Почему же мы именно последние называем социальною формою хозяйства? Потому, что под нею понимаются социальные отношения людей друг к другу в процессе производства. Поэтому лучше говорить не о материальной и социальной сторонах хозяйства, а о материально-технической стороне и социальных отношениях людей друг к другу. Под первой мы понимаем трудовую деятельность людей, направленную на приспособление предметов и сил природы к их потребностям. Разумеется, эта деятельность имеет место только в условиях отношений человека к другим людям. Маркс говорит, что человек присваивает себе предметы природы внутри определенной общественной формы хозяйства и через ее посредство. Никто не противостоит природе как таковой, мы ни одним предметом не можем овладеть, как чистым предметом природы, вырванным из общества. Производственные же отношения—это отношения людей к людям на основе трудового процесса людей над природой. Это старое определение, часто встречающееся в марксистской литературе: отношения людей между собой и отношения их к природе».

Вторая неточность. Бессонов приводит (с. 133) целый ряд цитат из «Очерков», в которых я говорю о проведенном Марксом «различии» между материально-техническим процессом производства и его общественною формою. Повидимому, даже Бессонов не решается прямо спорить против этого положения, ибо это значило бы утверждать, что Маркс смешивал материально-технический процесс производства с его общественной формой. Бессонову поэтому не остается ничего другого, как на следующей же странице (134) превратить указанное мною «различие» в «противопоставление», которое он понимает в смысле разрыва между обеими сторонами процесса производства. Если понимать противопоставление в смысле разрыва, то, конечно, мы никогда и нигде не говорили, что Маркс отрывает друг от друга обе стороны процесса производства. Но если под противопоставлением понимать указание на различие этих обеих сторон, на существующую между ними противоположность и противоречие (не исключающие их взаимосвязанности как двух сторон единого процесса производства), то, как мы убедимся ниже, отрицать эту противоположность—значило бы отрицать марксово учение о противоречии между производительными силами и производственными отношениями капиталистического общества.

Бессонов решительно возражает против моего утверждения, что «последовательно проведенное Марксом различие между материально-техническим процессом производства и его общественной формой дает нам в руки ключ для понимания всей его экономической системы». Приведя несколько цитат из моих «Очерков», Бессонов заявляет: «В защиту своего тезиса Рубин, как это ни странно, не может привести в сущности ни одной цитаты из Маркса... Странно, однако, что Маркс ни разу не заметил и ни разу не указал на эту свою «великую заслугу» перед политической экономией, ни разу не отметил той «совершенно новой методологической постановки экономических проблем»,

которая, по словам Рубина, заключается в том, что он—Маркс—в отличие от своих предшественников не смешивал «социальных форм» с «материально-техническим» процессом производства, а «строго», «последовательно» и «точно» различал их. Молчание Маркса объясняется очень просто. Рубин просто-напросто приписал Марксу свое собственное и притом совсем неверное измышление... Нигде и ни при каких обстоятельствах Маркс не противопоставлял и не мог противопоставлять материально-технического процесса производства его общественной форме» (с. 133—134). Ввиду столь категорических заявлений Бессонова мы должны рассмотреть этот вопрос подробнее.

Маркс начинает свое исследование с анализа двойственной природы товара, в котором он открывает противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью. Для объяснения двойственной природы товара Маркс анализирует двойственную природу труда, в котором он открывает противоположность между конкретным трудом и абстрактным трудом. Наконец эта двойственная природа труда является отражением двойственной природы самого трудового процесса в капиталистическом хозяйстве, который представляет собою единство двух противоположных сторон: материально-технического процесса производства и его специфической общественной формы. Таким образом мы находим у Маркса три пары противоположностей: 1) потребительная стоимость и стоимость; 2) труд, создающий потребительную стоимость, и труд, образующий стоимость (т. е. конкретный труд и абстрактный труд); 3) процесс труда и процесс образования стоимости (т. е. материально-технический процесс производства и его специфическая общественная форма).

Как же относится Бессонов к изложенному ходу мыслей, который пронизывает все учение Маркса о стоимости? «Как это ни странно», он признает наличие первых двух противоположностей и отрицает наличие третьей противоположности. Бессонов признает, что «у Маркса нередко встречается противопоставление материального бытия вещи ее социальному бытию» (с. 133. Разрядка наша). Точно так же он признает, что в учении о двойственном характере труда Маркс «усматривает то новое, что он внес в науку» (с. 137. Разрядка наша). Но если то «новое», что Маркс внес в науку, заключается в учении о двойственном характере труда, из которого вытекает двойственный характер товара, то не очевидно ли, что двойственный характер труда должен быть в свою очередь объяснен двойственным характером трудового процесса, т. е. процесса производства?

Чтобы избежать этого необходимого вывода, Бессонов должен был бы истолковать противоположность между абстрактным и конкретным трудом таким образом, что она не имеет ничего общего с противоположностью между материально-техническим процессом производства и его общественной формою. Но для всякого, желающего глубже вникнуть в учение Маркса о двойственном характере труда, очевидно, что это учение никак не может быть вырвано из контекста идей Маркса, включающего в себя исследование всех трех пар указанных выше противоположностей. Действительно, учение о двойственном характере тру-

да построено Марксом именно для того, чтобы объяснить двойственный характер товара. Но ведь сам Бессонов признает, что двойственный характер товара означает «противопоставление материального бытия вещи ее социальному бытию». Не очевидно ли в таком случае, что и учение о двойственном характере труда также должно включать в себя противопоставление материально-технического характера труда его социальному характеру? Если мы будем это отрицать, мы уничтожим весь тот параллелизм между учением о двойственном характере товара и учением о двойственном характере труда,—параллелизм, который ярко бросается в глаза при чтении второго раздела первой главы «Капитала» Маркса.

Именно в смысле противоположности между двумя сторонами труда: материально-техническою и общественною, Маркс понимает двойственный характер труда в «Критике политической экономии», в приложении к первой главе под названием «Историческое развитие анализа товара». В этом очерке Маркс хочет выяснить, в чем именно заключается то новое, что он внес в учение о труде. И это новое он усматривает именно в различии между «реальным трудом» и «буржуазною формою труда». О Вилльяме Петти Маркс пишет: «Пример его ярко показывает, что признание труда источником материального богатства никоим образом не исключает непонимания определенной общественной формы, в которой труд является источником меновой стоимости» (Kritik, 1907, с. 35. Разрядка наша). Маркс хвалит Джемса Стюарта в следующих выражениях: «Что отличает Стюарта от предшествовавших ему и следовавших за ним экономистов,—это резкое различение между специфическим общественным трудом, который выражается в меновой стоимости, и реальным трудом, который производит потребительные стоимости». Первый труд Стюарт «отличает не только от реального труда, но и от других общественных форм труда. Это—буржуазная форма труда, в противоположность античной и средневековой формам труда». Стюарт понимает, что «характер труда, определяющий меновую стоимость, есть специфически буржуазный характер» (там же, с. 40—41. Разрядка наша).

Приведенные слова Маркса не оставляют сомнения, что именно в различии между «реальным трудом» и «буржуазной формой труда» он видел центральное ядро всего своего учения о двойственной природе труда. А если так, то очевидно, что противоположность этих двух сторон труда неразрывно связана с противоположностью двух сторон процесса производства, как единства материально-технического производства и его специфической общественной формы. Признавать, что учение о двойственном характере труда есть то «новое», что Маркс внес в науку, и одновременно утверждать, что «нигде и ни при каких обстоятельствах Маркс не противопоставлял и не мог противопоставлять материально-технического процесса производства его общественной форме», как то делает Бессонов,—значит просто-напросто не сводить концов с концами. Бессонов заключает в иронические кавычки мои слова о том, что Маркс «строго», «последовательно» и «точно» разграничивал обе стороны процесса производства. Он не знает, что эти же выражения встречаются

постоянно у Маркса. Мы уже видели, что Маркс хвалит Стюарта именно за «резкое» различение между обеими сторонами труда. В другом месте Маркс пишет, что «ни Рикардо, ни какой бы то ни было другой экономист ни до него, ни после него не разграничивали строго обеих сторон труда» («Капитал», т. I, 1928, с. 141).

Бессонов может нам возразить, что Маркс действительно противопоставляет друг другу обе стороны труда, но не противопоставляет материально-технического процесса производства его общественной форме. Мы уже видели, что утверждать так—значит изуродовать весь строй мысли Маркса, отличающейся величайшей последовательностью и цельностью. Мы уже видели, что учение о двойственном характере труда необходимо приводит нас вплотную к двойственному характеру самого процесса производства. Кто признает наличие первых двух пар противоположностей в системе Маркса, тот должен признать и наличие третьей противоположности, скрытой в самом процессе производства. Но оставим сейчас в стороне внутреннюю связь всех указанных нами противоположностей и остановимся отдельно на последней.

В доказательство своей мысли Бессонов приводит следующее соображение: «Нигде и ни при каких обстоятельствах Маркс не противопоставлял и не мог противопоставлять материально-технического процесса производства его общественной форме по той простой причине, что, по смыслу всего учения Маркса, без общественной формы нет и не может быть материального производства» (с. 134. Разрядка наша). Поистине, здесь место критики экономии должна занять критика логики Бессонова. Слова Бессонова обнаруживают грубейшее непонимание элементарных основ диалектической логики. Из того обстоятельства, что материально-техническое производство не существует без общественной формы, наш критик делает вывод, что мы не вправе противопоставлять их друг другу. Иначе говоря, всюду, где существует единство, не может, по мнению Бессонова, существовать противоположность. Но ведь это положение безжалостно опрокидывает элементарные основы диалектического мышления, на которых построена вся система Маркса. Бессонов просто-напросто отбрасывает весь закон единства противоположностей, запрещая нам раз и навсегда противопоставлять друг другу различные стороны единого процесса. Но в таком случае надо будет уничтожить все общественные науки, изучающие отдельные стороны жизни общества (хозяйство, право, идеологию). Ведь хозяйство не существует без права, а право—без хозяйства. Значит, по мнению Бессонова, мы не имеем права противопоставлять их друг другу. Но обратимся к сфере самого хозяйства. Производительные силы не существуют без производственных отношений, и обратно, значит, по мнению Бессонова, мы не имеем права противопоставлять их друг другу. Но в таком случае куда денется все учение о противоречии производительных сил и производственных отношений,— учение, в верности которому клянется на каждой странице Бессонов?

Как видим, центральный аргумент Бессонова о невозможности противопоставления материально-технического процесса производства его общественной форме основан на грубейшей ошибке: на непонимании

законов диалектической логики, которая не считает единства и противоположности абсолютно исключающими друг друга, а предписывает нам находить в единстве противоположности.

Оставим, однако, эту логическую ошибку и перейдем к вопросу по существу. Верно ли, что «нигде и ни при каких обстоятельствах Маркс не противопоставлял и не мог противопоставлять материально-технического процесса производства его общественной форме»? Предположим, что Бессонов в данном пункте прав. Но ведь это значило бы, что «нигде и ни при каких обстоятельствах Маркс не противопоставлял и не мог противопоставлять» производительные силы производственным отношениям людей. А между тем сам Бессонов на с. 132 утверждает, что «противоречие между производительными силами и производственными отношениями всегда было в марксистской концепции движущим принципом общественного развития».

Здесь Бессонов побивает сам себя. Если верно, что центральная идея всего учения Маркса сводится к противоречию между производительными силами и производственными отношениями, то само собою очевидно, что Маркс должен был противопоставлять производительные силы производственным отношениям. А ведь это и значит, что Маркс противопоставлял материально-технический процесс производства его общественной форме. Бессонов должен отказаться от одного из своих двух утверждений. Либо он должен отрицать наличие у Маркса учения о противоречии между производительными силами и производственными отношениями, либо он должен отказаться от своего легкомысленного утверждения, что «нигде и ни при каких обстоятельствах Маркс не противопоставлял и не мог противопоставлять материально-технического процесса производства его общественной форме».

Как видим, наше утверждение о том, что Маркс провел резкое различие между материально-техническим процессом производства и его общественной формой, необходимо вытекает из учения Маркса о противоречии между производительными силами и производственными отношениями. Это учение составляет центральное ядро всей теории исторического материализма. Надеемся, что Бессонов против этого спорить не будет. Так же мало сможет он спорить против того, что экономическая теория Маркса построена на основе теории исторического материализма. Но в таком случае для всякого последовательно мыслящего человека обязателен следующий вывод: основная особенность экономической теории Маркса, в отличие от буржуазной политической экономии, «заключается в последовательно проведенном различии между производительными силами и производственными отношениями, материальным процессом производства и его общественною формою, процессом труда и процессом образования стоимости» («Очерки», с. 41). А ведь именно эти мои утверждения и вызывают наиболее жестокую критику со стороны Бессонова.

Однако учение о различии между материально-техническим процессом производства и его общественной формой не только необходимо

вытекает из теории исторического материализма, оно не только служит тем общим методологическим принципом, при помощи которого Маркс подходит к исследованию каждого частного вопроса. Мы можем только выразить наше крайнее изумление, что Бессонов не заметил его в «Капитале» Маркса. Мы укажем Бессонову, что Маркс проводит это различие в первом же отделе, в котором он приступает к исследованию капиталистического хозяйства. Речь идет о третьем отделе первого тома «Капитала», первая же глава этого отдела носит заглавие: «Процесс труда и процесс увеличения стоимости». Неужели одно это название уже не сказало Бессонову, что Маркс, едва только приступая к исследованию капиталистического хозяйства, считает необходимым отметить его двойственный характер и противопоставить друг другу две его стороны.

Если название указанной выше главы еще не является достаточно убедительным для Бессонова, то он мог бы окончательно убедиться в ложности своих утверждений из содержания этой главы. Глава распадается на два параграфа, из которых в первом рассматривается «процесс труда или производство потребительной стоимости», а во втором — «процесс увеличения стоимости или производство прибавочной стоимости». В первом параграфе Маркс подчеркивает, что «процесс труда необходимо рассмотреть сначала независимо от какой бы то ни было определенной общественной формы» («Капитал», т. I, с. 119). Этот процесс труда рассматривается Марксом как «общее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни», независимое от ее общественных форм (там же, с. 125). Но Маркс знает, что, когда мы изучали процесс труда, «мы рассматривали до сих пор только одну сторону процесса» товарного производства (там же, с. 127. Разрядка наша). Теперь нам необходимо рассмотреть другую его сторону, а именно процесс увеличения стоимости, связанный с его общественной формою. «Мы должны теперь рассмотреть этот труд с совершенно иной точки зрения, чем при рассмотрении процесса труда» (с. 128). Здесь Маркс уже показывает неразрывную связь учения о двойственной природе труда с учением о двойственной природе процесса производства. Еще ярче Маркс подчеркивает эту мысль в своем резюме на с. 135: «Итак, установленное уже раньше посредством анализа товара различие между трудом, поскольку он создает потребительную стоимость, и тем же самым трудом, поскольку он создает стоимость, теперь выступает как различие между различными сторонами процесса производства» (разрядка наша). Можно ли после этих слов утверждать, что Маркс противопоставляет друг другу две стороны труда, но никогда не противопоставляет друг другу различных сторон процесса производства?

Можно только удивляться, что Бессонов думает найти подтверждение своей точки зрения в следующих словах Маркса: «Как сам товар есть единство потребительной стоимости и стоимости, так и сам процесс производства товара должен быть единством процесса труда и процесса созидания стоимости» (с. 138 статьи Бессонова). Здесь Бессонов находится под влиянием ложного представления, будто единство про-

цесса товарного производства исключает противоположность двух его сторон. На деле же именно потому, что процесс товарного производства есть единство процесса труда и процесса созидания стоимости, мы должны различать и противопоставлять друг другу обе его стороны. На с. 141 «Капитала» Маркс говорит о «различии между процессом труда и процессом увеличения стоимости», и только при помощи этого различия ему удается объяснить целый ряд сложных экономических явлений, например, тот странный на первый взгляд факт, что машина «как элемент процесса труда целиком входит в данный процесс производства, а как элемент образования стоимости—входит частями» («Капитал», т. I, с. 141).

Мы уже видели всю неосновательность утверждения Бессонова, что Маркс не проводит «строгого» различия между материально-техническим процессом производства и его общественною формою. Если Маркс пишет, что капиталистический процесс производства «есть одновременно и процесс производства материальных условий человеческой жизни и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих этих отношений производства» («Капитал», т. III, ч. 2, 1928, с. 289—290), то ведь это и показывает, что Маркс видит различие между обеими сторонами процесса производства, отмечая вместе с тем и их единство. Мы уже видели, какое строгое различие Маркс проводил между «процессом труда» и «процессом возрастания стоимости». И это различие Маркс усиленно подчеркивал в противовес вульгарным экономистам, которые приписывали процессу труда целый ряд свойств, на самом деле характеризующих процесс возрастания стоимости, т. е. данную общественную форму процесса труда. Маркс зло бичевал вульгарных экономистов за их «апологетическое стремление вывести формы торгового капитала и денежного капитала... возникшие из специфической формы капиталистического способа производства, — ...в качестве форм, необходимо возникающих из самого процесса производства, как такового» (Капитал, т. III, ч. 1, с. 249. Разрядка наша). Он писал, что «эти определения (производительного труда.—*И. Р.*) выведены не из материальных процессов труда, не из природы его продукта, не из приложения труда как труда конкретного, а из определенных общественных форм, общественных производственных отношений, в которых осуществляется труд» («Теории прибавочной стоимости», 1906, с. 166—167. Разрядка наша). Подобного рода цитат можно привести десятки. И после этого Бессонов пишет (с. 133), что «в защиту своего тезиса Рубин, как это ни странно, не может привести в сущности ни одной цитаты из Маркса». После этого он возражает против моего утверждения, что Маркс проводил «точное различие между материально-техническим процессом производства и его социальной формой».

Итак, Маркс действительно проводит строгое различие между материально-техническим процессом производства и его общественною формою, между производительными силами и производственными отношениями людей. В теоретической политической экономии Маркс берет

непосредственным предметом исследования систему производственных отношений людей в капиталистическом обществе,—систему, функционирование и развитие которой определяется развитием материальных производительных сил. Всякий, кто спорит против этого положения, отвергает общепризнанное среди марксистов определение политической экономии. Повидимому, сознавая слабость своей позиции в данном вопросе, Бессонов вносит в свои рассуждения новый аргумент: «Сначала производительные силы оказались за бортом политической экономии. Сейчас мы подходим к тому, чтобы осуществить другую затаенную мысль Рубина о том, чтобы и самые производственные отношения заменить целиком «экономическими формами вещей» (с. 131). Итак, раньше Бессонов упрекал меня за то, что я изучаю производственные отношения людей, а не производительные силы. Теперь он упрекает меня за то, что я будто бы не изучаю производственных отношений людей, а заменяю их «целиком» экономическими формами вещей.

Только при полном непонимании всего содержания моих «Очерков» можно бросить мне подобный упрек. На каждой странице «Очерков» я подчеркиваю, что экономические формы вещей (стоимость, деньги, капитал и т. д.) суть не что иное, как выражение производственных отношений людей. «Экономическая система Маркса изучает ряд усложняющихся типов производственных отношений между людьми, выраженных в ряде усложняющихся социальных форм, приобретаемых вещами» («Очерки», с. 42). Только потому, что категории политической экономии выражают производственные отношения людей, они выражают также социальные функции или формы вещей (там же, с. 46). Поэтому под каждою социальною формою вещей мы должны вскрыть то общественное производственное отношение, выражением которого она является (там же, с. 56). Такова центральная идея моих «Очерков». И после этого находятся критики, упрекающие меня в том, что я «целиком» заменяю производственные отношения людей экономическими формами вещей.

Экономические формы рассматриваются нами как выражение производственных отношений людей. Но именно потому, что в товарно-капиталистическом обществе производственные отношения людей «овеществляются», исследование экономической формы вещей (стоимости, денег, капитала, заработной платы, прибыли, ренты и т. д.) приобретает такое большое значение в политической экономии. Бессонов же, вместо того чтобы вскрыть внутреннюю связь между производственными отношениями людей и экономическими формами вещей, предпочитает просто отмахнуться от исследования последних. «Когда Маркс писал в предисловии к I тому «Капитала», что целью его работы «является раскрытие закона экономического развития современного общества»,—он меньше всего думал об «экономических формах вещей», представляющихся Рубину сокровеннейшей из тайн марксова учения». Так безапелляционно заявляет Бессонов (с. 132). Проверим правильность этого заявления.

Открываем предисловие к I тому «Капитала» и находим слова Маркса: «При анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции». Итак, Маркс прямо говорит, что он будет заниматься анализом экономических форм; Бессонов же решительно заявляет, что Маркс меньше всего думал об экономических формах вещей. Что у Маркса речь идет именно о последних, видно из слов, следующих за цитированными: Маркс говорит о «форме стоимости», которую «ум человеческий тщетно пытался постигнуть в течение более чем 2 000 лет». Маркс говорит, что ум человеческий тщетно пытался постигнуть тайну формы стоимости; Бессонов пишет, что Маркс «пытался овладеть тайнами технологических процессов» (с. 140). Зачем Бессонов столь бесцеремонно приписывает Марксу свою неприязнь к исследованию «экономических форм вещей»?

Приведем несколько цитат, которые ярко покажут нам, действительно ли Маркс в своих исследованиях меньше всего думал об экономических формах вещей. Главный недостаток классической политической экономии Маркс видел в том, что она не понимает «специфических особенностей формы стоимости, следовательно, товарной формы, а при дальнейшем ходе исследования — денежной формы, формы капитала и т. д.» («Капитал», т. I, с. 39. Разрядка наша). Как видим, Марксом намечена здесь программа исследования целого ряда «экономических форм». И необходимость тщательного изучения их Маркс подчеркивал много раз.

Приступая к изучению метаморфоза товаров, Маркс писал: «Мы будем рассматривать весь процесс лишь со стороны форм, следовательно, лишь изменение формы, или метаморфоз товаров, обслуживающий обмен веществ. Совершенно неудовлетворительное понимание этого изменения формы обусловливается, независимо от неясности относительно самого понятия стоимости, тем обстоятельством, что каждое изменение формы товара совершается путем обмена двух товаров: простого товара и денежного товара. Когда обращают внимание только на этот вещественный момент, обмен товара на золото, упускают из виду то, что следовало бы видеть прежде всего, а именно—процесс, касающийся самой формы товара» («Капитал», т. I, с. 57. Разрядка наша). Точно так же в самом начале II тома «Капитала» Маркс писал: «Чтобы понять эти формы (капитала) в их чистом виде, необходимо прежде всего абстрагироваться от всех моментов, которые не имеют ничего общего с изменением и образованием формы (Formwechsel und Formbildung), как таковыми» («Капитал», т. II, с. 1). Не правда ли, Маркс «меньше всего» думал об экономических формах вещей?

Маркс не только не отмахивался так легко от экономических форм вещей, как то делает Бессонов. Наоборот, именно за пренебрежение к этим формам он неоднократно и жестоко порицал вульгарных экономистов. Приведем несколько интересных цитат на этот счет. Маркс резко отзывается о «той грубости, с которой экономист исследует различия форм, действительно интересующие его только с материаль-

ной стороны» («Капитал», т. III, ч. 1, с. 249). В другом месте Маркс столь же резко отзывается о «руководствах политической экономии, которые в своей грубой заинтересованности материей пренебрегают всякими **различиями формы**» («Капитал», т. I, с. 423). Аналогичную фразу встречаем и в первом издании «Капитала», где Маркс говорит, что «экономисты, находясь совершенно под влиянием вещественных интересов, упустили из виду формальное содержание относительного выражения стоимости» («Капитал», т. I, русск. изд., 1872, с. 17). Этот интерес Маркса к «различиям форм», «образованию форм», «перемене форм» вытекает из его понимания экономических форм вещей, как выражения производственных отношений людей.

Если бы Бессонов последовательно провел свое отрицательное отношение к изучению «экономических форм вещей», он попал бы прямо в объятия некоторых представителей социального направления, и в частности Туган-Барановского с его «социальною теорией распределения». Н. И. Бухарин жестоко критиковал Туган-Барановского именно за то, что он исследовал классовые отношения капиталистического общества независимо от проблемы стоимости, т. е. проблемы «экономических форм вещей». «**Современная** борьба за участие в общественном продукте,—писал Н. И. Бухарин,—обладает специфическим свойством: это борьба за экономические **ценности**. Абстрагирование от ценности было бы поэтому абстрагированием от подлинно типичной черты современной формы хозяйства» [1]. «Чтобы объяснить капиталистические распределительные отношения, недостаточно, как это делает Туган-Барановский, сослаться на классовую борьбу, необходимо показать, как эта борьба классов, делящих между собою общественный продукт, находит свое выражение во всеобщей категории товарного хозяйства—в ценности, т. е. как эта классовая борьба выступает в форме борьбы между покупателем и продавцом товара, именуемого рабочей силой» [2]. А это значит, что исследование производственных и в частности классовых отношений капиталистического общества невозможно без исследования «экономических форм вещей» (стоимость, деньги, заработная плата, прибыль, капитал и т. д.).

Какие доказательства приводит Бессонов в пользу своего утверждения, что я будто бы хочу производственные отношения «заменить целиком экономическими формами вещей»?

В доказательство своего утверждения Бессонов приводит только одно, по его словам, «поразительное» место из моих «Очерков», а именно примечание на с. 40. В этом примечании я указываю, что проблема товарного фетишизма не совпадает с проблемою зависимости производственных отношений людей от состояния и распределения производительных сил. Первая проблема существует только для товарного хозяйства, вторая проблема должна быть поставлена при изучении любой общественной формации, например феодального хозяйства. Бес-

---

[1] Н. **Бухарин**. Политическая экономия без ценности («Основные проблемы политэкономии», 3-е изд., с. 479).

[2] Там же, с. 480.

сонов пишет: «Итак, из безбрежной сферы отношений между «вещами» и общественными отношениями Рубина интересует в этой главе (как и во всех других) только форма их взаимной «сращенности»—«товарный фетишизм в собственном смысле слова». Он «резко» открещивается от такой кардинальной проблемы, как «зависимость производственных отношений от состояния и распределения производительных сил» (с. 131).

Мы просим читателя прочесть не только примечание на с. 40 «Очерков», но и текст на той же странице, к которому это примечание относится, чтобы убедиться, в какой мере наш критик умудрился извратить текст «Очерков». На с. 40 «Очерков» я писал: «В феодальном обществе производственные отношения между людьми устанавливаются на основе распределения между ними вещей и по поводу вещей, но не через посредство вещей... Особенность же товарно-капиталистического хозяйства заключается в том, что производственные отношения между людьми устанавливаются не только по поводу вещей, но и через посредство вещей» (разрядка наша). Из этих моих слов, казалось бы, вытекает бесспорный вывод: при изучении феодального хозяйства мы имеем дело только с проблемою «зависимости производственных отношений от состояния и распределения производительных сил»; в капиталистическом же хозяйстве мы имеем дело не только с этой проблемою, но и с проблемою товарного фетишизма, т. е. «сращения» производственных отношений и вещей. Критик же извращает мою мысль и приписывает мне намерение совершенно исключить первую проблему при исследовании товарно-капиталистического хозяйства. Там, где у меня написаны слова «не только, но и», критик ставит слово «только» и надеется поразить своего противника при помощи этого действительно «поразительного» приема.

Насколько критик не понял моей мысли, видно из того, что он приписывает мне намерение отнести всю проблему «зависимости производственных отношений от состояния и распределения производительных сил» к сфере науки об общественной технике (с. 131). Мне такое намерение никогда не могло притти в голову, так как постановка указанной проблемы нам необходима именно для того, чтобы понять своеобразие структуры производственных отношений, а не производительных сил. Поэтому на предыдущей же 39 странице «Очерков»—и Бессонов в своем критическом усердии умудрился это проглядеть—я прямо указываю, что закон зависимости производственных отношений людей от распределения средств производства между различными классами есть «общесоциологический закон», исследование которого относится к теории исторического материализма, а никоим образом не к науке об общественной технике. Поскольку этот закон формулируется в общем виде, применимом ко всем общественным формациям, он относится к теории исторического материализма. Поскольку речь идет о формулировке этого закона для товарно-капиталистического общества, мы имеем дело с пограничною проблемою, которая входит как в теорию исторического материализма, так и в политическую экономию. Можно сказать, что теория исторического материализма кончается этой

проблемой, а политическая экономия ею начинается. И это вполне понятно именно с той точки зрения, которую я защищаю. Я подчеркиваю, что политическая экономия ведет все свое исследование на основе определенной структуры производственных отношений людей. Но так как товарно-капиталистическая структура производственных отношений возникает и развивается на основе известного распределения средств производства между разными общественными группами, то с анализа последнего и должна начинаться политическая экономия. Именно поэтому я начал первую главу «Очерков» с указания на особенность товарного хозяйства, которая состоит в том, что «руководителями и организаторами производства являются самостоятельные, друг от друга независимые товаропроизводители», владеющие «на праве частной собственности необходимыми орудиями производства и сырым материалом» («Очерки», с. 15).

Итак, обвинение в игнорировании проблемы зависимости производственных отношений от распределения средств производства между разными классами могло быть брошено Бессоновым только потому, что он цитировал мое примечание на с. 40 «Очерков», но не цитировал текста, к которому это примечание относится. А между тем всякому известно, что для того, чтобы понять смысл примечания, полезно прочесть соответствующий текст.

Чтобы ввести некоторое разнообразие в свои полемические приемы, Бессонов в других случаях поступает иначе: он читает текст, игнорируя относящееся к нему примечание. Он пишет, что «категории капиталистического общества (капитал, прибавочная стоимость, заработная плата, прибыль, рента, процент и т. д.) расценены им (Рубиным) как простое усложнение категорий товарного хозяйства... Излишне доказывать, насколько непохожа подобная точка зрения на марксистскую концепцию. Капиталистическое общество, по Марксу, это не простое «усложнение» товарного общества, это принципиально иной тип общества, хотя и на той же товарной основе, проявляющийся в результате катаклизма, скачка, а вовсе не результат простого «усложнения». Этому скачку, этому катаклизму нет места в «теории» Рубина, для которого все общества, в которых отношения людей прикрыты вещной оболочкой, по сути дела ничем, кроме большей или меньшей сложности, не отличаются друг от друга» (Рецензия С. Бессонова в «Известиях ЦИК» от 30 ноября 1928 года).

Всякий, знакомый с моими «Очерками», легко увидит всю необоснованность этого обвинения. Я в «Очерках» настойчиво провожу мысль о качественном своеобразии каждой экономической структуры общества. Я настойчиво подчеркиваю мысль, что различные экономические структуры общества качественно, а не только количественно отличаются одна от другой. Поэтому, говоря на с. 42 «Очерков», что «экономическая система Маркса изучает ряд усложняющихся типов производственных отношений между людьми», я на той же странице счел нужным сделать следующее примечание: «Мы имеем в виду различные виды или типы производственных отношений людей в капиталистическом обществе, а не различные типы производственных отношений, характери-

зующие различные общественные формации». Казалось бы, всякому непредубежденному читателю должно быть ясно, что процесс усложнения производственных отношений и соответствующих им экономических категорий рассматривается мною на фоне определенной экономической структуры общества, а именно капиталистического хозяйства. Признавая качественное своеобразие каждой экономической структуры, я прямо указывал, что исторический переход от простого товарного хозяйства (которое существовало до возникновения капитализма, хотя и не получило полного развития) к капиталистическому хозяйству имел характер появления качественно новой экономической структуры, характер экономического переворота. На с. 102 «Очерков» я писал: «Для превращения денег в капитал необходим был огромный исторический переворот, описанный Марксом в главе о первоначальном капиталистическом накоплении».

Мимоходом отметим, что С. Бессонов не стесняется выдвигать против меня обвинения совершенно противоположного характера, преследуя исключительно одну цель: бросить тень на своего противника. Только что Бессонов приписывал мне мнение, что капиталистическое общество возникло в результате простого «усложнения» товарного хозяйства. Очевидно, что это обвинение предполагает существование простого товарного хозяйства до возникновения капиталистического хозяйства. Между тем в тезисах С. Бессонова, представленных им к диспуту в Институте красной профессуры 30 марта 1929 г., мы читаем: «Для него (Рубина) стоимость не есть исторический «приус» цены производства, товар не есть исторический предшественник капитала, а простое товарное общество есть лишь логическая абстракция капиталистического общества». Бессонов не замечает (или надеется, что другие не заметят) противоречия в его аргументации. Одно из двух: если с моей точки зрения «простое товарное хозяйство есть лишь логическая абстракция капиталистического общества», то нелепо обвинять меня в непризнании «скачка» при переходе от первого к последнему; если же я действительно виновен в непризнании этого «скачка», то, очевидно, я признаю существование простого товарного хозяйства до возникновения капитализма. Оба обвинения Бессонова не могут быть одновременно правильными. Но это, конечно, не значит, что они оба не могут быть ложными. Одно обвинение столь же мало обосновано, как и другое.

Необоснованность обвинения в непризнании «скачка» была уже отмечена выше. Что же касается обвинения в непризнании исторического «приуса» стоимости, то нам достаточно процитировать следующее место из «Очерков» (с. 278): «Трудовая стоимость (или товар) представляет исторический «приус» по отношению к цене производства (или капиталу), она существовала в зачаточном виде до капитализма, и только известное развитие товарного хозяйства подготовило почву для возникновения капиталистического хозяйства». Прибавлять что-нибудь к этой цитате мы считаем излишним.

Выше мы уже отметили один из приемов полемики С. Бессонова. Если я пишу, что для исследователя капиталистического общества су-

ществует не только проблема зависимости производственных отношений от распределения средств производства, но и проблема сращения производственных отношений с вещами, то Бессонов утверждает, что я признаю существование только последней проблемы. Вместо слов «не только, но и» Бессонов ставит слово «только». Второй прием его заключается в том, что он ставит слово «только» там, где у меня вообще это слово не фигурирует в тексте. Бессонов на с. 139 своей статьи пишет: «...как это утверждает Рубин, когда говорит, что только «обмен соединяет в себе неразрывно моменты социально-экономический и материально-вещный». Пусть читатель обратится к с. 26 «Очерков», на которую ссылается Бессонов, и он убедится, что никакого намека на то, что «только» обмен соединяет в себе оба указанных момента, у нас нет. Как убедится читатель из той же с. 26, наша фраза об обмене представляет собой не что иное, как повторение многократно встречающегося у Маркса указания, что процесс обращения включает в себя «обмен веществ» и «превращение форм». Но мы одновременно с этим указывали, что и процесс производства соединяет в себе материально-вещный и социально-экономический моменты («Очерки», с. 16—17, 22, 24, 25). Мы только считали нужным подчеркнуть, что в процессе непосредственного производства простой товаропроизводитель связан непосредственными отношениями не с определенными лицами, а лишь с неопределенным рынком (с. 24, 25 «Очерков»). Но ведь отрицать это—значило бы отрицать стихийный характер товарного хозяйства.

Третий полемический прием Бессонова состоит в следующем: он заключает в кавычки и приписывает мне слова, которых я никогда не произносил. На той же с. 139 своей статьи, на которой Бессонов произвел некую операцию над моей фразой об обмене, он пишет: «Рубин на сотню ладов разъясняет нам, что технология не имеет отношения к социальным формам общественных явлений, что это есть нечто, относящееся к «естественным отношениям предметов», подлежащее всяческому изгнанию из политической экономии в сферу грубых натуралистических категорий». Всякий читатель, не знакомый с полемическими приемами Бессонова, вправе думать, что заключенные в кавычки слова «естественным отношениям предметов» принадлежат мне и высказаны мною, если и не «на сотню ладов», как утверждает Бессонов, то, по крайней мере, хотя бы однажды. А между тем слова эти вообще не принадлежат мне. На предыдущей странице своей статьи (с. 138) Бессонов приводит цитату из сочинений Амонна, в которой встречаются приведенные слова. На следующей странице эти слова уже приписываются мне.

Приведенных примеров, число которых можно было бы умножить, вполне достаточно для характеристики полемических приемов Бессонова.

3. КЛАССИКИ И МАРКС

В первой части статьи мы ответили на возражения, развитые С. Бессоновым в его статье в № 1 журнала «Проблемы экономики»; сейчас мы переходим к разбору второй половины его статьи, помещенной в № 2 этого же журнала.

Начало своей статьи Бессонов посвящает вопросу о классиках и Марксе. Бессонов резко критикует изложение теории товарного фетишизма, данное мною в «Очерках»; он утверждает, что я напрасно приписал Марксу заслугу открытия тайны фетишизма. По его мнению, эта тайна была уже открыта классиками. «По мнению Маркса, уже классики видели за вещами скрывающиеся за ними производственные отношения людей. Правда, они видели это не так ясно, как видел Маркс, правда, они часто путались в этом вопросе вследствие того, что считали товарный, т. е. буржуазный способ производства вечным, а не исторически-преходящим. Однако никогда, конечно, Марксу не могло притти в голову нападать на классиков именно по этой линии. Напротив, теория товарного фетишизма отделяет Маркса не от классиков, а от вульгарных экономистов» («Проблемы экономики», № 2, стр. 83. В дальнейшем цитируем эту книжку журнала без указания источника). Вывод Бессонова, подчеркнутый им курсивом, гласит, что «Рубин навязывает читателю им самим выдуманное различие Маркса от классиков» (стр. 82).

Бессонов и на этот раз хочет найти сходство между моим изложением и идеями Струве или буржуазных экономистов социального направления. Он сообщает, что я преподношу читателю «Струвианско-штольцмановское представление о классиках» (стр. 80). Сам же Бессонов убежден в том, что уже классики сумели вскрыть за вещными категориями производственные отношения людей, и не здесь следует искать их главное отличие от Маркса; главный недостаток классиков, по его мнению, заключается отнюдь не в том, что они были «несоциальны», а в том, что они были «неисторичны» (стр. 82). Этот признак «неисторичности» кажется Бессонову совершенно достаточным для того, чтобы провести разграничительную черту между классиками и Марксом. Меня он упрекает именно в том, что я считаю этот признак недостаточным. «В том-то и дело, что признак историчности, или неисторичности кажется Рубину недостаточным» (стр. 82).

Обратимся к разбору изложенного взгляда Бессонова на учение классиков. На каком основании приписывает мне Бессонов мысль, что классики ничем не отличались от вульгарных экономистов? В доказательство он ссылается на следующую фразу из моей книги «История экономической мысли» (стр. 237): «Социальные формы, принимаемые вещами при наличии определенных производственных отношений между людьми, Рикардо принимает за свойства самих вещей». Эта цитата дает повод Бессонову к следующему восклицанию: «Нужно относиться с большим пренебрежением к прямым указаниям Маркса, чтобы в книге, претендующей на марксистскую характеристику и официально одобренной Гусом, решиться бросить подобное обвинение Рикардо» (стр. 78). Бессонов при этом ссылается на известную фразу Маркса о том, что Рикардо рассматривал стоимость как «простое выражение, специфически общественную форму производительной деятельности людей». Отсюда он делает вывод, что свою оценку классиков я заимствовал не у Маркса, а у Струве.

Это обвинение Бессонова, как и большинство других его обвинений, имеет единственным своим источником полное незнакомство автора с марксистской литературой, посвященной данному вопросу. Неужели, действительно, я должен был обращаться к Струве, чтобы найти указания на склонность классиков к смешению социальных функций вещей с их естественными функциями? Неужели я не мог найти подобного рода указания как у самого Маркса, так и у авторитетнейших представителей марксизма, писавших на протяжении целого полувека? Если бы Бессонов не обнаружил полной беззаботности насчет истории марксистской мысли, он легко убедился бы, что инкриминируемая им мне фраза о Рикардо представляет собою не что иное, как повторение мысли, встречающейся у большинства авторитетных представителей марксизма. В этом вопросе, как и в других, Бессонов, сам того не сознавая, резко порывает с общепринятыми среди марксистов взглядами.

Начнем в хронологическом порядке со старой статьи Каутского под названием «Нищета философии» и «Капитал», написанной им в 80-х годах, когда он находился еще в постоянном общении с Энгельсом. В этой статье читаем: «Экономисты, часто даже Рикардо, в большинстве случаев смешивали е с т е с т в е н н ы е формы, которые лежат в основе экономических категорий, с о б щ е с т в е н н ы м и отношениями, выражающими их в действительности. Они должны были делать это, так как рассматривали экономические категории, поскольку это вообще возможно, отделенными одна от другой, в неподвижном состоянии. При такой манере исследования утрачивается почти полностью их общественный характер, тогда как их естественные формы больше бросаются в глаза» (Каутский, Соч., т. I, 1928 г., стр. 219). О том же он говорит в другом месте: «Маркс таким образом исходит из анализа товара, тогда как Рикардо (а также Родбертус) принимает товар и продукт как нечто равнозначащее, смешивает естественную форму, лежащую в основе товара, с общественным отношением, превращающим продукт в товар» (там же, стр. 224).

В еще более резких выражениях, если только возможно, мы встречаем такую же характеристику классиков у Розы Люксембург: «Коренная разница между рикардовской и марксовской теориями трудовой стоимости,—разница, которую не сумели оценить буржуазные экономисты и которая почти всегда оставляется без внимания в популяризациях учения Маркса,—заключается в том, что Рикардо, соответственно своему общему естественно-правовому пониманию буржуазного хозяйства, считал и создание стоимости естественным свойством человеческого труда, индивидуального конкретного труда отдельного человека» (Люксембург, «Накопление капитала», 1923 г., стр. 48). Еще более резко проявляется эта черта у Смита. «Смит прямо считал создание стоимости физиологическим свойством труда, как проявления животного организма человека. Точно так же как паук производит из своего тела паутину, так создает стоимость работающий человек,—всякий человек, который создает полезные вещи,—потому что работающий человек с самого начала является товаропроизводителем, как человеческое общество от природы является обществом, покоящемся на обмене, а товарное хо-

зяйство — нормальной формой человеческого хозяйства» (там же, стр. 49.)

В конце цитированной фразы Люксембург правильно указывает причину, побуждавшую классиков видеть в стоимости свойство, присущее всякому продукту труда. Причина эта заключается в том, что классики принимали капиталистическое производство за производство вообще, т. е. не отличали материально-технический процесс производства вообще от той специфической общественной формы, которую он имеет в капиталистическом хозяйстве. Беда классиков заключалась не только в их «неисторичности», как думает Бессонов. Если бы заслуга Маркса заключалась только в том, что он понял исторически-преходящий характер капитализма, то трудно было бы отличать Маркса от буржуазных экономистов исторического направления и в частности от какого-нибудь Зомбарта. Маркс не только показал нам исторически-преходящий характер капиталистического хозяйства, но и объяснил нам, что возникновение, развитие и гибель каждой экономической формации общества объясняется противоречием между производительными силами и производственными отношениями, т. е. между материально-техническим процессом производства и специфической общественной формой, принимаемой им в данный исторический период. Только это учение о противоречии между производительными силами и производственными отношениями и делает метод Маркса не только историческим, но и диалектическим. И именно это диалектическое понимание было совершенно чуждо классикам. О Рикардо Маркс пишет: «Буржуазное, точнее капиталистическое производство Рикардо рассматривает, как абсолютную форму производства; поэтому присущие ему определенные формы производственных отношений не могут вступать в противоречие или налагать оковы на производство как таковое» («Theorien», т. III, стр. 54). Как видим, главный недостаток Рикардо, по мнению Маркса, заключается в том, что он не рассматривал экономические явления, как связанные именно с данной специфической общественной формой, принимаемой процессом производства в капиталистическом хозяйстве. А это и значит, что классики были не только «неисторичны», но и смешивали социальные функции вещей с техническими. Видеть единственное отличие Маркса от классиков в его «историчности»—значит похерить весь диалектический метод Маркса. Роза Люксембург идет еще дальше и даже обвиняет Смита и его последователей в том, что «они в капиталистическом товарообмене смешивают потребительную стоимость товаров с их отношениями стоимости» (там же, стр. 56).

Приблизительно такую же характеристику классиков дает, наконец, и Гильфердинг. Категории Рикардо «остаются естественными категориями; стоимость для него все еще свойство самого блага, заключающегося в том, что оно есть продукт труда, как для другой категории благ стоимость заключается в их редкости; капитал для него не что иное, как «накопленный труд», что, по выражению Маркса, представляет только «экономическое название» для средств производства» (Гильфердинг, Постановка проблемы теоретической экономии у Мар-

кса, сборник «Основные проблемы политической экономии», 3-е издание, стр. 75—76).

Как видим, то «странное обвинение», которое я, по словам Бессонова, бросил классикам, представляет собою не что иное, как буквальное повторение мысли, встречающейся у всех авторитетных представителей марксизма. Бессонов же решительно возражает против этой мысли и считает, что теория товарного фетишизма отделяет Маркса лишь от вульгарных экономистов, а не от классиков. Кто же в таком случае, я или Бессонов, продолжает в данном вопросе традиции марксистской мысли и кто из нас вносит, по его словам, «бесспорную новость» в марксистскую литературу? В оправдание Бессонова можно лишь сказать, что он просто-напросто не знает, как смотрели лучшие марксисты на учение классиков, и поэтому возражает против общепринятых в марксистской литературе взглядов, сам того не сознавая. Если Бессонов не удовлетворится приведенными нами цитатами из сочинений авторитетных марксистов, то мы охотно можем привлечь на помощь и самого Маркса. Неужели Бессонову неизвестно, что революционный переворот, произведенный Марксом в учении о капитале, заключается именно в том, что он увидел в капитале общественное производственное отношение людей? Неужели ему неизвестно, что именно в этом заключается характерная черта марксовой теории капитала, резко отличающая ее от учения классиков? Такое представление о марксовой теории капитала является не только общепринятым среди марксистов, но и сам Маркс неоднократно указывал на это обстоятельство. Маркс писал: «Рикардо различает его (капитал) только как «накопленный труд» от «непосредственного труда». И он представляется как нечто только вещественное, только элемент в процессе труда, из которого никогда не может быть развито отношение труда и капитала, заработной платы и прибыли» («Теории прибавочной стоимости», т. II, ч. 1, 1923 г., стр. 88). Еще резче выражается Маркс о Смите. «Он перечисляет те предметы, те вещественные элементы, которые образуют основной капитал, и те, которые образуют оборотный капитал, как будто такое предназначение присуще предметам вещественно, от природы, как будто эти категории вытекают не из определенных функций этих предметов в капиталистическом процессе производства» («Капитал», т. II, 1927 г., стр. 135).

Число этих цитат можно было бы умножить, но мы полагаем, что и приведенных уже достаточно для полного опровержения взглядов Бессонова. Но, спросит читатель, как же объяснить в таком случае приведенную Бессоновым цитату из Маркса, в которой говорится, что Рикардо рассматривал стоимость как выражение производительной деятельности людей? Это кажущееся противоречие объясняется очень просто тем, что система классиков сама противоречива. С одной стороны, классики сводят, хотя и недостаточно последовательно, различные формы дохода к стоимости, а стоимость к труду. Своей теорией трудовой стоимости они подготовили путь для раскрытия общественного характера всех экономических категорий. Однако они только подготовили путь для решения этого вопроса, но сами не разрешили его, главным образом благодаря своему непониманию двойственного

характера труда и двойственного характера самого процесса производства. Так как они смешивали конкретный труд с абстрактным, материально-технический труд с общественным трудом, то вполне понятно, что стоимость они должны были рассматривать как результат труда вообще и, следовательно, как нечто присущее всякому продукту труда. С одной стороны, они сводили стоимость к труду, а с другой стороны, именно потому, что они не понимали общественной формы этого труда, они считали естественным свойством вещи как эту стоимость, так и производные от нее социальные формы (например, капитал). Именно поэтому в учении классиков смешивались и переплетались все время две точки зрения: общественно-трудовая и вульгарно-вещная. Поэтому, как неоднократно указывает Маркс, учение Смита явилось истоком для двух различных течений экономической мысли: для теории трудовой стоимости и для вульгарной политической экономии. Именно поэтому даже в теории Рикардо имеется, по словам Маркса, «вульгарный элемент» («Theorien», т. III, стр. 574), который проявляется очень ярко, например, в его учении о капитале и прибыли.

Если бы Бессонов не ограничился одной цитатой из моей книги «История экономической мысли», он убедился бы, что я тщательно подчеркиваю обе указанные стороны учения о классиках. На стр. 280 этой книги, я дал общую характеристику учения классиков в следующих словах: «Классическая школа изучала социальные формы вещей (стоимость, заработную плату, прибыль и ренту), не отдавая себе ясного отчета в том, что они представляют собою не что иное, как выражение социально-производственных отношений людей. Отсюда двойственность в учениях классической школы. Поскольку она изучала социальные формы вещей в их отличии от самих вещей (например, стоимость продукта в отличии от самого продукта как потребительной стоимости), постольку она рассматривала их как порождение человеческого труда (хотя не отдавая себе ясного отчета в социальной форме организации труда), а тем самым и человеческого общества. С этой «трудовой» точки зрения классики свели заработную плату, прибыль и ренту к стоимости, а стоимость—к труду. В труде они нашли глубоко скрытую основу всех экономических явлений и своею теорией трудовой стоимости заложили основы политической экономии как науки социальной. С другой стороны, поскольку классики изучали социальные формы вещей, они склонны были искать их происхождение в натуральных или материально-технических свойствах самих этих вещей. Им казалось само собой понятным, что средства производства (машины и пр.) обладают социальною формою капитала. Не менее понятным казалось им, что капитал должен приносить прибыль. Отсюда легко было притти к выводу, что капитал в своей материально-технической форме (машины и т. п.) создает прибыль, получаемую его владельцем. Такой взгляд находился в полном согласии с общепринятыми, «вульгарными» взглядами, господствующими в кругах предпринимателей и вообще среди широкой публики, ограничивающейся поверхностным наблюдением экономических явлений».

Эта цитата с несомненностью показывает, что я в достаточной мере подчеркнул именно обе стороны учения классиков и показал своеобразное сплетение в их работах двух точек зрения—трудовой и вульгарной. Но именно поэтому никак нельзя сказать, что классики уже сумели разгадать тайну товарного фетишизма и рассматривали экономические категории как выражение производственных отношений людей. Отмечая вульгарную или натуралистическую сторону в учении классиков, мы не только не погрешаем против истины, но мы лишь благодаря этому делаем возможным правильное понимание отличия Маркса от классиков,—отличия, которое, по словам Люксембург, «не сумели оценить буржуазные экономисты». Мы теперь можем только прибавить, что это отличие не было понято не только буржуазными экономистами, но и до сих пор не понято некоторыми экономистами, охотно причисляющими себя к ортодоксальным марксистам. Повидимому, свою ортодоксальность они видят в том, чтобы оспаривать у Маркса честь разоблачения товарного фетишизма и приписывать ее классикам.

4. ТЕОРИЯ ТОВАРНОГО ФЕТИШИЗМА

После изложенного выше читатель легко может представить себе взгляды Бессонова на теорию товарного фетишизма. По его словам, «Рубин неожиданно для марксистов заявляет, что теория товарного фетишизма есть величайшее из открытий Маркса» (стр. 84. Разрядка наша). Бессонов утверждает, что «подобное подчеркивание теории товарного фетишизма представляет из себя бесспорную новость в марксистской литературе» (стр. 83). По своему обыкновению, он и здесь не может обойтись без того, чтобы при помощи легкого «исправления» цитат критикуемого автора приписать ему мысли, составляющие собственность самого критика. Бессонов приписывает мне мысль, что заслуга Маркса заключается только в его учении о товарном фетишизме. Бессонов спрашивает: «В самом ли деле заслуга Маркса перед политической экономией заключается только («исключительно»!) в том, что Маркс за вещами усматривал производственные отношения» (стр. 83). В доказательство Бессонов на той же 83 стр. ссылается на следующую мою цитату: «Исключительной заслугой Маркса является внесение в политическую экономию метода социологического, усматривающего в вещных категориях выражение производственных отношений людей». Эту цитату Бессонов нашел на странице 36 моих «Очерков». Однако печальный опыт знакомства с полемическими приемами Бессонова приучил нас уже не доверять его кавычкам и ссылкам на страницы «Очерков». Обратимся и на этот раз к цитируемой им странице 36 «Очерков» и, к нашему удивлению, вместо приведенной Бессоновым цитаты найдем следующие слова: «Абстрактный метод общ Марксу со многими его предшественниками, включая Рикардо. Но исключительно его заслугой является внесение в политическую экономию метода социологического, усматривающего в вещных категориях выражение производственных отношений людей». Как ясно всякому грамотному читателю (а Бессонов, как увидим ниже, считает себя специалистом по части грамотности), я в этой фразе отнюдь не

утверждаю, что заслугой Маркса является только его учение о товарном фетишизме; я утверждаю, что развитие учения о товарном фетишизме является «исключительно его заслугой» (т. е. Маркса), а не заслугой классиков, как то думает Бессонов. Проверим сейчас и в применении к данному вопросу, кто из нас, я или Бессонов, разделяет общепринятые в марксистской литературе взгляды и кто с ними порывает.

Начнем с Энгельса, который пишет: «В политической экономии речь идет не о вещах, а об отношениях между лицами, в последней же инстанции между классами, но эти отношения всегда связаны с вещами и проявляются как вещи. Эта зависимость (в подлиннике «связь»), слабое сознание которой, конечно, мелькало уже в отдельных случаях у того или другого экономиста, была впервые раскрыта Марксом в ее значении для всей политической экономии, благодаря чему он мог труднейшие вопросы так упростить и так ясно изложить, что они теперь будут понятны даже буржуазным экономистам («Под знаменем марксизма», 1923 г., №№ 2—3, стр. 56. Разрядка наша). Как видим, Энгельс считает, что теория товарного фетишизма была «впервые раскрыта» Марксом, что у его предшественников лишь в отдельных случаях мелькало слабое сознание связи между вещами и общественными отношениями людей. Бессонов сам знает, что приведенные слова Энгельса прямо опрокидывают все его взгляды на марксову теорию товарного фетишизма. Он поэтому полагает, что приведенное мнение Энгельса о теории товарного фетишизма «несколько отлично» от мнения самого Маркса (стр. 94). Не стоит подробно доказывать, что это мнение Энгельса в точности характеризует самую сущность учения Маркса и в полной мере разделялось всеми авторитетными марксистами.

Плеханов писал: «Экономические категории сами выражают собою не что иное, как взаимные отношения людей, или целых классов общества в общественном процессе производства. Экономическая наука только тогда и стала на правильную точку зрения, когда поняла это и занялась исследованием тех взаимоотношений, которые скрываются за мнимыми качествами вещей и за таинственными свойствами экономических категорий» (Плеханов, Соч., т. VI, 1925 г., стр. 170. Разрядка наша). Плеханов говорит, что политическая экономия только тогда и стала на правильную точку зрения, когда была открыта тайна товарного фетишизма, и честь этого революционного переворота в науке Плеханов приписывает именно Марксу.

Каутский в своей известной популярной работе «Экономическое учение Маркса» пишет: «Маркс первый раскрыл фетишистический характер товара; он первый признал капитал не вещью, а осуществляющимся через посредство вещей отношением и исторической категорией» (Каутский, Соч., т. I, стр. 201). И в других местах Каутский подчеркивает революционное значение этого разоблачения фетишизма, присущего буржуазной политической экономии, в том числе и классической (там же, стр. 224 и др.).

Люксембург пишет: «Лишь Маркс впервые увидел в стоимости

особое общественное отношение, возникающее при определенных исторических условиях; он пришел вследствие этого к разграничению между обеими сторонами труда, создающего товар» (цитированное сочинение, стр. 49).

Гильфердинг также подчеркивает, что только благодаря своему учению о товарном фетишизме Марксу удалось разрешить загадку общества: «Загадка общества была разрешена благодаря открытию «общественной субстанции» товара, благодаря доказательству, что при видимо вещных отношениях товаров речь идет о человеческих отношениях и притом о человеческих отношениях в пределах вполне определенного производственного отношения, в пределах товаропроизводящего общества, т. е. речь идет об открытии присущего товару характера фетишизма. Именно эту изменившуюся постановку проблемы не надо упускать из виду, если хотят анализировать отношение Маркса и Рикардо, ибо лишь с этой точки зрения можно получить ясное представление о совершенно различном значении обеих систем» (цит. соч., стр. 75. Разрядка наша).

Изложенные цитаты достаточно наглядно показывают, в какой мере прав Бессонов, когда он говорит, что особое «подчеркивание теории товарного фетишизма представляет из себя бесспорную новость в марксистской литературе». Это подчеркивание может представлять «бесспорную новость» только для критика, который не потрудился познакомиться с тем, что написано по данному вопросу в марксистской литературе на протяжении целого полувека. Центральное значение теории товарного фетишизма было всегда известно марксистам, и в этом отношении я опять-таки лишь отстаивал и развивал мысль, встречающуюся у лучших представителей марксистской экономической литературы. Если я писал, что теория товарного фетишизма является «пропедевтикою политической экономии», то другими словами выражал ту же самую мысль и Н. И. Бухарин в своей книге «Экономика переходного периода» (стр. 7). Маркс в своем учении о товарном фетишизме дал блестящее социологическое введение в теоретическую экономию, обосновав последнюю как исторически ограниченную дисциплину».

Бессонов пытается ссылаться на то, что сам Маркс будто бы не придавал такого центрального значения своему учению о товарном фетишизме: «Ни Маркс, ни кто-либо из его последователей до Рубина не открыли, что в теории товарного фетишизма содержится ключ ко всей марксистской теории» (стр. 24). Что касается «последователей» Маркса, то мы уже достаточно ясно видели, что все они в один голос подчеркивают огромное значение теории товарного фетишизма, как «ключа» ко всей теории Маркса. Но обратимся к самому Марксу. Бессонов неоднократно ссылается на известные письма Маркса, в которых он отмечает важнейшие учения, изложенные им в «Капитале». Маркс отмечает «три важнейших и совершенно новых элемента книги»: первый—учение о двойственной природе труда, образующего товар; второй—учение о том, что все нетрудовые доходы представляют собой лишь части прибавочной стоимости; третий—учение о том, что заработная плата есть иррациональная форма проявления скрывающегося за

ней отношения» (Маркс и Энгельс, Письма, 1923 г., стр. 169). Бессонов утверждает, что в этих письмах Маркса «нет ни слова о товарном фетишизме» (стр. 94). Он не понимает, что важны не слова, а суть дела. Некоторые авторы очень часто употребляют определенные слова, хотя не отдают себе ясного отчета в их значении. Например, Бессонов очень часто употребляет слова о классовой борьбе и противоречиях капитализма, хотя, как увидим ниже, из всего его изложения с необходимостью вытекает отрицание растущих противоречий капитализма и необходимости социальной революции. Маркс не употребляет в указанных письмах слова «товарный фетишизм», но по существу говорит именно о тех частях «Капитала», которые могли быть им развиты только при помощи учения о товарном фетишизме. Действительно, только на основе учения о том, что вещные категории представляют собою выражение общественных производственных отношений людей, Маркс мог развить свои мысли: 1) о двойственной природе труда, как конкретного и абстрактного; 2) о том, что все нетрудовые доходы представляют собою части прибавочной стоимости, которая в свою очередь является выражением производственных отношений между классами капиталистов и рабочих, 3) что под иррациональной формой заработной платы скрываются общественные производственные отношения, заключающиеся в продаже рабочей силы. Бессонов часто признает, что учение о двойственной природе труда составляет характерную особенность теории Маркса, резко отличающую ее от теории классиков. Но ведь именно учение о двойственной природе труда совершенно неразрывно связано с марксовой теорией товарного фетишизма, как это неоднократно и подчеркивалось многими марксистами.

Какие же упреки выдвигает Бессонов против моего понимания теории товарного фетишизма? В «Очерках» я неоднократно подчеркиваю, что социальные формы вещей (стоимость, деньги, капитал и т. д.) представляют собой выражение общественных производственных отношений людей. Бессонов находит у меня следующие ошибки: 1) я будто бы полностью игнорирую «развитие материального производства» (стр. 87); 2) я будто бы утверждаю, что «задача политической экономии заключается не в том, чтобы изучать эти производственные отношения, а в том, чтобы изучать их *вещное выражение, как таковое*» (стр. 85, 86); 3) поэтому производственные отношения мною «с досадой отставляются в сторону, так как они мешают всестороннему углублению комментатора в спокойно-мертвый мир вещей и саморазвивающихся категорий» (стр. 88).

Мы не будем долго останавливаться на первом упреке; уже в первой части нашей статьи мы указывали, что движущей причиной развития производственных отношений является развитие материальных производительных сил общества. Экономист должен всегда помнить, что изучаемые им производственные отношения людей составляют только одну сторону процесса производства, что они являются той формой, в которой происходит движение и развитие производительных сил. Но это обстоятельство ни в малейшей мере не мешает экономисту сделать «непосредственным» предметом своего изучения именно производственные

отношения людей. Всякая попытка включить производительные силы в непосредственный предмет исследования теоретическо-политической экономии означает отказ от принятых Марксом положений. Сам Бессонов, который на диспуте в Институте красной профессуры (апрель—май 1929 г.) выдвинул идею о «равноправном» включении в предмет политической экономии и производственных отношений и производительных сил, вынужден был на том же диспуте от этой своей идеи отказаться.

Второй упрек, приписывающий мне желание изучать не производственные отношения людей, а их «вещное выражение как таковое», ни на чем не основан. Центральная идея моих «Очерков» заключается именно в том, чтобы показать неразрывную связь всех социальных форм вещей с лежащими в их основе производственными отношениями людей. В частности на всем протяжении моей книги стоимость изучается не «как таковая», а как выражение производственных отношений людей и регулятора распределения общественного труда между различными отраслями производства. Каждая страница моей книги направлена именно к тому, чтобы выяснить роль стоимости в процессе общественного производства. Поэтому всякие обвинения, что я будто бы отрываю стоимость от материально-технического процесса производства, представляются совершенно необоснованными. Еще более необоснованными, если только это возможно, являются утверждения, что я изучаю стоимость «как таковую» и отбрасываю в сторону лежащие в ее основе общественные производственные отношения людей. Правда, я изучаю эти производственные отношения в их «овеществленном» виде, т. е. в том виде, в каком они проявляются через посредство вещей. Но это объясняется только тем, что указанные производственные отношения людей, по выражению Энгельса, «всегда связаны с вещами и проявляются как вещи». Всякий, кто хочет изучать эти производственные отношения людей, отбросив в сторону вещную форму их проявления, неизбежно должен притти к «политической экономии без стоимости», защитником которой выступал Туган-Барановский. Изучать производственные отношения капиталистического хозяйства вне вещных форм их проявления—значит уподоблять стихийное, неорганизованное капиталистическое хозяйство плановому, организованному социалистическому хозяйству. Именно этим грехом и страдают буржуазные экономисты социального направления, в первую очередь Штольцман, который представляет себе производственные отношения капиталистического хозяйства по типу планомерно организованных отношений и поэтому совершенно не понимает значения вещных форм их проявления. Вообще полное непонимание необходимости овеществления производственных отношений людей характеризует всех представителей социального направления. Даже те из них, которые находились под сильным влиянием Маркса и высоко ценят его теорию товарного фетишизма (Штольцман и Петри), понимают последнюю односторонне. Они считают, что Маркс под производственными отношениями вещей вскрыл отношения людей, но они не понимают, что этим задача марксовой теории товарного фетишизма не исчерпывается; Маркс показал также, что производственные отношения людей в товарном хозяйстве необходимо принимают

форму свойства вещей. Именно этой второй стороне теории товарного фетишизма я посвятил главное свое внимание в «Очерках» и именно эта сторона марксовой теории осталась совершенно непонятой всеми буржуазными экономистами социального направления. Поэтому, хотя Штольцман и Петри высоко ценят теорию товарного фетишизма Маркса, но она в сущности в их рассуждениях не играет центральной роли; они отбрасывают отношения вещей, чтобы вскрыть за ними отношения людей, но они не понимают, что эти отношения людей должны быть изучаемы в их овеществленной форме.

Столь же упрощенно представляет себе теорию товарного фетишизма и Бессонов: «Вернемся к теории товарного фетишизма и согласимся на момент с Рубиным, что суть марксова учения заключается именно в том, чтобы за вещами видеть производственные отношения. Казалось бы, естественный вывод отсюда заключается в том, чтобы, откинув вещи, немедленно и всерьез приняться за изучение скрытых за ними производственных отношений» (стр. 85). Бессонов понимает теорию товарного фетишизма так же односторонне, как и экономисты социального направления. Он думает, что, раз мы за свойствами вещей вскрыли производственные отношения людей, мы можем изучать последние в их непосредственно общественном, а не вещном выражении; он забывает, что эти производственные отношения необходимо принимают вещную форму и вне последней нами изучаться не могут. Надо прибавить, что Бессонов здесь лишь повторяет мысли, изложенные в свое время Богдановым. Именно Богданов считал, что задача теории товарного фетишизма ограничивается тем, чтобы сорвать вещный покров с экономических явлений, «дефетишизировать» последние и изучать их вне вещной формы их проявления.

Приписывая мне мнимое преувеличение роли социальных форм вещей, Бессонов совершенно отбрасывает последние. К какой путанице приводит его подобное понимание, мы можем проследить на примере его рассуждений о капитале. Прежде всего Бессонов утверждает, что «капитал никогда не был для Маркса «формой вещи», как изображает Рубин» (стр. 88). На первый взгляд эта фраза может озадачить любого марксиста. Ведь все учение Маркса о кругообороте капитала, изложенное им во II томе «Капитала», основанного именно на том, что различные вещи (деньги, товары или элементы производства) поочередно принимают форму капитала. Как же можно утверждать, что капитал не является социальной формой, принимаемой вещами? Особая функция, выполняемая вещами, и придает им социальную форму капитала, которую они сохраняют даже в том случае, когда они в данный момент не функционируют в качестве носителей производственных отношений между капиталистом и рабочим.

Что же представляет собой капитал, по мнению Бессонова?—Неожиданно Бессонов становится горячим защитником изучения производственных отношений людей и заявляет: «Маркс всегда рассматривал капитал как общественное отношение между классом капиталистов и классом рабочих, отношение, неизбежно возникающее на известной ступени развития материальных производительных сил. Именно этот классо-

вый характер и был главным для Маркса в капитале, а вовсе не «экономическая форма» вещи—капитала» (стр. 88). Разумеется, для Маркса капитал представляет собой не производственное, а именно классовое отношение, но ведь, как говорит Маркс, капитал есть «общественное отношение, выраженное в вещах и через вещи» («Theorien», т. III, стр. 325). Противопоставлять производственное отношение экономической форме вещей нет ни малейших оснований, так как производственные отношения и принимают форму экономических свойств вещей; поэтому и сам Бессонов в другом месте говорит, что «Маркс определял капитал как ценность, приносящую прибавочную ценность» (стр. 81). Он, повидимому, даже не понимает, что здесь он уже признал, что общественные отношения между классами капиталистов и рабочих принимают форму особого свойства продуктов труда,—быть стоимостью, приносящей прибавочную стоимость. Согласно этому определению, общественные отношения людей уже приняли форму свойства вещей; это вынужден признать, против своей воли, сам Бессонов. Но так как он не понимает ясно этого процесса овеществления производственных отношений людей, то он впадает в безнадежную путаницу при более детальном разборе категорий капитала. Он разражается грозными тирадами против моих слов, что в капиталистическом обществе средства производства принимают форму капитала, а средства существования рабочих—форму зарплаты (стр. 81). Он утверждает, что только Богданов определял капитал как средства производства, ставшие средствами эксплоатации (стр. 81). Конечно, определение Богданова ошибочно, но не потому, что он говорил о с р е д с т в а х п р о и з в о д с т в а, а потому, что он говорил об э к с п л о а т а ц и и, не определяя ближе присущие ей специфические формы в капиталистическом обществе. С точки зрения определения Богданова средства производства (скот, сельскохозяйственный инвентарь, семена и пр.), при помощи которых бояре закабаляли себе крестьян, также являлись капиталом, ибо они служили средствами эксплоатации. Богданов забыл указать, что капиталом являются лишь средства производства, которые являются средствами эксплоатации н а е м н о г о р а б о ч е г о. Но в марксистской литературе всегда было общепринятым мнение, что именно сосредоточение средств производства в руках капиталистов составляет основу всего капиталистического общества. Маркс нередко рассматривал капитал именно как средства производства, отчужденные от рабочего и противопоставленные ему. «Труд превращается в наемный труд, а средства производства—в капитал» («Капитал», т. III, ч. 2, стр. 344).

Бессонов без всяких оснований приписывает мне мысль, что «средства существования рабочих не могут принимать форму капитала и что будто бы последняя органически сращена с формою средств производства» (стр. 81, 82). Приписав мне это мнение, критик находит, что оно «недостаточно грамотно» (стр. 82). Посмотрим, какой уровень грамотности проявляет наш критик.

Прежде всего всякий грамотный читатель должен понять, что если средства существования рабочих, по нашим словам, принимают форму заработной платы, то этим мы не только не исключаем того факта,

что они же принимают и форму капитала, но, напротив, мы прямо выражаем этот факт. Ведь всякому грамотному читателю известно, что сумма денег, представляющая для рабочего заработную плату, является переменным капиталом для капиталиста. Если мы говорим, что средства существования принимают форму заработной платы, то тем самым мы утверждаем, что они принимают косвенно и форму переменного капитала (хотя непосредственно переменным капиталом в процессе производства является рабочая сила).

Однако Бессонов умудряется спорить и против того, что средства существования рабочих принимают форму заработной платы: «Средства существования рабочих прежде всего не принимают формы заработной платы. Эту форму заработной платы, т. е. форму цены рабочей силы, принимает стоимость рабочей силы как товара, а отнюдь не средства существования рабочего» (стр. 82). Чтобы опровергнуть это заявление Бессонова, нам достаточно привести одну цитату из Маркса: «Переменный капитал есть лишь особая историческая форма, в которой проявляется **фонд средств существования** или рабочий фонд... Это—запас, который необходим рабочему для поддержания и воспроизводства его жизни и который, при всякой системе общественного производства, он должен производить и воспроизводить. Рабочий фонд постоянно притекает к рабочему в форме платежных средств за его труд» («Капитал», т. I, стр. 445. Разрядка наша), т. е. в форме заработной платы. Итак, по прямому указанию Маркса, фонд средств существования рабочего принимает форму переменного капитала или заработной платы.

Казалось бы, самому Бессонову должно быть ясно, что мы не ограничиваем форму капитала только областью средств производства. В одном месте Бессонов приписывает мне мысль, что форма капитала «органически сращена с формой средств производства» (стр. 82). Но в другом месте он же умудряется утверждать, что «именно деньги для Рубина (кстати и для вульгарных экономистов) и есть та вещь, которая обладает «социальной формой капитала» (стр. 89). Бессонов не замечает, что он противоречит сам себе: то он приписывает мне мысль, что капиталом являются только средства производства, то мысль, что «деньги сами по себе обладают формой капитала» (стр. 92), и на основании этих рассуждений он приходит к выводу, что «для Рубина определенная социальная форма неразрывно связана с «определенными вещами» (стр. 90). С какими же именно «определенными» вещами? Пусть ответит наш критик. Связываем ли мы форму капитала со средствами производства, или с деньгами? Если бы критик обнаружил больше внимания к тексту «Очерков», он не приписал бы нам этой нелепой мысли; он сделал бы из своих собственных слов вывод, что мы одинаково признаем возможность того, что форму капитала принимают и деньги, и средства производства, и средства существования рабочих. Но вместе с тем он понял бы, что капитал должен быть представлен в какой-нибудь вещи, должен быть прикреплен либо к деньгам (денежный капитал), либо к готовым товарам (товарный капи-

тал), либо к элементам производственного процесса (производительный капитал).

Совершенно нелепо приписываемое нам критиком мнение, что деньги сами по себе составляют капитал; он разражается по этому поводу тирадами на тему о необходимости принять во внимание, что капитал предполагает покупку рабочей силы. Он не видит, что, когда я говорю о деньгах, связывающих «товаровладельца—капиталиста с товаровладельцем—рабочим», я тем самым уже предполагаю продажу рабочей силы, ибо последняя есть тот единственный товар, которым располагает товаровладелец—рабочий. Только превращение рабочей силы в товар создает капиталистические производственные отношения. Но в какой мере умудрился Бессонов напутать даже в этом простом вопросе, видно из следующего примера: «Только наличие этого товара (т. е. рабочей силы) в данной меновой сделке превращает ее из простого менового акта в капиталистическое отношение. Следовательно, если уже говорить о какой-то особой специфической форме товара, с которой неразрывно связано капиталистическое отношение, то нужно говорить именно о товаре рабочая сила, а не о деньгах, как в полном противоречии с Марксом утверждает Рубин» (стр. 91). Можно только удивляться путанице, внесенной критиком в этот простой вопрос. Критик не понял, что именно благодаря тому, что рабочая сила превратилась в товар, противостоящие рабочему средства производства, или деньги—превратились в капитал. Судя по путаной фразе Бессонова, он, повидимому, думает, что мы должны признать капиталом в первую очередь не средства производства и деньги, а именно рабочую силу. Но ведь это значило бы притти к нелепому выводу, что рабочий является капиталистом, ибо он имеет капитал (т. е. рабочую силу). Маркс поэтому неоднократно подчеркивал, что рабочая сила, пока она является товаром, не является капиталом. «Поскольку рабочая сила обращается на рынке, она не есть капитал, не есть какая бы то ни было форма товарного капитала, она вообще не капитал, а рабочий—не капиталист, хотя он и выносит на рынок товар, а именно свою собственную шкуру. Лишь после того, как рабочая сила уже продана и введена в производственный процесс, следовательно, лишь после того как она перестала обращаться в качестве товара, она становится составною частью производительного капитала» («Капитал», т. II, стр. 138). Мы видим, таким образом, всю нелепость требования Бессонова считать капиталом в первую очередь товар—рабочую силу, а не деньги или средства производства. Именно потому, что рабочая сила является товаром (не будучи капиталом до тех пор, пока она остается товаром), деньги и средства производства являются капиталом.

Мы видим, к какой безнадежной путанице привело Бессонова непонимание связи между производственными отношениями и вещами, к которым они прикреплены. Бессонов, который был горячим защитником исследования в политической экономии вещей, как потребительных стоимостей, хочет изгнать из нашей науки вещи, рассматриваемые как носители общественных производственных отношений людей. Именно

Бессонов, который так рьяно отстаивал необходимость изучения многокрасочного мира реальных вещей, проявляет величайшую беспечность там, где ему приходится прослеживать связь производственных отношений людей с различными группами вещей (средства производства, средства существования, деньги, рабочая сила).

5. ОВЕЩЕСТВЛЕННЫЕ И НЕОВЕЩЕСТВЛЕННЫЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Разобранные нами критические возражения, выдвинутые Бессоновым против нашего изложения теории товарного фетишизма, тесно связаны с его собственным ошибочным пониманием этой теории. Если Бессонов утверждает, что «подобное подчеркивание теории товарного фетишизма представляет из себя бесспорную новость о марксистской литературе» (стр. 83), то подобное, более чем странное в устах марксиста заявление объясняется только тем, что сам Бессонов не понимает и недооценивает значение теории товарного фетишизма для понимания всей экономической системы Маркса. Теория товарного фетишизма дает нам в руки ключ для понимания фетишизированных, овеществленных производственных отношений людей. Так как система товарно-капиталистического хозяйства есть система стихийных, овеществленных производственных отношений людей, то отсюда понятно все огромное значение теории товарного фетишизма. Бессонов с этим положением не согласен.

Он утверждает, как увидим ниже, что с развитием капиталистического хозяйства овеществленные производственные отношения все более теряют в своем объеме и значении; отсюда он делает вывод, что и теория товарного фетишизма не имеет центрального значения для понимания капиталистического хозяйства. Бессонов согласен признать, что эта теория необходима для понимания простого товарного хозяйства, предшествовавшего капиталистическому. «В простом товарном хозяйстве общественный характер труда производителя действительно не может быть выражен иначе, как в обмене товаров, приравнивании вещей и т. п. Следовательно, здесь общественная сторона материального производства выступает на поверхность лишь в форме обмена. До этого пункта Рубин в своих «Очерках» прав, при всем несовершенстве своих формулировок» (тезисы Бессонова к диспуту в ИКП, стр. 2). Но с возникновением и развитием капиталистического хозяйства роль обмена и овеществленных производственных отношений коренным образом меняется. Эту перемену мы можем выразить в виде ряда положений, которые мы заимствуем из работ Бессонова и располагаем ниже в более или менее систематическом порядке.

Первое положение Бессонова:—*по мере развития капитализма общественное разделение труда все более вытесняется техническим разделением труда*. Это положение Бессонова кажется на первый взгляд столь странным, что мы должны подкрепить его рядом цитат из его работ. «Крестьянин устанавливает свою производственную связь с обществом исключительно через продажу производимых им продуктов, или, выражаясь фетишистическим языком Рубина, через передачу вещей. Он является *звеном обще-*

ственного разделения труда. Однако вслед за превращением продукта крестьянского труда в товар следует рано или поздно превращение в товар и самой рабочей силы крестьянина. Бывший самостоятельный производитель превращается в подавляющем большинстве в наемного рабочего. Из звена общественного разделения труда он превращается в звено технического разделения труда внутри и в пределах того производственного целого, которое зовется фабрикой. Его отношения к другим рабочим, вопреки Рубину, теряют вещный характер по той простой причине, что ни он, ни другие рабочие не являются уже владельцами вещей, хотя и являются собственниками товара—рабочая сила. Его труд из труда косвенно-общественного непосредственно становится звеном труда общественного» («Проблемы экономики», № 2, стр. 96—97. Разрядка наша). Об этом же говорил Бессонов в своем докладе в ИКП 6 апреля 1929 г.: «Чем дальше развивается капиталистическое общество, тем большее количество людей из звеньев общественного разделения труда, когда общественный характер их труда может быть выражен лишь в приравнивании вещей, превращаются в звенья технического разделения труда в пределах обобществленных кооперацией предприятий».

Итак, вместо того чтобы сказать, что с развитием капитализма наряду с общественным разделением труда развивается и техническое разделение труда, Бессонов выдвигает странное положение, что общественное разделение труда вытесняется техническим. Об этом же говорит он и во многих других местах. В своей книге «Развитие машин» (стр. 48) он утверждает, что «период войны и послевоенная концентрация капитала значительно сузили область общественного разделения труда в капитализме за счет расширения сферы технического разделения труда» (разрядка наша). В той же книге (стр. 417) он указывает, что в эпоху империализма «сфера технического разделения труда возрастает до громадных размеров... Соответственно суживается сфера общественного разделения труда» (разрядка наша). Во всех цитатах, число которых можно было бы умножить, высказывается одна и та же мысль: общественное разделение труда суживается и вытесняется техническим разделением труда; тем самым труд из косвенно-общественного становится непосредственным звеном труда общественного.

Легко доказать, что приведенное положение Бессонова обнаруживает полнейшее непонимание всего хозяйственного развития капитализма; Маркс никогда и нигде не утверждал, что расширение сферы технического разделения труда означает сужение сферы общественного разделения труда. Напротив, он указывал, что капиталистическое хозяйство характеризуется одновременным гигантским возрастанием как технического, так и общественного разделения труда, которые взаимно обусловливают друг друга. Маркс писал: «Мануфактурное разделение труда требует уже достигшего известной степени зрелости разделения труда внутри общества. Наоборот, мануфактурное разделение труда в свою очередь оказывает влияние на общественное разделение труда, развивая и расчленяя его дальше» («Капитал», т. I, стр. 266).

Рост планомерной организации труда внутри фабрики, по мнению Маркса, происходит одновременно с возрастанием стихийного анархического характера производства в пределах всего общества. «Анархия общественного и диспотия мануфактурного разделения труда взаимно обусловливают друг друга в обществе с капиталистическим способом производства» (там же, стр. 269). В этом же месте Маркс повторяет следующее положение, высказанное им в «Нищете философии»: «Можно установить, как общее правило, что чем менее подчинено авторитету разделение труда внутри общества, тем сильнее развивается разделение труда внутри мастерской».

Итак, по мнению Бессонова, общественное разделение труда вытесняется техническим. По мнению Маркса, рост технического разделения труда усиливает также и общественное разделение труда. По мнению Бессонова, одна форма разделения труда развивается за счет другой; по мнению Маркса, происходит параллельное развитие и гигантское возрастание обеих форм разделения труда,—и именно в этом кроются основные противоречия капиталистического хозяйства.

Раз, по мнению Бессонова, общественное разделение труда все более вытесняется техническим, то, следовательно, область стихийных, овеществленных производственных отношений людей все более суживается за счет расширения планомерно организованных и неовеществленных производственных отношений, которые связывают рабочих внутри данного предприятия. Отсюда вытекает второе положение Бессонова: развитие капитализма сопровождается сужением сферы действия овеществленных производственных отношений людей. Бессонов пишет: «Превращение рабочей силы в товар означает в действительности сокращение сферы действия вещно выраженных производственных отношений и, наоборот, расширение тех производственных отношений, которые не имеют вещного выражения и не «вызываются» передачей вещей» (стр. 97).

Легко доказать, что и это положение Бессонова, представляющее собою вывод из его первого ложного положения, само также оказывается совершенно ложным и опрокидывает все построение Маркса. С точки зрения Маркса, переход от простого товарного хозяйства к капиталистическому и дальнейшее развитие последнего сопровождается громадным расширением сферы овеществленных производственных отношений людей, усилением стихийного и анархического характера всего народного хозяйства. По мнению Бессонова, переход от простого товарного хозяйства к капиталистическому и дальнейшее развитие последнего сопровождается все большим сокращением сферы овеществленных, т. е. стихийных и анархических производственных отношений людей. Бессонов рисует себе следующую картину. Предположим, что существуют 100 ремесленников, работающих в условиях простого товарного хозяйства; по окончании процесса производства эти ремесленники выносят продукты своего труда на рынок; они связываются друг с другом через обмен вещей, и, следовательно, отношения между ними носят овеществленный характер. Но предположим, что простое товарное хозяйство уступило место капиталистическому; указанные выше

ремесленники из самостоятельных производителей превратилась в наемных рабочих, которые работают на одной фабрике. Отношения этих людей друг к другу теперь уже теряют свой вещный характер и носят непосредственно общественный характер. Следовательно, сфера овеществленных отношений сократилась именно благодаря тому, что рабочая сила превратилась в товар, т. е. благодаря тому, что самостоятельный мелкий товаропроизводитель превратился в наемного рабочего.

Приведенные рассуждения Бессонова совершенно извращают весь ход развития от простого товарного хозяйства к капиталистическому. Предположим, что действительно 100 ремесленников превратились в наемных рабочих. Что это означает? Это означает прежде всего, что 100 человек, которые раньше были самостоятельными ремесленниками, теперь начали продавать свою рабочую силу капиталисту; появился новый тип овеществленных производственных отношений между капиталистами и наемными рабочими; появился на рынке новый товар— рабочая сила. Иначе говоря, вопреки Бессонову, произошло не сужение, а расширение сферы овеществленных производственных отношений людей.

Однако на этом процесс не останавливается. Внутри фабрики наши 100 рабочих связаны непосредственными отношениями технического разделения труда. Только эта сторона явления и бросается в глаза Бессонову. Но ведь каждому известно, что товар на фабрике производится для продажи; следовательно, весь продукт, произведенный при помощи 100 рабочих, по окончании производства будет брошен на рынок. Таким образом переход продукта от производителя к потребителю происходит и в капиталистическом хозяйстве, как и в простом товарном, лишь через посредство обмена, т. е. овеществленных производственных отношений людей. Больше того, этот путь, проделываемый продуктом от производителя к потребителю, становится все более длинным и сложным, включающим в себя все большее количество овеществленных производственных отношений людей. Действительно, продукт из рук фабриканта переходит в руки оптового торговца, потом в руки розничного торговца. Товар проходит через руки множества торговцев, и, следовательно, сфера овеществленных производственных отношений по сравнению с простым товарным хозяйством все более расширяется и усложняется.

Дальнейшее развитие и усложнение сферы овеществленных производственных отношений людей имеет место с появлением и выделением денежного капитала и с развитием системы кредита. Фабрикант связан целым рядом отношений со своими кредиторами и должниками, возникает тесная связь промышленности с банками; появляются акционерные общества, ценные бумаги, фондовые биржи, фиктивный капитал. Вся эта громадная надстройка, характерная для эпохи финансового капитала, означает дальнейшее расширение и усложнение сферы овеществленных производственных отношений людей, означает гигантский рост фетишизации этих отношений. Весь этот процесс остался скрытым от глаз Бессонова, который видит только планомерную организацию труда внутри фабрики. Только экономист, сосредоточивший все свое

внимание на техническом разделении труда внутри фабрики и не видящий процесса общественного производства в его целом, может утверждать, что сфера общественного разделения труда по мере развития капитализма суживается. Только при полном непонимании учения Маркса об анархии капиталистического производства можно сказать, что появление фабрик означает превращение труда из косвенно-общественного в непосредственно-общественный труд. Это было бы верно лишь в том случае, если бы фабрика представляла собою общество; труд планомерно организован внутри фабрики, но сама фабрика представляет собой только частицу огромной системы стихийного, анархического, неорганизованного разделения труда внутри общества.

Исходя из своего ложного понимания развития капитализма, Бессонов приходит к выводам, которые поражают своей нелепостью. Мы уже видели, что, по мнению Бессонова, превращение рабочей силы в товар означает сокращение сферы действия вещно выраженных производственных отношений людей. Отсюда вытекает парадоксальный вывод, что превращение рабочей силы в товар означает сокращение сферы товарного производства вообще, и Бессонов, проявляя в данном случае большую последовательность, не боится сделать этот вывод: «Спрашивается, куда делась эта плодотворнейшая из революционных идей Маркса о том, что превращение рабочей силы в товар означает начало конца товарного способа производства вообще, куда он делся в мертвой схеме Рубина?» (стр. 97).

Нам очень легко ответить на этот вопрос: честь открытия этой плодотворнейшей идеи всецело принадлежит самому Бессонову, который совершенно облыжно приписал ее Марксу. Марксу никогда не приходило в голову утверждать, что превращение рабочей силы в товар означает начало конца товарного производства вообще. Маркс всегда подчеркивал, что только с момента превращения рабочей силы в товар начинается быстрое развитие товарного производства вообще. Чтобы наглядно показать, в какой мере положение Бессонова противоречит учению Маркса, мы приведем только следующую цитату: «Этот результат неизбежен, раз рабочая сила свободно продается самим рабочим как товар. Но лишь отсюда товарное производство принимает всеобщий характер и становится типичной формой производства; лишь отсюда каждый продукт начинает производиться на продажу и все производимое богатство проходит через сферу обращения. Лишь тогда, когда наемный труд становится базисом товарного производства, это последнее навязывает себя всему обществу» («Капитал», т. I, стр. 462. Разрядка наша). Читатель легко может убедиться, что Бессонов ставит на голову все учение Маркса. По словам Маркса, лишь со времени превращения рабочей силы в товар товарное производство становится типичной формой производства. По словам Бессонова, превращение рабочей силы в товар означает начало конца товарного способа производства. По мнению Маркса, лишь с этого времени все продукты начинают производиться на продажу и проходят через сферу обращения. По мнению Бессонова, превращение рабочей силы в

товар означает сокращение сферы действия вещно выраженных производственных отношений.

Раз сфера овеществленных производственных отношений все более сокращается, то мы должны притти к выводу, что по мере развития капитализма производственные отношения людей все более и более «дефетишизируются». Правда, Маркс утверждал как раз нечто противоположное; Маркс говорил, что фетишизация производственных отношений, хотя имеет место в слабо развитой форме уже в простом товарном хозяйстве, достигает наибольшего развития именно при капитализме. Маркс писал: «Все формы общества, поскольку они доходят до товарного производства и денежного обращения, в той или иной мере характеризуются таким искажением действительных отношений. Но при капиталистическом способе производства и при капитале... этот заколдованный и извращенный мир получает несравненно большее развите» («Капитал», т. III, ч. 2, 1928 г., стр. 297). Но, как мы уже убедились выше, положения Маркса служат Бессонову, повидимому, только для того, чтобы преподносить читателям утверждения противоположного характера. Этому методу Бессонов не изменяет и на этот раз. Он пишет: «Там, где замирает товарный оборот, где спадает фетишистская стоимостная оболочка общественного труда, там перестают действовать прежние категории политической экономии, и обнажившийся материальный остов общественного производства требует другого подхода, скорее натурально-технического порядка, чем абстрактно-экономического» («Развитие машин», стр. 42). Читатель, может быть, подумает, что Бессонов имеет здесь в виду переходный период от капиталистического хозяйства к социалистическому, когда действительно спадает фетишистическая стоимостная оболочка общественного труда и обнажается материальный остов общественного производства. Но в том-то и дело, что Бессонов в цитированной фразе имеет в виду отнюдь не переходный период от капитализма к социализму, а имеет в виду эпоху капитализма военного и послевоенного времени. Больше того, как уже вытекает из всего изложенного выше, Бессонов должен применить положение о «дефетишизации» производственных отношений людей ко всему периоду развития капиталистического хозяйства, начиная с превращения рабочей силы в товар.

На страницах 416 и 418 своей книги «Развитие машин» Бессонов дает схему хозяйственного развития человечества с точки зрения постепенного возрастания технического разделения труда. Он насчитывает следующие 6 фаз развития хозяйства: 1) натуральное хозяйство, 2) «стадия простого товарного хозяйства и торгового капитала», 3) стадия «свободного капитализма примерно до 70-х годов прошлого века», 4) стадия империализма, 5) хозяйство Советской России, 6) система коммунистического общества. Первые две фазы охватывают докапиталистическое хозяйство, третья и четвертая фазы охватывают капиталистическое хозяйство.

К нашему удивлению, мы узнаем, что уже начиная с третьей фазы, т. е. со времени возникновения промышленного капитализма, начинается сужение сферы общественного разделения труда. Правда, Бессонов

согласен признать, что в третьей фазе еще продолжается анархия общественного разделения труда. «Однако в этой стадии общественное разделение труда уже претерпевает некоторые изменения; его область суживается, так как прежде самостоятельные производители выступают здесь уже в качестве наемных рабочих, входящих ныне в систему технического разделения труда, в то время как прежде они были звеньями общественного разделения труда» (стр. 417. Разрядка наша). Итак, уже в эпоху свободного капитализма, развивавшегося до 70-х годов XIX столетия, мы имеем сужение сферы общественного разделения труда и «следовательно» сокращение вещно выраженных, т. е. стихийных и анархических производственных отношений людей. Тем более усиливается этот процесс во время четвертой фазы, наступившей после 70-х годов XIX столетия. В применении к этой фазе Бессонов говорит: «Сфера технического разделения труда возрастает до громадных размеров, охватывая в некоторых трестах почти все количество работающих, вообще занятых в данной специальности. Соответственно суживается сфера общественного разделения труда» (стр. 417. Разрядка наша).

Из этих положений можно сделать только один вывод: все развитие капитализма после эпохи торгового капитала сопровождалось сужением области стихийного, анархического общественного разделения труда и соответствующих ему овеществленных производственных отношений людей; развитие капитализма означало развитие планомерно организованного производства. И Бессонов не боится сделать этот вывод, означающий полнейший отказ от азбуки марксизма. Свои рассуждения о шести фазах хозяйства он резюмирует в следующих словах: «Таким образом рассматриваемое с этой точки зрения общественное развитие представляет из себя постепенное отмирание слепой игры общественных сил, представленных рынком, и, наоборот, постепенный рост планомерного технического разделения труда внутри общества, рассматриваемого как единый хозяйственный организм» стр. 418. Разрядка наша). Эта своеобразная «философия истории», представляющая собою вполне последовательный вывод из всей концепции Бессонова, опрокидывает всю систему Маркса. По учению Маркса, развитие капиталистического хозяйства сопровождалось разрушением тех более или менее организованных форм процесса производства, которые имели место раньше (феодальное поместье, цеховое ремесло), и гигантским усилением стихийного анархического характера процесса производства. По мнению же Бессонова, развитие капитализма, начиная с первых шагов «превращения рабочей силы в товар», сопровождалось постепенным отмиранием слепой игры общественных сил, представленных рынком, и, следовательно, ростом планомерной организации производства. По мнению Маркса, гигантский рост производительности труда, вызванный планомерной организацией производства внутри фабрики, происходил одновременно с гигантским ростом и усложнением стихийных и неорганизованных, т. е. вещно выраженных производственных отношений людей. Именно это противоречие между организацией труда внутри предприятия и неорганизованностью

его во всем обществе таит в себе необходимость гибели капитализма. С точки же зрения Бессонова, рост планомерной организации труда внутри предприятия сопровождается не параллельным усилением стихийного характера всего общественного производства в целом, а, наоборот, происходит за счет сокращения сферы вещно выраженных, т. е. стихийных производственных отношений людей. Но где же в таком случае мы найдем противоречие между производительными силами и производственными отношениями людей? Ведь с точки зрения Бессонова, стихийные анархические производственные отношения «постепенно отмирают», и, следовательно, все более уменьшается та основа, на которой развивается противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

Бессонов думает, что овеществленные производственные отношения все более вытесняются неовеществленными отношениями производителей внутри предприятий. Но Бессонов сам понимает, что когда мы говорим о противоречии между производительными силами и производственными отношениями, мы под последними понимаем именно производственные отношения овеществленного характера. В своем докладе в ИКП Бессонов прямо признал, что производственные отношения, не имеющие вещного характера (т. е. технические производственные отношения, связывающие рабочих внутри предприятия), «изменяются параллельно с развитием производительных сил, непосредственно в зависимости от развития производительных сил» и, следовательно, не могут вступать в противоречие с последними. «Производственные отношения, имеющие вещный характер и при капиталистическом способе производства (отношения между самостоятельными предприятиями), не изменяются параллельно развитию производительных сил, отстают от этого развития,—и в этом заключаются противоречия». Таким образом Бессонов сам вынужден признать, что производительные силы вступают в противоречие именно с производственными отношениями овеществленного характера. Но ведь выше Бессонов утверждал, что по мере развития капитализма производственные отношения этого типа все больше и больше сокращаются за счет расширения производственных отношений, не имеющих вещного характера. А это и значит, что все больше сокращается сфера производственных отношений, которые вступают в противоречие с производительными силами. Следовательно, противоречия между производительными силами и производственными отношениями все более ослабевают. Одна сторона этих противоречий (т. е. производственные отношения овеществленного характера) все более и более сокращается; другая сторона (т. е. производительные силы) в процессе своего постепенного роста порождает соответствующие ему производственные отношения (т. е. техническое разделение труда неовеществленного характера). Все учение Маркса о нарастании противоречий между производительными силами и производственными отношениями и необходимости социальной революции совершенно уничтожается в изложении Бессонова. Если бы Бессонов захотел и в данном пункте оказаться последовательным, он необходимо должен был бы притти к выводу о постепенном отмирании противоречий между производитель-

ными силами и производственными отношениями, о постепенном усилении в капитализме организованных, плановых элементов хозяйства, о постепенном безболезненном и мирном врастании капитализма в социализм.

Ошибка Бессонова носит столь элементарный характер, что ее можно наглядно представить читателю в виде школьного силлогизма. Первая посылка Бессонова: овеществленные производственные отношения вступают в противоречие с производительными силами, неовеществленные производственные отношения не вступают в противоречие с последними. Вторая посылка Бессонова: сфера овеществленных производственных отношений все более суживается за счет расширения сферы неовеществленных производственных отношений. Отсюда необходимо сделать следующий вывод: сфера производственных отношений, вступающих в противоречие с производительными силами, все более сокращается за счет расширения сферы производственных отношений, не находящихся в противоречии с развитием производительных сил.

В данном пункте мы видим интересный пример того, что рассуждения, прикрывающиеся революционными словами, нередко скрывают в себе далеко не революционную сущность. Бессонов обвиняет меня в преувеличении роли овеществленных производственных отношений и в игнорировании растущего значения неовеществленных производственных отношений: «Изгнание Рубиным из политической экономии производственных отношений, не принимающих вещного характера, означает в действительности выхолащивание революционного содержания нашей науки... Заслуга Маркса заключалась, между прочим, в том, что он первый отметил и выяснил всемирно-историческое значение того факта, что в капиталистическом обществе, чем дальше, тем больше начинают играть роль именно производственные отношения, не имеющие вещного характера и не выражающиеся в переходе вещей. Чем большее значение приобретают эти отношения, чем большее количество людей начинают связываться между собой не через вещи, а непосредственно, тем шире становятся предпосылки нового общественного строя, зреющие в недрах капитализма, тем ближе крах последнего» (стр. 96). Эти рассуждения Бессонова имели бы смысл в том случае, если бы он понимал, что параллельно с ростом неовеществленных производственных отношений происходит рост овеществленных, т. е. стихийных производственных отношений. Но ведь вся концепция Бессонова направлена именно на доказательство того, что развитие технического разделения труда с присущими ему не овеществленными отношениями людей совершается за счет вытеснения общественного разделения труда с производственными отношениями овеществленного характера. Благодаря этому подчеркивание возрастающей роли неовеществленных производственных отношений людей должно привести Бессонова, если бы он оказался последовательным, к отрицанию растущих противоречий капиталистического хозяйства и необходимости социальной революции. Под прикрытием громких фраз и выдвигаемых против меня упреков в «выхолащивании» революционного содержания нашей науки Бессонов на самом деле преподносит чита-

телю полный отказ от центральной части всей системы Маркса, от самой души марксизма,—отказ от учения о росте противоречий капитализма и необходимости социальной революции. Если сам Бессонов этого не понимает, это доказывает только, что он в состоянии запутать не только своего читателя, но и самого себя.

6. ДИАЛЕКТИКА

Изложенные нами рассуждения Бессонова, обнаруживающие полнейшее непонимание характера развития капиталистического хозяйства, вместе с тем являются ярким свидетельством ложности тех методологических основ, на которых они построены. Бессонов не имеет ни малейшего представления о том, как именно совершается диалектически противоречивое развитие капитализма. Яркий пример непонимания диалектического метода мы уже видели в его рассуждениях об общественном и техническом разделении труда. Вместо того чтобы видеть одновременное и параллельное возрастание обеих этих форм разделения труда, с постепенным усилением обоих полюсов и противоречия между ними, Бессонов изображает весь процесс в виде механического вытеснения общественного разделения труда техническим, овеществленных производственных отношений неовеществленными. Он видит только механическое «оттеснение стихийных форм регулирования производства через рынок сознательными формами регулирования внутри предприятий по плану» («Развитие машин», стр. 420). Мы уже видели, в какой мере нелепо предполагать, что сознательное регулирование производства «внутри предприятий» может привести к «оттеснению» стихийных форм регулирования общественного производства в его целом. Казалось бы, наоборот, планомерная организация производства внутри фабрик приводит к мощному росту производительности труда, к обострению конкуренции и усилению стихийного характера всего общественного процесса производства. Если в пределах отдельных предприятий, трестов, концернов конкуренция устраняется, то лишь для того, чтобы усилить и углубить борьбу между целыми отраслями производства и целыми государствами. Об этом мы уже говорили выше, сейчас мы ставим себе целью только подчеркнуть методологическую ошибку Бессонова, который видит механическое вытеснение общественного разделения труда техническим там, где на самом деле имеет место диалектически противоречивый процесс усиления обоих.

Это непонимание диалектической связи между общественным и техническим разделением труда вытекает у Бессонова из еще более серьезной ошибки, а именно из непонимания диалектической связи между простым товарным хозяйством и капиталистическим. Мы уже видели, что Бессонов наиболее характерной чертой системы Маркса считает присущий ей «историзм»; он не понимает, что для Маркса характерно не только признание факта исторической смены различных экономических формаций, но и особый способ понимания этой смены. По учению Маркса, одна общественная формация сменяется другою в силу нарастания присущего ей противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Новая экономическая фор-

мация, представляя собою отрицание предыдущей формации, содержит в себе много черт последней «в снятом виде». Не историзм, а диалектический метод составляет характерную черту исследования Маркса.

Бессонов ограничивается плоским представлением об «историзме», когда он говорит о переходе от простого товарного хозяйства к капиталистическому. Мы уже видели, что он мыслит себе этот переход в виде постепенного механического вытеснения одной формы производственных отношений другою. В простом товарном хозяйстве, по мнению Бессонова, преобладает общественнсе разделение труда, в капиталистическом—техническое. В простом товарном хозяйстве труд является косвенно-общественным, в капиталистическом хозяйстве он «из труда косвенно-общественного непосредственно становится звеном труда общественного» (стр. 97). «В простом товарном хозяйстве общественные определения труда проявляются, реализуются лишь в акте обмена. В капиталистическом хозяйстве, напротив, эти общественные определения труда выступают непосредственно в процесс кооперированного обобществленного производства» («Тезисы Бессонова», стр. 4). Капиталистическое хозяйство мыслится Бессоновым как отрицание простого товарного хозяйства, но Бессонов не понимает, что только в капиталистическом хозяйстве товарное производство достигает своего полного развития и присущие ему категории—стоимость, абстрактный труд, общественно-необходимый труд и т. д.—получают наиболее развитые формы. Он не понимает, что стихийное, неорганизованное общественное разделение труда в эпоху простого товарного хозяйства существовало еще только в слабом, неразвитом виде и поэтому по мере развития капитализма, вопреки мнению Бессонова, не отмирает, а все более усиливается и охватывает все народное хозяйство в целом. Он не понимает, что в капиталистическом хозяйстве категории простого товарного хозяйства не только отрицаются, но и сохраняются, составляя основу всего процесса производства. Он поэтому не понимает, что капиталистическое хозяйство есть сложная система органически связанных между собою и взаимодействующих производственных отношений людей и социальных форм вещей, как характерных для всякого товарного производства вообще (стоимость, деньги), так и присущих только капиталистическому хозяйству (капитал, заработная плата, прибыль). Капиталистическое хозяйство есть система постепенно усложняющихся производственных отношений людей и социальных форм вещей, связанных между собою как в своем историческом происхождении, так и в своем одновременном функционировании и взаимодействии. Именно непониманием этого органического единства всей системы социальных форм, присущих капиталистическому хозяйству, объясняются выдвигаемые Бессоновым против меня упреки в том, что я вывожу одни социальные формы из других (стр. 110). По мнению Бессонова, каждая социальная форма, например капитал, должна быть выведена непосредственно из отличного от нее содержания, т. е. должна рассматриваться как непосредственный и пассивный рефлекс определенного состояния и развития материальных производительных сил. С нашей же точки зрения, капитал возник из товара и денег,

т. е. более сложная социальная форма возникла из более простой, разумеется, под влиянием развития материальных производительных сил (см. об этом подробнее нашу статью «Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса» в журнале «Под знаменем марксизма», 1929 г., № 4). Разрывая связь между различными типами производственных отношений людей и различными социальными формами вещей, Бессонов уничтожает диалектическое единство всех категорий, развитых Марксом на протяжении трех томов «Капитала».

Какую путаницу Бессонов умудрился внести в вопрос о соотношении между содержанием и формой, можно видеть на примере вопроса об абстрактном труде и стоимости. Я рассматриваю абстрактный труд как присущий только товарному хозяйству; иначе говоря, я утверждаю, что в учении об абстрактном труде Маркс рассматривает труд «во всем богатстве социальных определений, характерных для товарного хозяйства». Бессонов возражает, что, если мы включаем в понятие труда «социальную форму, присущую ему в товарном хозяйстве», то тем самым мы включаем в понятие труда... «форму стоимости» (стр. 106) и, следовательно, впадем в порочный круг. Этот странный вывод Бессонов делает на основании того соображения, что социальной формой, присущей труду в товарном обществе, является стоимость. Между тем это соображение не выдерживает ни малейшей критики. Правда, мы часто говорим, что труд в товарном обществе принимает форму стоимости, но совершенно очевидно, что «социальной формой» труда в товарном обществе является не стоимость, а определенный характер организации самого труда. Ведь с точки зрения Бессонова мы совершенно не можем понять фразу Маркса, что «труд, образующий меновую стоимость, есть специфическая общественная форма труда» («Kritik», стр. 13). Ведь Бессонов утверждает, что общественной формой труда в товарном обществе является стоимость, следовательно, фраза Маркса означает, по мнению Бессонова, следующее: «Труд, образующий меновую стоимость, есть стоимость». Мы приходим к совершенно нелепому положению, которое объясняется просто тем, что Бессонову угодно отождествить стоимость с общественной формой труда.

Когда мы говорим, что понятие труда включает в себя социальную форму, присущую ему в товарном хозяйстве, это отнюдь не значит, что мы включаем в понятие труда стоимость. Мы только включаем в понятие труда признак организации его на началах товарного или менового хозяйства. А что Маркс включал этот признак в понятие абстрактного труда, мы имеем множество доказательств. Достаточно вспомнить упреки Маркса по адресу Франклина и Смита, которые игнорировали, что труд, образующий стоимость, присущ только производству, основанному на обмене, т. е. товарному производству. Только экономисты в роде А. Кона, считающие абстрактный труд «неисторической» категорией, игнорируют внутреннюю неразрывную связь его с товарным хозяйством. Но даже Кон, когда он от понятия абстрактного труда переходит к понятию труда, образующего стоимость, вынужден включить в это понятие труда «социальную форму» труда. Так, в своей статье в «Вестнике Коммунистической академии» (1928 г.,

№ 25, стр. 264) Кон вынужден был признать, что субстанцией стоимости является не абстрактный труд как таковой, а «общественный (и общественно-необходимый) абстрактный простой труд в его специфически меновой форме». Даже Кон вынужден был внести признак обмена или товарного производства в понятие труда, образующего стоимость, а это и значит, что он вынужден был внести в это понятие признак «социальной формы» труда в товарном хозяйстве.

Отождествив социальную форму труда со стоимостью, Бессонов после этого возражает против внесения стоимости в самое понятие абстрактного труда, т. е. против внесения формы в содержание. Одновременно он возражает и против предположения, что форма может содержаться в содержании в неразитом виде: «Если же мы скажем, что форма содержится в содержании в неразвитом виде (однако, конечно, в таком, что она все же не перестает быть формой, иначе весь тезис бессмысленен), то диалектика предстанет перед нами как процесс чисто количественного развития формы, в основных своих чертах уже существующей в самом содержании. Но где же в таком случае основной признак диалектического развития—признак скачкообразного развития, превращения количества в качество, содержания в форму и одной формы в другую?» (стр. 108). Здесь Бессонов возвращается к мысли, мимоходом упомянутой нами выше: он находит, что признание «усложнения» социальных форм означает отрицание их скачкообразного развития; или усложнение, или скачок,—так метафорически, недиалектически мыслит Бессонов. Он не понимает, что весь процесс общественного развития есть процесс «усложнения», сопровождающегося появлением качественно новых форм, т. е. не исключающий скачков. Если прав был бы Бессонов, то как нам понять известную фразу Ленина: «Как простая форма стоимости отдельный акт обмена одного данного товара на другой уже включает в себе в неразвернутой форме все главные противоречия капитализма» («Ленинский сборник», т. IX, 1929 г., стр. 197). Неужели эта фраза о том, что в простой форме стоимости содержатся все противоречия капитализма в неразвернутой форме, означает отрицание скачкообразного развития, имеющего место при переходе от простого товарного хозяйства к капиталистическому? Точно так же и Н. И. Бухарин писал: «Развитая экономическая теория должна быть в состоянии, исходя из основного понятия ценности, понять все явления хозяйственной жизни» (Бухарин, Политическая экономия без ценности, сборник «Основные проблемы политической экономии», 3-е изд., стр. 480).

Приведенные фразы Ленина и Бухарина объясняются весьма просто: капиталистическое хозяйство в известном смысле представляет собою отрицание простого товарного хозяйства, но в другом смысле оно представляет собою и его дальнейшее развитие. Мы не должны закрывать глаза на то, что при переходе к капиталистическому хозяйству отношения товаропроизводителей принимают качественно новую форму, что на основе обмена продуктов вырастает новая форма производственных отношений людей, сводящаяся к присвоению капиталистом неоплаченного труда рабочих. Но это различие между простым товарным

хозяйством и капиталистическим не устраняет и их единства. Капиталистическое хозяйство должно рассматриваться нами не только как отрицание, но и как развитие товарного производства вообще, а поэтому переход от категории простого товарного хозяйства к капиталистическому может рассматриваться нами как процесс «усложнения» социальных форм, не исключающий, конечно, их скачкообразного развития.

Весь процесс постепенного усложнения и «генезиса форм», которому посвящены все три тома «Капитала» Маркса, остался совершенно скрытым от глаз Бессонова. Бессонов указывает, что диалектический метод не ограничивается переходом исследователя от абстрактных форм к конкретным, т. е. не ограничивается исследованием «генезиса форм» (стр. 106). Но если исследование «генезиса форм» не исчерпывает собою всего богатства содержания диалектического метода Маркса, то, во всяком случае, оно занимает в нем весьма почетное место; особенно большое значение имеет оно для экономиста. Недаром Маркс в своем «Введении к критике политической экономии» в разделе о методе посвятил главное свое внимание именно методу перехода от абстрактных понятий к конкретным. Но и независимо от этого вообще нельзя противопоставлять исследование «генезиса форм» другим принципам, составляющим содержание диалектического метода. Экономист, который прослеживает процесс «генезиса форм», включающий в себя одновременно отрицания и сохранение более простых форм в более сложных, вынужден на каждом шагу вести свое исследование при помощи общеизвестных диалектических законов единства противоположностей, отрицания и перехода количества в качество (см. об этом нашу названную выше статью).

Если Бессонов не понимает всего значения исследования «генезиса форм», то объясняется это просто тем, что он склонен вести свое исследование не при помощи диалектического, а при помощи односторонне аналитического метода. В своей первой статье («Проблемы экономики», № 1, стр. 136) Бессонов писал: «Рубин досмерти боится ограничить задачу теоретической экономии аналитическим сведением исторически обусловленных социальных форм капиталистического хозяйства к историческим, материально техническим основам производственного процесса». Мы охотно признаем, что, действительно, ограничение исследования такого рода аналитическим сведением представляется нам совершенно недостаточным, и в этом вопросе мы только следуем примеру Маркса, который неоднократно подчеркивал недостаточность аналитического метода. Любопытно, что несколькими страницами дальше (стр. 139, 140) сам Бессонов цитирует следующие слова Маркса: «Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро причудливых религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственный материалистический, а следовательно, научный метод». Бессонов, повидимому, даже не понимает, что Маркс в эти словах подчеркивает недостаточность аналитического метода исследования. Одно из двух: либо Бессонов просто

не понимает, что Маркс противопоставляет здесь диалектический метод исследования односторонне аналитическому методу; либо он это понимает и тем не менее вполне сознательно ограничивает задачу научного исследования аналитическим сведением.

Склонность к чисто аналитическому сведению Бессонов проявляет и в других местах. Достаточно напомнить о том, что, по его словам, «различие экономических эпох **сводится** к различию в степени развития материальных орудий труда» (там же, стр. 142. Разрядка наша). Вместо того чтобы сказать, что различие экономических формаций возникает на основе различий в развтии орудий труда, Бессонов аналитически сводит первое различие к последнему, сводит более сложное явление к более простому.

Мы уже отмечали, что все рассуждения Бессонова о переходе от простого товарного хозяйства к капиталистическому и о развитии последнего ярко свидетельствуют о полном пренебрежении нашего критика к диалектическому методу исследования. Тем же антидиалектическим характером отличаются его рассуждения об обмене. Мы уже видели полное игнорирование Бессоновым закона единства противоположностей в вопросе о связи между простым товарным хозяйством и капиталистическим. Выше, в § 2 настоящей статьи, мы видели также, что Бессонов не применяет закона единства противоположностей в своих рассуждениях о связи между производительными силами и производственными отношениями. Этот же порок легко обнаружить в рассуждениях Бессонова об обмене. Бессонов не понимает, что связь между процессом непосредственного производства и процессом обмена должна быть нами понята как единство противоположностей. Он не понимает, что обмен, будучи отдельною фазою всего процесса воспроизводства, вместе с тем является и социальною формою последнего. По его мнению, проводимое мною различие между обменом **как формой** и обменом как **фазой** производства является новою «уверткою» Рубина (стр. 100). Мимоходом отметим, что другой наш критик Шабс в своей книге «Проблемы общественного труда» (стр. 9) характеризует это различие как «всем, кстати, хорошо известное». Но вернемся к Бессонову. Почему Бессонов отказывается проводить указанное различие? Он пишет, что Маркс не мог проводить такое различие (Бессонов и здесь прибавляет любимые им словечки: «Нигде и никогда!»— *И. Р.*) потому, что, согласно его учению, обмен **только потому** и является фазой, что он является формой, и формой является потому, что он есть фаза» (стр. 100). Выше мы уже видели примеры того легкомыслия, с которым Бессонов утверждает, что Маркс «нигде и никогда» не проводит различия между материально-техническим процессом производства и его общественной формой. То же легкомыслие обнаруживает Бессонов в своих рассуждениях об обмене. Эти рассуждения не выдерживают критики уже с методологической точки зрения. Действительно, обмен только потому и является фазой производства, что он является социальной формой производства, но неужели это лишает нас права проводить различие между ними? И здесь Бессонов споткнулся о ту же самую ошибку, которую он повторяет неоднократно: он не

видит, что единство не исключает противоположности, что мы можем констатировать различие и противоположность там, где имеется единство.

Бессонов спрашивает: «Скажите, пожалуйста, где, когда Маркс проводил подобное различие между обменом как формой и обменом как фазой производства?» (стр. 100). Чтобы показать Бессонову, что это различие лежит в основе рассуждений Маркса, мы приведем только одну цитату из сочинений последнего: «Только через свое отчуждение индивидуальный труд действительно представляется как его противоположность. Но еще до отчуждения товар должен иметь это всеобщее выражение» («Theorien», том III, стр. 161). Итак, по мнению Маркса, товар должен быть стоимостью одновременно и до отчуждения и через отчуждение, а это возможно лишь в том случае, если мы будем отличать «отчуждение» (то есть обмен) как фазу, следующую за процессом непосредственного производства, от обмена как социальной формы самого процесса воспроизводства. Товар обладает стоимостью лишь «через» отчуждение, т. е. благодаря тому, что производство ведется для обмена, но еще «до» отчуждения, т. е. до своего вступления в фазу обмена. Это и означает взаимопроникновение процесса непосредственного производства и процесса обмена, на которые неоднократно указывал Маркс. «Непосредственный процесс производства и процесс обращения постоянно переходят один в другой, проникают друг друга» («Капитал», том III, ч. 1, стр. 16, 17). «Процесс производства основывается всецело на обращении, а обращение представляет лишь момент, переходную фазу производства» (там же, стр. 253).

Если мы будем помнить об этом взаимном проникновении процесса непосредственного производства и процесса обмена, то мы поймем всю нелепость упрощенного представления наших критиков о примате производства над обменом. Речь идет не о примате производства вообще, лишенного всякой общественной формы, а о примате товарного производства над базой обмена. А это и значит, что обмен уже включен в самое производство как его социальная форма. Товар обладает стоимостью еще до процесса обмена, но лишь в производстве, основанном на обмене; он приобретает свою общественную форму еще до обмена, но лишь через посредство обмена. В условиях равновесия обмен вынужден реализовать те трудовые затраты, которые произведены в процессе непосредственного производства. Если на продукт в среднем затрачено 10 часов труда, то обмен вынужден реализовать его стоимость, равную 10 рублям. Продукт уже в самом процессе непосредственного производства не только является продуктом определенного количества труда (в среднем 10 часов), но и имеет уже форму стоимости (именно равную 10 рублям). Однако этот общественный характер продукта и труда еще не признан обществом; окончательное признание этого общественного характера труда и продукта труда обществом имеет место в фазе обмена, посредством действия всех товаропроизводителей по отношению к продукту труда данного производителя. Именно этим объясняется огромная роль, приписываемая Марксом обмену, в котором окончательно «реализуется» или «осуществляется»

общественный характер труда и продукта труда. Маркс, например, писал: «На деле индивидуальные работы, представленные в этих особых потребительных стоимостях, становятся всеобщими в этой форме общественным трудом лишь тогда, когда они действительно обмениваются друг на друга пропорционально продолжительности заключенного в них труда» («Kritik», стр. 24). Если бы эта фраза была высказана мною, Бессонов не замедлил бы обвинить меня в меновой концепции, но эти слова сказаны Марксом и сказаны не случайно. Подобного рода цитат можно привести десятки из разных сочинений Маркса. Подобного же рода цитаты встречаются неоднократно у всех авторитетных представителей марксизма, например у Плеханова, Гильфердинга, Люксембург и др. (см. наши «Очерки», 3-е издание, стр. 322 и 328). Эта роль обмена всегда настойчиво подчеркивалась марксистами именно для того, чтобы подчеркнуть неорганизованный, стихийный характер труда в товарном хозяйстве. Именно для того, чтобы подчеркнуть, что труд в товарном хозяйстве не является непосредственно-общественным, марксисты указывали, что общественный характер труда может быть реализован лишь «обходным путем» обмена. Если мы будем приписывать обмену лишь роль пассивного регистратора произведенных трудовых затрат, то мы неизбежно придем к выводу, что труд в капиталистическом обществе является непосредственно-общественным. В применении к капиталистическому хозяйству, как мы это уже видели, Бессонов это утверждает. Вообще критик, обвиняющий нас в меновой концепции и решающийся утверждать, что труд и в капиталистическом хозяйстве является непосредственно-общественным, необходимо должен представлять себе товарное хозяйство по образцу планомерно организованного социалистического хозяйства. Недооценка значения обмена в товарном хозяйстве равносильна затушевыванию коренных черт отличия между анархическим, стихийным товарным хозяйством и организованным социалистическим хозяйством. Мы можем подвести итоги. В настоящей дискуссии Бессонов выступил на литературную сцену с большим шумом и еще бо́льшими претензиями. Он претендовал не более и не менее, как на роль судьи, призванного решать, какие теоретические положения являются ортодоксально-марксистскими и какие представляют собою «новый вид ревизионизма». Подобного рода серьезные претензии должны быть надлежащим образом обоснованы. Однако короткий срок, протекший со дня напечатания статьи Бессонова, уже ярко обнаружил, что роль судьи Бессонову отнюдь не к лицу. Во все вопросы, которых только успел коснуться в своей статье Бессонов, он умудрился внести изрядную долю путаницы и сделать ряд серьезных отступлений от теорий Маркса. Напомним еще раз эти вопросы по порядку.

Вопрос первый: предмет политической экономии. Бессонов отстаивал мысль, что в предмет исследования политической экономии входят на «равноправных» началах, «одинаково законно» и производительные силы и производственные отношения. Это утверждение, во всяком случае, представляло «бесспорную новость» для марксистов и прямой отказ от общепринятого в марксистской литературе определения политической экономии, как науки о производственных отноше-

ниях людей. Так как предложение Бессонова не встретило сочувствия даже среди его ближайших единомышленников, он вынужден был в своем заключительном слове на диспуте в Институте красной профессуры (11 мая 1929 г.) от своего предложения о «равноправии» отказаться.

Вопрос второй: материально-технический процесс производства и его общественная форма, или, как выражается Бессонов, «материальное и социальное». Бессонов выдвинул тезис, что «нигде и ни при каких обстоятельствах Маркс не противопоставлял и не мог противопоставлять материально-технического процесса производства его общественной форме». Мы показали, что этот тезис, если сделать из него все выводы, должен привести к отрицанию противоположности и противоречия между производительными силами и производственными отношениями.

Вопрос третий: классики и Маркс. Бессонов обвинял меня в искажении учения классиков на том основании, что я находил у них смешение социальных функций вещей с их техническими функциями. Рядом цитат из сочинений Каутского, Люксембург и Гильфердинга мы, надеемся, показали с достаточною убедительностью, что и в данном вопросе именно точка зрения Бессонова находится в вопиющем противоречии со взглядами почти всех авторитетных представителей марксизма.

Вопрос четвертый: теория товарного фетишизма. Бессонов утверждал, что тайна товарного фетишизма была уже открыта классиками, что особое подчеркивание теории товарного фетишизма представляет из себя «бесспорную новость» в марксистской литературе. Рядом цитат из сочинений Энгельса, Плеханова, Люксембург, Бухарина, Каутского и Гильфердинга мы показали, что только критику, недостаточно усвоившему работы названных марксистов, подчеркивание теории товарного фетишизма могло показаться «бесспорною новостью».

Вопрос пятый: овеществленные и неовеществленные отношения людей. Чтобы умалить роль теории товарного фетишизма в экономической системе Маркса, Бессонов утверждал, что переход от простого товарного хозяйства к капиталистическому знаменует собой сокращение сферы овеществленных отношений людей. Мы показали, что это утверждение в корне расходится с марксовой теорией и может послужить основой для отрицания учения Маркса об усилении заложенных в капиталистическом хозяйстве противоречий и необходимости социальной революции.

Вопрос шестой: диалектический метод. Грубые ошибки Бессонова имеют своей методологической основой непонимание особенностей диалектического метода Маркса. Мы отметили вульгаризацию Бессоновым диалектического метода Маркса в целом ряде важных пунктов: отождествление диалектики с историзмом, склонность к односторонне-аналитическому сведению сложных социальных форм к простым, недооценка важности исследования генезиса форм, плоский историзм в понимании соотношения между простым товарным хозяйством и капиталистическим.

Первые же шаги, сделанные Бессоновым в настоящей дискуссии, обнаружили в его рассуждениях ряд серьезных ошибок и отступлений от теории Маркса. Напрасно Бессонов взял на себя роль непогрешимого судьи в вопросах теоретической экономии. Напрасно не направил он свой запас знаний и критического усердия на исправление ошибок как в его собственных работах, так и в писаниях его единомышленников. Правда, к последним Бессонов подчас непрочь проявить критическое отношение. Он признает, что в писаниях его единомышленников «также возможны ошибки и уклоны», он рекомендует «освобождение антирубинского фронта от шелухи этих ошибок» (стр. 117). Но он, видимо, ни в малейшей мере не подозревает, что выполнение этой почтенной задачи должно начаться прежде всего с освобождения антирубинского фронта от... концепции Бессонова.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

